



**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.  
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.  
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

**2021 Том 12 № 2**

**ОБРАЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ XXI ВЕКА**

**DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2**  
**<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>**

**Научный журнал**  
**Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

**Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

**Учредитель:** Федеральное государственное автономное образовательное  
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

---

**Главный редактор**

**Денисенко Владимир Никифорович**,  
доктор филологических наук,  
профессор, РУДН,  
Москва, Российская Федерация  
**E-mail:** denisenko-vn@rudn.ru

**Заместитель главного редактора**

**Новоспасская Наталья Викторовна**,  
кандидат филологических наук, РУДН,  
Москва, Российская Федерация  
**E-mail:** novospasskaya-nv@rudn.ru

**Ответственный секретарь**

**Лазарева Олеся Викторовна**,  
кандидат филологических  
наук, РУДН, Москва,  
Российская Федерация  
**E-mail:** lazareva-ov@rudn.ru

**Члены редакционной коллегии**

**Беднардова-Гибова Клаудиа**, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

**Болдырев Николай Николаевич**, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

**Владимирова Татьяна Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

**Джусупов Маханбет**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

**Карасик Владимир Ильич**, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

**Красина Елена Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

**Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Беларусь

**Монфорте Дюпре Роберто**, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

**Новикова Марина Львовна**, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

**Петров Александр Владимирович**, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

**Синячкин Владимир Павлович**, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

**Талавера-Ибарра Педро Леонардо**, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури, Джоплин, Миссури, США

**Темиргази́на Зифа Какбаевна**, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

**Вестник Российского университета дружбы народов.  
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost, DOAJ.

**Цели и тематика**

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: [semioticj@rudn.ru](mailto:semioticj@rudn.ru)

---

**Литературный редактор: К.В. Зенкин**  
**Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова**

**Адрес редакции:**

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3  
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: [publishing@rudn.ru](mailto:publishing@rudn.ru)

**Почтовый адрес редакции**

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2  
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: [semioticj@rudn.ru](mailto:semioticj@rudn.ru)

Подписано в печать 28.05.2021. Выход в свет 06.06.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,03. Тираж 500 экз. Заказ № 205. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; [publishing@rudn.ru](mailto:publishing@rudn.ru)

© Российский университет дружбы народов, 2021



# RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2021 VOLUME 12 No. 2

IMAGE OF A LANGUAGE PERSONALITY  
IN THE LANGUAGE STUDIES OF THE XXI CENTURY

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2  
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

---

**EDITOR-IN-CHIEF**

*Vladimir N. Denisenko*

RUDN University,  
Moscow, Russian Federation

**E-mail:** denisenko-vn@rudn.ru

**DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF**

*Natalia V. Novospasskaya*

RUDN University,  
Moscow, Russian Federation

**E-mail:** novospasskaya-nv@rudn.ru

**EXECUTIVE SECRETARY**

*Olesya V. Lazareva*

RUDN University,  
Moscow, Russian Federation

**E-mail:** lazareva-ov@rudn.ru

**EDITORIAL BOARD**

*Kludia Bednárová-Gibová*, University of Prešov, Prešov, Slovakia

*Nikolay N. Boldyrev*, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

*Tatyana Vladimirova*, MSU n.a. M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

*Makhanbet Dzhusupov*, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

*Vladimir I. Karasik*, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

*Elena Krassina*, RUDN University, Moscow, Russian Federation

*Valentina Maslova*, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

*Roberto V. Monforte Dupret*, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

*Marina Novikova*, RUDN University, Moscow, Russian Federation

*Alexandr Petrov*, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

*Vladimir Sinyachkin*, RUDN University, Moscow, Russian Federation

*Pedro L. Talavera-Ibarra*, Missouri Southern State University, Joplin, Missouri, USA

*Zifa Temirgazina*, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,  
SEMIOTICS AND SEMANTICS**  
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia  
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

**ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)**

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Scopus, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation

**Aims and Scope**

*"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics"* elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics" was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

**E-mail:** [semiotij@rudn.ru](mailto:semiotij@rudn.ru)

---

**Review Editor** *K.V. Zenkin*  
**Computer design** *Yu.N. Efremova*

**Address of the Editorial Board:**  
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia  
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: [publishing@rudn.ru](mailto:publishing@rudn.ru)

**Postal Address of the Editorial Board:**  
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia  
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: [semiotij@rudn.ru](mailto:semiotij@rudn.ru)

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation  
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

**Printed at RUDN Publishing House:**  
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia  
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: [publishing@rudn.ru](mailto:publishing@rudn.ru)

© Peoples' Friendship University of Russia, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

## ОБРАЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ XXI ВЕКА

## ОТ РЕДАКЦИИ

**Лазарева О.В. (Москва, Российская Федерация).** Языковая личность: результаты и перспективы исследования ..... 229

## ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

**Уфимцева Н.В., Бялясникова О.В. (Москва, Российская Федерация).** Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова ..... 238

**Тарасов Е.Ф. (Москва, Российская Федерация).** Передают ли коммуниканты информацию при речевом общении? ..... 255

**Бубнова И.А. (Москва, Российская Федерация).** Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы ..... 269

**Шапошникова И.В. (Новосибирск, Российская Федерация)** Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка ..... 279

**Санчес Пуиг М. (Мадрид, Испания).** РОДИНА-PATRIA в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков ..... 302

**Дроздова Диес Т. (Мадрид, Испания).** Национальная языковая личность и семиотика текста в переводе ..... 316

**Колышева О.Н. (Москва, Российская Федерация).** Война в русском языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент ..... 339

**Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В. (Томск, Российская Федерация).** Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в. .... 359

## ИДИОСТИЛЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

**Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А. (Москва, Российская Федерация).** Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения ..... 374

**Чулкина Н.Л. (Москва, Российская Федерация).** «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы к «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий») ..... 390

**Осокина Е.А. (Москва, Российская Федерация).** Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского ..... 417

**Варзин А.В. (Москва, Российская Федерация).** БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского ..... 436

**Шарапова Е.В. (Москва, Российская Федерация).** Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и ее семантические эффекты ..... 454

## **ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА. MISCELLANEA**

**Безкоровайная Г.Т., Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н. (Москва, Российская Федерация).** Изменение семантики и функционирования английских номинантов знати под влиянием эволюции социокультурного контекста ..... 472

**Novospasskaya N.V., Zou Huajing (Moscow, Russian Federation) (Новоспасская Н.В., Цзоу Хуацзин. (Москва, Российская Федерация)).** The Formation of Polycode Text Theory (Становление теории поликодового текста) ..... 501

**Idris Muhammad Bello (Maiduguri, Nigeria) (Идрис Мухаммад Белло (Майдугури, Нигерия)).** A Study of Grammatical Case Forms and their Directionality in Fulfulde: The Transformational Generative Approach (Трансформативный генеративный подход в исследовании грамматических падежных форм и их направленности в языке фула) ..... 514

## CONTENTS

### IMAGE OF A LANGUAGE PERSONALITY IN THE LANGUAGE STUDIES OF THE XXI CENTURY

#### EDITORIAL NOTE

- Lazareva O.V. (Moscow, Russian Federation).** Language Personality: Results and Prospects of the Study ..... 229

#### LANGUAGE PERSONALITY

- Ufimtseva N.V., Balyasnikova O.V. (Moscow, Russian Federation).** National Identity and the Associative-Verbal Network: on a Hypothesis of Yu.N. Karaulov ..... 238
- Tarasov Ev.F. (Moscow, Russian Federation).** Do Communicants Transmit Information in Course of Speech Communication? ..... 255
- Bubnova I.A. (Moscow, Russian Federation).** Values and Image of the Future of Generation Z: Systemic Particularity ..... 269
- Shaposhnikova I.V. (Novosibirsk, Russian Federation).** Integrating Role of the Conception of Language Personality in the Development of the Theory of Language ..... 279
- Sánchez Puig M. (Madrid, Spain).** РОДИНА-PATRIA in Russian and Spanish Verbal Associative Networks ..... 302
- Drosdov Díez T. (Madrid, Spain).** National Language Linguistic Personality and Semiotics of Target Text ..... 316
- Kolysheva O.N. (Moscow, Russian Federation).** War in the Young Russians Language Consciousness: An Associative Experiment ..... 339
- Oglezneva E.A., Pustovalov O.V. (Tomsk, Russian Federation).** Social and Speech Portrait of a Descendant of Russian Immigrants to the Chinese Three Rivers Region in the XX Century ..... 359

#### INDIVIDUAL STYLE OF DOSTOEVSKY

- Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O., Fateeva N.A. (Moscow, Russian Federation).** Individual Style of Dostoevsky: Dimensions of Investigation ..... 374
- Chulkina N.L. (Moscow, Russian Federation).** “Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”) ..... 390
- 227

<b>Osokina E.A. (Moscow, Russian Federation).</b> Some Aspects of Author's Phraseology of F.M. Dostoevsky .....	417
<b>Varzin A.V. (Moscow, Russian Federation).</b> PAIN: the Word, the Image and the Concept in the Dostoevsky's Thought and Speech Space .....	436
<b>Sharapova E.V. (Moscow, Russian Federation).</b> Intensifiers of Fyodor Dostoevsky's Individual Style: Semantics of Irregular Lexical Combinations .....	454

#### **FUNCTIONAL SEMANTICS AND GRAMMAR. MISCELLANEA**

<b>Bezkorovaynaya G.T., Ebzeeva Yu.N., Gishkaeva L.N. (Moscow, Russian Federation).</b> English Lexemes Nominating Nobility Semantics and Evolution under Different Socio-cultural Context .....	472
<b>Novospasskaya N.V., Zou Huajing (Moscow, Russian Federation).</b> Formation of Polycode Text Theory .....	501
<b>Idris Muhammad Bello (Maiduguri, Nigeria).</b> A Study of Grammatical Case Forms and their Directionality in Fulfulde: The Transformational Generative Approach .....	514





# ОБРАЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ XXI ВЕКА

## IMAGE OF A LANGUAGE PERSONALITY IN THE LANGUAGE STUDIES OF THE XXI CENTURY

### ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL NOTE

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237

УДК 81

Редакционная статья / Editorial article

### Языковая личность: результаты и перспективы исследования

**О.В. Лазарева**

Российский университет дружбы народов  
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6  
[lazareva-ov@rudn.ru](mailto:lazareva-ov@rudn.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена 85-летию российского лингвиста, члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР Юрия Николаевича Караулова. Основные направления исследовательской деятельности профессора Ю.Н. Караулова — 1) теория языковой личности, 2) когнитивная лингвистика и 3) теория и практика лексикографии. Ю.Н. Караулов является основоположником и руководителем ведущей научной школы «Русская языковая личность», создателем и одним из разработчиков «Машинного фонда русского языка» (системы комплексной компьютеризации лингвистических исследований). В списке выдающегося исследователя насчитывается более 300 научных трудов, 13 монографий и 11 словарей. В статье представлен обзор статей-докладов участников международного круглого стола «Языковая личность: результаты и перспективы исследования», посвященного 85-летию профессора Юрия Николаевича Караулова.

**Ключевые слова:** языковая личность, ассоциативный эксперимент, словарь языка Ф.М. Достоевского, идиоглоссарий, лингвокультурное сознание

#### История статьи:

Дата поступления: 20.01.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

---

© Лазарева О.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**Для цитирования:**

Лазарева О.В. Языковая личность: результаты и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 229—237. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237

## **Language Personality: Results and Prospects of the Study**

**Olesya V. Lazareva**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)  
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198  
lazareva-ov@rudn.ru

**Abstract.** This article is dedicated to the 85th anniversary of Yuri Nikolaevich Karaulov, Russian linguist, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Laureate of the USSR State Prize. The main areas of Professor Yu.N. Karaulov's research interests are: 1) theory of language personality, 2) cognitive linguistics, and 3) theory and practice of lexicography. Professor Yu.N. Karaulov is the founder and head of the leading scientific school "Russian Language Personality", the creator and one of the developers of the "Machine Fund of the Russian Language" (a system of complex computerization of linguistic research). The list of works of the outstanding researcher boasts more than 300 scientific papers, 13 monographs and 11 dictionaries. This article presents an overview of papers-reports of the participants in the International round table "Language Personality: Results and Prospects of the Study", dedicated to Professor Yuri Nikolaevich Karaulov.

**Keywords:** language personality, associative experiment, F.M. Dostoevsky's language dictionary, idioglossary, linguocultural consciousness

**Article history:**

Received: 20.01.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Lazareva, O.V. (2021). Language Personality: Results and Prospects of the Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 229—237. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237

### **Введение**

10—11 ноября 2020 года кафедра общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов совместно с Институтом русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Институтом языкознания РАН, а также с Universidad Complutense de Madrid (Испания) провела международный круглый стол, посвященный 85-летию члена-корреспондента РАН, профессора Юрия Николаевича Караулова «Языковая личность: результаты и перспективы исследования» [1—3]. На заседании выступили с

докладами и сообщениями известные и молодые ученые, ученики и последователи, развивающие важнейшие аспекты работ Ю.Н. Караулова.

Основные направления исследовательской деятельности профессора Ю.Н. Караулова — теория языковой личности, ассоциативная лингвистика, теория и практика лексикографии — получили освещение в фундаментальных трудах ученого: «Общая и русская идеография» (1976) [4], «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (1981) [5], «Русский язык и языковая личность» (1987, 2002, 2003, 2004) [6], «Словарь Пушкина эволюция языковой способности» (1992) [7], «Ассоциативная грамматика русского языка» (1993) [8], «Лингвокультурное сознание русской языковой личности» (2009) [9]; в словарях принципиально нового типа — семантических, ассоциативных, метафор, художественной речи. Глобальный проект, возглавляемый Ю.Н. Карауловым, — «уникальное лексикографическое произведение с оригинальной концепцией авторского словаря» [1] — «Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий» [10—13].

Юрий Николаевич Караулов возглавил создание «Машинного фонда русского языка», представляющего собой систему комплексной автоматизации лингвистических исследований и экспериментов и решающего проблему представления русского языка в новой компьютерной среде. В дальнейшем это сформировало новое направление в языкознании — компьютерная лингвистика. Опираясь на компьютеризацию лингвистических экспериментов, Ю.Н. Караулов совместно с коллегами Института языкознания РАН создал серию уникальных, признанных во всем мире, ассоциативных словарей («Русский ассоциативный словарь» и целый ряд других). Одновременно была разработана методология, основанная на традиционных и новых подходах к такому неоднозначному и постоянно развивающемуся объекту, как язык. Благодаря этому возникла и начала развиваться ассоциативная лингвистика. Нельзя не отметить блестящие научные работы в сфере авторской лексикографии и когнитивной лингвистики и мн. др.

Монография Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» стала новым этапом в развитии теоретических и прикладных лингвистических исследований: антропоцентрическое направление в языкознании, главным тезисом которого является мысль о том, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [6], совершенно по-новому представило глубинные уровни науки о языке, открыло широкие перспективы для описания различных языков мира и наметило путь к доказательному представлению человеческого языка как диалектически развивающегося общественного явления.

Редакционная коллегия журнала считает, что научные материалы данного выпуска включают комплекс современных исследовательских языковедческих проблем, предлагают широкие перспективы исследования языков и представляют интегративные методики и методы антропоцентрической лингвистики. Публикации адресованы как специалистам-филологам, так и широкому кругу заинтересованных читателей.

## Краткий обзор статей номера

Статьи-доклады участников международного круглого стола, посвященного 85-летию члена-корреспондента РАН, профессора Юрия Николаевича Караулова «Языковая личность: результаты и перспективы исследования» сгруппированы в два раздела:

### 1. Языковая личность

### 2. Идиостиль Ф.М. Достоевского

Первый раздел «*Языковая личность*» открывает статья д.ф.н. **Н.В. Уфимцевой** и к.ф.н. **О.В. Балясниковой (Москва, Российская Федерация)** «Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова», в которой представлены результаты анализа «мест памяти» русского языкового сознания, соотнесенных с главными образами национальной культуры. Гипотезой данного исследования явилась высказанная Ю.Н. Карауловым идея о возможности изучения русской национальной памяти по материалам ассоциативных словарей. Формулировка данной гипотезы сложилась на основе работы французских историков, идеи которых Ю.Н. Караулов применил к материалу Ассоциативного тезауруса русского языка.

В статье д.ф.н. **Е.Ф. Тарасова (Москва, Российская Федерация)** «Передают ли коммуниканты информацию при речевом общении?» поставлена задача развенчать утверждение о том, что в человеческом речевом общении «передается информация». Вопрос функционирования информации в речевом общении может быть решен с помощью двух подходов: 1) информационного и 2) системно-деятельностного. Автор статьи утверждает: «Если информационный подход адекватен только при объяснении непосредственного способа передачи информации, то системно-деятельностный подход оказывается релевантным для объяснения, опосредованного знаками речевого общения, практикуемого при взаимодействии людей».

В статье д.ф.н. **И.А. Бубновой (Москва, Российская Федерация)** «Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы» описаны результаты эксперимента в рамках психолингвистики, задачей которого явилось вскрытие особенностей структуры и содержания системы ценностей и «образа будущего поколения Z». Автор подчеркивает актуальность данного исследования и показывает комплекс используемых методов и методик. В ходе исследования И.А. Бубнова приходит к выводу о том, что в настоящий момент происходит деформация связей между элементами структуры и системой ценностей, ядром которой становится стремление к жизни только интересами ближайшего окружения и к материальному процветанию.

В материале д.ф.н. **И.В. Шапошниковой (Новосибирск, Российская Федерация)** «Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка» проведено исследование методологической значимости концепции языковой личности, созданной Ю.Н. Карауловым. Автор статьи приходит к выводу о том, что языковая личность как видоспецифичная

универсалия индивида может исследоваться междисциплинарно на основе новейших фактологических и методологических интегральных подходов разных наук о человеке.

В статье **д.ф.н. М. Санчес Пуиг (Мадрид, Испания)** «*РОДИНА-PATRIA* в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков» исследуются результаты проведенного анализа национальной специфики ассоциативных реакций на слово-стимул *РОДИНА/PATRIA* в русской и испанской ассоциативно-вербальной сети. Автором впервые проводится контрастивный анализ одного из главных культурных концептов в языковом сознании носителей русской и испанской лингвокультур.

**Д.ф.н. Т. Дроздова Диес (Мадрид, Испания)** «Национальная языковая личность и семиотика текста в переводе» исследует вопрос восприятия и когнитивно-семантического понимания испанской языковой личностью художественного текста, написанного русским писателем для русской языковой личности-читателя (на примере текста-перевода автором данной статьи новеллы Вадима Месяца «Ветер с конфетной фабрики»). При сравнительно-сопоставительном анализе языкового сознания русскоговорящих и испаноговорящих реципиентов Т. Дроздова Диес приходит к выводу о том, что принадлежность реципиента к иной культурной и лингвистической семиосфере оказывает влияние на интерпретацию таких компонентов текстуальности вторичного субъекта информации, как ситуативность, интертекстуальность, информационная насыщенность, а также о том, что прагматическая установка текста художественного произведения реализуется в процессе когнитивно-герменевтической деятельности воспринимающего текст в переводе.

В статье **к.ф.н. О.Н. Колышевой (Москва, Российская Федерация)** «Война в русском языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент» описаны направленный и свободный ассоциативные эксперименты на стимул «Великая Отечественная война». В ассоциативном эксперименте приняли участие молодые россияне в возрасте от 18 до 30 лет. Актуальность представленного материала заключается в реконструкции и изучении фрагмента обыденного языкового сознания среднестатистического молодого носителя русской лингвокультуры, связанного с его отношением к Великой отечественной войне как значимому событию истории России и русского народа. Полученные в ходе ассоциативного эксперимента материалы являются реконструкцией фрагмента лингвокультурного сознания.

Заключительная статья этого раздела «Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайском Трехречье в XX в.» написана **д.ф.н. Е.А. Оглезневой** и **молодым ученым О.В. Пустоваловым (Томск, Российская Федерация)** и посвящена вопросу изучения языка, функционирующего в зарубежье, т.е. вне метрополии. Объектом исследования является языковая личность потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в. Актуальность исследования заключается в предпринятом впервые анализе фрагмента русской языковой действительности в китайском Трехречье, что является

вкладом в лингвистическую эмигрантологию. Авторы статьи рассматривают речь потомка русских переселенцев в китайское Трехречье на всех уровнях языковой системы и приходят к выводу о том, что она обладает высоким уровнем сохранности.

Второй раздел «Идиостиль Ф.М. Достоевского» начинает текст статьи **д.ф.н. А.Н. Баранова, д.ф.н. Д.О. Добровольского и д.ф.н. Н.А. Фатеевой (Москва, Российская Федерация)** «Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения», в которой представлены известные подходы к изучению индивидуального стиля писателя, так называемые модели идиостиля, в частности лексическая, синтаксическая, нарративная и модель интертекстуальных связей. Каждая из моделей идиостиля подробно описывается авторами статьи, которые приходят к выводу, что рассмотренные подходы дополняют друг друга, а их синтез дает возможность представить специфику речевых практик писателя как уникальной языковой личности. Материалом данного исследования послужили тексты произведений Ф.М. Достоевского, полученные с использованием современных корпусных технологий обработки данных.

Статья **д.ф.н. Н.Л. Чулкиной (Москва, Российская Федерация)** «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы к «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий») представляет собой лингвокультурологическое и семиотическое описание лексики, отражающей прозу жизни бедных героев Ф.М. Достоевского. Применяется метод построения текстового ассоциативного поля и идиоглосс. Ассоциативные текстовые поля образуются, с одной стороны, на основе концептов повседневности — ДОМ / ЖИЛИЩЕ; ОДЕЖДА; ЕДА; ДЕНЬГИ и т.д.; с другой стороны — на базе идиоглосс БЕДНОСТЬ; СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ и т.д. Фактологическое и прагматическое исследования позволяют реконструировать из текстов Ф.М. Достоевского концептосферу бедных персонажей, выделить специфические идиосмыслы, которые содержатся в исследуемой лексике. Автор полагает, что данное описание потенциально может стать частью соответствующих статей «Словаря языка Ф.М. Достоевского: Идиоглоссарий».

В статье **к.ф.н. Е.А. Осокиной (Москва, Российская Федерация)** «Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского» представлено описание авторских паремий Ф.М. Достоевского, что характеризует его как художника, уникальную творческую языковую личности той эпохи. Спецификой идиостиля писателя при исследовании фразеологических единиц становится особое свойство языка Ф.М. Достоевского — универсальность и оригинальность, что позволяет данной лексике быть актуальной вне времени творчества писателя. Переходя из века в век, фразеологизмы аккумулируют языковую, а значит, и народную память.

В статье **к.ф.н. А.В. Варзина (Москва, Российская Федерация)** «БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского» представлен анализ языкового выражения феномена БОЛЬ в текстах Ф.М. Достоевского. Материалом исследования послужили тексты художественных

произведений, публицистика и письма великого русского писателя. Новизна заключается в изучении данного концепта культуры в опоре на лингвистические методы анализа феномена БОЛЬ при сохранении междисциплинарной направленности исследования в целом. В результате представлена общая структура фрейма БОЛЬ, обозначаются контекстуальные комбинации значений лексемы *боль* в текстах Достоевского, анализируемый феномен-концепт предложен в многомерном освещении. Автор статьи приходит к выводу о том, что БОЛЬ представляет собой сложный феномен лингвокультуры, является важным концептом в дискурсе Ф.М. Достоевского.

Второй раздел завершается статьей **к.ф.н. Е.В. Шараповой (Москва, Российская Федерация)** «Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и ее семантические эффекты», посвященной анализу использования интенсификаторов с опорными (главными) лексемами в языке Ф.М. Достоевского. На материале некоторых интенсификаторов (*очень, горячий* и *горячо, изо всех сил* и др.) описаны основные типы нестандартной сочетаемости и ее семантический эффект. Методом сплошной выборки из полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского были выделены словосочетания, которые послужили языковым материалом исследования. Автор показывает, как в нестандартных сочетаниях с интенсификаторами происходит семантический сдвиг: профилирование периферийных семантических признаков опорных слов или «навязывание» опорному слову противоречащих его значению семантических компонентов. В нестандартных словосочетаниях происходит своеобразная авторская переинтерпретация ситуации. Таким образом, нестандартные словосочетания с интенсификаторами обогащают идиолект, идиостиль Ф.М. Достоевского и авторскую концептуализацию мира в его художественных произведениях.

Две ключевые работы этого тематического выпуска — **Е.Ф. Тарасова (Москва, Российская Федерация)** «Передают ли коммуниканты информацию при речевом общении?» и **Н.Л. Чулкиной (Москва, Российская Федерация)** «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий») — редакционная коллегия представляет на двух языках с целью популяризации научного наследия выдающегося ученого, профессора Юрия Николаевича Караулова.

### Библиографический список

1. Чулкина Н.Л., Денисенко В.Н. Юрий Николаевич Караулов. К 85-летию юбилею // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 790—794.
2. Денисенко В.Н., Крылова О.А., Дубровина К.Н. Юрий Николаевич Караулов: IN MEMORIAM // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. Т. 7. № 3. С. 9—11.
3. Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Дмитрюк С.В. и др. Памяти Ю.Н. Караулова // Вопросы психолингвистики. 2020. Т. 45. № 3. С. 8—10.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
7. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.
8. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка М.: Русский язык, 1993.
9. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Московский государственный лингвистический ун-т, Ведущая научная школа «Русская языковая личность». М.: Азбуковник, 2009.
10. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбург, М.М. Коробовой, Е.А. Осокиной, И.В. Ружицкого, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелевой. Том 1. А—В. М., 2008.
11. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбург, М.М. Коробовой, Е.А. Осокиной, И.В. Ружицкого, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелевой. Том 2. Г—З. М., 2010.
12. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. И—М / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2012.
13. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н—По / гл. ред. Ю.Н. Караулов ; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017.

## References

1. Chulkina, N.L. & Denisenko, V.N. (2020). Yuri Nikolaevich Karaulov. To the 85th Anniversary of Prof. Yu.N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 790—794. (In Russ.).
2. Denisenko, V.N. & Krylova, O.A., Dubrovina, K.N.(2016). Yuri Nikolaevich Karaulov. IN MEMORIAM. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(3), 9—11. (In Russ.).
3. Tarasov, Ev.F., Ufimtseva, N.V., Dmitryuk, S.V. at all (2020). In Memory of Yuriy N. Karaulov // *Journal of psycholinguistics*, 45(3), 8—10. (In Russ.).
4. Karaulov, Yu.N. (1976). *General and Russian ideography*. Moscow. (In Russ.).
5. Karaulov, Yu.N. (1981). *Linguistic construction and literary language thesaurus*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (1992). *Pushkin's Dictionary and the Evolution of Russian Language Ability*. Moscow. (In Russ.).
8. Karaulov, Yu.N. (1993). *Associative grammar of the Russian language* Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
9. Karaulov, Yu.N. & Filippovich, Yu.N. (2009). *Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modeling the state and functioning*. Moscow State Linguistic University, Leading scientific school "Russian language personality". Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
10. *Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary* (2008). Yu.N. Karaulov, E.L. Ginzburg, M.M. Korobova, E.A. Osokina, I.V. Ruzhitsky, E.A. Tsyb & S.N. Shepeleva (Eds.). Volume 1. А—В. Moscow. (In Russ.).
11. *Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary* (2010). Yu.N. Karaulov, E.L. Ginzburg, M.M. Korobova, E.A. Osokina, I.V. Ruzhitsky, E.A. Tsyb & S.N. Shepeleva (Eds.). Volume 2. G—Z. Moscow.
12. *Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary* (2012). Yu.N. Karaulov (Ed.). Volume 3. I—M. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
13. *Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary* (2017). Yu.N. Karaulov & I.V. Ruzhitsky (Eds.). Volume 4. N—Po. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).



**Сведения об авторе:**

*Лазарева Олеся Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, ответственный секретарь журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru.

**Information about the author:**

*Olesya V. Lazareva*, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Executive Secretary of Editorial Team of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru.



## ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ LANGUAGE PERSONALITY

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254  
УДК 811.161.1'27

Научная статья / Research article

### Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова

Н.В. Уфимцева<sup>1\*</sup>, О.В. Балясникова<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Институт языкознания РАН  
125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1 стр. 1

<sup>2</sup> Первый МГМУ им. И.М. Сеченова  
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Трубецкая, 8 стр. 2  
\* [nufimtseva@iling-ran.ru](mailto:nufimtseva@iling-ran.ru)

**Аннотация.** В статье отражены результаты исследования «мест памяти» русского языкового сознания, связанных с ключевыми образами национальной культуры. Исследование инициировала высказанная Ю.Н. Карауловым гипотеза о возможности изучения русской национальной памяти по материалам ассоциативных словарей. Источником формулирования данной гипотезы послужила работа французских историков «Les lieux de mémoire» (1984), идеи которых Ю.Н. Караулов использовал применительно к материалам Ассоциативного тезауруса русского языка (РАС). Данное положение основывается на сформулированной Ю.Н. Карауловым концепции языковой личности, понимаемой как личность, выраженная в языке/тексте, которая может быть реконструирована на основе используемых ею языковых средств. Тексты, которые продуцирует языковая личность, отражают особенности видения ею окружающей реальности (картины мира). При проверке гипотезы исследована структура и содержание ассоциативных полей топонима **Москва** и лексем **война** и **воскресенье** на базе нескольких ассоциативных словарей, сбор материала для которых проводился с 1988 года. В качестве источника данных привлекается, в частности, словарь РАС, одним из авторов которого был Ю.Н. Караулов, а также ряд более поздних словарей, составленных на основе проведенных в регионах России массовых ассоциативных экспериментов. Анализ наполнения ассоциативных полей стимулов **Москва**, **война** и **воскресенье** показывает, что в ассоциативном материале в значительной мере отражены следы текстов, функционирующих в дискурсивном пространстве языковой личности и воспроизводящих указанные «места памяти» в прецедентной форме. Последние, однако, обнаруживаются как реакции (предикации) различных типов, в том числе и не стереотипного характера. Искомые данные представлены в

© Уфимцева Н.В., Балясникова О.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ассоциативно-вербальной сети в разных ипостасях; они очевидно зависят от исторического времени и дискурсивного опыта носителей языка/культуры, а также от региона их проживания. Настоящим исследованием подтверждается психолингвистическое представление о значении (в том числе ассоциативном) как о социокультурном феномене.

**Ключевые слова:** национальное самосознание, ассоциативные словари, места памяти, языковая личность, картина мира

**История статьи:**

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

**Для цитирования:**

Уфимцева Н.В., Баясникова О.В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 238—254. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254

UDK 811.161.1'27

## **National Identity and the Associative-Verbal Network: on a Hypothesis of Yu.N. Karaulov**

**Natalya V. Ufimtseva<sup>1\*</sup>, Olga V. Balyasnikova<sup>1, 2</sup>**

<sup>1</sup> Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences  
1, Bolshoy Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

<sup>2</sup> Sechenov First Moscow State Medical University  
8-2 Trubetskaya St., Moscow, Russian Federation, 119991

\* Corresponding author: nufimtseva@iling-ran.ru

**Abstract.** The article presents the results of the study dedicated to native speakers “sites of memory” associated with key images of the Russian national culture. The investigation was inspired by the work of French historians “Les lieux de mémoire” (1984), whose ideas Yuri Nikolayevich Karaulov applied to the Russian Associative Dictionary (RAD). The study was initiated with the hypothesis elaborated by Yu. N. Karaulov that the Russian national memory could be studied through associative dictionaries. This provision is based on the linguistic personality concept formulated by Yu. N. Karaulov that is regarded as a personality expressed in a language / text and can be reconstructed on the basis of linguistic means. The texts that a language personality produces reflect the peculiarities of a person’s vision of the environment (worldview). The hypothesis is tested on associative fields of the toponym *Moscow* and the lexemes *war* and *Sunday* using the data of several associative dictionaries compiled from 1988 to the current moment, i.e., the Russian Associative Dictionary, and Yu. N. Karaulov among the authors, as well as a number of later dictionaries developed on the basis of massive associative experiments carried out in the regions of Russia. The content and structural analyses of the associative fields of stimuli *Moscow*, *war*, and *Sunday* show that the associative material largely reflects the discursive space of the language personality and its functioning in texts that reproduce these “sites of memory” in a precedent form. The latter, however, can be found as various types of reactions (predications) of a non-stereotyped nature. Therefore, the sought-for data exist in different guises, obviously depending on the historical time and the discursive experience of native speakers of a language/culture, as well as on the region

of their residence. This study confirms the psycholinguistic concept of meaning (including the associative one) as a sociocultural phenomenon.

**Keywords:** national identity, associative dictionaries, sites of memory, linguistic personality concept, worldview

**Article history:**

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Ufimtseva, N.V. & Balyasnikova, O.V. (2021). National Identity and the Associative-Verbal Network: on a Hypothesis of Yu.N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 238—254. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254

## Введение

Стремление к синтезу, к созданию общей теории языка, не базирующейся на его понимании как системы формальных средств, отмеченное Ю.Н. Карауловым в предисловии к монографии 1989 г. [1], определило естественный интерес исследователей к личности и ее *знаниям* о мире. Тезис «За каждым текстом стоит языковая личность», сменивший тезис «За каждым текстом стоит система языка», повторяющийся в работах Ю.Н. Караулова, отражает процесс переключения внимания лингвистов с исследования текстов на исследование личности, вовлеченной в процессы их производства и понимания. Прежде всего, конечно, необходимо упомянуть о психолингвистике, изначально ориентированной на изучение самого человека, анализ его вербального поведения: сущность этой концепции отражена в научном понимании психолингвистики, предложенном А.А. Леонтьевым и определяющем ее предмет как соотношение личности с языком и с образом мира.

Уже в 90-е годы проблемное поле исследования языковой личности было достаточно широким (профессиональная и ситуативная вариативность речи, идиостиль, речевые патологии, а также собственно методы, с помощью которых можно изучать речь), однако если судить, например, по содержанию монографии [1], то собственно психолингвистическим направлениям отводится пока скромное место в разделе «Прикладные аспекты» исследования связи языка и личности. В дальнейшем становится очевидным, что изучение этой связи требует интеграции методов разных дисциплин с целью комплексного анализа порождаемых и воспринимаемых языковой личностью текстов в современном расширяющемся и усложняющемся дискурсивном пространстве. В настоящее время идеи Ю.Н. Караулова находят воплощение во множестве научных исследований вокруг феномена языковой личности (см, например, [2; 3]). Научный антропоцентризм обуславливает внимание авторов к различным параметрам модели языковой личности, за которой представлены реальные носители не просто национального языка, но

национальной культуры как сложной системы ценностей разного порядка, неоднозначно выражаемых в языке.

По мнению Ю.Н. Караулова, поскольку мировоззрение как связь ценностной системы личности с целями, мотивами и установками проявляет себя в текстах, порождаемых этой личностью, то для изучения мировоззрения пригоден «определенный набор речевых произведений отрывочного характера» [1. С. 6], в том числе реплик, отдельных предложений, собираемых в течение длительного времени. Позже в монографии «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть» Ю.Н. Караулов высказывает предположение, что «изучение русской национальной памяти, ее состояния, ее коллективных воплощений и субъективно-личностных трансформаций» [4. С. 146] возможно на материале ассоциативного тезауруса. Ученый обосновывает эту возможность тем, что ассоциативно-вербальная сеть, построенная по материалам РАС, включает знания трех уровней: семантические (вербально-грамматические), когнитивные (знания о мире) и прагматические, «отражающие позицию человека в мире и его взаимоотношение с миром» [4. С. 146]. Собственно говоря, это и есть, по Караулову, структура языковой личности, в данном случае «усредненной языковой личности».

Обратимся к понятию национального самосознания и, в соответствии с целью нашей работы, попробуем подтвердить или опровергнуть высказанное предположение, используя материалы как РАС — словаря, одним из авторов которого был Ю.Н. Караулов, так и других, более поздних словарей, составленных по той же методике и охватывающих период опроса испытуемых с 80-х гг. до настоящего времени.

### **Национально-культурная память в ассоциативных данных**

Национальное самосознание трактуется как совокупность понятий и традиций представителей нации или этноса, позволяющих воспроизводить данную общность людей как целое и причислять к ней каждого индивида. С понятием национального самосознания тесно связано представление о национальной идее. По мнению П.Е. Бухаркина, «любая национальная идея, в том числе и русская, является, в конечном счете, выражением общенациональных представлений о смысле существования своей страны, ее назначения и роли в мировой истории» [6. С. 5]. «Русская идея» говорит в самых конечных ... пределах о соборности», т.е. о таких понятийных категориях, как «открытость, доброжелательность, способность увидеть в „другом“ нечто адекватное себе («брата»), ощущения себя как части некоего органического целого, взаимоотношения элементов которого регулируется милосердием и т.д. Все это в некотором приближении может быть определено как разные... модификации категории соборности» [6. С. 35—36] (см. также [7—9 и др.]). Единая национальная идея существует, пока существует сам этнос со свойственной ему ментальностью.

Эти понятия, однако, имеют настолько широкий, философский характер, что затруднительно обосновать их применимость к конкретному языковому материалу. Однако то, что относится к национально-культурной памяти, представляется нам именно той категорией, которая имеет содержание, доступное для обнаружения психолингвистическими методами. Это, по Ю.Н. Караулову, основная составляющая национального самосознания — «национально-культурная память»: «кладезь сведений эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: что мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему этот так, а не иначе; и даже — зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире» [4. С. 145].

Обращаясь в качестве прецедента к работе французских историков «Les lieux de mémoire» [10], Ю.Н. Караулов пытается использовать основные идеи французских исследователей применительно к материалам ассоциативного тезауруса русского языка (РАС). Исследователь в данном случае имеет дело с образами, понятиями, представлениями, названиями, личностями и т.п., «которые живут в сознании, в спонтанной памяти среднестатистического носителя русского языка и актуализируются с разными целями в повседневно производимых ими текстах» [4. С. 145]. Ассоциативный тезаурус, по мысли Ю.Н. Караулова, должен отражать эти «места памяти» русского национального самосознания, особенно это относится к когнитивному (т.е. к знаниям о мире) и к прагматическому уровням ассоциативно-вербальной сети. Национальная память связана с языковыми знаками, а через них — с объектами, которые «частично отражают содержание национального самосознания русских и в какой-то мере определяют особенности русской ментальности» [4. С. 146]; речь идет, например, о топонимах и антропонимах, соотносимых «с историей народа и его культуры внеязыковые, экстралингвистические данные» [4. С. 147], и о прецедентных текстах культуры. О последних в данном случае можно говорить тогда, когда они отвечают критерию глубины исторической памяти [4. С. 149].

Ю.Н. Караулов полагает, что выявление, анализ и систематизация «мест памяти» поможет исследователю составить представление о содержании национального самосознания [4. С. 150], благодаря тому что анализируемые данные характеризуются объективностью своего существования и спонтанностью своего проявления; источник этих данных, а именно ассоциативно-вербальная сеть, «представляет собой статистический, как бы одномоментно зафиксированный снимок состояния русского языкового сознания» [4. С. 150].

По мнению Ю.Н. Караулова, поведение отдельного носителя языка в экспериментальных условиях, а также организация всей ассоциативно-вербальной сети определяется законом предикации: «осуществляя микродиалог с

экспериментатором — в рамках каждой отдельной пары S-R в масштабе всей своей анкеты, — испытуемый постоянно преддицирует, т.е. строит синтаксемы (модели двух слов, синтаксические примитивы, пропозициональные структуры)» [4. С. 136—137]. Преддицирование не представляет собой творческого процесса — оно является «воспроизведением стандартных речевых блоков..., т.е. прецедентов, использовавшихся им ранее в совокупности привычных для него текстов» [4. С. 137]. Тем самым «поставщиком синтаксем в ответах носителя языка на стимулы являются именно ходовые повседневные тексты»..., благодаря чему в ответ на стимульное слово в экспериментальных условиях воспроизводятся готовые фрагменты текстов, хорошо знакомых носителю языка [4. С. 137].

Приступая к анализу материалов психолингвистического эксперимента, в данном случае эксперимента ассоциативного, мы постулируем трактовку значения как отражения субъективного содержания знакового образа [11], как социокультурного феномена. Как мы уже многократно указывали (см., например, [11]), ассоциативно-вербальная сеть, построенная по материалам массового ассоциативного эксперимента, действительно может рассматриваться как модель языковой картины мира носителя языка/культуры и, следовательно, может быть использована для поиска того, что Ю.Н. Караулов называет «местами памяти».

## **Материал и экспериментальная процедура**

Составлению ассоциативных баз данных, по материалам которых были созданы анализируемые здесь региональные ассоциативные словари, предшествовало проведение массового свободного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка по традиционной методике. Испытуемыми стали студенты различных вузов России (носители русского языка), проживающие на ее европейской части, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму. Таким образом, в анализе были задействованы практически все имеющиеся к настоящему времени ассоциативные словари. Синхронически сравнивались данные, взятые из словарей ЕВРАС (европейская часть РФ) [13], СИБАС (Сибирь и Дальний Восток) [14] и КрАС (современный Крым, вошедший в состав РФ) [15]. Диахронически, насколько это было возможно, сопоставлялись данные САНРЯ [16], РАС, ЕВРАС, СИБАС и КрАС.

## **Обсуждение результатов**

На примере ассоциативного поля стимула «Москва» выделены разные виды предикации, представленные в Таблице 1.

Таблица 1  
Table 1**Отношения предикации в ассоциативном поле стимула «Москва» (данные в %)**  
**Predication relations in the associative field of the stimulus *Moscow* (data in %)**

РАС	ЕВРАС	СИБАС
<b>Характеризация</b>		
<i>Столица 29, столица нашей родины 1, столица СССР 1, город 12</i>	<i>Столица 257, столица России 2, столица нашей родины 1, столица 1, город 78, мегаполис 3, Россия 5 Родина 1, страна 1</i>	<i>Столица 222, столица нашей родины 1, столица родины 1, город 90, мегаполис 1, город на реке Москва 1, Россия 4, РФ 1, родина 1, страна 1</i>
<i>Город пяти портов 1</i>	<i>Отдельное государство 1</i>	<i>Другая страна 1, порт семи морей 1</i>
<i>Город-герой 1</i>	<i>Город-герой 2</i>	<i>Герой 1</i>
<i>Большая деревня 1</i>	<i>Деревни, деревня 1</i>	<i>Большая деревня 1</i>
–	<i>Третий Рим 1</i>	<i>Третий Рим 1</i>
<b>43,8</b>	<b>65,6</b>	<b>65,6</b>
<i>Большая 2, златоглавая/золотоглавая 3, моя 2, первопрестольная 2, наша 1, не покорима 1, ого-го 1, родная 1, это все 1</i>	<i><b>Златоглавая 10</b>, большая 4, большой город 2, огромная 1, красивая 3, белокаменная 2, родная 2, великая 1, золото 1, красная 1, красота 1, сила 1, скала 1, лучший город 1, много 1, серая 1, матушка 1</i>	<i>Большая 5, златоглавая 4, красная 3, много 2, сила 2, белокаменная 1, красивая 1, красный 1, красота 1, лучшая 1, мечта 1, прикольная 1, классный город 1</i>
<b>13,3</b>	<b>6,3</b>	<b>4,8</b>
–	<i>Не резиновая 3, резина 1, резиновая 1</i>	<i>Не резиновая 6, резиновая 2, резиновый 1</i>
<b>0,0</b>	<b>0,9</b>	<b>1,8</b>
<i>Грязная 1, грязь 1, дождь 1, дыра 1, помойка 1, сарай 1</i>	<i>Грязь 4, г...но 2, помойка 2, болото 1, отстой 1, фу 1, злая 1, зло 1, наглая 1</i>	<i>Грязь 3, г...но 2, дыра 2, жуть 1, зае...сь 1, х...ня 1, отсасывает 1, помойка 1</i>
<i>Суета 1</i>	<i>Муравейник 4, суета 3, теснота 2, муравейник 1, суматоха 1, толкотня 1, хаос 1, шум 1, усталость 1, стресс 1</i>	<i>Муравейник 2, толпа 2, пробки 2, бардак 1, движение 1, пыль 1, суета 1, темп 1, шумная 1</i>
–	<i>Деньги 2, город миллионеров 1, дорогая 1, дорого 1</i>	<i>Богатство 1, взятки 1, роскошь 1</i>
–	<i>Воры 1, гастарбайтеры 1, мажоры 1, снобы 1, Равшан 1</i>	<i>Дебилы 1, пафос 1</i>
<b>6,7</b>	<b>7,4</b>	<b>5,8</b>
<b>Реляция</b>		
<i>Кремль 7, вокзал 1, Красная площадь 1</i>	<i>Кремль 13, Красная площадь 4, Большой театр 1, метро 1, метрополитен 1, центр 1, высокий дом 1, дома 1</i>	<i>Кремль 14, центр 4, Красная площадь 2, площадь 1, Moscow city 1, Арбат 1, Замоскворечье 1, Шереметьево 1, звезда 1, круги 1, метро 1, садовое кольцо 1, архитектура 1</i>
<b>8,6</b>	<b>4,3</b>	<b>6,0</b>
<i>Вашингтон 1, Ленинград 1, Нью-Йорк 1, Омск 1, Париж 1, Санкт-Петербург 1</i>	<i>Питер 4, Санкт-Петербург 3, Лондон 2, Рязань 2, Берлин 1, Воронеж 1, Грозный 1, Жулетово 1, Калуга 1, Париж 1, Саратов 1, Урюпинск – тоже столица 1</i>	<i>Питер 7, не Питер 1, Новокузнецк 2, Владивосток 1, Воронеж 1, Европа 1, Ленинград 1, Новосибирск 1, Рязань, Иркутск 1</i>
<b>5,7</b>	<b>3,5</b>	<b>3,2</b>



Окончание таблицы 1  
End of table 1

РАС	ЕВРАС	СИБАС
<b>Номинация</b>		
<i>Река 4</i>	<i>Река 27</i>	<i>Река 20</i>
–	<i>City 1, Сити 1, товарная 1</i>	–
<b>3,8</b>	<b>5,6</b>	<b>4,0</b>
<b>Реминисценция</b>		
<i>Слезам не верит 7, принимает гостей 1</i>	<i>Слезам не верит 2, слезы 1</i>	<i>Слезам не верит 11, слезы 2, не сразу строилась 1</i>
–	<i>Колокола 3, звонят колокола 2</i>	<i>Звонят колокола 1</i>
–	–	<i>Горит 1</i>
<b>7,6</b>	<b>1,5</b>	<b>3,2</b>
<b>Другие</b>		
<b>10,5</b>	<b>4,9</b>	<b>5,6</b>
<b>Всего</b>		
<b>100%</b>	<b>100%</b>	<b>100%</b>

Данные показывают, что основная предикация — это характеристика разных типов, а ее источниками являются прецедентные тексты, как канонические (*Москва — столица (нашей родины), белокаменная, златоглавая, большая деревня, третий Рим*), так и относительно новые, из бытового обихода: *помойка*. Такие реакции обусловлены частотностью, повторяемостью текстов в дискурсивном пространстве языковой личности и занимают около 50% всего ассоциативного поля. Отметим значительное количество пейоративных ассоциаций. Реляциями мы назвали предикации, которые соотносят объект, обозначенный стимульным словом, с другими объектами: в первом случае в ассоциативном поле появляются урбанонимы, во втором — иные топонимы. Номинации отражают стратегию достраивания стимула до полного наименования объекта. Оба случая могут иметь тот же источник, что и характеризующие ассоциаты. Реакции-реминисценции также восходят к прецедентным художественным или историческим текстам. Таким образом, на приведенном примере мы видим разные типы предикаций, обусловленных разного рода прецедентами. Все из них являются в том или ином смысле «местами национальной памяти», разных ее пластов, в которых запечатлены фрагменты широко известных текстов. Кстати, тексты о Москве во многих случаях действительно часто воспроизводят указанные «места памяти», апеллируя к историческому и героическому прошлому столицы: в качестве примера можно привести источник одной из реминисценций — текст песни О. Газманова «Москва».

Остается вопрос, является ли подлинным «местом памяти» автоматически воспроизведенный прецедент. Если принять, что это так, гипотезу Ю.Н. Караулова можно считать подтвержденной. Однако понятие исторической памяти само по себе предполагает учет такого критерия, как сохранность и воспроизводимость — в нашем случае в ассоциациях, если понимать ассоциативные пары как редуцированные тексты, способные быть развернуты в разные типы полноценных текстов, в том числе и прецедентных.

Далее представлены результаты анализа ассоциативного значения слов **война** и **воскресенье** с учетом диахронического и территориального среза: от САНРЯ к РАС, ЕВРАС, СИБАС и КраС.

Таблица 2  
Table 2

«Места памяти» в ассоциативном значении стимула **война** (данные в %)  
“Sites of memory” in the associative meaning of the stimulus **war** (data in %)

Значение	Ассоциативные словари				
	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	СИБАС	КраС
Война 1941–1945 гг. (война с Германией)	Отечественная, народная, великая, Великая, Отечественная...	Отечественная, народная, священная, Великая, Отечественная...	ВОВ, Отечественная, народная...	Отечественная, великая, ВОВ, Гитлер, 1941-го...	Вторая мировая, II М.в., 1945...
	<b>9,0</b>	<b>9,2</b>	<b>5,1</b>	<b>12,6</b>	<b>3,6</b>
Другая война	Холодная, первая мировая...	Гражданская, атомная, ядерная, империалистическая...	Ядерная, холодная, гражданская, 1-ая мировая, 1812...	Гражданская, холодная, 1812...	Холодная, ядерная, третья...
	<b>1,5</b>	<b>2,8</b>	<b>2,3</b>	<b>0,8</b>	<b>1,3</b>
Страны или территории, задействованные в войне	Вьетнам, Израиль, Хиросима...	Афганистан/ в Афганистане, в Чечне/Чечня/ чеченская, Белоруссия, в Анголе, в Персидском заливе	Чечня, Афган, Ирак, с США...	Грузия, Америка, Иран, Восток, Осетия, с Китаем, чеченская...	На Украине, Крымская, Сирия...
	<b>2,0</b>	<b>2,1</b>	<b>1,0</b>	<b>1,8</b>	<b>0,9</b>
<b>Всего</b>	<b>12,5</b>	<b>14,1</b>	<b>8,4</b>	<b>15,2</b>	<b>5,8</b>

### Состав ассоциативных полей стимула **ВОЙНА** САНРЯ

<http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>

**ВОЙНА:** мир **56**; ужас **11**; Отечественная **9**; страшная **7**; не нужна, ужасная **6**; жестокая, **народная**, разруха, разрушительная, смерть **4**; горе, захватническая, кровь, ненужная, страшно **3**; бедствие, **Вьетнам**, дым, мировая, не должна, ненавидеть, несправедливая, несчастье, **холодная 2**; армия, **атомная**, беспокойство, бесправие, битва, бомба, бомбы, **великая, Великая Отечественная**, взрослые, воин, враги, вражда, враждебная, врачи, все же не будет, всемирная, гадость, газ, горечь, **гражданская** оборона, грохот, грязная, грязное дело, дети, ерунда, *и мир*, идет, **Израиль**, испытать, ключья, конец, кончилась, кровавая, **мирное сосуществование**, не будет, не дай бог, не хочу, неизбежность, ненавистная, ненависть, нет, огонь, освобождение, отдых, **первая мировая**, плакать, плохо, продолжительная, процесс, свирепая, справедливая, страж, тяжелая, унесла, **фашизм, Хиросима 1; 205+82+57+34**

## РАС

<http://thesaurus.ru/dict/>

**Война** — мир **92**, миров **51**, *и мир* **41**, смерть **28**, **Отечественная** **18**, страшная **17**, ужас **14**, мировая **13**, жестокая **12**, горе, **народная**, кровь, страх **7**, **атомная**, **гражданская**, разрушительная **6**, взрыв, дым, народов, **священная**, справедливая, страшно, ужасная **5**, битва, была, **великая**, гибель, идей, идет, кончилась, кровавая, не нужна, плохо, **ядерная** **4**, **Афганистан**, беда, **ВОВ**, началась, необъявленная, огонь, прошла, **холодная** **3**, бедствие, без конца, **в Афганистане**, **в Чечне**, **Великая отечественная**, грохот, долгая, жестокость, жуткая, зло, кошмар, локальная, **немцы**, ненужная, нервов, нет, окончилась, **победа**, разруха, разрушение, роботов, слезы, танк **2**, 1941—1945 гг., автомат, **бедствие миллионов**, безнадежно, **Белоруссия**, богов, боец, бой, бойня, больна, бомбежка, борьба, борьба за жизнь, **будь проклята**, было, **в Анголе**, **в Персидском заливе**, везде, века, взорвала, вид противоречий, Вовка, вражда, времен, **все спишет**, всемирная, глобальная, глупость, гнев, голод, горе=боль=пожары, гражданка, грозная, грядет, грязь, двух миров, депрессия, до последней **капли крови**, долг, дрова, дураков, жатва, жестокая вещь, жизнь, жутко, **за независимость**, закончилась, затяжная, зверек, игра, играть, идейная, **империалистическая**, интернационалист, каша, кино, **книга**, **книга «Война и мир»**, конец миру, концлагерь, короткая, космическая, крах, крик, лампа, лицо, лягушек и мышей, маневр, между людьми, меч, мировой, мужество, мышей и лягушек, на юге, насмерть, не будет, не кончилась, не мир, **не на жизнь, а на смерть**, не повторится, не шутка, небо, **немец**, несчастье, никогда, никчемная, ниндзя, об, окно, она, **освободительная**, осень, очень плохо, пагубна, памятник, пауков, письмо, подлая, пожар, поколений, поражение, продолжалась, **проклятая**, против жизни, пыль, пятно, разрушения, русский, рыцарей, с врагами, **с Германией**, с гуннами, с кем-то, с соседом, **с фашистами**, свет, свирепая, седой, сержант, слон, солдат, солдаты, страдание, страдания, страна, страшна, страшная вещь, страшное, стрельба, стрелять, стреляют, темно, убийца, ужас и страх, ужасна, умышленно, ухват, **фашизм**, флейта, фронт, черное облако, чернота, **чеченская**, **Чечня**, это страшно, **ядерный** **1**; 638+212+146+7

## ЕВРАС

**ВОЙНА**: смерть **83**; мир **62**; миров **38**; *и мир* **33**; кровь **21**; ужас **13**; плохо **12**; оружие **11**; боль, зло **10**; страх **9**; мировая **8**; жестокая, разруха, убийство **6**; горе, жестокость, огонь **5**; беда, разрушение, **холодная** **4**; **ВОВ**, идет, **отечественная**, слезы, стрельба, танк, **ядерная** **3**; ад, армия, битва, борьба, будет, была, голод, **гражданская**, драка, жертвы, люди, **народная**, **народов**, нет, **Отечественная**, **победа**, поле, смерти, солдаты, **столетняя**, страдание, страдания, страшная, *Толстой*, фильм, хаос, **Чечня** **2**, **1-ая мировая**, **1812 г.**, **1941—1945**, **II мировая**, **II Мировая**, **АК-47**, **атомная бомба**, **Афган**,

бедствие, бесконечная, бой, бомба, бывает, бывает детская, в стране, **великая, Великая Отечественная**, велико, ветераны, взрывы, *Война и мир*, геноцид, гибель, **Гитлер**, **День Победы**, долгая, дым, жду, жесткая, жестока, жестокие будни, живых, ж...па, за жизнь, за мир, закончена, защита, и люди, **Ирак**, Каппулетти, конец, конфликт, кончилась, красная, красный, крах, крик, кровопролитие, кровопролитная, лицемерие, любовь, людоедство, масс, меж людьми, мира, на смерть, наступила, не будет, не надо, не нужна, не хочу, ненависть, несправедлива, огорчение, окончилась, окончилось, печаль, **победная**, политика, потери, противодействие, процесс, пули, пушки, радость, разгром, с собой, **с США**, сапог, сволочь, святая, скоро, скрытая, смертей, смертоносная, солдат, сражение, стран, страшно, страшный, терроризм, трагедия, убивать, увечья, ужас {,} голод, ужасно, указ, уничтожение, **фашист**, холод, цивилизаций, эгоизм, это плохо, **ядерный 1; 536+160+1+105**

### СИБАС

**ВОЙНА**: смерть 77, мир 53, мировая 37, *и мир 35*, кровь 26, зло 15, страх 11, горе 10, боль, оружие, убийство 8, плохо 7, жестокая, ужас 6, мировая, **Отечественная 5, гражданская**, жестокость, разруха 4, **Грузия**, закончилась, окопы, разрушение, слезы 3, агрессия, бой, борьба, **великая**, взрыв, взрывы, **ВОВ**, гибель, **Гитлер**, доблесть, жертвы, жизнь, история, кончилась, **победа**, смерти, страшная, хаос, **холодная 2, 1812,1941-го, 2-ая мировая**, stim, warcraft, **Америка**, английский пациент, Армагеддон, армия, Аустерлиц, беда, без смысла, бессмысленность, битва, бойцы, бомба, бомба; взрыв, боюсь, бред, будет, была, **Великая Отечественная**, вести, ветеран, **в Ираке**, в мире, воин, войной, **Восток**, вражда, вспышки, **Германия**, гибель людей, гнев, голод, гром, действие, дело, длинная, долгая, **до победного конца**, за жизнь, за независимость, зачем, зеленая форма, ЗЛО!, зло; слезы, злость, злость; ненависть, идет, избежать, ислама, каска, катастрофа, клятва, кошмар, кровь, кровопролитие, кровь, кровь; черный, магов, марс, **мать родина, народная**, наступила, не дай бог, недолгая, **немцы**, ненавижу, ненависть, не нужна, неохота, несправедливость, нет, никогда, обман, объявлять, ожесточенная, окоп, опасность, орудие, **Осетия, отечество**, паника, покорность, потери, потеря, пришла, пулемет, пушка, раздор, расстрел, **родина, священная**, семья, сердец, **с Китаем**, сложно, смерть; боль; страх, смерть; глупость, смерть; жертвы, солдат, солдаты, спецназ, сражение, страсть, стратегия, страшное, танки, *Толстой*, трагедия, тупо, убийства, убийство, жестокость, ужасна, храбрость, человек, **Чеченская 1; 500+159+2+116**

### КрАС

**ВОЙНА**: мир 52; смерть 43; миров 22; *и мир 16*; кровь, страх 13; боль 8; оружие 5; беда, зло, плохо, **победа 4**; горе, разруха, убийства, убийство, ужас 3; **вторая мировая**, жертвы, жестокость, конец, кровавая, мировая,

начало, огонь, солдат, танк, *холодная 2; 1945, II М.в.*, бесплодная, беспощадная, бой, большая, борьба, в голове, *великая*, вред, **Вторая Мировая война**, гибридная, глупость, горечь, достижения, душегубка, дьявол, забирающая, закончена, закончилась, запрет, игры властей, идет, история, катастрофа, клонов, конфликт, Коран, космос, красный, крах, кровопролитная, *Крымская*, людей, люди, люди воюют, международная, меч, на память, *на Украине*, народов, неразумно, несчастье, нет, нет победителей, окончена, повсюду, подготовка, подлая, поколений, политика, продолжается, против нас, пуля, путь, пяти королей, разрушения, *Севастополь*, Сириус, *Сирия*, смерти, смешная, событие, справедливая, стереотипов, страдание, страдания, страшная, танки, *Толстой, третья*, тяжелая, ужасна, ужасно, цикл, человечество, это плохо, *ядерная 1; 306+107+1+78*

В сознании информантов (кроме респондентов, проживающих в Крыму) **война** связывается прежде всего с Великой Отечественной войной. Крымские студенты, получившие образование в иных геополитических условиях, обозначают ее как Вторую мировую войну. Война с фашистской Германией упоминается в виде разнообразных номинаций (*Отечественная, Великая отечественная, ВОВ, мировая*), реминисценций (*народная, священная*) и реляций (*немец, фашизм, Гитлер*). В ассоциативном поле слова присутствуют ассоциаты, называющие солдат, оружие, военную технику. Таким образом, Великая отечественная война упоминается в 9% (САНРЯ), 9,2 (РАС), 5,1 (ЕВРАС), 12,6 (СИБАС), 3,6 (КРАС)).

Ассоциации с другими войнами (*холодная, ядерная, 1812*) менее многочисленны и менее разнообразны — в основном это атрибуты, воспроизводящие вместе со стимулом номинации, источниками которых являются тексты СМИ, передававшие информацию о военных конфликтах: **война** → *Афганистан, в Афганистане, чеченская* и т.д.

Таблица 3  
Table 3

«Места памяти» в ассоциативном значении стимула **воскресенье** (данные в %)   
“Sites of memory” in the associative meaning of the stimulus **Sunday** (data in %)

Значение	Ассоциативные словари			
	РАС	ЕВРАС	СИБАС	КРАС
Христианский праздник	Вербное, Христа, Христово...	Пасха, Христово, вербное...	Христово, вербное, Пасха...	Церковь, Иисус, Христово...
	<b>9,8</b>	<b>11,5</b>	<b>6,0</b>	<b>7,7</b>
Роман Л.Н. Толстого	Толстой, Л.Н. Толстой, Анна Каренина...	Толстой, роман Толстого...	Толстой, Лев Толстой (роман)...	Толстой
	<b>1,8</b>	<b>0,6</b>	<b>0,8</b>	<b>0,3</b>
Историческое событие	Кровавое	Кровавое	Кровавая, кровавое	—
	<b>1,1</b>	<b>0,2</b>	<b>0,4</b>	<b>0,0</b>
<b>Всего</b>	<b>12,7</b>	<b>12,3</b>	<b>7,2</b>	<b>8,0</b>

## Состав ассоциативных полей стимула ВОСКРЕСЕНЬЕ

### РАС

**ВОСКРЕСЕНЬЕ:** выходной 72, отдых 66, суббота 30, понедельник 29, праздник 18, день 11, веселое, прошло 10, **Вербное**, солнечное 7, *красное*, праздничное, радостное, ура 6, день тяжелый, долгожданное, короткое, красное, *Толстой*, **Христа** 4, было, веселье, день отдыха, день прекрасный, день хороший, пасмурное, последнее, **святое**, среда, утром, **Христово** 3, **Бог**, день веселья, день чудесный, дождливое, ждать, завтра, здорово, класс, *Л.Н. Толстой*, лес, отличное, пришло, прошедшее, работа, радостный день, радость, раннее, **светлое**, свободное, скоро, скука, скучное, солнце, спать, счастливое, счастье, тоска, тяжелое, хорошее, хорошо 2, week-end, анатомия, *Анна Каренина*, безделье, будет, будничное, в городе, в июне, варенье, вдвоем, веселая, веселенькое, весеннее, вечер, вечером, вздох, вместе, **воскресение**, воскресник, впереди, вслед за субботой, встреча, вторник, выходной день, **Господь**, гулять, день варенья, день веселый, день весенний, день мучений, день не мой, день рождения, до утра, дождь, долгий сон, дом, дома, друзья, думы, **души**, жаль, желанное, за городом, забытое, завтра — понедельник, завтра на работу, **из мертвых**, имидж, кайф, каникулы, кино, кинозал, когда, красный цвет, лета, летнее, личное, любимый день, люблю, магазины закрыты, маленькое, машина, мерзкое, миф, мой день, мрачное, на даче, наступило, насыщенность, началось, наше, не надо, неделя, немного свободы, ненужное, нет спасения, нудное, обычная, одна, ожидание, отдохнуть, отдыхать, отлично, очередь, **Пасха**, перекур, печенье, плохо, покой, праздники, прекрасно, прекрасное, прелесть, преступлений, проведу дома, прогулка, пройдет, пропало, пустое, пятница, радуется, разгул, *роман*, *роман Толстого*, с тобой, **светлый день**, свобода, сегодня, следующее, сон, суета, теплое, тренировка, трудное, трудный день, тяжелый, удачное, ужасное, улица, хандра, хмурое, холодное, **Христос**, чертеж, *Чехов*, это радость 1; 532+188+126+5

### ЕВРАС

**ВОСКРЕСЕНЬЕ:** выходной 234; отдых 72; понедельник 18; суббота 17; день 16; праздник 10; **Пасха** 8; день недели, сон, **Христово** 6; спать, утро 5; **вербное**, неделя, **светлое** 4; работа, **церковь** 3; **Бог**, вечером, выходной день, группа, гулять, долгожданное, **Иисус**, конец, красный, лень, недели, отдыхать, отходняк, последний день недели, похмелье, **прощеное**, **святое**, солнце, *Толстой*, хорошо 2; (мат), weekend, блины, бухаем, бухач, в, в небеса, вечер, **воскрешение**, выходной {,} **Божий день**, дела, день тяжелый, деревня, для отдыха, добрая, доброе, дома, домашние проблемы, домой, друзья, забот, завтра понедельник, **Иисус воскрес**, концерт, красный день, **крест**, **крещеное**, *красное*, круто, масленица, музыка, на озеро, не выходной, нелюбимый день, обычный, отлично, **пасхальное**, перед понедельником, пиво, поездка,

последний, последний выходной, **пост**, поход, праздничное, **прощенное**, пятница, *роман Толстого*, свет, **светлый день**, **свято**, семья, **служба, служба храма**, сплю, счастье, треш, трудный день, тяжелое, тяжесть, уборка, увал, ужасный день, ура, уроки, усталость, **храм, Христа**, целый день секса, юхуу!, яйцо 1; **535+108+3+71**

### СИБАС

**ВОСКРЕСЕНЬЕ**: выходной **203**, отдых **77**, понедельник **20**, суббота **15**, день **12**, сон **9**, праздник **6**, неделя, спать, **Христово 5**, день недели, конец недели, похмелье **4**, **вербное, Пасха, Толстой, церковь 3**, гулять, день рождения, завтра, завтра понедельник, клуб, отдыхать, работа, свобода, счастье, ура, утро, учеба, хорошо **2**, Sunday, бух, бухать, бухаю, в клуб, воскресное, вторник, вчера, вчера было, выспаться, выходить, выходной день, выходной (отдых), выходной, спать, группа, гуляние, дача, день веселый, **день Господа**, день радости, день тяжелый, день чудесный, дождь, долгожданное, дом, друзья, еврей, еее..., жалость, жаркое, Земфира, **Иисус Христос**, кафе, кладбище, красное, конец, классное, красный, **красная, кровавая, кровавое, Лев Толстой (роман)**, люблю, мама, надежды, неудача, **Никольский, Никольский; Христос**, опять, отдых, ура!!!, отходняки, парк, пиво, последнее, последний день отдыха, после субботы, поспать, похмел, придет, **прощальное, прощенное**, рабочая неделя, разговор, рождение, свежее, **светлое**, свободный день, **святое**, семь, скоро опять понедельник, скоро учеба, солнечное, солнце, спокойное, строевая, суббота; выходной, сутки, тоска, убийца, увал, удачное, ура, ура; высплусь, утром, фильм, хороший день недели, хорошо!, **храм, Христос воскрес!**, чертить, читать, это здорово 1; **499+121+1+91**

### КрАС

**ВОСКРЕСЕНЬЕ**: выходной **99**; отдых **56**; понедельник **24**; суббота **18**; день **8**; **церковь 7**; день недели **5**; спать, утро **3**; вчера, завтра, **Иисус**, конец недели, неделя, отъезд, последнее, праздник, радость, солнце, сон, учеба, **Христово 2**; **Бог**, боль, **вера, вербное**, вечер, вторники, выборы, выход, выходной день, горе, группа, день рождения, днем, дома, домашка, друзья, желания, желанное, начало, обед, оторваться, **Пасха**, подготовка, подруга, последний день недели, **православие, прощальное, прощение**, пятница, работа, **религия**, рутина, семья, синий, скорее, скоро на учебу, солнечное, спешка, сплю, страх, теплое, *Толстой*, тренировка, туса, уборка, увольнение, удалось, утром, уходит, хороший день, **храм, Христа, Христос**, цветы, четверг 1; **305+77+1+55**

Стимульное слово называет день недели, который ассоциируется в большинстве случаев как выходной день, свободный от учебы, работы. Обращает, однако, на себя внимание значительное количество ассоциаций с христианским праздником Воскресения Христова, несмотря на различие в написании

слов-паронимов. Среди других ассоциатов — слова, отсылающие к роману «Воскресение» Л. Толстого и к самому писателю. Небольшая часть реакций указывает на событие, известное (прежде всего из учебных текстов) как «Кровавое воскресенье». Два последних случая, очевидно, апеллируют также к текстам, знакомым испытуемым из школьной и вузовской программ — такие тексты и являются трансляторами сильно отдаленных во времени событий, составляющих часть национальной истории и культуры и оставляющими свой след в национальной памяти. Что касается упоминания христианского праздника, то данный «след памяти» очевидно является более «живым»: это проявляется и в количестве ассоциатов, и в их разнообразии.

### Заключение

Высказанная Ю.Н. Карауловым гипотеза о возможности установления «мест памяти» по материалам Русского ассоциативного словаря (РАС), в то время единственной большой ассоциативной базы данных, по материалам которой была построена ассоциативно-вербальная сеть, оказалась очень продуктивной, а наличие в распоряжении авторов целой серии русских ассоциативных словарей, создававшихся на протяжении последних сорока лет, позволили подтвердить проверяемую гипотезу и наметить дальнейшие пути анализа экспериментального материала с целью выявления не только ключевых для национальной памяти событий и реалий, но и того, как влияет на их сохранность регион проживания респондентов. Тем самым подтверждается психолингвистическое представление о значении (в том числе и ассоциативном) как о социокультурном феномене, наиболее устойчивые во времени фрагменты которого как раз и могут рассматриваться как места национальной памяти, сохраняющиеся в обыденном сознании носителя языка/культуры, а ассоциативные базы данных действительно, как и предполагал Ю.Н. Караулов, могут помочь исследователям их обнаружить.

### Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3—8.
2. Чулкина Н.Л. Творческая языковая личность ученого-гуманитария Георгия Гачева // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 153—168.
3. Красных В.В. Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры жидкость) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 153—168.
4. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.
5. РАС: Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. 2002. Т. 1. От стимула к реакции / Рос. акад. наук. М.: АСТ: Астрель.
6. Бухаркин П.Е. «Русская идея» в русской литературе: учеб. пособие. СПб: СПбПДА, 2014.
7. Шапошников Л.Е. Философия соборности: очерки русского самосознания. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996.



8. *Троицкий Е.С.* О русской идее: Очерк теории возрождения нации. М.: Б. и., 1994.
9. *Пестрецов А.Ф.* Соборность — константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1(9). С. 176—181.
10. *Les lieux de mémoire* // Sous la direction de Pierre Nora. Vol. 1. La Republique. Paris: Gallimard, 1984.
11. *Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 46—73.
12. *Уфимцева Н.В.* Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1. С. 238—249.
13. ЕВРАС: *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь тезаурус ЕВРАС: В 2 т. / Т. 1. От стимула к реакции. М., 2014.
14. СИБАС: *Шапошникова И.В., Романенк А.А.* Русский региональный ассоциативный словарь. Сибирь и Дальний Восток: В 2 т. / 2014. Т. 1. От стимула к реакции. М.: Московский институт лингвистики.
15. КрАС: Крымский ассоциативный словарь. 2020. Рабочая электронная база данных.
16. САНРЯ: Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

## References

1. Karaulov, Yu.N. (1989). Russian language personality and the tasks of its study In *Yazy'k i lichnost'*. Moscow: Nauka. pp. 3—8. (In Russ.).
2. Chulkina, N.L. (2020). Creative Language Personality of the Scientist-Humanitarian Georgi Gechev. *Journal of Psycholinguistics*, 3(45), 153—168. DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-153-168. (In Russ.).
3. Krasnykh, V.V. (2020). Archaic Layers of Consciousness of a Modern Linguistic Personality (A Case Study of the Basic Metaphor Liquid). *Journal of Psycholinguistics*, 3(45), 70—84. DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-70-84. (In Russ.).
4. Karaulov, Yu.N. (1999). *Active Grammar and the Associative-Verbal Network*. Moscow: IRYa RAN. (In Russ.).
5. RAS: Russian Associative Dictionary (2002). Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Yu.A. Sorokin & E.F. Tarasov (eds.). Vol. 1. Ot stimula k reakcii. Ros. akad. nauk. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.).
6. Buxarkin, P.E. (2014). «*Russian Idea*» in *Russian Literature*. Saint-Petersburg: SPbPDA. (In Russ.).
7. Shaposhnikov, L.E. (1996) *The Philosophy of Sobornost': Essays on Russian Self-Consciousness*. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. (In Russ.).
8. Troiczkiy, E.S. (1994). *About the Russian Idea: essays on the theory of the rebirth of the nation*. Moscow. (In Russ.).
9. Pestreczov, A.F. Sobornost, constant of the Russian national identity. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobacheskogo*, 1(9), 176—181. (In Russ.).
10. *Les lieux de mémoire* (1984). Sous la direction de Pierre Nora. Vol. 1. La Republique. Paris: Gallimard. (In Franch).
11. Leont'ev, A.A. (1976). Semantic Aspect of Language Meaning In *Principy' i metody' semanticheskix issledovaniy*. Moscow: Nauka, pp. 46—73. (In Russ.).
12. Ufimceva, N.V. (2016). Language Worldview: Modeling Problems. *Journal of Psycholinguistics*, 1, 238—249. (In Russ.).
13. EVRAS: *Ufimceva, N.V. & Cherkasova, G.A.* Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS. In 2 vols. Vol. 1. From stimulus to reaction. Moscow. (In Russ.).
14. SIBAS: *Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A.* Russian Regional Associative Dictionary. Siberia and the Far East. In 2 vols. Vol.1. From stimulus to reaction. M.: *Moskovskij institut lingvistiki*. Moscow, 2014 (In Russ.).

15. KrAS: Crimean Associative Dictionary (2020). (In Russ.).
16. SANRYa: Dictionary of associative norms of the Russian language (1977). A.A. Leont'ev (ed.). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

**Сведения об авторах:**

*Уфимцева Наталья Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая сектором этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН (Россия), e-mail: nufimtseva@iling-ran.ru.

*Балясникова Ольга Вениаминовна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН (Россия); доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Россия), e-mail: o.balyasnikova@iling-ran.ru.

**Information about the authors:**

*Natalya V. Ufimtseva*, PhD of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics RAS (Russia); e-mail: nufimtseva@iling-ran.ru.

*Olga V. Balyasnikova*, PhD of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics RAS (Russia); Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Russia); e-mail: o.balyasnikova@iling-ran.ru.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-255-268  
УДК 81'27

Научная статья

## Передают ли коммуниканты информацию при речевом общении?

Е.Ф. Тарасов

ФГБУН Институт языкознания Российской академии наук  
125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

АНО ВО «Российский новый университет»  
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, д. 22  
[eft35@mail.ru](mailto:eft35@mail.ru)

**Аннотация.** В статье ставится задача поставить под сомнение утверждение, что в человеческом речевом общении (РО) «передается информация». Проблема функционирования информации в РО решается в пределах информационного и системно-деятельностного подходов. Если информационный подход адекватен только при объяснении непосредственного способа передачи информации, то системно-деятельностный подход оказывается релевантным для объяснения, опосредованного знаками речевого обращения, практикуемого при взаимодействии людей. Более эвристичным является тезис о том, что восприятие цепочки тел языковых знаков, продуцируемых в междисциплинарном пространстве, только запускает процесс конструирования реципиентом содержания воспринятого речевого сообщения. Полнота сконструированного содержания речевого сообщения целиком зависит от реципиента, обладающего оптимальной общностью сознаний с говорящим. Целью речевых сообщений является не собственно конструирование содержания реципиентом, а формирование личностного смысла сообщения. В человеческом речевом общении коммуниканты не передают информацию, а актуализируют при помощи тел языковых знаков общие для них образы сознания, сформированные для них этнической культурой. Побудительной причиной формирования общности сознаний коммуникантов является участие их в совместной деятельности, обеспечивающей им земное существование.

**Ключевые слова:** прием-передача информации, знаковое опосредование, общность сознаний, образ сознания, конструирование содержания, личностный смысл

### История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

### Для цитирования:

Тарасов Е.Ф. Передают ли коммуниканты информацию при речевом общении? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 255—268. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-255-268

© Тарасов Е.Ф., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

## Do Communicants Transmit Information in Course of Speech Communication?

Evgenij F. Tarasov

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences  
1/1, B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

Autonomous Non-commercial Organisation of Higher Education “Russian New University”  
(RosNOU)  
22 Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005  
eft35@mail.ru

**Abstract.** The article questions if human speech communication (SC) involves “a transfer of information”. The information functioning in speech communication is dwelled upon in the information and systemic activity approaches. The informational approach adequately explains only the direct method of information transfer, while the systemic activity approach is relevant for the sign-mediated speech communication typical for human interaction. The more heuristic thesis is that the perception of the chain of linguistic sign bodies produced in the intersubjective space only starts the construction of the perceived speech message content by the recipient. The completeness of the constructed speech message content depends entirely on the recipient, who has the optimal common consciousness with the speaker. The purpose of speech messages is not the actual construction of the content by the recipient, but the development of the message personal meaning. In human speech communication, the communicants do not transmit information, but use verbal signs bodies to actualize images of consciousness which are developed within a single ethnic culture and therefore are common for them. The incentive for the common consciousness development by the communicants is their participation in joint activities that ensure their earthly existence.

**Key words:** reception-and-transmission of information, sign mediation, common consciousness, image of consciousness, construction of content, personal meaning

### Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

### For citation:

Tarasov, Ev.F. (2021). Do Communicants Transmit Information in Course of Speech Communication? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 255—268. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-255-268

## Введение

Цель нашей статьи — поставить под сомнение утверждение, что при речевом общении (РО) «передается информация». Это редуccionистское утверждение не только не приносит никаких познавательных выгод, но и затрудняет построение адекватных представлений о РО.

Указание на процесс передачи речевых сообщений от говорящего к реципиенту провоцирует несколько вводящих в заблуждение выводов: говорящий

как субъект речевого сообщения целиком определяет объем и то содержание речевого сообщения, которое «передается» реципиенту; содержание находится в самом речевом сообщении. Такие утверждения встречаются на страницах лингвистических штудий часто в имплицитной форме, хотя известно, что, например, полнота понимания содержания одного и того же высказывания взрослым и ребенком различна. Существование текстов на мертвых неизвестных языках также доказывает, что в самих текстах кроме тел языковых знаков ничего не содержится.

Все наиболее адекватные попытки объяснить процессы понимания / непонимания в РО носителей этнических языков локализируются преимущественно в пределах информационного и системно-деятельностного подходов.

Истоки информационного подхода (ИП) берут начало в работах К. Шеннона [1], Н. Винера [2], Л. Бриллюэна [3]. Системно-деятельностный подход восходит к культурно-исторической школе Л.С. Выготского и в основном (но не окончательно) сложился усилиями Л.С. Выготского и его ближайших учеников А.Н. Леонтьева и Р.А. Лурии, а также С.А. Рубинштейна.

Системно-деятельностный подход к информационным проблемам состоит в следующем. Важнейшими психическими функциями человека полагаются ориентировочно-исследовательские функции, позволяющие ориентироваться в культурных предметах (удовлетворяющих потребности человека), в орудиях, в действиях, в операциях. Совместная деятельность (СД), осуществляемая в форме предметно-практических действий, создают ту феноменологию, элементы которой через этап интериоризации становятся орудиями умственной деятельности.

Ориентировочные компоненты предметной СД, опосредованные языковыми знаками (и другими символами), становятся познавательными средствами, а затем, в случае функционирования их в качестве орудий управления деятельностью по созданию культурных предметов, они превращаются в образы сознания. А.Н. Леонтьев, разъясняя процесс формирования сознания пишет: «Отражение продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов, выступает для них как явления их сознания» [4. С. 96].

Поэтому члены общества, присвоившие родную этническую культуру и сформировавшие сходное сознание, не передают друг другу информацию, а актуализируют идентичные образы сознания друг друга или вербальные значения при помощи языковых и неязыковых знаков.

Поэтому достижение поставленной цели мы попытаемся осуществить, проанализировав познавательные возможности информационного и системно-деятельностного подходов. Было показано [5], что передачу информации можно свести к двум видам: к непосредственному и опосредованному и, следовательно, информацию можно подразделить на непосредственную и опосредованную. Непосредственный способ передачи информации описывается отношением «причина—следствие»; он применим для анализа связи

источника—причины, передающего свою структуру приемнику, в котором эта структура запечатлевается: например, при штамповке металлических изделий штамп передает свою форму заготовке, при оттискивании гравюры на бумаге: гравюра при помощи краски оставляет след на бумаге.

Другой способ передачи информации — это также взаимодействие двух предметов, опосредованное знаками и сигналами. Если при непосредственном способе роль сигнала сводится к причине, следствием которой является структурное изменение приемника, т.е. происходит перенос структуры «источника» в структуру «приемника», то при опосредованном (сигнальном) способе соотношение «источника» и «приемника» совсем иное: «сигнал может быть определен как такое внешнее воздействие на систему-приемник, которое играет роль «пускового толчка», включающего действие некоторой готовой программы ответной реакции. Л.Ф. Чертов, пожалуй, наиболее эффективный аналитик проблем функционирования информации в обществе, делает следующий вывод об информационных процессах в РО членов социума как носителей этнической культуры, детерминировавшей сознание коммуникантов. «При сигнальном опосредовании соотношение „источника“ и „приемника“ и внутренняя структурная организация „приемника“ превращается в основной фактор, от которого зависят количество и качество информации, извлекаемой приемником из сигнала. В то же время структура внешнего воздействия не играет той роли главного идентифицирующего начала, формирующего само содержание сообщения, какую она играет в случаях прямого переноса структуры — поскольку именно эта программа, а не структура сигнала детерминирует структурные характеристики измененных отношений...» [5. С. 25].

При таком понимании процесса передачи информации, когда никакой передачи реально нет, сам термин «передача информации» становится метафорическим и вводит в заблуждение, если его используют для анализа человеческого РО, в котором сигнал только запускает реакцию приемника.

### **Анализ опосредованного языковыми знаками общения**

Процессы передачи информации в человеческом РО, всегда включенные в СД, являются в большинстве случаев опосредованными знаками, которые только запускают в приемнике процесс производства реципиентом новых знаний, который лингвисты обычно неспроста квалифицируют как процесс «передачи—приема информации», не извлекая из этого утверждения, однако, как правило, никаких познавательных дивидендов.

Для понимания функционирования любого культурного предмета в качестве знака необходимо помнить, что в межсубъектном пространстве между коммуникантами знак присутствует только своей *субстанцией*, доступной для их органов чувств, а все знания, ассоциированные с этой субстанцией, находятся в сознании общающихся. Следовательно, для функционирования культурного предмета в качестве тела знака необходим человек, наделенный

рецепторами, в сознании которого происходит процесс производства знаний, метафорически обозначаемый как процесс «передачи информации».

Если учесть, что тезис — знания о реальной действительности формируются в сознании субъекта, осуществляющего ориентировку в этой действительности, и никогда в ментальной форме не покидают тело человека — является общепризнанным, то утверждение о «передаче информации» от человека к человеку представляется, по меньшей мере, абсурдным.

Вывод о том, что в РО содержание языкового знака — это прежде всего результат функционирования сознания коммуникантов, целесообразно перенести на конструирование содержания речевых сообщений. Поэтому всяческой поддержки заслуживает мысль Л.Ф. Чертова о том, что «сигнал... может быть определен как внешнее воздействие на систему — приемник, которое играет роль „пускового толчка“, включающего действие некоторой готовой программы ответной реакции» [5. С. 25].

Нельзя переоценить значимость мысли о том, что такая программа должна быть уже заранее заданной, заложенной в организацию реагирующей системы и поэтому *априорной* по отношению к данному сигнальному воздействию (*курсив наш* — Е.Т.), т.к. эта мысль указывает на самую главную проблему РО: при помощи тел знаков могут общаться только коммуниканты, обладающие общностью сознаний, т.е. общностью знаний об этническом языке и этнической культуре [6]. Иначе говоря, эффективное РО предполагает общение в структуре родной этнической культуры и между коммуникантами, присвоившими эту же этническую культуру и, следовательно, сформировавшие языковое и неязыковое сознание, высокая степень идентичности которых у коммуникантов позволяет общение при помощи знаков.

Прежде чем мы попытаемся проблематизировать процесс РО, дадим ответ на, казалось бы, тривиальный вопрос «Зачем люди общаются?» Естественно, нельзя согласиться со стандартным ответом на этот вопрос, что люди общаются «ради передачи информации».

Ответ на этот вопрос, наиболее адекватный, по нашему мнению, состоит в следующем. Человек в обществе не может выжить в одиночку и поэтому вынужден сотрудничать с другими членами общества в рамках различных СД, что позволяет ему удовлетворять свои жизненные потребности. Для организации СД каждый член общества вынужден разворачивать РО, для этого ему нужно иметь возможность руководить активностью своей и своего сотрудника, т.е. осуществлять взаимодействие в конкретной номенклатуре СД, в процессе которых разворачивается его жизнь. Для осуществления СД сотрудники должны согласовать свою цель (в противном случае СД невозможна), сориентироваться в ситуации и в сотрудниках, выбрать орудия и операции внешних (орудийных) и внутренних (умственных) действий.

В ходе сотрудничества в экзистенциальных актах СД необходима адекватная ориентировочная активность всех участников СД, предполагающая, что результаты ориентировочной и исполнительской деятельности должны

быть доступны оптимальному числу сотрудников в рамках РО, для чего необходима эффективная знаковая система, чтобы производить и воспринимать речевые сообщения в интересах СД.

Кодовая связь между отправителем и приемником (производителем речевого сообщения и реципиентом) предполагает наличие вербального кода, обладающего возможностью вербально моделировать образы сознания коммуникантов, при помощи которых они отображают предметы своей этнической культуры и отношения между ними. Не будем забывать, что хотя тела языковых знаков в своей субстанции никакой информации не несут, но коммуниканты обладают знаниями, умениями (использовать лексические единицы языка) и навыками (употребление грамматических единиц языка) для построения цепочки тел языковых знаков в ходе конструирования сообщений о любых СД и любых актах РО в своей этнической культуре.

Если мы проанализируем коммуникативные возможности членов современного общества, то мы неизбежно будем вынуждены сделать вывод, что они должны обладать сознанием, сформированным в том обществе, по правилам которого они взаимодействуют друг с другом, сверх того они должны владеть языком носителей культуры этого общества, чтобы добиться единого образного понимания смысловых содержаний, отображающих СД в индивидуальных сознаниях, т.к. этнический язык, по крайней мере, в своей кодифицированной части, обладает способностью делать умопостижимыми любые уникальные смысловые содержания носителей своей этнической культуры. Этот вывод основывается, в том числе, на мысли Л.С. Выготского о том, что, отображение мысли в слове «есть чрезвычайный словесный акт мысли, отражающий действительность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях» [7. С. 17].

Сигнальная (опосредованная) связь между коммуникантами предполагает наличие кода, обладающего внутренней организацией (в структурной лингвистике называемой системой). Субстанция единиц этого кода (языковых единиц), как мы уже упоминали, не обладая содержанием, но, будучи ассоциирована с некоторыми знаниями в сознании реципиента, при восприятии речи запускает ориентировочную деятельность, направленную на восприятие тел (языковых знаков), построение образов восприятия этих тел, вызывание из памяти реципиента образов культурных предметов (обозначаемых в лингвистике значением слова). Затем реципиент, ориентируясь на значения знаков и, учитывая их грамматическое оформление, конструирует содержание воспринятого речевого сообщения при помощи своих имеющихся наличных знаний своей этнической культуры. После этого реципиент пытается вскрыть *смысл* содержания, сконструированного им, путем соотнесения этого содержания с целью реципиента, достигаемой в той СД, где произошло смысловое восприятие речевого сообщения.

В данном случае мы имеем в виду смысл, по А.Н. Леонтьеву, как *личностный смысл* предмета, действия, слова, который формируется в процессе оценивания их жизненного значения для субъекта [4. С. 111].



Так как РО прямо или косвенно всегда связано с целями сотрудников в СД, то именно формирование и постижение смысла, а не содержания речевого сообщения, является целью коммуникантов.

После того, как мы попытались обосновать представление о том, что при опосредованной знаками связи между коммуникантами тела языковых знаков играют роль «пускового толчка», запускающего ориентировочную деятельность реципиента по анализу речевой цепи, мы покажем, как происходит конструирование содержания воспринятого речевого сообщения.

Кроме того, было показано, что коммуниканты должны обладать общностью знаний о субстанции языковых знаков (фонетических и фонологических знаний), об отношениях между частями слова и словами (как лексическими единицами), о лингвистических средствах и способах моделирования связи между предметами реальной действительности, отображенными в сознании коммуникантов (грамматические средства).

Но анализ речевой цепи, объективно предстоящей реципиенту, — это только начало его ориентирования в лингвистических характеристиках речевого сообщения, которое завершается конструированием его содержания при помощи значений своей этнической культуры и перевода этого содержания в личностный смысл, который за пределами процесса смыслового восприятия хранится в сознании реципиента в виде образов воспоминания, используемых затем как вторичные образы [8].

Мы в заключение попытаемся показать, как происходит восприятие речевой цепи, дающее толчок процессам конструирования знаний, которые заменяют редукционистское представление о «передаче информации».

Восприятие звучащего слова начинается накоплением сенсорной массы, которая при помощи чувственных образов, хранящихся в сознании реципиента, идентифицируется как звук, а затем при помощи перцептивных эталонов опознается как определенный звук в составе звучащего слова. За опознанием звучащего слова происходит вызов из сознания образа предмета (действия, явления и т.п.), который (образ) ассоциирован с образом опознанного звучащего слова. Цепочка образов воспринятых слов вместе с ассоциированными образами предметов, при учете грамматических показателей слов позволяет сконструировать содержание воспринятой речи, при этом содержание конструируется из образов слов, хранящихся в сознании реципиента. Смысл сконструированного содержания, как уже упоминалось, реципиент вскрывает как «смысл для себя» и «смысл для говорящего», правда, для последнего только гипотетический личностный смысл, вероятность которого зависит от точности знаний реципиентом цели говорящего в СД.

## **Заключение**

Таким образом, можно исходить из следующего представления о процессе «передачи информации». Передача информации носит непосредственный и опосредованный знаками характер.

Человеческое РО обслуживается знаками, которые играют роль «пускового толчка», чтобы реципиент начал конструировать из имеющихся знаний содержание воспринятого речевого сообщения.

Знание (информация) в РО, следовательно, не передается, а конструируется реципиентом из собственных знаний и каждый раз заново.

Такое представление о «передаче информации» в процессе РО переориентирует исследователя и делает его усилия осмысленными и эвристичными.

## **Introduction**

The aim of the article is to throw into question the assertion stating that in course of speech communication (SC) “the information is transmitted”. Such reductionist assertion doesn’t lead to any cognitive advantages but impedes the construction of adequate SC apprehension.

Denoting the process of transferring speech messages from a speaker to a recipient provokes a few misleading conclusions: being a subject of a speech message, a speaker determines wholly both the volume and the content of the speech message which is transferred to a recipient; the content is integrated in a speech message itself.

One could come across those assertions on the pages of linguistic studies, and often in the implicit form, though as is well-known, the perfection of understanding the content of any utterance is different either by an adult or a child. The existence of texts in unknown dead languages also proves that texts themselves contain nothing but the bodies of linguistic signs.

Every and all most adequate attempts to explain the processes of SC understanding/misunderstanding by the bearers of ethnic languages are par excellence localized within the frames of informational and systemic activity approaches.

The origins of the informational approach (IA) rise from the studies by K. Shannon [1], N. Wiener [2], L. Brillouin [3]. The systemic activity approach dates back to the cultural and historic school of L.S. Vygotsky, and this approach mainly (but not finally) was developed by L.S. Vygotsky and his ardent followers A.N. Leontiev and R.A. Luria, and also S.A. Rubinstein.

The systemic activity approach in relation to informational issues involves the following. The most important human psychological functions are considered to be targeting-and-research functions promoting to investigate cultural objects (meeting human demands), instruments, actions and operations. Mutual activity (MA) carried out in the form of object-and practice actions, create such a phenomenology the elements of which become the instruments of mental activity due to the internalization.

Targeting components of the MA object, mediated by linguistic signs (and other symbols) become cognitive means and then in case they function as the

instruments to manage and conduct the activity to create cultural objects, they turn into images of consciousness. A.N. Leontiev explaining the process of consciousness formation, writes, “Reflection of the object activity products externalizing connections, relations of social individuals appear to them as the phenomena of their own consciousness [4. P. 96].

Which is why the members of a society having appropriated the native ethnic culture and having formed similar consciousness, do not transfer to one another any information but actualize identic images of consciousness of each other or verbal meanings by means of both linguistic and non-linguistic signs.

Therefore to achieve the target formulated, we’ll have to try and manage it after analyzing cognitive potential of both informational and systemic activity of approaches. As was shown [4], the transfer of information could be traced down to two types: the immediate and indirect or mediate ones, and consequently, the information itself could be divided into immediate and mediated ones as well. The direct or immediate means to transfer information used to be described as a ratio of “reason and consequence”; it’s applied to analyze the connection of source-reason to transfer its structure to the recipient having kept and reflected this structure: e.g., while stamping metal samples, the stamp gives its form to the half-way product; while printing painted paper block, the paint block leaves the imprint on the paper.

Another way to transfer information is also an interaction of the two objects by means of mediate signs and signals. If the immediate, direct means confine the role of signal to the reason, its consequence brings structural change of the recipient, thus the transfer the ‘source structure’ is induced into the ‘recipient structure’, while using the mediate (signal) means the ratio of the “source” and “recipient” is quite different: “signal could be defined as such an outward influence on the recipient system, which plays the role of the “starting rush” including the response reaction of some ready-made program. L.F. Chertov, probably the most effective analyst in the field of information functioning issues in the society, draws the following conclusion on the SC informational process of society members as the bearers of ethnic culture, having determined the consciousness of communicants, “Under the signal mediation, the “source — recipient” ratio and the “internal structural organization of the “recipient” makes up the crucial factor to govern the quantity and quality of the information the recipient extracts due to the signal. At the same time, the structure of the outward influence doesn’t play the role of the main identifier, which forms the self-content of the message which it plays in the situation of direct structural transfer — as just this program, but not the signal structure (!) determines structural features of relations changed...” [5. P. 25].

In terms of such understanding of informational transfer process, when there’s no real transmission; the term “information transmission” ipse se becomes metaphorical and misleading if it’s used to denote and analyze human SC, while the signal is just launching the recipient’s reaction.

## Analysis of the mediate communication by means of linguistic signs

In human SC, information transmission processes are always integrated into MA (Mutual Activity) and in most instances used to be mediate signs just to launch the recipient process to produce new knowledge of his, which linguists normally and simply qualify as the process to “transmit — receive the information”, however, without extracting any cognitive benefits or bonuses of the assertion.

To understand the functioning of any cultural object as a sign, one should remember that in the inter-subject space of the communicant the sign does reveal just its own *substance*, available for their sensory organs, and the general knowledge associated with this substance stay in the communicants’ consciousness. Therefore it’s a human being, a man is obviously needed to make it function any cultural object as a sign body, as it’s a man who possesses end-organs, and it’s his consciousness to carry out the process of knowledge producing metaphorically named “information transmission process”.

If to take into consideration the thesis that knowledge of the real is being formed in the subject’s consciousness realizing the orientation and positioning in this very real, and it never-ever leaves human body staying in the cognitive mental form — the thesis to be generally accepted, the assertion on the man-to-man ‘information transmission’, seems absurd, at least.

The conclusion of SC containing linguistic sign is first and foremost the result of communicants’ consciousness functioning, would be reasonably transferred on constructing the content of speech messages. Which is why, every support is worthwhile to approve the L.F. Chertov’s idea of “a signal <... > should be determined as an outward influence on the system — the recipient, which plays the role of ‘staring inrush’ involving the action of a certain ready-made response program” [5. P. 25].

One shouldn’t overestimate the significance of the idea that such a program is to be established beforehand, set into the organization of reacting system, and thus be *aprioristic*, *antecedent* concerning the given signal influence (*emphasis added*. — E.T.), because this idea highlights the most important SC issue: using the sign bodies, only those communicants who possess common general consciousness that is general knowledge of the ethnic language and culture, could efficiently communicate [6]. To put it otherwise, the efficient SC supposes and previews the communication within the structure of native ethnic culture and between those communicants who have already acquired the same ethnic culture and, consequently, they have formed both linguistic and non-linguistic consciousness of the highest degree of their identity that promotes the communicants to communicate by means of signs.

Before we are going to try to adopt the issues of the SC process, let’s give an answer to seemingly trivial question: “What for do people communicate?” Naturally, one couldn’t accept the standard answer to the question that people are communicating just “to transmit information”.

In our opinion, the most adequate answer to the question concerns the following. A man in the society couldn't survive singly, so he has to collaborate with other members of the society in the frames of various MA which let him satisfy his vital necessities. To organize his MA, every member of the society has to develop SC, and for the purpose, he has to master the managing of his own and his partner activity that is to perform and realize interaction in the definite given SC nomenclature to use the process to develop his own life. To fulfil MA, partners should coordinate their target (otherwise, MA is not possible), to know their way in the situation and among the partners, to choose and elaborate the instruments and operations of both the outward (instrumental and inward (mental) actions).

In course of collaboration in existential acts, MA needs the adequate orientation activity of all the MA participants previewing the results of the orientation and executive activities be available for the optimal number of partners in the SC frames, which demands to rely on the efficient sign system to produce and receive speech messages for the MA causes.

Code connections between the addressant and addressee (speech message producer and recipient) supposes the existence of the verbal code means enabled to model the omages of communicants' consciousness which help them reflect the objects of their ethnic culture and the relations of those.

One shouldn't forget, though the bodies of linguistic signs in their substance don't possess any information, the communicants do possess the knowledge and capabilities (to use lexical linguistic units) and abilities (to use grammatical linguistic units) to construct chains of linguistic signs bodies in course of creating messages concerning any MA and any SC acts in their ethnic culture.

If we analyze communicative abilities of the members of modern society, we would have inevitably make a conclusion that they have to possess the consciousness which have formed in that society and according to the rules they are interacting with one another, moreover, they have to master the language of the culture bearers, so that to reach the unified understanding of senses and meanings, reflecting MA in individual consciousness as the ethnic language, at least, in its codified sphere has an ability to make comprehensive any unique senses and meanings of the bearers of their own ethnic culture. This conclusion is based as of L.S. Vygotsky's ideas of reflecting the thought in words which makes emergency verbal act of thought reflecting the real in a very different way when it's reflected in immediate feelings and perception" [7. P. 17].

Signal (indirect, or mediate) connections of communicants supposes the existence of the code of a given inward structure (in structural linguistics studies, it's called a system). The substance of the code units (linguistic units), as was said above, without possessing any content, but being associated with certain knowledge in the recipient's consciousness, in course of speech perception, starts the orientation activity aimed at perceiving the bodies (linguistic signs), the construction of images to perceive those bodies, retrieving and recollecting from

the recipient's memory the images of cultural objects (in linguistics, denoted by means of word meaning). Then the recipient aiming at the meanings of signs and considering their grammatical forms, constructs the content of the perceived speech message through his own actual knowledge of his ethnic culture. After that, the recipient tries to reveal the *sense* of the content constructed by him himself by means to correlate this content with the recipient's target to attain in the MA where the sense perception of speech message has taken place.

In this case, we mean the sense, according to A.N. Leontiev, as a *personal, individual sense* of an object, action, word, which is formed in the evaluative process of the life meaning of the subject-recipient [4. P. 111].

Due to the fact that SC, directly or indirectly, used to be always connected with the partners' MA targets the formation and understanding of the sense itself but not the content of the speech message, is the actual target of communicants.

After we have tried to validate the idea that by means of indirect, mediate signs among the communicants the sign bodies play the role of "starting inrush", launching the recipient's orientation activity along the analysis of speech chain, we're going to demonstrate how the construction of the content of the received speech message works.

Moreover, it was shown that communicants should possess general knowledge of linguistic signs substance (phonetic and phonologic ones), of relations among parts of words and words (as lexical units), of linguistic means and instruments to model connections between objects of the real reflected in communicants'; consciousness (grammatical means).

Still, the impartial analysis of speech chain which the recipient would have to do, — is just the start of his orientation in linguistic characteristics of the speech messages to be finalized with the construction of its content by means of his ethnic culture and transfer of this content in personal, individual sense, which beyond the process of meaningful perception is conserved in the recipient's consciousness as images, reminiscences later used as secondary images [8].

In conclusion, we'll try to demonstrate the way the perception of speech chain undergoes and gives the inrush to the processes of knowledge construction to substitute the reductionist idea of "information transmission".

The perception of a sounding word starts with the accumulation of sensory mass which through the sensory images conserved in the recipient's consciousness is identified as a sound and then by means of applying perceptive samples and models is identified as a definite sound of the sounding word. After the identification of the sounding word, out of the consciousness, there comes the call for the image of the object (action, phenomenon, etc.) which (the image) is associated with the image of the identified sounding word. The chain of images of the words perceived together with the associated object images with respect to word grammatical exponents allows construct the content of the received speech, and at that, the content is constructed of the word images conserved in the recipient's consciousness. The sense of the

constructed content, as was said before, the recipient understands as the “sense for the sake of itself” and “the sense the speaker”, but as a matter of fact, for the latter, it makes only hypothetic personal sense, the potential of which depends on the exact awareness of the recipient about the MA speaker’s target.

## Conclusion

To sum up, one can proceed from the following presentation of the “information transmission” process. The information transfer has got the character of immediate and mediate (direct and indirect) transmission by means of signs.

Human SC is maintained by the signs that play a role of the “starting inrush” to make recipient begin constructing the content of the perceived speech message using the knowledge obtained.

Consequently, knowledge (information) contained in SC, is not transferred but constructed by the recipient on the basis of his own knowledge, and each time anew.

Such representation of “information transmission” in course of the SC process re-orientate a researcher and makes his efforts intelligent and heuristic ones.

## Библиографический список

1. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетика. М.: ИЛ, 1963.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: ИЛ, 1958.
3. Бриллюэн Л. Наука и теория информации. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1960.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012.
5. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993.
6. Тарасов Е.Ф. К проблеме общности сознаний коммуникантов // Тульский научный вестник. Серия: История, языкознание. Сетевое издание. 2020. Вып. 4(4). С. 128—135.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.
8. Гостев А.А. Психология вторичных образов. М.: Институт психологии РАН, 2007.

## References

1. Shannon, K. (1963). *Works on information theory and cybernetics*. Moscow: IL. (In Russ.).
2. Wiener, N. (1958). *Cybernetics and Society*. Moscow: IL. (In Russ.).
3. Brillouin, L. (1960). *Science and Information Theory*. Moscow: State publishing house. (In Russ.).
4. Leontiev, A.N. (2012). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
5. Chertov, L.F. (1993). *Signity: the experience of theoretical synthesis of ideas about the sign method of information communication*. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University. (In Russ.).
6. Tarasov, E.F. (2020). To the problem of the common consciousness of communicants. *Tula Scientific Bulletin. Series: History, Linguistics. Online edition*, 4 (4), 128—135. (In Russ.).
7. Vygotsky, L.S. (1982). Thinking and speech In *Collected works: In 6 volumes*. Vol. 2 Problems of general psychology, V.V. Davydov (Ed.). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
8. Gostev, A.A. (2007). *Psychology of secondary images*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.).

**Сведения об авторе:**

*Тарасов Евгений Федорович*, доктор филол. наук, профессор, заведующий Отделом психолингвистики Института языкознания РАН; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации АНО ВО Российского нового университета (РосНОУ); eLibrary SPIN-код: 3606-3220, *научные интересы*: в области психолингвистики, теории речевого общения, теории языкового сознания; *e-mail*: [eft35@mail.ru](mailto:eft35@mail.ru).

**Information about the author:**

*Evgenii F. Tarasov*, Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of psycholinguistics, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Russian New University (RosNOU); eLibrary SPIN-code: 3606-3220. *Research interests*: psycholinguistics, theory of communication, theory of verbal consciousness; *e-mail*: [eft35@mail.ru](mailto:eft35@mail.ru).





DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278  
УДК 81'27:17.022

Научная статья / Research article

## Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы

И.А. Бубнова

Московский городской педагогический университет  
129226, Российская Федерация, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4  
[aribubnova@gmail.com](mailto:aribubnova@gmail.com)

**Аннотация.** В статье представлены результаты пилотажного эксперимента, выполненного в рамках психолингвистики с целью выявления особенностей структуры и содержания системы ценностей и *образа будущего* поколения Z. Обосновывается актуальность таких исследований, описывается комплекс методик, которые позволяют: 1) раскрывать специфику системы ценностей, ее структуры и *образа будущего* как ее подсистемы; 2) выделять наиболее значимые признаки исследуемых феноменов в групповом сознании; 3) эксплицировать мотивы, определяющие иерархию ценностей. Результаты анализа полученных данных позволяют заключить, что в настоящее время происходит изменение связей между элементами структуры системы ценностей, ядром которой становится стремление к жизни только интересами ближайшего окружения и материальному процветанию. Предполагается, что обнаруживаемая экспериментально тенденция может объясняться либо происходящей в настоящий момент постепенной заменой ценностей традиционной культуры на ценности индивидуалистического общества, либо возникшим противоречием между социальными архетипами (по К. Касьяновой), обуславливающими национальный тип языковой личности (по Ю.Н. Караулову) и внешней формой государства как того среза общества, который достаточно жестко пытается зафиксировать основные параметры социума в определенном состоянии. Утверждается, что отсутствие четкого понимания причин происходящего, как и важность данной проблемы для общества, определяет необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

**Ключевые слова:** система ценностей, структура, иерархия, изменение, замена, национальная культура, противоречие, социальный архетип, государство

### История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

### Для цитирования:

Бубнова И.А. Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 269—278. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278

© Бубнова И.А., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81'27:17.022

## Values and *Image of the Future* of Generation Z: Systemic Particularity

Irina A. Bubnova

Moscow City University  
2-nd Agricultural proezd, 4, Moscow, Russian Federation, 129226  
aribubnova@gmail.com

**Abstract.** The article presents the results of a pilot experiment carried out within the framework of psycholinguistics and aimed to identify the structure and content of the value system and the *image of the future* of generation Z. The relevance of such studies is substantiated; a complex of methods is described that allows: 1) reveal the specifics of the value system and the *image of the future* as its subsystem; 2) highlight the most significant signs of the studied phenomena in the group consciousness; 3) draw conclusions on the motives determining the hierarchy of values. The results of the analysis allow us to conclude that at present there is a change in the connections between the elements of the structure of values, the core of which is the desire for life only by the interests of the inner circle of people and material prosperity. It is assumed that the experimentally recorded trend could be explained either by the ongoing gradual replacement of the values of traditional culture with the values of an individualistic society, or by the contradiction between social archetypes (according to K. Kasyanova), which determine the national type of linguistic personality (according to Yu.N. Karaulov) and the external form of the state as that society section, which quite rigidly tries to fix the main parameters of society of a certain state. It is argued that the lack of a clear understanding of the causes of what is going on, as well as the importance of the problem for society, determines the need for further research in this direction.

**Key words:** value system, structure, hierarchy, change, replacement, national culture, contradiction, social archetype, state

### Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

### For citation:

Bubnova, I.A. (2021). Values and *Image of the Future* of Generation Z: Systemic Particularity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 269—278. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278

## Введение

Важнейшая черта человеческого рода, отличающая его от иных живых существ, состоит в способности человека не просто решать проблемы, обеспечивающие физическое выживание, но стремиться к поискам высшего смысла своего существования. Осознание же главного, того, ради чего живет человек, тесно связано с ценностным отношением личности к своему внутреннему и внешнему миру, определяющим значимость для нее тех или иных феноменов.

Основополагающей ролью системы ценностей в жизни отдельного человека и всего человечества в целом обусловлен высокий и постоянный интерес гуманитарной науки к этой проблеме, причем следует отметить, что научный вклад лингвистов в разработку данного вопроса оказался не менее весомым, чем результаты, полученные в рамках философии и психологии.

Как пишет М.М. Бахтин, смысл — это «ответы на вопросы» [1. С. 350], но следует отметить, что их поиск невозможен без языка, представляющего собой «необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова, а без понятия невозможно истинное мышление» [2. С. 29]. Иначе говоря, именно в процессе рефлексии ценности как осмысленное отношение к определенным явлениям, чувствам, событиям, соединяются со словом, отражая содержание индивидуального сознания, которое, обладая свойством интенциональности, свойством «переживания „быть сознанием чего-либо“» [3. С. 184], становится особой сферой — сферой бытования смысла. И здесь необходимо выделить важнейший момент: для становления и развития этой сферы недостаточно мысли отдельного человека: смыслы, в том числе и аксиологические формы знания, детерминирующие и регулирующие деятельность [4; 5; 6], возникают не просто в сознании индивида, но только в «бытии-человека-в-мире» [7], в ходе овладения культурными знаками [8], где не менее активную роль играет общество, передающее через язык как главный «хранитель и ретранслятор» культуры, поведенческих моделей и определенных норм морали, образцы ценностей и принципы взаимоотношений между людьми, соответствующие доминирующей на каждом этапе развития социума идеологии.

Подчеркнем, что этот процесс, обозначаемый Ю.Н. Карауловым как «психологическое конструирование» мировоззрения, олицетворяющего собой «результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками» [9] универсален и не ограничен каким-то общественно-историческим строем: идеи индивидуума об обществе, природе и самом человеке, отраженные в системе его смысло-жизненных ориентаций, всегда формировалось под воздействием социума через последовательную смену ступеней воспитания, являющегося главной формой «направленного воздействия общества на растущего человека, социального управления процессом его формирования как личности» [10. С. 156], которая определяет не просто ее отдельные действия, но саму специфику миропонимания и жизнедеятельности.

Традиционно основой воспитания в нашей стране являлась национальная культура, ценности которой, передаваясь из поколения в поколение, обеспечивали связь времен и сохранение национального типа личности [11]. Однако в конце прошлого столетия, в связи с глобализацией и распадом СССР, начался кардинальный пересмотр всего исторического прошлого России, сопровождающийся резкой критикой ее культурных основ, проигрывающих, по мнению

многих исследователей, западным образцам, и поэтому требующих их немедленной замены. Все это не может не влиять, с одной стороны, на систему ценностей молодых людей, родившихся на рубеже XX—XXI веков, а, с другой, на их *образ будущего*, причем именно эти факторы в значительной степени определяют историческое будущее нашей страны, в силу чего их исследование, являющееся **целью данной работы**, представляет огромный интерес.

## **Экспериментальное исследование системы ценностей и образа будущего поколения Z**

### Методология и методики исследования

**Методологическую основу** исследования составили:

– базовая идея о знаке как орудии психической деятельности и средстве для управления собственным поведением и поведением других, сформулированная в культурно-исторической теории (Л.С. Выготский);

– принципы общепсихологической теории деятельности, лежащие в основе представлений о специфике функциональных систем, обеспечивающих содержание индивидуального сознания (А.Н. Леонтьев);

– тезис о личностном смысле слова, проявляющемся через структуру психологически реального значения (А.А. Леонтьев), дальнейший анализ содержания которой позволяет реконструировать уже сам мотив деятельности, представляющий собой материальный или идеальный предмет потребности, воспринимаемый чувственно или данный только в мысленном плане (А.Н. Леонтьев).

**Основными методами** исследования являлись:

– свободный ассоциативный эксперимент (далее АЭ) со стандартной инструкцией, проведенный в два этапа;

– метод семантического дифференциала (стандартный шкалированный вариант, далее СД).

На первом этапе АЭ респондентам было предъявлено слово *ценности*, относящееся к категории амодальных стимулов, восстановление смыслового содержания которых, несмотря на всю сложность, является, по мнению психологов, весьма продуктивной процедурой, так как интерпретация полученных в ходе эксперимента ассоциативных реакций дает возможность понять ту «замещающую реальность», детерминированную деятельностным контекстом и основанную на идентификации «воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния» [12. С. 156], которая стоит за словом в сознании человека.

На втором этапе в ходе обратного АЭ стимулом стало слово *семья* — первая ассоциативная реакция (далее АР), данная респондентами на слово *ценности*. В психологии такие реакции считаются наиболее показательными и используются для более глубокого исследования содержания, стоящего за стимулом.

Частотные и, следовательно, самые информативные в групповом АЭ реакции (употребленные не менее 3 раз), послужили материалом для построения ассоциативных семантических универсалий для исследуемой группы, которые затем были проанализированы качественно.

Метод семантического дифференциала, использованный далее в ходе исследования для оценки респондентами своего *образа будущего*, является модифицированной процедурой субъективного шкалирования, задающей многомерное пространство оценивания используемого стимула, что позволяет делать выводы о значимости определенных смысловых признаков исследуемого феномена в индивидуальном или групповом сознании.

Первичные результаты были представлены в двухмерной матрице, обработка включала в себя вычленение групповых универсалий оценки — списка координат, выделенных для данного стимула и одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых [12] и их качественный анализ.

Респондентами в исследовании были студенты вуза (n=25), получающие профессии гуманитарного профиля, средний возраст 21 год.

### Результаты и их интерпретация

На первом этапе АЭ на стимул *ценности* было получено в общей сложности 128 АР. В соответствии с планом исследования на следующем этапе в этой же группе респондентов в качестве стимула в ходе АЭ использовался стимул *семья*, на которое было получено 117 АР.

Ассоциативное поле стимула *ценности*, полученное в ходе первого этапа эксперимента, оказалось весьма интересным по своей структуре. Как уже упоминалось выше, его ядро — АР *семья* (ранг частоты 1) — практически в три раза превышает реакции *жизнь* и *деньги*, получившие ранг частоты 2—3. На третьем месте (ранг частоты 4—5) оказались АР *любовь* и *традиционные*, при этом в ходе дальнейшей беседы с респондентами было выяснено, что реакция *традиционные* относится к формальным и в норме должна стоять в одном ряду с такими реакциями как *семейные*, *мораль*, *нравственные*, *духовные*, *материальные*, *личные*, которые были единичными и имели ранг частоты 13—24 (кроме АР *мораль* и *нравственные* с рангом 6—12, но тоже относящимися к дальней периферии поля). Группа этих реакций может рассматриваться как стереотип, сформированный еще в средней школе, особенно при подготовке к ЕГЭ, и закрепленный в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла в вузе.

Таким образом, реальными ценностями для наших респондентов оказались только три феномена — *семья*, *жизнь*, *деньги*, т.е. те АР, которые оказались в ядре и ближайшей периферии АП.

Особо интересна в данном ряду АР *деньги*, так как она имеет общую сему с АР *богатство* и *золото* (ранг частоты 6—12), а также АР *богатства* и

*бриллиант* (ранг частоты 25—63), а объединение всех этих реакций в одну группу переформатирует ядро, перемещая *материальные ценности* на второе место и практически уравнивая их с *семьей*. Ценность *жизнь* смещается к ближней периферии, сближаясь со следующей группой компонентов, следующих за ядерными — *свобода, культура, дружба* (ранг частоты 6—12). Доминирует в этом случае АР *дружба*, которая может быть объединена с АР *друзья* (ранг частоты 13—24).

В целом АР с рангом частоты 13—24 размещаются в дальней периферии ассоциативного поля, остальные реакции, имеющие ранг частоты 25—63 и представляющие собой самую многочисленную группу реакций (104 АР из 128, т.е. 81,25%), являются индивидуальными, однако именно они, если судить по их количеству и разнообразию, и будут определять в ближайшее время сдвиг в смысле слова *ценности* в групповом сознании поколения Z, одновременно указывая на его диффузный характер.

Групповая семантическая универсалия слова ценности имеет следующий вид: *семья, материальные ценности, жизнь, любовь, дружба, культура, свобода*.

Ранги частоты, приписываемые АР в ходе анализа, позволяют не только построить семантическую универсалию, но и выявить условную «меру» выраженности параметров исследуемого стимула, те его характеристики, которые являются наиболее информативными для характеристики группы, раскрывая мотивы поведения и, таким образом, давая исследователю возможность строить прогнозы о направлениях деятельности ее членов. В нашем случае в структуре смысла слова *ценности* ассоциативный «вес» *семьи* — 0,64, *материальных ценностей* — 0,48, *жизни* — 0,24, *любви* — 0,16, *свободы, дружбы и культуры* — 0,12. Как представляется, эти цифры дают достаточно веские основания полагать, что в ближайшем будущем поколение Z будет сосредоточено на собственной семье и достижении материального благосостояния, причем для реализации этих целей могут быть использованы любые средства, так как ценности *нравственности* и *морали* в их сознании явно проигрывают стремлению к личному благополучию.

Смысловое содержание слова *семья*, которое оказалось самой частотной АР на стимул *ценности*, представлено в содержании его ассоциативной семантической универсалии, включающей следующие реакции: *дом, любовь, мама, тепло, забота, дети, близкие, защита, родители, счастье, ячейка*.

В данном случае обращают на себя внимание следующие моменты.

Во-первых, в отличие от семантической универсалии и АП стимула *ценности*, здесь практически отсутствуют реакции, которые могут быть интерпретированы как формальные, к которым могут быть отнесены лишь несколько стереотипных АР — *ячейка* (ранг частоты 7—11), *образцовая, социальный институт, неполная* (ранг частоты 19—61).

Во-вторых, в групповом сознании *семья* воспринимается как объединение близких не только по крови людей, прежде всего *родителей и детей*.

В данном случае *близость* оказывается общей семей для целой группы АР (общее количество — 27 АР), причем в круг близких, кроме родственников, включаются *любимая/любимый, люди, муж, жена*, за счет чего *близкие* становятся центром АП наряду с *домом*, определение которого уточняется одним из испытуемых весьма показательным и емким способом: *теплый, уютный дом, где все-все-все*. Именно это «все-все-все» уточняется АР, составляющими ассоциативную универсалию: *любовь, счастье, тепло* — это чувства, отражающие в сознании феномен *дома*; *забота, защита* — действия, которые должны помочь создать и поддерживать такие чувства.

В-третьих, большая часть индивидуальных АР, расположенных в дальней периферии, с одной стороны, может рассматриваться как расширяющие смысловое содержание понятия *семья*: группу АР *взаимопонимание, поддержка, уважение, доброта, компромисс, вместе, помощь* объединяет общая сема *забота*; общей семей для группы АР *крепость, опора, ответственность, спасение, тыл* является *защита*; в сему *дом* как понятие входят АР *уют, самое важное, борщи* и т.д. Но самое важное, на наш взгляд, заключается в том, что в сумме все эти АР, которые, в основном, образуют ассоциативное поле стимула, ярко отражают главный мотив создания семьи — поиск психологической опоры и защиты.

В-четвертых, структура ассоциативного поля и сами АР, составившие его, показывают, что, в отличие от *ценностей*, смысловое содержание слова *семья* в групповом сознании оказывается такой системой, в структуре которой четко выделяются полярные качества феномена: а) положительные (их большинство), обусловленные ожиданиями, основанными на потребностях; б) отрицательные (последние в меньшей степени), детерминированные, как можно предполагать, деятельностным опытом респондентов.

Результаты АЭ, как прямого, так и обратного, на следующем этапе были использованы для сравнения ассоциативных полей слов *ценности* и *семья* с целью выявления смысловой близости этих феноменов в сознании наших респондентов. Минимальный коэффициент пересечения ассоциативных полей оказался равен 13,1% (0,131), причем выявилось, что «ассоциативный вес» одинаковых компонентов, но вошедших в разные ассоциативные поля (АП стимула *ценности* и АП стимула *семья* соответственно), значительно отличается: в АП стимула *ценности* «вес» *жизни* — 0,24, *любви* — 0,16, *ответственности* — 0,04, в АП стимула *семья* он составляет для *жизни* — 0,04, *любви* — 0,56, *ответственности* — 0,08. Иными словами, *жизнь* как приоритетная ценность уступает место *любви* и *ответственности*, если речь идет о близких людях и *семье* как самом важном, о том «месте», где человек чувствует себя не только счастливым, но и закрытым, отделенным от остального мира, остающегося за рамками круга тех, кого он оберегает и кто оберегает и поддерживает его.

Данные, полученные в исследовании *образа будущего* с помощью семантического дифференциала, были обработаны путем подсчета частоты

встречаемости признаков, которая, как уже упоминалось выше, является свидетельством их значимости в сознании респондентов. В нашем случае выбирались дескрипторы (левый — при знаке минут, правый — при знаке плюс), названные не менее чем 75% испытуемых, и входящие в один из диапазонов отступа.

По результатам эксперимента при оценке своего *образа будущего* в универсалию его описания вошли шкалы (при 10% отступе): *активный* (-2,38), *достойный* (-2,79), *обеспеченный* (-2,46), *понимающий* (-2,75), *насыщенный* (-2,29), *привлекательный* (-2,29), *положительный* (-2,50), *ответственный* (-2,67), *истинный* (-2,46), *миролюбивый* (-2,58), *уважительный* (-2,67); *дружеский* (2,54), *настоящий* (2,54), *комфортный* (2,21), *интересный* (2,54), *осмысленный* (2,46), *нравственный* (2,21), *добрый* (2,42), *счастливый* (2,54), *сытый* (2,29).

Если рассматривать *образ будущего* как систему с определенной структурой, отражаемой в выделяемых в ходе исследований шкалах, которая включена с более крупную систему смыслов (так называемый парадокс иерархичности), то можно предполагать, что видение нашими респондентами своего *образа будущего* вполне соответствует доминирующим в их системе смысло-жизненных ориентаций ценностям. В этом случае велика вероятность того, что их ожидания от *семьи* актуализированы в шкалах *понимающий, положительный, ответственный, миролюбивый, уважительный, нравственный, добрый, счастливый; материальные потребности* — в шкалах *достойный, обеспеченный, комфортный, сытый*; а сама *жизнь*, куда можно включить такие компоненты, как *любовь, дружба, культура и свобода*, отражается в шкалах *активный, осмысленный, насыщенный, привлекательный, истинный, настоящий*. И в данных обстоятельствах, как представляется, наиболее заслуживающим внимания фактом является то, что интересы и, соответственно, осмысленная активность личности, придающая истинный смысл ее жизни (что, собственно, подтверждается в последующих беседах с респондентами), направлена, прежде всего, на достижение индивидуального счастья и комфорта (шкала *достойный* связывается не с *нравственностью*, имеющей самую низкую частоту в группе, а с материальными благами), а само общество воспринимается как среда, с которой индивид практически не объединен какими-либо ценностями, символами или устоями.

## Заключение

Основным итогом проведенного исследования является выявленная специфика системы ценностных ориентаций и видения своего *образа будущего* представителями поколения Z в современной России.

На первый взгляд, явно проявляющиеся особенности этой системы, где в фокусе оказывается собственное Я, счастье которого непосредственно соотносится с семьей, близкими по духу людьми и материальным благополучием,



свидетельствуют об изменении связей между элементами структуры смысло-жизненных ориентаций, сдвиге морально-нравственных ориентиров с общественного блага, служения Отечеству, родной стране, на индивидуальное процветание. И в этом случае существует соблазн интерпретировать полученные данные как постепенную замену ценностей традиционной русской культуры на ценности индивидуалистического общества.

Однако лежащее на поверхности объяснение не всегда оказывается верным, более того, оно может быть в корне ошибочным. Если исходить из утверждения о том, что личность всегда несет в себе печать этно-национальных особенностей [11] (отметим, что мы полностью его разделяем), то именно эти особенности, как убедительно доказывает К. Касьянова, на конкретных этапах развития цивилизации определяют внутренние мотивы поведения личности по отношению к государству как одному, причем весьма узкому срезу общества, которое является жесткой фиксацией некоторых основных параметров всего социума в определенном его состоянии. В периоды, когда «социальные архетипы» вступают в противоречие с этой внешней и общепризнанной формой, устроенной по западноевропейскому образцу, индивидуальное сознание начинает руководствоваться в своем целеполагании тем, что является более значимым для него — заложенными в сознание человека бессознательными культурными структурами [13]. Для русского национального характера, чей архетип содержит глубокое отчуждение сферы неформальных отношений от государства, главным является семья и первичное диффузное общение [там же], поэтому вполне возможно, что именно эти приоритетные системы отношений, определяющие функционирование всех наших неформальных групп, на подсознательном уровне обуславливают выявляемую у современного молодого поколения систему ценностей.

Безусловно, высказанные здесь предположения могут рассматриваться только как гипотезы, тем более что проведенный эксперимент носит пилотажный характер. Однако актуальность самой проблемы содержания системы смысло-жизненных ориентаций поколения Z, ее связи с культурой и «социальными архетипами» вряд ли вызывает сомнение, а поэтому ее изучение, как нам представляется, необходимо продолжить.

### Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Изд-во Лабиринт, 2010.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Издат. центр «Академия», 2004.
5. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 162—171.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.

7. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
8. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004.
9. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://destruction.narod.ru/karaulov\\_jasikovaja\\_lichnost.htm](http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm) (дата обращения: 09.01.2021).
10. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. стереотип. М.: URSS, 2019.
12. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999.
13. Касьянова К. О русском национальном характере [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.hrono.ru/libris/lib\\_k/kasyan0.php](http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kasyan0.php) (дата обращения: 17.01.2021).

## References

1. Bakhtin, M.M. (1979). *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Art. (In Russ.).
2. Potebnya, A.A. (2010). *Thought and Language*. Moscow: Publishing house Labyrinth. (In Russ.).
3. Husserl, E. (2009). *Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*. Moscow: Academic project. (In Russ.).
4. Leontiev, A.N. (2004). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl; "Academy". (In Russ.).
5. Leontiev, A.N. (1984). Needs, Motives and Emotions In: *Psychology of emotions*, VC. Vilyunas, Yu.B. Gippenreiter (eds.). Moscow. pp. 162—171. (In Russ.).
6. Leontiev, D.A. (1999). *Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaningful Reality*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
7. Heidegger, M. (2003). *Being and Time*. Kharkov: Folio. (In Russ.).
8. Vygotsky, L.S. (2004). *Psychology of Human Development*. Moscow: Mysl'; Eksmo Publishing House. (In Russ.).
9. Karaulov, Yu.N. *Russian Linguistic Personality and the Tasks of its Study* [Electronic resource]. URL: [http://destruction.narod.ru/karaulov\\_jasikovaja\\_lichnost.htm](http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm) (accessed: 09.01.2021). (In Russ.).
10. Ananiev, B.G. (2001). *On the Problems of Modern Human Science*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
11. Karaulov, Yu.N. (2019). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: URSS. (In Russ.).
12. Artemyeva, E.Yu. (1999). *Foundations of the Psychology of Subjective Semantics*. Moscow: Nauka; Smysl. (In Russ.).
13. Kasyanova, K. *On Russian National Character* [Electronic resource]. URL: [http://www.hrono.ru/libris/lib\\_k/kasyan0.php](http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kasyan0.php) (accessed: 17.01.2021). (In Russ.).

### Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»; научные интересы: психолингвистика, когнитивная лингвистика, теория дискурса; email: [aribubnova@gmail.com](mailto:aribubnova@gmail.com); ORCID iD <https://orcid.org/0000-0002-1024-600X>, SPIN-код автора: 8509-4941.

### Information about the author:

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor. Head of Foreign Philology Chair Institute of Humanities Moscow City University; Research interests: psycholinguistics, cognitive linguistics, discourse theory; email: [aribubnova@gmail.com](mailto:aribubnova@gmail.com); ORCID ID 0000-0002-1024-600X, author's SPIN code: 8509-4941.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301  
УДК 81'27

Научная статья / Research article

## Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка

И.В. Шапошникова

Институт филологии Сибирского отделения РАН  
8630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8  
[i.shaposhnickowa@yandex.ru](mailto:i.shaposhnickowa@yandex.ru)

**Аннотация.** Исследуется вопрос о методологической значимости разработанной Ю.Н. Карауловым концепции языковой личности (ЯЛ) при построении теории языка и экспликации русской ЯЛ на экспериментально полученной модели ассоциативно-вербальной сети (АВС) в конце прошлого века. Как видоспецифичная универсалия человека ЯЛ может изучаться междисциплинарно при синтезе новейших фактологических и методологических достижений разных наук о человеке. Концепция ЯЛ интегрирует в теоретическую модель все подлежащие междисциплинарному рассмотрению аспекты функционирования языка, выделенные ранее Ю.Н. Карауловым: системно-структурный, историко-культурный, психологический, социо-коммуникативный, чем создает условия для комплементарного использования господствующей системно-структурной модели описания языка как внешнего объекта и актуальной модели языка внутри человека. Разные аспекты человекообразования связываются в ряде наук о человеке с сетевыми подходами к их изучению; Ю.Н. Караулов доказал, что ЯЛ эксплицируется в конкретном национально-культурном варианте на модели ассоциативно-вербальной сети (АВС). Это позволяет автору статьи обратиться к разработанному в антропологии понятию интенциональной личности, экстраполируя интенциональность на РЯЛ как установочно-смыслоорганизующий фактор в диалоге носителей смыслового поля одной культуры, где фиксируются установки, проецирующие системность в АВС. В отличие от других сетевых моделей, АВС отражает спонтанно сложившиеся в ходе социализации доминантные социо-коммуникативные установки ЯЛ испытуемых. Утверждается положение о смысловых акцентуациях как единицах анализа РЯЛ, представленных флуктуациями устойчивости ассоциативных доминант на макро- и микроструктуре АВС; наблюдаемые в ней эмпирические факты предлагается расценивать как исходные для построения гипотез о психодинамических процессах при изменчивости социо-коммуникативной среды. Флуктуации устойчивости ассоциативных доминант на рубеже веков показаны на статистике параметров РЯЛ в сети новейшей Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС1 [2008—2013] и СИБАС2 [2014—2020] при сопоставлении с Русским ассоциативным тезаурусом (РАС), полученным российскими психолингвистами в годы перестройки [1988—1997] при активном участии Ю.Н. Караулова.

**Ключевые слова:** универсалия человека, концепция русской языковой личности, системность и интенциональность, смысловые акцентуации, ассоциативные доминанты, интеграция наук о человеке, построение теории языка

© Шапошникова И.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**История статьи:**

Дата поступления: 25.01.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

**Для цитирования:**

Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 279—301. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301

UDK 81'27

## **Integrating Role of the Conception of Language Personality in the Development of the Theory of Language**

**Irina V. Shaposhnikova**

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences  
8, St. Nikolayeva, Novosibirsk, Russian Federation, 630090  
i.shaposhnickowa@yandex.ru

**Abstract.** The article discusses the psycholinguistic explication of the phenomenon of the *Russian language personality* (RLP) on the experimentally obtained *associative-verbal-network* (AVN) model at the end of the XXth century and the methodological contribution of the RLP conception, proposed by Yu.N. Karaulov, to the development of a general theory of language. As a human-species-specific universal, LP can be studied within an interdisciplinary approach which suggests a *complementary synthesis* of the latest methodological and factological achievements in different branches of human sciences. All the facets of language functioning (systemic-structural, historical-cultural, psychological, and socio-communicative), that were highlighted earlier by Yu.N. Karaulov, are subject of interdisciplinary consideration, integrated within the conception of LP. Thus, conditions are created for a complementary use of the structural theory of language (whereby the *language* is viewed as *an external object*) and a current theory of *language within a person*. Network approaches, widely used in a number of human sciences, help to identify different aspects of human formation. Yu.N. Karaulov proved that LP can be explicated only as *a culturally-specific variety* on the AVN model. This allows the author of the article to refer to the notion of *intentional personality*, that has been proposed by ethnologists and cultural anthropologists for their studies of the motivational aspects in socio-communicative interactions within a single cultural community. The author finds it appropriate to extrapolate the concept *intentionality* to the LP as a sense-generating and sense-organizing entity setting more-or-less flexible systematic stability to the person's internal image of the world and projecting this, often illogically organized, systematicity to the AVN. The advantages of using AVN model, in contrast to other network approaches, consist in its being capable to reflect the *dominant socio-communicative attitudes* which developed spontaneously by a natural order of emergence as the result of socialization of the studied community members. The author proceeds from an assumption about *semantic accentuations* of the LP as the units of analysis which are represented by *fluctuations of associative dominants* at the macrostructure and microlevels of the AVN; the empirical findings collected in the AVN may be regarded as initial data encouraging investigators to build hypotheses about the psychodynamic processes reflecting variability in socio-communicative environment. The range of fluctuations of the associative dominants at the turn of the century is shown as the statistic dimensions of the RLP in the network from the newest Russian regional associative database СИБАС1 [2008—2013] and СИБАС2 [2014—2020] in comparison with the Russian associative thesaurus (RAS) previously

obtained by Russian psycholinguists, with Yu.N. Karaulov's active participation, in the years of perestroika [1988—1997].

**Keywords:** human-species-specific universals, the conception of the Russian language personality, systematicity and intentionality, semantic accentuations, associative dominants, integration of human sciences, construction of a general theory of language

**Article history:**

Received: 25.01.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Shaposhnikova, I.V. (2021). Integrating Role of the Conception of Language Personality in the Development of the Theory of Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 279—301. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301

## Введение

Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова занимает центральное место в его научном наследии. Системное теоретическое описание РЯЛ и экспликация этого феномена в ассоциативном тезаурусе русского языка (эксперимент 1988—1997 гг.) [1] создали условия для дальнейшего развития междисциплинарных исследований в лингвистике в связи с новыми потребностями общества. Осмысляя концепцию ЯЛ, следует отметить общий, характерный для насыщенного бурными событиями конца XX века когнитивный контекст основных вызовов эпохи, на которые науке нового столетия (в особенности психологии) предстояло дать ответы. А.Г. Асмолов определяет их как «вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» [2. С. 13]. Д.А. Леонтьев называет *неопределенность центральной проблемой психологии личности* [3. С. 40], смещающей акцент на *психодинамику* как область исследования и принцип саморегуляции живой системы. В его основе лежит тезис «о том, что протекающий в настоящем процесс активности живого организма или сложной целеустремленной системы определяется не устойчивыми априорными характеристиками, а актуальным взаимодействием с миром, управляемым обратными связями; *устойчивые структуры, напротив, порождаются и закрепляются в этом взаимодействии как его продукт*» [4. С. 302] (курсив наш — И.Ш.). Общая, как нам думается, для психологии и лингвистики концентрация на функционально-смысловом, психокогнитивном содержании личности как саморегулирующемся динамическом смысловом поле с учетом ее включенности в смысловое поле культуры и будет в центре внимания нашего исследования. ЯЛ как доступный для разнообразного изучения объект актуален и для общей психологии личности, поскольку в нем воплощается видоспецифичная универсалия человека. Исследование факторов целостности и изменчивости феномена ЯЛ может стать одним из источников информации для понимания степени свободы и предопределенности в саморегуляции и самоорганизации

человека, поскольку, с одной стороны, ЯЛ индивида сама является продуктом взаимодействия его двух сигнальных систем, с другой стороны, физиологи убедительно свидетельствуют в пользу «ведущей роли вербально-смысловых структур мозга в организации процессов сознательной произвольной деятельности человека» [5. С. 111]<sup>1</sup>.

### **Языковая личность — видоспецифичная универсалия человека**

В качестве универсалии ЯЛ исследуется и познается в разных системах координат, как и все изменчивые объекты. Для ее адекватного изучения требуются соответствующие методологические приемы, учитывающие смыслопорождающую природу объекта, способные строить и изучать отражающие его динамику модели. Такие модели неизбежно обращаются ко всему комплексу фундаментальных вопросов изучения видоспецифичной для Homo Sapiens организации его психики — сознания. Как *смыслопорождающий* объект ЯЛ способна создавать знаковые системы, единицы которых соотносимы с чем-то, что находится вне их самих; оперируя этими системами (с *ограниченным* набором единиц), взаимодействуя друг с другом, ЯЛ могут *бесконечно* создавать, насыщать разнообразными смыслами и передавать через научение и подражание (коммуникативно-когнитивную деятельность) смысловое поле культуры, с помощью которого человеческие сообщества *регулируют* свои внутренние отношения и отношения с внешним миром. Деятельность человека *осмыслена, активна* и отличается *направленностью* на объекты внешнего мира, круг которых с развитием цивилизации постоянно расширяется, включая уже не только конструирование содержания сознания себе подобных, но даже и их генетический код.

У младенца *языковая способность* формируется при определенных условиях и в соответствии с *общими, эволюционно обретенными закономерностями*. Эта универсалия воплощается только в специфической форме в зависимости от интериоризируемой ребенком, родной для него культуры и поэтому *формирование языковой личности в онтогенезе отвечает специфическим закономерностям*, связанным с комплексом факторов *в системе конкретной культуры*. Такова и русская языковая личность как *универсалия мира русского языка и культуры*<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ср. сформулированный Е.И. Бойко «универсальный для организации целенаправленного поведения человека принцип второсигнального управления афферентацией... сложная афферентация, необходимая для осуществления целенаправленных актов поведения, является не только (и даже не столько) результатом стихийных внешних воздействий, но результатом их взаимодействия со структурами второй сигнальной системы, которая регулирует, контролирует и в известном смысле организует потоки возбуждения, складывающиеся в проекциях непосредственных первосигнальных раздражителей» [5. С. 26].

<sup>2</sup> Ср. приведенный Н.И. Чуприковой нейробиологический постулат о совершенствовании интегративной деятельности мозга по мере возрастного развития и обучения, не оставляющий

Как универсалия в узком смысле слова, функциональный продукт обретенной человеком эволюционно в филогенезе речевой способности, ЯЛ познается в нескольких логических системах координат: с опорой на методологию и фактологию генетики, эволюционной биологии, психологии, антропологии, нейрокогнитивных наук и иных отраслей, занимающихся вопросами филогенеза. Как универсалия в расширенном (историко-культурном и психокогнитивном) смысле в рамках смыслового поля конкретной культуры она подчиняется закономерностям иного порядка, которые познаются в более приземленном, содержательно-смысловом ракурсе. Но они тоже многомерны и при их интерпретации требуется обращение к разным системам координат. Особое место в практике изучения ЯЛ следует отвести сетевым подходам, которые широко используются в разных науках, в том числе и в науках о человеке (см. сноску 2 выше).

### **Язык как объект междисциплинарного исследования**

В каком отношении с существующими теоретическими моделями описания языка находится концепция ЯЛ? Психолингвисты давно обратили внимание на тот факт, что ученые оперируют, как минимум, двумя разными ракурсами рассмотрения своего объекта, называя термином *язык* такие разные сущности как *речевая организация человека*, его *речевая деятельность*, *языковой материал* (тексты, «первичный продукт» в терминах А.А. Залевской) и собственно *систему языка* (точнее, ее «*логико-рациональную описательную модель*»). Первые три, в теоретической интерпретации А.А. Залевской, представляют собой *достояние носителя языка и культуры*, естественно протекающие процессы, а четвертая — «вторичный», но часто трактуемый как самостоятельная система, продукт рефлексии ученого (см. схемы у [6. С. 260—261], в которых раскрываются оппозиции, эксплицирующие эти две ипостаси теории языка). Названное противоречие осознается многими учеными и побуждает некоторых из них к разработке интегрирующих подходов (см., например, критический обзор [7. С. 680 — 767]). Так, А.А. Залевская последовательно развивает «интегративную теорию языка как достояния

---

сомнения в том, «что характеристики процессов интегративной деятельности мозга человека не могут быть свободны от влияния культуры в широком смысле слова. Наоборот, это влияние должно быть достаточно велико и должно сказываться на всех показателях интегративной деятельности. ...любой нейрон ЦНС так или иначе, через большее или меньшее число промежуточных нейронов, морфологически связан с каждым другим нейроном. Однако из всего этого неисчислимого множества преусуществующих связей только небольшая часть становится актуально работающей в результате опыта и научения. ...под влиянием совместного действия воспринимаемых раздражителей, текущей поведенческой активности и подкрепления изменяются функциональные свойства задействованных нейронов и это приводит к переводу потенциальных преусуществующих морфологических связей в актуальные, к формированию специфических актуальных нейронных констелляций, которые составляют субстрат опыта и научения» [5. С. 314].

человека», способную учесть «неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой» [6. С. 488]. Л.Г. Зубкова рассматривает идею о том, что «Подлинно системное целостное знание о сущности языка достижимо лишь исходя из триединства мира, человека и языка, из единства разносторонних связей и свойств человека» [8. С. 29]. Вслед за Г.П. Мельниковым она делит лингвистические теории на часто отрицающие друг друга и противоречащие друг другу аспектирующие концепции и синтезирующие, позволяющие перейти к рассмотрению «*сущности языка как органического целого*» [8. С. 29]. К аспектирующим автор относит и господствовавшую в прошлом веке концепцию языка как структурно организованной системы. Как и для всех других аспектирующих концепций прошлого, для нее характерно «*непонимание триединства мира, человека и языка, метафизическое противопоставление природного и социального, физического и психического, индивидуального и общественного в языке и его носителе — человеке*» [8. С. 30]. Эти мысли Л.Г. Зубковой перекликаются с взятыми за основу концепции ЯЛ положениями Ю.Н. Караулова о достижении с ее помощью «определенного баланса в соотношении фундаментальных свойств языка друг с другом» [9. С. 8]. Речь о таких свойствах языка (названных им «парадигмальными устоями» лингвистики), как: «его исторический характер, социальная природа, системно-знаковое устройство и психическая сущность» [9. С. 8].

Нам представляется необходимым в рамках такой дискуссии обратиться к оппозиции внутреннего и внешнего. Последняя предполагает при построении теории языка возможность учета обоих ракурсов его рассмотрения. Первый ракурс основан на построении модели языка по аналогии с объектами естественных наук: *язык как внешний объект*. Будучи таковым, он допускает рассмотрение в качестве имеющего свои границы физического объекта, в котором усматривается структурно организованная субстанция, функционирующая как сложная знаковая система, адаптированная под коммуникативно-когнитивные потребности человека. Системность языка по законам логической интерпретации выявляется через анализ явлений, которым предписывается статус закономерных на основе наблюдения за первичными продуктами использования языка — текстами, дискурсом, за тем, как другие люди пользуются языком. Система строится из имеющих рационально-логически обоснованную поуровневую и типологическую строевую специфику единиц, абстрагированных от многообразия своих доступных непосредственному эмпирическому наблюдению материальных воплощений в текстах. В такой модели язык *воплощается преимущественно в качестве линейных структур*.

Второй ракурс оперирует моделью *языка как внутреннего объекта* (идея о языке в человеке пронизывает все работы Ю.Н. Караулова). Его материальная психофизиологическая и психокогнитивная основа, имеет *телесную воплощенность*. Единицы выявляются через многомерные связи, они не могут порождаться вне чувственной ткани носителя языка и функционируют при взаимодействии его сигнальных систем. Свойства языка в таком



ракурсе рассмотрения познаются в настоящее время преимущественно на *сетевой модели*. Ее *системная* организация детерминирована *языковой личностью* на *смысловой* основе. Исследования на такого рода моделях особенно активировались в связи с развитием программ создания искусственного интеллекта (ИИ).

Таким образом, через призму оппозиции внутреннего и внешнего выстраиваются две модели, которые развиваются на разном материальном субстрате, используют разные группы методов, исходящие из различий целеполагания, имеют эвристический потенциал разной направленности на решение разных задач и потребностей общества в научных знаниях. Их объединяет *онтологический статус* общего объекта — языка в широком смысле, во всех аспектах его воплощения, но разъединяют *гносеологические* (методологические) ракурсы рассмотрения объекта. *Концепция ЯЛ* обладает *интегрирующей* силой по отношению к обеим моделям, поскольку ЯЛ может изучаться в разных гносеологических координатах: и на линейных структурах, и в многовекторном сетевом пространстве с телесной воплощенностью мультимодальности и многомерности наполняющего знак содержания.

Интегрирующий статус концепции ЯЛ внушает надежду на то, что она обладает эвристическим потенциалом в исследовании фундаментальных проблем, имеющих только междисциплинарное решение на новом витке развития науки. Одна из них: соотношение Языка и Сознания (Мышления) — центральная для построения теории языка, претендующей на объяснительную силу в поле пересечения интересов разных наук. Эта более общая проблема проявляет себя в соотношении *языковой модели мира* (ЯММ) и *концептуальной* (КММ), она тесно связана с различными способами упорядочения лексики в лингвистике при решении прикладных задач. Какая бы методика упорядочения лексики ни применялась разными отраслями междисциплинарной лингвистики (формализация языка в компьютерных разработках, лексико-статистические приемы в глоттохронологии, реконструкция картины мира архаичной культуры, статистические модели описания динамики языковых процессов, ассоциативная лексикография и пр.), практически все подходы в той или иной мере объединяет высказанная Ю.Н. Карауловым при разработке тезауруса РЯЛ *идея о несводимости* КММ к ЯММ [10. С. 267—274], которая, как нам кажется, получает все большее осмысление и становится очевидной в современном контексте, особенно при попытках построения ИИ.

К признанию значимости концепции ЯЛ в качестве интегрирующего фактора в решении фундаментальных проблем соотношения языка и мышления нас во многом подводит логика рассмотрения вопроса в разные периоды истории отечественной науки. Вспомним леонтьевское «Язык — не демиург значений», идею о том, что без чувственной ткани нет и мыслительного процесса [11. С. 100]; выделение Л.С. Выготским значений в качестве единиц научного анализа сознания и дальнейшее исследование соотношений лингвистического и психологического в ходе теоретической разработки проблемы

«движения значений» вместе с другими аспектами человекообразования в теории речевой деятельности [12. С. 476; 11. С. 100—104]. Фактический вынос проблемы соотношения языка и мышления (достижения понимания, как разрешения противоречий между КММ и ЯММ) за пределы аспектирующей концепции системно-структурной модели языка, поиск ее решения не в системе языка, а в речевой деятельности с открытием универсального предметного кода (УПК) Н.И. Жинкиным [13]. Развитие аналогичных положений в концепции психолингвистики текста у А.И. Новикова, в чьих работах также утверждается положение о том, что противоречия смыслопорождения и смысловосприятия снимаются в общении (коммуникация рассматривается как момент понимания) [14]. Немалую роль сыграли выполненные в развитие теоретических положений Л.С. Выготского и А.Р. Лурии нейролингвистические исследования афазий с последующим обоснованием моделей порождения речи А.А. Леонтьева—Рябовой: 1967—2005 [15. С. 395—416]. Из относительно недавних когнитивных разработок следует выделить предложенные А.Д. Кошелевым модели онтогенеза базисных понятий, по сути, эксплицирующих один из аспектов работы УПК [16; 17]. В них предметно-двигательные сенсорные концепты исследуются как основа развития ЯЛ. Наконец, концепция РЯЛ Ю.Н. Караулова [9] с обоснованием несводимости КММ к языковой, открытие им ассоциативной грамматики [18], апробация теоретической модели в масштабе ассоциативного тезауруса [1]. Само создание такой модели есть *экспликация факта существования РЯЛ* как нелинейно организованной стохастической системы через выявление и измерение ее основных ассоциативных параметров, моделирование гиперсетевой организации ее узлов и многомерных связей. Последнее активировало усилия психолингвистического сообщества по созданию широкой *эмпирической базы* для построения *динамических сетевых моделей*, открывающих перспективу решения различных прикладных задач.

Следует отметить, что упомянутые психолингвистические разработки проводились параллельно с подходами, утверждавшимися на доминировавшей до последнего времени модели языка как внешнего объекта, где сознание (мышление) и язык рассматривались преимущественно как абстрактные компоненты в рамках дихотомии при попытках определить направленность детерминирующих отношений в ту или иную сторону без возможности опереться на достаточную доказательную базу с отчуждением этих сущностей от их материального носителя. Это порождало противоречия интерпретаций: абстракция сама по себе не мыслит. Мыслит человек. Феномен ЯЛ заставляет нас задуматься о невозможности реализации сознательных процессов вне носителя, с одной стороны. С другой стороны — об ущербности интерпретации отношений между языком и сознанием (мышлением) как онтологически абстрактными сущностями. При последовательно одностороннем, абстрагирующемся от субъекта-носителя подходе гносеологическое имеет тенденцию подменять собою онтологическое.

В концепции ЯЛ преодолевается это отчуждение. Ее понятийный аппарат определен достаточно внятно в своих границах, чтобы быть приложимым к междисциплинарной оценке гипотез о закономерных связях языковых и когнитивных процессов, которые выявляются разными науками о человеке и не могут оставаться неучтенными в лингвистике. Так, концепция ЯЛ позволяет должным образом оценить важность нейрофизиологического подхода, не предписывая ему самодостаточности (для широких теоретических интерпретаций в лингвистике), избегая тем самым ставшего заметным в последние десятилетия редукционизма психологического к нейрофизиологическому. ЯЛ имплицитно за отраженной в нейрофизиологическом субстрате работой анализаторов доказанную в разнообразных экспериментах связь с психокогнитивным аспектом, ответственным за вербально-смысловое управление работой анализаторов (см., например, многочисленные эксперименты, описанные в монографии: [5]).

### **Сетевые модели как основа для междисциплинарного исследования ЯЛ**

Сетевые модели широко используются в нейрокогнитивных исследованиях. В этой связи рассмотрим некоторые значимые для общей теории языка постановки проблем, поиск решения которых активно ведется в нейрокогнитивистике на экспериментальной основе с применением новых технологий и инструментов. Наблюдая за дискуссиями в этой области и рефлексией ученых по поводу методологии и качества достижимых с ее помощью результатов, нельзя не отметить, что специалистами признается не только *революционность* используемых в настоящее время технологий для понимания работы мозга, но и невозможность по ряду направлений игнорировать полученные этими отраслями результаты при построении общей теории языка [19]. Речь идет о таких методах, как *визуализация* изменений гемодинамической, электрофизиологической и нейроанатомической мозговой активности или структуры в связи с речевой деятельностью, *стимуляции* мозговой активности, вызывающей изменения в характере речевой деятельности; возможности взаимодополняющих методик, опоры на несколько методов сразу при изучении функционирования одного и того же явления на фоне комплекса воздействующих факторов. По мнению авторов исследований, *нейронаучные методы*, которые используются в изучении устной речи, во все возрастающей степени становятся *способны накладывать ограничения на теоретические выкладки ученых* и давать фактическую информацию для подготовки единой когнитивной и нейронаучной теории понимания устной речи [19. Р. 806].

Однако, при всей революционности применяемого технологического инструментария, по мере накопления опыта его применения становится очевидной и возрастающей трудность в осмыслении полученных результатов и со стороны представителей нейрокогнитивных наук, и тем более со стороны

филологов (лингвистов), которым предстоит оценить новизну, доказательную базу и целесообразность использования новой фактологии в построении модели языка. Мозаичность и противоречивость результатов во многом обусловлена старой проблемой сведения психокогнитивного к нейрофизиологическому субстрату. Кроме того, как отмечает Т.В. Ахутина, еще в начальном периоде развития нейролингвистики было очевидно, что, когда языковеды пытаются в качестве обоснования своих гипотез при построения теории языка использовать данные, полученные при изучении речевой патологии (а многие исследования проводятся именно с таким материалом), им следует проявлять особую осторожность из-за высокой вероятности *амбивалентности* выводов, поскольку «проявления афазии настолько сложны и многообразны, что могут дать повод к самым различным истолкованиям» [15. С. 33], порой, как утверждает автор, совершенно противоположным. Поэтому «Первоочередным условием такого использования является наличие научного лингвистического описания выделяемых нейропсихологией видов афазий. Не отдельные заметки о распаде фонологической системы, грамматики или лексики у афатиков вообще, а детальное изучение принципиально различных вариантов афазии, построение соответствующей отрасли знаний — нейролингвистики — только и может стать основой для каких-то выводов, переносимых в общую теорию языка» [15. С. 33]. Иначе говоря, речь шла о систематизации и упорядочении знаний внутри отрасли как этапе, предшествующем их широкому применению в общей теории языка. При всей революционности инструментария, дающего доступ к разным аспектам функционирования мозга человека, *противоречивость*, связанная не только со спецификой данных патологии речи, но и с другими нейрокогнитивными подходами, привлекающими для изучения вербальные материалы, сохраняется. Говоря о «выдвинутом А.А. Леонтьевым принципе эвристичности речевых процессов», который подразумевает «возможность выбора различных путей порождения или восприятия высказывания», Т.В. Ахутина трактует его как причину подтверждения экспериментами разных, в том числе «заведомо противоречащих друг другу моделей» [15. С. 396—397]. Многое, как нам представляется, решает и сама постановка проблем, предопределяя результат экспериментов.

Сохранятся необходимость поиска общей для разных отраслей, занятых изучением отдельных аспектов всех ипостасей языка, понятийно-категориальной платформы при идентификации единиц смысла, процессов смыслообразования (смыслоутратности) и их соотношения с функциональными системами мозга при учете возможности общего субстрата для разных функций. Это прежде всего относится к *моделям значений вербальных единиц*, применяемым в нейрокогнитивных экспериментах: берется ли за точку отсчета *лингвистическое значение* как чистый оператор (историко-культурный артефакт) вне личности его носителя, или исходным пунктом для интерпретации результатов служит порожденное языковой личностью *психологическое значение* (психокогнитивный артефакт). Отсюда активация дискуссий о

мультиmodalности и воплощенности, во многом, как нам представляется, свидетельствующих о том, что при анализе соотношений слов и иных носителей значений с функциональными нейрофизиологическими картами мозга мозг реагирует на смысл, а *смысл есть продукт психокогнитивной активности ЯЛ человека*, несводимый к лексикографически зафиксированному лингвистикой значению слова.

Назовем некоторые из дискутируемых значимых для общей теории языка вопросов и положений, представленных в многочисленных исследованиях нейрофизиологического и когнитивного направлений (из множества разных работ, зачастую решающих очень конкретные частные задачи, не всегда поддающиеся систематизации<sup>3</sup>, мы выбрали несколько, как нам представляется, показательных для *оценки роли видоспецифичных универсалий человека*): различные аспекты работы мозга при обработке многозначных вербальных единиц, в частности имеющие свою историю в отечественной (психо)лингвистике исследования соотношений многозначности и омонимии [15], восприятие (обработка) первичного, буквального значения слова и вторичных метонимических и метафорических значений<sup>4</sup>, восприятие мозгом различных классов объектов и действий, их вербальных репрезентаций, в том числе разных в своей сложности семантических категорий слов [22], различия в обработке конкретных и абстрактных существительных [23].

В зарубежной практике особенно популярны работы, посвященные попыткам найти экспериментальное обоснование когнитивной метафоре: в рамках теорий воплощенной когниции экспериментально проверяются положения о сенсомоторной основе когнитивной метафоры, в том числе и в связи с репрезентацией многозначности [24; 25]. Поскольку *сенсомоторный субстрат* предполагается как *эволюционно более ранний феномен по отношению к языковой способности*, он и привлекает особое внимание не только для обоснования когнитивной метафоры и разных аспектов метафорического мышления как такового, но и для решения других фундаментальных [26; 24] и частных задач, в том числе и оценки воздействия коммуникативно-прагматических параметров ситуации при отсутствии прямых вербальных стимулов, ассоциирующихся с активацией моторных сети [27]. Особенно значимы для нашего обзора работы, в которых ставятся задачи изучения *зависимости результатов экспериментов от характера предъявляемых*

<sup>3</sup> Более подробное рассмотрение основных положений названных здесь (и иных) работ по нейрокогнитивному направлению читатель найдет в [20].

<sup>4</sup> Например, в статье [21] утверждаются положения о том, что в экспериментах проявились разные механизмы восприятия и обработки мозгом многозначных и омонимичных слов; причем отношения между буквальным и метонимическим значениями полисеманта настолько близки, что для них предполагается единый субстрат в ментальном лексиконе испытуемого, в то время как отношения между буквальным и метафорическими значениями полисеманта значимо отличаются от метонимических настолько, что приближаются к экспериментально установленным для омонимов.

стимулов (вербальных и невербальных, разных видов вербальных, как конкретные и абстрактные существительные, имена действий и иных реалий, разные семантические группы вербальных стимулов, многозначные слова в различных своих значениях), в особенности в зависимости от вербальной установки, идущей от экспериментатора (об этом специально: [5]).

Подводя некоторые итоги нашему краткому экскурсу в рассмотрение решаемых преимущественно на сетевых моделях нейрокогнитивных задач, в значительной мере опираясь и на наш собственный опыт работы с экспериментальными материалами на модели АВС, в контексте дискуссий, возникающих в этом поле пересечения интересов разных наук, хотелось бы привлечь особое внимание к вопросу: на что в норме реагирует наш мозг (наши нейроны) в естественных условиях вербальной коммуникации? Этот вопрос напрямую обращен к ЯЛ, к ее интенциональности, встрече ее коммуникативно-когнитивных потребностей с воздействующими на нее объектами и субъектами. *Мозг реагирует на смысл*, а не просто на вербальные оболочки слов с их лингвистическими (словарными) значениями. Но откуда и как извлекается смысл? *Смысл* извлекается ЯЛ из *всего комплекса входящих сигналов* и перетекает в слово (ассоциирует его с собой, воплощается в нем). Современные нейрокогнитивные исследования вновь и вновь дают убедительные свидетельства в пользу развивающегося в отечественной психолингвистике положения, которое присваивает лингвистическому значению статус оператора смыслопорождения, ни в коей мере не уравнивая его с психическим значением. Это отражается в многомерности (многонаправленности) и мультимодальности глубинных смысловых связей слова во внутреннем лексиконе, только частично схваченных в линейных поверхностных структурах. Таким образом, через концепцию ЯЛ формируются необходимые условия для интеграции нейрофизиологического и психокогнитивного факторов, ибо ЯЛ управляет работой всех систем, выстраивая их на смысловой основе своей интенциональности. *Мозг реагирует на смысл через ЯЛ и благодаря ей.*

Сходные с характерными для нейронаук и лингвистики проблемы господства аспектирующих и атомистических по масштабу постановки и решения задач подходов наблюдаются и в методологии современной психологической науки. Это отмечают, например, исследователи, систематизирующие достижения зарубежной психологии последних лет, они также констатируют *отсутствие единой синтезирующей теории*. Примечательно, что авторы видят возможную перспективу выхода из сложившегося положения в *перемещении предмета психологического исследования во внутренний мир человека*: «В зарубежной психологии отсутствует широкая трактовка предмета как совокупного, позволяющего перенести объяснение (в том числе и причинно-следственное) внутрь предмета. Предложенные объяснительные модели при таком узком подходе неизбежно приобретают характер частных. Попытки отразить реальную сложность объяснения и неудовлетворенность частными моделями ни к чему, кроме эклектического соединения элементов различных

объяснительных моделей, привести не может. Как нам представляется, большие перспективы на успех имеют подходы к объяснению, исходящие из общей трактовки предмета психологии и переносящие объяснение внутрь предмета, трактуемого как внутренний мир человека» [28. С. 407—408].

Интеграция внешнего и внутреннего аспектов рассмотрения ипостасей языка в лингвистике является междисциплинарной задачей. Для учета открытых в разных науках о человеке закономерностей, связанных с лингвистическими объектами, в идеале необходима первичная систематизация данных в находящейся, по нашим оценкам, в доинтеграционной стадии нейрокогнитивной отрасли, а также психологической науке, с последующей межотраслевой интеграцией на взаимодополняющей основе<sup>5</sup>.

### Смысловые акцентуации языковой личности как отражение ее интенциональности

Этнокультурная и социокоммуникативная детерминация процессов формирования личности как закономерность, опирающаяся на доказательную базу разных наук о человеке, требует обращения к вопросам целостности и системности внутреннего мира этнокультурных сообществ при изучении феномена ЯЛ, особенно в историко-типологическом аспекте. Сложность этого явления обусловлена множеством факторов и заслуживает особого рассмотрения на основе синтеза данных этнологии, антропологии и культурологии, где, впрочем, наблюдаются аналогичные проблемы, что и в лингвистических и нейрокогнитивных отраслях. В этих условиях мы посчитали необходимым ввести некоторые уточнения для понятийного аппарата при исследовании РЯЛ на модели АВС, через постановку вопроса об *интенциональности языковой личности* в ее конкретном лингвокультурном воплощении [29]. Это понятие находится в одном ряду с *интенциональной личностью*, комплексом *установок* в культуре, ее *интенциональным миром* и опирается на разработки этнологов и антропологов, исследующих активацию связей личности со смысловым полем культуры.<sup>6</sup> Так, С.В. Лурье исходит из психодинамического рассмотрения

<sup>5</sup> Для решения таких задач нужны специально организованные профессиональными сообществами при поддержке государства систематизирующие усилия по отбору и накоплению подлинно научно значимых результатов с установкой на движение от мелкого и частного к общему. Существующие так называемые «мировые» глобализаторские практики управления научными публикациями, сопровождающие проведенные в РФ западные реформы образования и науки, обезличивают гуманитарную науку, и не способны должным образом распорядиться национальным научным гуманитарным наследием, сформированным в разных культурных традициях, часто обслуживающих внутренние гуманитарные потребности создавших их культурных (цивилизационных) сообществ. Особенно разрушительным становится бессмысленное административное принуждение к вытеснению русского языка из научного гуманитарного дискурса российской цивилизации, лишаящее ее возможности подлинного внутреннего диалога в рамках единого смыслового поля культуры.

<sup>6</sup> См. критический обзор литературы и постановку проблемы интенциональной личности в психокогнитивном и динамическом ключе у [30].

культуры как системы значений, которые могут провоцировать деятельность и сами возникают в процессе деятельности при сложном взаимодействии индивидов с фиксацией комплекса установок, способствующих формированию личности определенного направления. «Установка является связью между личностью и культурным полем и помогает понять, как эта связь происходит» [30. С. 159]. С.В. Лурье развивает положение о «культурных комплексах, осуществляющих процесс репрезентации (одновременного включения в человеческую психику „значимой системы“ и установок по отношению к ней), т.е. о культурных константах» [30. С. 160].

Комплекс культурных констант (интериоризированный культурный сценарий), создает каркас интенционального мира. Последний трактуется С.В. Лурье как *целостный и внелогичный*, а потому *внутренне конфликтный* адаптационный механизм, побуждающий человека к действию. Система культурных констант представляет собой динамическую модель взаимодействующих образов, «внутри которой человек и строит свое поведение». Имея базовый комплекс фиксированных установок, «интенциональная личность достаточно устойчива. ...Точно так же интенциональный мир (мир, созданный культурой) достаточно устойчив, но способен меняться в ответ на изменение внешнего окружения или изменений, происходящих в интенциональных личностях, его окружающих. Но все эти изменения происходят в рамках основного культурного сценария, являющегося скелетом, на котором построено интенциональное общество»<sup>7</sup> [30. С. 162].

Представляется вполне правомерной экстраполяция понятия интенциональности на диалог ЯЛ с вербально-смысловым полем сформировавшей ее культуры, поскольку и сама ЯЛ, и ее язык являются частью этой культуры, а социокоммуникативные сценарии — частью основного культурного сценария, характерного для рассматриваемого интенционального общества. Можно предположить, что *интенциональность ЯЛ* проявляет определенную *устойчивость*, формируя комплекс (иерархию) социо-коммуникативных установок на использование вербальных единиц в той или иной (характерной для исследуемой вербальной культуры) конфигурации, отраженной в АВС.

Наряду с утвердившимся в исследовании схематизации интенционального мира понятиями образа и концепта, в психодинамическом аспекте целесообразно рассматривать *смысловые акцентуации* как единицы анализа интенциональности ЯЛ, воплощающие в себе ее социо-коммуникативные установки, поддающиеся статистическому анализу. Внешними маркерами смысловых акцентуаций выступают *психоглоссы*. Развитие приемов психоглоссирования АВС позволит выводить соотносимые количественные параметры

<sup>7</sup> Ср. с понятиями the shared intersubjective space «общее между субъектное пространство», we-centric space, we-ness «МЫ-центричное» пространство, embodied simulation «воплощенная имитативность», развиваемые в работах В. Галезе [31; 32] в контексте дискуссий о зеркальных нейронах; shared intentionality «совместная интенциональность» как качественное отличие коммуникации человека от приматов в [33].



при измерении и сопоставлении разновеликих по объему ассоциативно-вербальных данных на основе доминантности их содержательно-смысловой организации, когда возникает такая задача<sup>8</sup>.

Метод статистического упорядочения лексики на АВС эксплицирует смысловые акцентуаций, сформированные социокоммуникативной интенциональностью языковой личности. Опираясь на концепцию ЯЛ Ю.Н. Караулова, он имеет ряд преимуществ. Главное, о чем мы уже многократно писали — социокоммуникативные установки отличает *направленность*, отраженная в АВС как результат достигнутой естественным образом у РЯЛ испытуемых сбалансированности ЯММ и КММ в ходе социализации, что делает возможным изучение динамики *психически актуальных личностных смыслов, сопряженных с установками культуры*.

При наличии больших ассоциативно-вербальных баз данных становится возможной своего рода психолингвистическая диагностика социокоммуникативного статуса вербальных узлов, представляющих имплицитный каркас смыслового поля культуры. Обратимся к вопросу психолингвистической диагностики общей направленности «усредненной» РЯЛ.

### Параметры русской языковой личности на модели АВС

*Языковая личность как универсалия*, которая воплощается только в конкретных национально-культурных вариантах, характеризуется *определенной устойчивостью своих историко-этнокультурных параметров*. На модели АВС это проявляется в статистической упорядоченности относительно стабильно активирующихся групп (звеньев) вербальных узлов (единиц ядра языкового сознания, ассоциативных доминант), которые в совокупности дают нам представление о *статистических границах содержательно-смысловых флуктуаций контуров РЯЛ как целостной ассоциативно-вербальной модели*. Опираясь на эти экспериментально выявленные параметры (контурные акцентуаций), лингвисты могут ставить новые проблемы и находить пути их решения с использованием разных филологических и заимствованных из других дисциплин методов и приемов анализа и интерпретации функциональной специфики акцентуаций РЯЛ. Параметры РЯЛ по материалам русского ассоциативного тезауруса РАС были представлены в работах Н.В. Уфимцевой [35. С. 47—49]. Собранные за последние десятилетия материалы на основе серии массовых ассоциативных экспериментов в разных регионах РФ постепенно формируют и расширяют общую эмпирическую базу для построения динамических моделей, способных раскрыть характер, статистический

<sup>8</sup> В ограниченном формате данной статьи этот вопрос не раскрывается. О приемах психоглоссирования и области их применения см. более подробно [34]. Читатель также может обратиться к обучающему Приложению в электронной базе СИБАС [36] и самостоятельно с его помощью провести зонирование и психоглоссирование ассоциативных полей интересующих его единиц основного корпуса и подкорпусов СИБАС.

диапазон и направленность (если таковая будет выявляться) содержательно-смысловых флуктуаций РЯЛ.

Сравнение распределенных по базовым параметрам ассоциативных доминант СИБАС1 (2008—2013) и СИБАС2 (2014—2020) (современная АВС — Сибирь и Дальний Восток)<sup>9</sup> и единиц ядра языкового сознания РАС (данные АВС эпохи перестройки) в актуальной (три-четыре одновременно живущих поколения) диахронии (см. Таблица 1 ниже) свидетельствует о наличии флуктуаций в пределах определенного довольно устойчивого каркаса, причем колебания (от выпадения к возврату в прежний статистический коридор) активации одних и тех же единиц могут иметь довольно заметный разброс по времени, что с большой долей вероятности предполагает динамику смысловых акцентуаций внутри ассоциативных полей соответствующих вербальных единиц. Последнее требует специального рассмотрения вне рамок данной статьи (см. сноску 8 выше).

Наблюдая за распределением выявленных в разные периоды времени ассоциативных доминант, можно зафиксировать рост рейтинга одних единиц (как Я, РАБОТА, СМЕРТЬ) по отношению к другим единицам соответствующего списка, или падение (как у ДУРАК). Однако после соединения СИБАС 1 и СИБАС 2 в единый ресурс, статистически приближенный к тезаурусному формату РАС, скорее всего, сходство в соотношении позиций единиц списка РАС и единого СИБАС возрастет. Уже сейчас наибольшую стабильность демонстрируют параметры оценок и качеств. При этом во всех типах параметров наблюдаем тенденцию к сохранению большей устойчивости у единиц, имеющих наибольшее количество разных входящих связей. Здесь, вероятно, играет роль и второй статистический показатель функционирования ассоциативных доминант — интенсивность исходящих связей (учитывается частота встречаемости одной и той же реакции), в том числе и их связей друг с другом. Чем больше стимулов вызывает реакцию конкретным словом, тем больше связей у этого слова, тем сильнее его укорененность в сети, тем выше вероятность появления частотных (многократно повторяющихся в разнообразных смысловых конфигурациях) связей, в том числе и с другими доминантами сети.

---

<sup>9</sup> СИБАС — Русская региональная база данных, содержащая вербальные ассоциаты носителей русского языка в азиатских регионах России [36]. В СИБАС1 содержатся данные из более чем 5000 анкет (по 100 стимулов в каждой), сгенерированных из 1000 стимулов и собранных в период с 2008 по 2013 год в азиатских регионах РФ. Пополняющийся ресурс СИБАС 2, отражающий второй этап эксперимента в этих регионах, пока не открыт для широкого пользователя. Однако в настоящее время СИБАС 2 уже соизмерим по объему представленной информации (также более 5000 анкет по 100 стимулов в каждой, материалы получены в период с 2014 по 2020 год на стимулах, бывших реакциями первого этапа). Общий объем ассоциатов в обеих частях СИБАС в настоящее время (еще до начала третьего этапа эксперимента в азиатских вузах страны) уже составляет свыше 1 млн словоупотреблений, что, по расчетам Ю.Н. Караулова [18. С. 146], достаточно для формирования ассоциативного тезауруса.

Таблица 1  
Table 1**Параметры русской языковой личности: персоналии и реалии  
(сравнение ассоциативных доминант СИБАС1 и СИБАС2 с единицами ядра  
языкового сознания РАС)<sup>10</sup>****Dimensions of the Russian Language Personality: Personalities and Realia  
(comparison of the SIBAS 1 and SIBAS 2 associative dominants with the core units  
of the Russian language consciousness from RAS)**

Персоналии			Реалии		
РАС 1988—1997	СИБАС 1 2008—2013	СИБАС2 2014—2020	РАС 1988—1997	СИБАС1 2008—2013	СИБАС2 2014—2020
человек	человек	человек	дом	жизнь	жизнь
друг	друг	я	жизнь	дом	дом
дурак	я	друг	деньги	деньги	деньги
мужчина	мужчина	парень	лес	мир	работа
ребенок	ребенок	мужчина	день	время	боль
парень	парень	девушка	любовь	работа	любовь
я	враг	ребенок	работа	любовь	смерть
женщина	дурак	мама	вода	сила	страх
мальчик	мужик	женщина	радость	радость	радость
девушка	девушка	дурак	дело	смерть	еда
мужик	мальчик	мальчик	смерть	зло	счастье
муж		студент	стол	день	время
он		враг	дорога	город	мир
		молодец	мир	счастье	сила

<sup>10</sup> Данные РАС приводятся по [35. С. 47—49]. В таблице мы придерживаемся рубрикации, предложенной Н.В. Уфимцевой, чтобы соблюсти условия сопоставимости данных. Слова расположены в столбцах в порядке, отражающем снижение их статистической весомости в общем списке ассоциативных доминант. Статистическая весомость исчисляется в соответствии с экстенсивностью (разветвленностью) входящих связей (количество стимулов, вызвавших реакции приведенными в списках словами). Например, у слова ЧЕЛОВЕК (верхнее в списке) в СИБАС 1 этот показатель составляет 450, а у МАЛЬЧИК (нижний уровень) — 100. Единицы ниже этого уровня экстенсивности входящих связей нами не включались в число ассоциативных доминант СИБАС 1.

Таблица 2  
Table 2**Параметры русской языковой личности: оценки, действия и качества  
(сравнение ассоциативных доминант СИБАС1 и СИБАС2 с единицами ядра  
языкового сознания РАС)****Dimensions of the Russian Language Personality: Assessments, Actions, and Qualities  
(comparison of the SIBAS 1 and SIBAS 2 associative dominants with the core units  
of the Russian language consciousness from RAS)**

Оценки и действия			Качества		
РАС 1988—1997	СИБАС1 2008—2013	СИБАС2 2014-2020	РАС 1988—1997	СИБАС1 2008—2013	СИБАС2 2014—2020
плохо	хорошо	плохо	большой	большой	большой
хорошо	плохо	хорошо	хороший	хороший	хороший
много	много	много	плохой	умный	плохой
быстро	всегда	всегда	старый	плохой	большая
всегда	быстро	быстро	умный	красивый	красивый
очень	долго	долго	сильный	большая	умный
		красиво	маленький		сильный
<b>Действия</b>					тупой
говорить	есть	есть			старый
есть	жить	жить			злой
жить		делать			маленький
думать		спать			глупый
идти		идти			добрый
		говорить			

**Заключение**

Рассмотрение методологической значимости концепции РЯЛ Ю.Н. Караулова как основания для теории, исходящей из единства внутреннего и внешнего ракурсов анализа языка, побуждает исследователя задать себе вопрос: откуда берется системность в языке? Что упорядочивает его единицы и формирует их? Констатировать факт системности в языке на чисто рациональной основе при выявлении регулярных причинно-следственных связей и зависимостей в ходе наблюдения за единицами языка в текстовом материале в отрыве от его создателя и носителя недостаточно для объяснения системы, во многом формирующейся на внелогической основе. Чем она инициирована?

Как и при каких условиях сформирована? Ответ на эти вопросы необходим для понимания ее базовых свойств и построения адекватной достигнутому уровню знаний модели ее описания. Внутри аспектирующей модели автономной структурно организованной системы языка найти исчерпывающие ответы на поставленные вопросы не представляется возможным. Язык в человеке не буквален, он наполнен опытом и смыслами человеческой личности, их системность может быть исторически и социокультурно унаследована, но преломляется в текущих социо-коммуникативных установках в актуальных сетевых процессах, требующих гибких механизмов интерпретации, выходящих за пределы жесткой рационально обоснованной детерминации. Заслуга Ю.Н. Караулова в том, что его разработка концепции ЯЛ создала необходимые условия для выработки интегрирующих подходов как внутриотраслевого, так и межотраслевого порядка.

### Библиографический список

1. *РАС* — Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. Т. II. От реакции к стимулу: более 100000 реакций. М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2002. Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 8.01.2021).
2. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу] // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. Под общ. ред. А. Асмолова. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. С. 13—26.
3. *Леонтьев Д.А.* Неопределенность как центральная проблема психологии личности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. 2-е изд. / под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. С. 40—53.
4. *Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. 2-е изд. / под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 293—308.
5. *Чуприкова Н.И.* Время реакций человека: физиологические механизмы, вербально-смысловая регуляция, связь с интеллектом и свойствами нервной системы. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. (Разумное поведение и язык. *Language and Reasoning*).
6. *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст // *Избранные труды*. М.: Гнозис, 2005.
7. *Кошелев А.Д.* Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *Фитч У.Т. Эволюция языка / пер. с англ., науч. ред. Е.Н. Панова; послесл. А.Д. Кошелева*. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680—767.
8. *Зубкова Л.Г.* Эволюция представлений о Языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. (*Studia Philologica*).
9. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
10. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
11. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ. 2005.
12. *Выготский Л.С.* Мышление и речь: Сборник ст. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008.
13. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопросы языкознания*. 1964. по 6. С. 26—38.

14. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН. 2007.
15. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
16. Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
17. Кошелев А.Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
18. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
19. Rodd Jennifer M., Matthew H. Davis. How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods // Language, Cognition and Neuroscience. 2017. Vol. 32. no 7. P. 805—817. DOI: 10.1080/23273798.2017.1323110.
20. Шапошникова И.В. К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. no 4. С. 5—15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15.
21. Yurchenko A., Lopukhina A., Dragoy O. Metaphor is Between Metonymy and Homonymy: Evidence from Event-Related Potentials // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. article 2113. P. 1—12. doi: 10.3389/fpsyg.2020.02113.
22. Асланян Е.В., Киров В.Н., Лазуренко Д.М. Особенности восприятия понятий, относящихся к разным семантическим категориям // Журнал высшей нервной деятельности. 2018. Т. 68. no 5. С. 588—601. DOI: 10.1134/S0044467718050027.
23. Cousins Katheryn A.Q., Ash Sharon, Irwin David J., Grossman Murray. Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns // Brain and Language. 2017. Vol. 165. P. 45—54.
24. Lakoff George: How Brains think: The Embodiment Hypothesis. 7 апреля 2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WuUnMCq-ARQ> (дата обращения: 06.01.2021).
25. Lacey Simon, Stilla Randall, Deshpande Gopikrishna, Zhao Sinan, Stephens Careese, McCormick Kelly, Kemmerer David, K.Sathian. Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension // Brain and Language. 2017. Vol. 166. P. 1—18.
26. Arbib Michael A. The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages // Action to Language via the Mirror Neuron System. Cambridge University Press. 2006. P. 3—47.
27. van Ackeren Markus J, Casasanto Daniel, Bekkering Harold, Hagoort Peter, Rueschemeyer Shirley-Annet. Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network // Journal of Cognitive Neuroscience. 2012. Vol. 24. no 11. P. 2237—2247. DOI: 10.1162/jocn\_a\_00274.
28. Мазюлов В.А., Костригин А.А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. no 3. С. 390—413. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413.
29. Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199—215. DOI: 10.17223/18137083/70/16.
30. Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. no 2. С. 152—167.
31. Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // Social Neuroscience. 2008. Vol. 3. Issue 3—4. P. 317—333.
32. Gallese V. Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives. 2009. no 19(5). P. 519—536.
33. Tomasello M. Horizon. The ultra-social animal // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. P. 187—194.

34. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Монография. (Studia Philologica).
35. Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем: Коллективная монография / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис. 2017. С. 21—96.
36. СИБАС 1 и СИБАС 2 — Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток — 2008—2020 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. Режим доступа: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 06.01.2021).

## References

1. RAS (*Russian Associative Dictionary*) (2002). Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.). Vol. I. From stimulus to reaction: about 7000 stimuli. Vol. II. From reaction to stimulus: over 100000 reactions. Moscow: Astrel Publishing house: Publishing house AST. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 08.01.2021). (In Russ.).
2. Asmolov, A.G. (2019). Psychology of Changes: The Challenges of Uncertainty, Complexity, and Diversity [A Second Invitation to Dialogue] In *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Personality Psychology of Change], Aleksander Asmolov (Ed.) Moscow: LRC Publishing House. P. 13—26. (In Russ.).
3. Leont'ev, D.A. (2019). Uncertainty as the Key Issue of the Psychology of Personality In *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Personality Psychology of Change], Aleksander Asmolov (Ed.) Moscow: LRC Publishing House. pp. 40—53. (In Russ.).
4. Leont'ev, D.A. (2019). Existential Approach in Contemporary Personality Psychology In *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Personality Psychology of Change]. Aleksander Asmolov (Ed.) Moscow: LRC Publishing House. pp. 293—308. (In Russ.).
5. Chuprikova, N.I. (2019). Human reaction time: physiological mechanisms, verbal-semantic regulation, connection with intelligence and properties of the nervous system. Moscow: LRC Publishing House. (Language and Reasoning). (In Russ.).
6. Zalevskaja, A.A. (2005). Psycholinguistic Research. The Word. Text: Selected Works. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
7. Koshelev, A.D. (2013). Challenges Facing Cognitive Science: further deepening of contradictions or building a unified interdisciplinary paradigm In *W.T. Fitch. The Evolution of Language*, E.N. Panov (Transl., scientific ed.). Moscow: LRC Publishing House. pp. 680—767. (In Russ.).
8. Zubkova, L.G. (2015). *The Evolution of Ideas about Language*. Moscow: Languages of Slavic culture. (Studia Philologica). (In Russ.).
9. Karaulov, Yu.N. (1987; 2010). *The Russian Language and Language Personality*. Moscow: Nauka. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).
10. Karaulov, Yu.N. (2010). *General and Russian Ideography*, S.G. Barkhudarov (Ed.). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).
11. Leont'ev, A.N. (2005). *Lectures on General Psychology*. Moscow: Smysl; KDU. (In Russ.).
12. Vygotskij, L.S. (2008). *Thinking and Speech*. Moscow: AST: AST, Hranitel'. (In Russ.).
13. Zhinkin, N.I. (1964). On Code Transitions in Inner Speech. *Issues of Linguistics*, 6, 26—38. (In Russ.).
14. Novikov, A.I. (2007). *Text and its Semantic Dominants*, N.V. Vasil'eva, N.M. Nesterova, N.P. Peshkova (eds.). Moscow: In-t jazykoznanija RAN. (In Russ.).
15. Ahutina, T.V. (2014). *Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics, and pragmatics*. Moscow: LRC Publishing House. (Language and Reasoning). (In Russ.).
16. Koshelev, A.D. (2017). *Essays on the Evolutionary-synthetic Theory of Language*. Moscow: LRC Publishing House. (Language and Reasoning).

17. Koshelev, A.D. (2020). *On the Genesis of Thought and Language*. Moscow; Boston: Academic Studies Press; LRC Publishing House. (In Russ.).
18. Karaulov, Ju.N. (2010). *Associative Grammar of the Russian Language*. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ.).
19. Rodd, J.M. & Matthew, H.D. (2017). How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods. *Language, Cognition and Neuroscience*, 32(7), 805—817. DOI: 10.1080/23273798.2017.1323110.
20. Shaposhnikova, I.V. (2020). On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18(4), 5—15. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15. (In Russ.).
21. Yurchenko, A., Lopukhina, A. & Dragoy, O. (2020). Metaphor is Between Metonymy and Homonymy: Evidence from Event-Related Potentials. *Frontiers in Psychology*, 11, 2113, 1—12. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.02113.
22. Aslanyan, E.V., Kirov, V.N. & Lazurenko, D.M. (2018). Specific Features of Perceiving Notions of Different Semantic Categories. *Journal of Higher Nervous Activity named after I.P. Pavlov*, 68(5), 588—601. DOI: 10.1134/S0044467718050027. (In Russ.).
23. Cousins, Katheryn A.Q., Ash, Sh., Irwin, David J., & Grossman, M. (2017). Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns. *Brain and Language*, 165, 45—54. doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003.
24. Lakoff, George (2015). How Brains think: The Embodiment Hypothesis. 7 апреля 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WuUnMCq-ARQ> (accessed: 08.01.2021).
25. Lacey, S., Stilla, R., Deshpande, G., Zhao, S., Stephens, Car., McCormick, K., Kemmerer, D., & K. Sathian. (2017). Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension. *Brain and Language*, 166, 1—18. Published by Elsevier Inc. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.004> (accessed: 08.01.2021).
26. Arbib, Michael A. (2006). *The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages In Action to Language via the Mirror Neuron System*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 3—47.
27. van Ackeren, Markus J., Casasanto, D., Bekkering, H., Hagoort, P., Rueschemeyer, Sh.-A. (2012). Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 24(11), 2237—2247. URL: [https://doi.org/10.1162/jocn\\_a\\_00274](https://doi.org/10.1162/jocn_a_00274) (accessed: 08.01.2021).
28. Mazilov, V.A. & Kostigrin, A.A. (2020). The Problem of Scientific Explanation in Modern Foreign Psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economy*, 17(3), 390—413. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413. (In Russ.).
29. Shaposhnikova, I.V. (2020). Embodiment Features of Verbal Culture: Universal Facets of the Specific. *Siberian Journal of Philology*, 1, 199—215. DOI: 10.17223/18137083/70/16. (In Russ.).
30. Lur'e, S.V. (2010). General Cultural Script and Functioning of Sociocultural systems. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XIII(2), 152—167. (In Russ.).
31. Gallese, V. (2008). Mirror Neurons and the Social Nature of Language: The Neural Exploitation Hypothesis. *Social Neuroscience*, 3(3—4), 317—333.
32. Gallese, V. (2009). Mirror Neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification. *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 19(5), 519—536.
33. Tomasello, M. (2014). Horizon. The Ultra-social Animal. *European Journal of Social Psychology*, 44, 187—194.
34. Shaposhnikova, I.V. (2020). *Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Epoch of Changes*. Moscow: LRC Publishing House. (Studia Philologica). (In Russ.).
35. Ufimceva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity In Bubnova I.A., Zykova, I.V., Krasnyh, V.V. & Ufimceva, N.V. (*Neopsycholinguistics and*



*(Psycho)-linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens*, V.V. Krasnyh (Ed.). Moscow: Gnozis. pp. 21—96. (In Russ.).

36. SIBAS (2008—2020) — SIBAS 1; SIBAS 2 — *Russian Regional Associative Database. Siberia and Far East* — 2008—2020, I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko (Comps.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 06.01.2021). (In Russ.).

**Сведения об авторе:**

*Шапошникова Ирина Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН; *сфера научных интересов*: психолингвистика, общая теория языка, историческая типология, этносоциолингвистика, русский язык, германские языки [i.shaposhnickowa@yandex.ru](mailto:i.shaposhnickowa@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.

**Information about the author:**

*Irina V. Shaposhnikova*, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; *research interests*: psycholinguistics, general linguistics, historical typology, ethnosociolinguistics, Russian and Germanic languages; [i.shaposhnickowa@yandex.ru](mailto:i.shaposhnickowa@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-302-315  
УДК [811.161.1+811.134.2]:17.022.1

Научная статья / Research article

## **РОДИНА-PATRIA в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков**

**М. Санчес Пуиг**

Университет Комплутенсе  
28040, Испания, Мадрид, Avda. Complutense, университетский городок, 2  
mspuig40@gmail.com

**Аннотация.** В статье описываются результаты исследования национальной специфики ассоциативных реакций на стимул РОДИНА/PATRIA в русской и испанской ассоциативных сетях. Впервые проводится внутриязыковой и контрастивный анализ одного из основных аспектов картины мира в языковом сознании носителей русской и испанской культур. Качественные показатели проведенного анализа составляют своеобразный тезаурус ассоциативных норм русского и испанского языков и, вместе с количественными, могут быть предметом лингво-психологического сопоставительного анализа и предоставлять дополнительную информацию об ассоциативных нормах, структуре, языковой способности и национальном характере носителей данного языка и культуры. Помимо филологов, тема может быть интересной для исследователей в области психологии, социологии, культурологии, СМИ, коммерческой рекламы и прочих сфер, связанных с деятельностью человека.

**Ключевые слова:** ассоциативная лингвистика, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативное поле, микрополе, стимул, реакция, родина

### **История статьи:**

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

### **Для цитирования:**

Санчес Пуиг М. РОДИНА-PATRIA в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 302—315. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-302-315

UDK [811.161.1+811.134.2]:17.022.1

## **РОДИНА-PATRIA in Russian and Spanish Verbal Associative Networks**

**M. Sánchez Puig**

Complutense University  
2, Avda. de Séneca, Ciudad Universitaria, Madrid, Spain, 28040  
mspuig40@gmail.com

**Abstract.** The specific national characteristics of stimulus *Homeland* in Russian and Spanish verbal associative network are described in this article. The contrastive analysis of one of the basic

© Санчес Пуиг М., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

word-model-points, inherent to the Russian and Spanish native speakers, is being investigated for the first time. The qualitative indicators of the performed analysis constitute a kind of thesaurus of the associative norms of the Russian and Spanish languages and, together with the quantitative ones, can be the subject of linguo-psychological comparative analysis and provide additional information about the associative norms, structure, linguistic ability and national character of the speakers of the given language and culture. The theme may be interesting for specialists not only in philology, but also in psychology, sociology, culturology, mass media, commercial advertizing and other spheres connected with human activity.

**Keywords:** associative linguistics, verbal associative network, associative field, microfield, stimulus, reaction, homeland

**Article history:**

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Sánchez Puig, M. (2021). *РОДИНА-PATRIA* in Russian and Spanish Verbal Associative Networks. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 302—315. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-302-315

\*\*\*

*Нельзя изучать человека вне его языка.*

Ю.Н. Караулов. Русский язык  
и языковая личность

Активное развитие русской Школы ассоциативной лингвистики за последние десятилетия предоставило исследователям новые инструменты для изучения различных аспектов языковой способности и речевой деятельности человека, возможности познания окружающего мира через самопознание как его неотъемлемой частицы. Включение ассоциативной лингвистики в круг антропоцентричных наук, таких как психолингвистика, культурология, и особенно теория языковой личности, развитая в работах Ю.Н. Караулова, открывает новые горизонты, расширяет возможности внутриязыкового и сопоставительного анализа языков, обогащает методы контрастивных исследований, предметом которых становятся определенные национальные особенности восприятия близких, непосредственных факторов, как окружающая среда, социум, в которых индивидум существует, так и абстрагирующих факторов общей картины мира и позиции, занимаемой в нем как личностно, так и коллективно.

Ассоциативная лингвистика открывает новые пути к исследованиям языка во всех его ипостасях, начиная с традиционной системно-описательной и кончая ассоциативной, сопряженной со знаниями о языке, о личности, о социуме и о мире. Одним из интересных аспектов таких исследований может оказаться внеутриязыковой и контрастивный анализ ассоциативных полей (АП), образующих ассоциативно-вербальную сеть (АВС). Инструментом ассоциативной лингвистики являются одноязычные и двуязычные ассоциативные словари.

Ассоциативный словарь, будучи дескриптивным, а не нормирующим, является тем инструментом, при помощи которого можно материализовать любую из ипостасей языка, опираясь на ассоциативно-вербальную сеть, где «каждое слово присутствует во всем многообразии своих словоформ, многообразии своих значений, своих синтаксических и семантических связей с другими словами, входя в различные ассоциативные поля» [1. С. 13]. Каждая статья словаря, таким образом, представляет собой отдельное ассоциативное поле, состоящее из множества других семантических полей и микрополей.

В настоящей работе мы намереваемся провести сравнительно-сопоставительный анализ АП РОДИНА-PATRIA в испанской и русской ассоциативно-вербальных сетях на основе материалов словаря «Ассоциативные нормы испанского и русского языков», созданного под руководством Ю.Н. Караулова при участии соавторов Г.А. Черкасовой и М. Санчес Пуиг [3]. Словарь составлен по опросам, проведенным одновременно в России и в Испании (108 стимулов, ок. 600 реакций на каждый), и дает достаточно объемный и достоверный материал для работы. Сбор материала проводился в 1997—1998 гг., информантами были студенты вузов различного профиля (технические, гуманитарные), средний возраст опрошенных — ок. 20 лет, анкетирование проводилось в Москве, Калуге, Мадриде и Валенсии. По гендерному признаку оказалось на 20% больше женщин, чем мужчин.

\*\*\*

Напомним структуру словаря. Словарный корпус делится на две части: прямую (от стимула к *реакции*) и обратную (от *реакции* к стимулу). В конце каждой словарной статьи прямой части имеются цифровые показатели. Первая цифра указывает на общее число реакций-ответов на стимул РОДИНА-PATRIA: в испанском блоке — 573, в русском — 592. Вторая цифра указывает на количество ответов разных по форме: 187 в испанском, 123 в русском. Третья цифра указывает на количество отказов: в испанском — 20, в русском — 9. И, наконец, последняя цифра есть показатель количества единичных ответов: в испанском — 141, в русском — 85. В корпусе статьи после каждого ответа указано количество. Итак, исследуемые статьи словаря выглядят следующим образом.

### **Испанское ассоциативное поле, ИАП**

**PATRIA:** *España* 94; *país* 56; *nación* 36; *bandera* 30; *casa* 24; *nada* 20; *tierra* 13; *hogar* 10; *amor* 8; *Estado* 7; *mierda*, *sentimiento* 6; *chica*, *fascismo*, *mundo*, *sustantivo*, *tontería* 5; *ejército*, *estupidez*, *honor*, *mentira*, *nacionalismo*, *orgullo*, *pueblo* 4; *asco*, *falsedad*, *nacional*, *no hay*, *querida* 3; *corazón*, *defensa*, *escudo*, *identidad*, *insignificante*, *insumisión*, *madre*, *mi casa*, *mili*, *nacimiento*,

*ni, no existe, no me dice nada, odio, rey, unidad y rey 2; ¿?, ???, abstracto, algo grande, amada, amarillo-rojo, anhelo, añoranza, arcaico, arcaísmo, banderita, bueno, cansado, cara, cerrado, concepto, convención, cosmopolita, creación, ¿cuál?, cual, chorrada, deber, dentro, ¿de quién?, dictadura, dignidad, donde estoy, donde nacemos, donde nací, dudosa, Duero; España, bandera; ésta; estado, idiosincrasia; excusa, extranjera, extranjero, falsa, familia, fascista, felicidad, feliz, fraternidad humana, frontera, Galicia, gilipollez, Gonzalo, hecho, guerra, herejía; himno, otros, idea cerrada, ideal, iglesia, ilusión, iluso, indiferencia, inexistencia, invento, joder, jurar, la mejor, lápida, lejano, lengua, locura, lo mejor, ¿luchar?, luchar, lugar, lugar de nacimiento, madre patria, mapa, marrón, mejor, millones, mi país, multicolor, nacionalismo barato, ¿nada?, ni fronteras, niñez, niño, no entiendo esa palabra, no hay, somos todos; no lo es todo, no sé, no tengo, nuestro, nunca, olvido, oscuridad, país de nacimiento, palabrería, para quien la quiera, paria; pasado, presente y futuro; paz, PCUS, pequeña, persona, pertenencia, poco, poder, política, posesión, procedencia, propiedad, pura, raíz, razón de ser; rechazo, racismo; responsabilidad, rojo, seguridad, sentir, sentir general, sentir orgullo, ser, siempre, soldado, suelo, todo, todos, tontería política, tonto, tradición, tu país, una cruz para los pueblos, una de las cosas que uno quiere, una tontería, única, un invento, utopía, vacío; vale, pero no es España, sino la vida; violencia y libertad, yo, zapatos 1. 573+187+20+141.*

### **Русское ассоциативное поле, РАП**

**РОДИНА:** *мать 221; моя 56; Россия 41; страна 23; дом 20; отчизна 17; земля 13; отечество 12; одна 8; зовет 6; город, любовь, мать зовет, Москва, природа 5; край, патриотизм, родная 4; большая, великая, жизнь, любить, наша, уродина, чужбина 3; близкое, в опасности, гордость, деревня, защита, Курск, любимая, мать ваша, место, патриот, Русь, счастье 2; адрес, арена, армия, береза, березы; березы, поля, трава, нищета; богата, Владивосток, Вся власть Советам!, где родился, где я живу, горы, далекая, ДДТ, долг, дорога, дорогая, душа, единственная, ее мать, жалко, ждать, жить, здесь, знает, и душа, Израиль, КПСС; край, где родились; красивая природа, красота, Ленин, люди, малая, маленькая, матушка, мать вашу, Медвенка, место жительства; место, где родился; мой дом, моя земля, моя страна; моя, Россия; навсегда, начало, нет понятия такого, нечто, обидно, она одна, опять; отечество, место рождения; отсутствует; отчизна, долг; отчизна, мать; памятник, партия, песня, планета; поля, реки; пропили, Рига, Россия-матушка; Россия, Курск; РФ, самая лучшая, своя, святое, село, сердце, сила, СССР, стихотворение, столица; счастье, боль; там, где-то; тяга, у меня она есть, Украина, хорошая, хорошо, широка, Штирлиц, это свято 1. 592+123+9+85. Схематично это выглядит следующим образом:*

Таблица 1  
Table 1Количественные показатели ассоциативных реакций  
Quantitative indicators of associative reactions

Цифровые показатели	Испанское АП	Русское АП
общее кол-во ответов	573	592
кол-во разных ответов	187	123
кол-во отказов	20	9
кол-во единичных ответов	141	85

Прежде чем приступить к анализу обоих АП, для большей наглядности мы распечатали оба АП и на бумаге отметили зеленым фломастером позитивные реакции информантов на стимул **родина**, такие как отождествление, принадлежность; красным — негативные реакции, как отказ, отречение; оранжевым — нейтральные, как место, место рождения; и, наконец, желтым цветом обозначили неопределенные реакции, как *чья?*, *какая?*, просто *¿¿??*, и др. Получилось нечто наподобие карты с четырьмя хроматически выделенными ассоциативными микрополями реакций: +, −, =, ?, и внутри каждого такого микрополя стала яснее проступать ассоциативная связь между ответами. Соединив эти ответы между собой прямыми линиями, мы получили своеобразную сетку, которая дает зрительное восприятие внутренней структуры каждого АП.

Отметим, что при почти одинаковом количестве ответов (573 исп., 592 рус.) с небольшим перевесом в сторону русского АП (далее РАП), испанское АП (далее ИАП) оказалось на четверть страницы длиннее русского, очевидно, за счет аналитической структуры испанского языка и большого количества ответов в форме словосочетаний: около 20, некоторые из которых содержат до 8 лексем.

Сразу бросилась в глаза разница в цветовой гамме на распечатках обоих АП: РАП выглядит спокойно, с преобладанием зеленого цвета, в то время как ИАП пестрит красным цветом от начала до конца: более 50 «красных» ответов с ярко выраженным негативом. И, если негатив по отношению к понятию «родина» у русскоязычных опрошенных выражается в довольно сдержанной словесной форме (*уродина-3*, *отсутствует-1*), как будет рассмотрено далее, то испаноязычные (в данном контексте речь идет исключительно о жителях Испании) респонденты ни в чем себя не ограничивают: «родина» — это *nada-20* ничто; *tontería-5* чепуха; *mentira-4* ложь; *falsedad-3* фальш; это нечто *insignificante-2* незначительное и *abstracto-1* абстрактное; это *arcaísmo-2* архаизм; *invento-1* изобретение; *excusa-1* повод; *oscuridad-1* мрак; *palabrería-1* болтовня; *ilusión-1* иллюзия; это *inexistencia-1* не существует; это *rechazo-1* отвержение, отказ; *tontería política-1* политическая чепуха и т.д. И это еще не все. «Patria» — это еще и: *mierda-6* г.но; *fascismo-5* фашизм; *fascista-1* фашист; *nacionalismo-4* национализм; *nacionalismo barato-1* дешевый

национализм; *racismo-1* расизм; *asco-3* отвращение; *odio-2* ненависть; *dictadura-1* диктатура; *marrón-1* г...но; *chorrada-1* х...ня; *gilipollez-1* х...ня; *joder-1* е..ть; и вообще *no entiendo esa palabra-1* не понимаю этого слова; *para quien la quiera-1* кому надо, но не мне; *violencia y libertad-1* насилие и свобода; и наконец, *una cruz para los pueblos-1* крест для народов.

Чем же вызвана такая реакция? Некоторые возможные ответы содержатся в самом корпусе реакций, в глубине которого залегают прецеденты — отголоски политических и социальных событий, потрясших страну не так давно. Если принять во внимание, что сбор материала проводился в конце 90-х гг. прошлого столетия, что возраст испытуемых на тот момент был 20—21 год, и что смерть диктатора Франко имела место в конце 1975 г., то это, в какой-то степени, проясняет ситуацию: на смену диктатуре пришла демократия, но историческая память жива, и еще живы протагонисты, а вернее, антагонисты тех событий.

Шокирующие ответы *fascismo-4* фашизм, *fascista-1* фашист явно ассоциируются с периодом франкистского, фашистского режима в Испании (1939—1975), поддерживавшей нацистскую Германию во II Мировой войне. Далее ответ *fascismo* прямо ведет к ответу *nacional-3*, который, в свою очередь, соотносится с ответом *guerra-1* — война. Эта, на первый взгляд неожиданная ассоциативная цепочка, уходит корнями в важнейшее событие современной истории Испании и не только: речь идет о Гражданской войне 1936—1939 гг., эхо которой доносится до наших дней. В данном случае термин *nacional* в испанском историческом контексте следует понимать не как «национальный», а как «франкистский», ибо противоборствующие стороны назывались *republicanos* республиканцы (или *rojos-1* красные) и *nacionales* националы. Ответ *rojo-1* красный также присутствует в корпусе ответов, дополняя ассоциативную ось *guerra-nacional-rojo*, т.е. война-националы-красные. В этой же связи следует воспринимать ответ *amarillo-rojo-1* желто-красный (правильнее: красно-желтый), ибо речь идет об историческом, действующем государственном флаге Испании, который был восстановлен в 1939 г. после падения Республики. Республиканский триколор содержал красно-желто-фиолетовый цвета, и в наши дни под этим флагом выступают партии, профсоюзы и общественные организации с левым уклоном, сторонники республиканского строя и автономных регионов по национальному принципу. Рост регионального национализма за последние десятилетия мотивирует ответы *nacionalismo-4* национализм и *nacionalismo barato-1* дешевый национализм. Соответственно, красно-желтый флаг, унаследованный от предыдущего режима, отождествляется с правыми политическими партиями, сторонниками монархии и централизованной, единой Испании, что ведет нас к ответам *rey-1* король, *unidad y rey-2* — единство и король. (По ходу мыслей отметим также еще одну особенность. Если, например, во Франции, Италии вполне возможно быть республиканцем и придерживаться правой идеологии, а в Швеции, Дании и Великобритании вполне естественно быть сторонником

монархии и придерживаться левых взглядов, то в современном испанском социуме это исключено: республиканцами могут быть только левые, а монархистами только правые, и наоборот: левый — значит республиканец, правый — значит монархист, что способствует поляризации общества.)

Внимание также привлекает ответ *violencia y libertad-1* насилие и свобода. Как следует интерпретировать сочетание этих, казалось бы, несочетаемых концептов? На наш взгляд, возможны следующие прочтения: «через насилие к свободе» или «нет свободы без насилия». Подобные лозунги вписываются в идеологические постулаты анархистов, активно участвовавших в Гражданской войне, а в наши дни являются лозунгом экстремистских сепаратистских формирований.

В свою очередь, русское АП также содержит не меньше ответов, заключающих важные исторические прецеденты. Если их расположить в хронологическом порядке, то получим основные вехи истории страны, хранящиеся в коллективной памяти народа и любого русского человека: *Русь-1*; → *Россия-матушка-1*; → *Вся власть Советам!-1*; → *Ленин-1*; → *партия-1*; → *СССР-1*; → *КПСС-1*; → *Россия- 41,1*; → *РФ-1*, причем, как и в случае Испании, речь идет о событиях, о прецедентных феноменах, вышедших далеко за пределы страны — о событиях, потрясших мир.

Помимо фигуры *Ленина*, как прецедентного явления в мировой культуре, в конце русского АП появляется фигура *Штирлица*. Речь идет о литературном персонаже — советском разведчике М. Исаеве, работавшем в нацистской Германии, герое многосерийного фильма «Семнадцать мгновений весны» (Т. Лиознова, 1971), по одноименному роману Ю. Семенова. Фигура Штирлица стала необыкновенно популярной, мотивировала появление множества «крылатых слов» и анекдотов, явилась классическим примером прецедентного феномена в национальной культуре.

В ИАП полностью представлена триада государственной символики: флаг, герб, гимн. *Bandera-30* — флаг, упоминаемый в 30 ответах, занимает четвертое место по частотности, еще один раз появляется в сочетании *España bandera-1* — Испания флаг, и еще раз в форме *banderita-1* — флажок, хотя уменьшительная форма скорее наводит на мысль о неуважительном отношении к государственному символу. Дополняют триаду *escudo-2* герб и *himno-1* — гимн. Касательно гимна стоит отметить любопытную деталь: Испания (возможно) — единственная страна, у которой государственный гимн не имеет текста. Этим объясняется молчание испанских спортсменов на спортивных встречах, когда звучит гимн. Невозможность петь гимн вместе с соотечественниками, влиться в один, единый голос, ощущать свою принадлежность к единой стране, языку и культуре отнюдь не способствует консолидации чувства единства, сплоченности и самого понятия «родина». В РАП государственная символика отсутствует.

С реакцией *bandera-30* — флаг непосредственно связаны реакции *jurar-1* — принести присягу; *ejército-4* армия; *defensa-3* защита; *luchar-1* бороться; *mili-2*



военная служба (разг.); *soldado-1* солдат, образующие ассоциативно семантическое микрополе «защита» (родины). В РАП им соответствуют *защита-2*; *армия-1*; *в опасности-2*; а также ответ *звезд-6,1*. Последние две реакции ведут к реалиям, к прецедентным текстам: речь идет о широко известных агитационных плакатах, связанных с историей страны. Лозунг «Родина в опасности!» использовался в советской графике неоднократно. Первым можно считать плакат «Заем Свободы», на котором изображены солдат, рабочий и призыв: «Родина и свобода в опасности! Дайте государству деньги для борьбы с врагом» (А. Кравченко, 1917). Во втором случае — это плакат «Родина-мать зовет!» (И. Тоидзе, 1941), призывавший население встать на защиту родины против немецких оккупантов. В обоих случаях речь идет о реалиях, известных каждому носителю русского языка любого возраста и культурного уровня, хотя здесь уместно сделать оговорку. С момента анкетирования прошло более 20 лет, и вполне возможно, что для молодежи и подростков новейшего поколения эти реалии уже нерелевантны и/или неизвестны, перестали быть узнаваемыми, т.е. перестали быть прецедентом.

Помимо упомянутых, в ИАП появляется также ответ *insumisión-2* неподчинение, отказ, уклонение от службы в армии. Воинская повинность, обязательная при диктатуре (2 года), была сокращена до 9 месяцев в первый период демократии до 1991 г., и окончательно отменена 31 декабря 2001 г. Ответ *insumisión* — прямая ссылка к массовому движению отказников и уклонистов, весьма популярному среди молодежи призывного возраста в конце 70-х и в 80-е гг. Подобное явление, имевшее место и в российском обществе после падения советского режима, в реакциях русскоязычных информантов не отражено.

Движение отказников-пацифистов включало не только отказ от армии, но и непризнание существующей структуры социума с его шкалой ценностей и, в конечном счете, отречение, отказ от родины как искусственной структуры, выдуманной властью имущими для сохранения своих привилегий. В испанском АП находим тому многократное подтверждение: «родина» *patria* — это *invento-1* изобретение; *mentira-1* ложь; *falsedad-3* фальшь; *excusa-1* повод; *utopía-1* утопия; *vacío-1* пустота; *abstracto-1* нечто абстрактное и *arcaico-1* устарелое; *arcaísmo-1* архаизм; а потому — это *nada-20* ничто; *herejía*-ересь; *insignificante-2* незначительное; *ni-2* ни; *no existe-2* не существует; *no me dice nada-2* ни о чем мне не говорит; *indiferencia -1* безразличие; *inexistencia-1* не существующее; *no hay-* нет; *no entiendo esa palabra-1* не понимаю этого слова; *no tengo-1* у меня нет; а если и есть, то *vale, pero no es España-1* допустим, но не Испания.

Далее «родина» *patria* отождествляется с чем-то давящим, гнетущим: могильная плита *lápida-1*; с чем-то темным, мрачным *oscuridad-1*; герметичным, замкнутым *cerrado-1* замкнутое; *idea cerrada-1* замкнутая идея; *frontera-1* граница. Понятию «родина» противопоставлена идея космополита *cosmopolita-1*; гражданина мира *mundo-5*; без границ *ni fronteras-1*, и самоотождествление с

иностранцем-чужеземцем *extranjero-1*, *extranjera-1*, что контрастирует с ответом в РАП словом *чужбина-3*, которое передает ощущение ностальгии, тоски по родине.

И, наконец, последняя реакция на стимул «родина» лексемой *zapatos-1* туфли наводит на мысль о святой Терезе Авилской (XVI в.), монахине, весьма популярной личности в испанской культуре. Вынужденная оставить свой родной город Авилу, на последней заставе она стряхнула с туфель (*zapatos*) пыль со словами: «De Ávila, ni el polvo» (от Авилы, ни пылинки). Это выражение полного отречения от своего происхождения, от прошлого, стало «крылатым», вошло в тезаурус испанской культуры.

С установлением демократии негативное позиционирование по отношению к понятиям «родина» и «патриотизм», желание отстраниться, отмежеваться от собственной страны стало модным трендом среди определенных слоев общества, в основном среди т.н. прогрессивной, левой молодежи. Возможно, это была реакция против концепта патриотизма, активно насаждаемого при режиме Франко в виде обязательных предметов «Воспитание национального духа» (*Formación del espíritu nacional*) в школе, и «Политика» (*Política*) в университете, а потому ассоциируемого с франкистской диктатурой. Как бы то ни было, но ответы *патриот*, *патриотизм* в ИАП отсутствуют в отличие от русского АП, где появляются 4 раза.

Как было отмечено ранее, в РАП негативных реакций на стимул «родина» значительно меньше, и они не так категоричны, как в испанском. Отрицание самого понятия «родина», отсутствие таковой заключено только в 2 конкретных ответах: *нет понятия такого-1*; *отсутствует-1*. В остальных случаях родина есть, пусть это *уродина-3*; и *нищета-1*; но у меня она есть-1; и ее жалко-1; и за нее обидно-1; и вызывает боль-1; потому что ее пропили-1; опять-1; ее мать-1; мать вашу-1, причем последние две реакции следует воспринимать не как оскорбление, а скорее как выражение отчаяния. Ответ *уродина* — не что иное, как ссылка к прецедентному тексту в форме ответа ДДТ и к песне «Родина» в исполнении этой музыкальной группы, весьма популярной в начале 90-х (группа ДДТ, 1992, автор Ю. Шевчук):

Родина!!!  
Еду я на Родину!  
Пусть кричат: *уродина*.  
А она нам нравится!  
Хоть и не красавица.  
К сволочи доверчива,  
Ну а к нам тра-ля-ля!  
Эй, начальник!!

Слова песни наводят на одну из ключевых тем в русской литературе: горькая любовь русского человека к своей многострадальной родине. И сразу приходят на память:

Россия, нищая Россия!  
Мне избы серые твои,  
Твои мне песни ветровые  
Как слезы первые любви. (А. Блок)

\*

Кто живет без печали и боли,  
Тот не любит отчизны своей. (Н.А. Некрасов)

\*

Прощай, немытая Россия,  
Страна рабов, страна господ,  
И вы, мундиры голубые,  
И ты, им преданный народ.  
Быть может, за стеной Кавказа  
Сокроюсь от твоих пашей,  
От их всевидящего глаза,  
От их всеслышащих ушей. (М.Ю. Лермонтов)

Отметим еще один, как нам кажется, значимый момент: именно в РАП концепт «родина» порождает реакции *стихотворение-1* и *песня-1*, связанные, в свою очередь, с реакцией *патриотизм-4*. Все три ответа отсутствуют в ИАП, и это не случайно: в современной испанской культуре фактически отсутствует жанр гражданской, патриотической лирики как в поэтической, так и в музыкальной форме, за исключением некоторых песен легкого, эстрадного жанра, которые никак нельзя сравнить с такими шедеврами патриотической песни, как «Широка страна моя родная» (И. Дунаевский, В. Лебедев-Кумач, 1936) из к/ф «Цирк», «Летят перелетные птицы» (М. Блантер, М. Исаковский, 1949), «Вижу чудное приволье» (А. Полячек, Ф. Савинов, 1917), или «Вставай, страна огромная» (А. Александров, В. Лебедев-Кумач, 1941). Далее ассоциативная цепочка ведет к еще одному прецедентному тексту, закодированному в ответе, *знает-1*. Речь идет также о патриотической песне «Родина слышит, родина знает» (Д. Шостакович, Е. Долматовский, 1950), ставшей позывным Всесоюзного радио вместе с песней «Широка страна моя родная», и вторым, неофициальным гимном страны. Заметим, кстати, что первые две строфы этой песни фактически состоят из реакций, содержащихся в РАП: в ней нет слова «лес», но его ассоциативно-семантическую функцию выполняют ответы *береза-1*, *березы-2*. Мы выделили эти слова курсивом:

*Широка страна моя родная,  
Много в ней лесов (берез), полей и рек...*

Еще одна характерная черта русского восприятия понятия «родина» — присутствие природы в различных формах реакций, как в общих терминах:

*природа-5; красивая природа-1; красота-1; горы-1; поля-2; реки-1; трава-1*, так и в форме конкретного дендронима *береза, березы-2*, символа России в поэтической картине мира носителя русского языка и культуры. В испанском АП наблюдаем полное отсутствие ассоциаций «родина—природа» в любой форме.

Но вернемся к началу каждого АП. Первые 5 строк каждого АП содержат наиболее частотные, а потому и наиболее значимые, ответы на стимул РОДИНА. Первые 5 параметров, по которым структурируется концепт РОДИНА в сознании русскоязычных опрошенных, это: *мать-221; моя-56; Россия-41; страна-23; дом-20*; а для испанцев соответственно: *España-94* Испания; *país-56* страна; *nación-36* нация; *bandera-30* флаг; *casa-24* дом.

В широком, абстрагирующем понимании «родина» воспринимается испанцами как геополитическая единица: это Испания *España-94*, это страна *país-56*; это нация *nación-36*; это Государство *Estado-7*; а в индивидуальном, конкретном видении «родина» — это физически осязаемые объекты: дом *casa-24*; очаг *hogar-10*; земля *tierra-13*; почва, земля *suelo-1*.

В ответах русскоязычных информантов на первый план выступает тесная связь с абстрагирующим образом матери: родина — это прежде всего *мать* в 221 из 592 реакций, причем разрыв между первым и вторым ответами значительный: *мать-221; моя-56*. Это сильно контрастирует с ИАП, где присутствие ответа «мать» минимально — всего 3 раза: впервые он появляется в шестой строке как *madre-2*, и далее лишь в 19-й строке в сочетании *madre patria-1* — родина-мать, или, если перевести дословно, «мать-отечество», что приводит к некоторым размышлениям о наличии гендерных факторов, сопряженных с порождением и восприятием терминов «родина» и «*patria*» в разных языковых менталитетах. Русское слово-стимул РОДИНА в подсознании русскомыслящего, русскоговорящего человека неразрывно связано с семьей «-род-», с сотворением жизни, что является прерогативой женщины; в нем заложен женский гендерный фактор, слово мотивируется и ассоциируется с концептом «мать». Испанский стимул «*patria*» (лат. *terra patria* земля праотцовская) семантически связан с фигурой отца (*pater — padre*), в нем заложен мужской гендерный фактор. Русские слова-реакции *отечество-12,1* и *отчизна-17,2*, также с мужским гендерным фактором, будучи семантическими синонимами, характерны для художественного стиля и потому не столь частотны, как *мать-221*, хотя входят в первую десятку реакций.

В обоих АП концепт «родина» в равной мере привязан к концептам «земля»: *земля-13* в РАП; *tierra-13; suelo-1*, в ИАП; и «место». Для испанцев это может быть просто *lugar-1* место; или *donde nacemos-1* где рождаемся; *donde nació-1* где (я) родился; *lugar de nacimiento-1* место рождения; *país de nacimiento-1* страна рождения; *nacimiento-2* рождение, а также *procedencia-1* происхождение. Для русских это тоже *место-2; где родился-1; край, где родились-1; место, где родился-1; место рождения-1; где я живу-1; место жительства-1, жить-1* и просто *адрес-1*. При почти полной идентичности восприятия концепта «родина» в обоих блоках ответов как сочетание

[место+рождение], отметим, однако, один нюанс: в понимании испанца это может включать и происхождение, т.е. этно-генетический фактор, не обязательно связанный с местом рождения, а для носителя русского языкового мышления — это также и место проживания, нахождения, пребывания (*жить-1, здесь-1*), которое тоже может не совпадать с местом рождения.

В пределах понятия «родина» особого внимания заслуживают три ответа в РАП: *Рига-1, Украина-1* и *Израиль-1*. Факт появления в ответах русскоязычных информантов трех иностранных государств, ассоциируемых с понятием «родина», связан с особенностями истории и устройства России как империи, как многонационального государства. В случае ответа *Израиль-1* речь идет о понятии «историческая родина», о принадлежности к еврейской национальности многих советских и российских граждан, родившихся и проживших всю жизнь в России, носителей русского языка, внесших значительный вклад в русскую культуру. Ответы *Рига-1* и *Украина-1* уводят в водоворот событий последнего десятилетия XX века: распад СССР в 1991 г., появление независимых государств на территории бывших Союзных Республик с неизбежными проблемами и конфликтами, связанными с национальным суверенитетом и языком. Ответы *Рига* и *Украина* могут иметь разночтения. В первом случае, возможно, речь идет о лице латышской национальности, выросшем в СССР. Но скорее всего, что речь идет о человеке русской национальности, родившемся в советском городе Риге, а потому считающем этот город своей родиной в одной (*она одна-1*), единой стране. То же самое можно предположить и в случае ответа *Украина*, причем, независимо от этнического происхождения и места рождения, информанты могут быть носителями и другого языка (латышского, украинского), помимо русского, что приводит к нерешенному пока вопросу о языковой личности билингвов и полиглотов. Подобных случаев в России миллионы.

Пожалуй, самым элементарным и эмоциональным выражением чувства принадлежности, а точнее посессивности, по отношению к родине является употребление словоформ и сочетаний, выражающих 1-е лицо индивидуально или коллективно. В русском блоке это местоимения *я, мой* и *наш* в различных формах. Так в РАП *мой* занимает второе место по частотности: *моя-56*; и далее *мой дом-1*; *моя земля-1*; *моя страна-1*; *моя-1*; *у меня-1*; *наша-3*. Как и следовало ожидать по результатам анализов предыдущих реакций, в ИАП эксплицитная посессивность *mi, mio* мой оказывается в меньшинстве: впервые она проявляется в 7-й строке как *mi casa-2* — мой дом, и далее как *mi país-1* — моя страна — итого 3 раза. Прочие ответы, где подразумевается первое лицо, не имеют значения посессивности: *donde nació-1* где (я) родился; *donde nacemos-1* где рождаемся. Обращает на себя внимание ответ *tu país-1* твоя страна, как отчуждение, как отстранение от единоличностного посессива «моя».

В испанском АП мы отметили также серию реакций, выражающих неопределенность в форме риторического вопроса как способа уклонения от прямого, однозначного ответа: *¿cuál?-1* какая?; *¿de quién?-1* чья?; *¿nada?-1*

ничто?; *¿luchar¿-1* бороться?; *no sé-1* не знаю; *dudosa-1* сомнительная; и, наконец, просто *¿?-1*; и *???-1*, что, в каком-то смысле, также можно считать самоотстранением. В РАП имеем три неопределенных ответа в том же ключе: *нечто-1*; *там-1*; *где-то-1*, в которых респондент, хотя и не отрицает категорически существование родины, воспринимает ее как нечто туманное, далекое, где-то там, а потому прямо его не касающееся.

Кроме родины, как понятия, приобщающего человека к другим ему подобным, к общности, человек чувствует индивидуальную привязанность к малой родине, к местам, где прошли первые годы его жизни, где он овладел основами родного языка, где осознал себя как личность. В русском блоке ответов это выражается в серии реакций: *малая-1*; *маленькая-1*; *деревня-1*; *село-1*; топонимы *Медвенка-1*; *Курск-2,1* (напомним: часть анкетирования проводилась в Курске); *Владивосток-1*; и *Москва-4* как отождествление *столицы-1* со страной.

В ИАП индикаторами концепта «малая родина» являются: *requieña-1* малая; *niñez-1* детство; *niño-1* ребенок; топоним *Galicia-1* Галисия, один из исторических регионов Испании; гидроним *Duero-1* Дуэро, ассоциируемый с винами высшего качества, известными во всем мире.

В обоих контингентах опрошенных стимул «родина» вызывает широкий спектр эмоциональных реакций. Для русскоязычного человека родина — это *жизнь-3*; *любовь-4*; *счастье-2*; *душа-2* и *сердце-1*; *она одна-1*, *единственная-1* и *навсегда-1*; *она родная-4*; *она может быть близкая-2* и *далекая-1*, но всегда *моя-56*; *она любимая-2* и *дорогая-2*; *она большая-3* и *великая-3*; *она богатая-1*; *хорошая-1* и *самая лучшая-1*; родина — это *святое-1*; это *свято-1*; это *долг-2*; это *сила-1* — образуя гамму позитивных ассоциаций, чувств, эмоций.

В случае носителей испанского языкового мышления интерпретация не столь однозначна: в ответах информантов прослеживаются симптомы конфронтации в глубине социума, связанные с прецедентными реалиями, и шараханье из одной крайности: *fascismo-4* фашизм; *gilipollez-1* х...ня; *asco-3* отвращение; *odio-2* ненависть; в другую: *añoranza-1* тоска; *anhelo-1* страсть, жажда; *razón de ser-1* смысл бытия. Негативному позиционированию по отношению к концепту РОДИНА, рассмотренному в начале настоящей работы, в корпусе ответов ИАП противопоставлена серия позитивных реакций, необходимых для поддержания соотношения сил в социуме. Вопреки негативу стимул РОДИНА-PATRIA вызывает целый ряд возвышенных чувств: это дом *casa-24*; это очаг *hogar-10*; это семья *familia-1*, любовь *amor-8* и счастье *felicidad-1*, *feliz-1*; это сердце *corazón-2*; это мир *paz-1* и братство между людьми *fraternidad humana-1*; это всё мы *somos todos-1*; это все и все *todo-1*, *todos-1*; это общее чувство *sentir general-1*; это прошлое, настоящее и будущее *pasado, presente y futuro-1*; это корень *raíz-1* и традиция *tradicción-1*; это идентитет *identidad-1* и принадлежность *pertenencia-1*; это то, чего каждый желает *una de las cosas que uno quiere-1*; это чувство гордости *sentir orgullo-1*; это гордость *orgullo-4* и достоинство *dignidad-1*; это честь *honor-1* и долг *deber-1*; это сила *fuerza-1*; это народ *pueblo-4* и язык *lengua-1*; это страстное желание,

жажда *anhelo-I* и тоска *añoranza-I*; это суть *ser-I*; это смысл бытия *razón de ser-I*. Среднее не дано. Максимализм — черта испанского характера.

\*\*\*

С момента проведения анкетирования прошло немало лет, произошли события, повлиявшие на картину мира, на мировоззрение нового поколения. Возможно, проведение подобного эксперимента в наши дни дало бы другие результаты.

Не считая законченным анализ русского и испанского АП на материалах ассоциативных норм и не претендуя прийти к преждевременным заключениям, думаем, что настоящий материал может послужить основой для дальнейших поисков, как в области ассоциативной лингвистики, так и в практике преподавания русского языка, литературы и культурологии иностранцам, равно как испанского языка русским.

Качественные показатели составляют своеобразный тезаурус ассоциативных норм данных языков и, вместе с количественными, могут быть предметом лингво-психологического сопоставительного анализа и предоставлять дополнительную информацию об ассоциативных нормах, структуре, языковой способности и национальном характере носителей данного языка и культуры.

### Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., Наука, 1987.
2. *Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М., РАН, 2001.
3. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.

### References

1. Karaulov, Yu.N. (1987). *The Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Sanchez Puig, M., Karaulov, Yu.N. & Cherkasova, G.A. (2001). *Associative norms of the Spanish and Russian languages*. Moscow. (In Russ.).
3. Karaulov, Yu.N. (1999). *Active grammar and the associative-verbal network*. Moscow: IRYa RAN. (In Russ.).

#### Сведения об авторе:

*Мария Санчес Пуиг*, доктор филологии, профессор, отделение германо-славянской филологии, университет Комплутенсе (Мадрид); почетный доктор РАН, отделение Русского языка и литературы; e-mail: mspuig40@gmail.com

#### Information about the author:

*María Sánchez Puig*, Dr. Phil., full profesor of Russian philology. Complutense University, (Madrid, Spain). Dr. Honoris causa Russian Academy of Sciences; e-mail: mspuig40@gmail.com.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338

УДК [811.161.1+811.134.2]:81'42:81'25

Научная статья / Research article

## Национальная языковая личность и семиотика текста в переводе

Т. Дроздова Диес

Университет Комплутенсе (Мадрид)  
28040, Испания, Мадрид, Avda. Complutense, университетский городок, 2  
tania123d@hotmail.com

**Аннотация.** Предлагаемая статья посвящается восьмидесятипятилетнему юбилею Юрия Николаевича Караулова (1935—2016), основоположника научной школы «Русская языковая личность», и рассматривает, на примере работы автора данной статьи над переводом новеллы Вадима Месяца «Ветер с конфетной фабрики», проблематику восприятия и когнитивно-семантической интерпретации испанской языковой личностью художественного текста, созданного русской языковой личностью-писателем для русской языковой личности-читателя. В результате проведенного анализа, в котором также приводится сравнительное сопоставление языкового сознания русских и испанцев на примере статьи «Родина» двуязычного словаря «Ассоциативных норм испанского и русского языков», автор заключает, что принадлежность рецептора к отличной культурной и лингвистической семиосфере влияет на восприятие и интерпретацию таких компонентов текстуальности вторичного субъекта информации (то есть коммуникативно реконструированного в переводе произведения-оригинала), как: ситуативность, интертекстуальность, информационная насыщенность; и что между тем прагматическая установка художественного произведения в целом не ускользает в результате когнитивно-герменевтической деятельности от понимания воспринимающего текст в переводе.

**Ключевые слова:** языковая личность, межкультурное сопоставление языкового сознания, лингвистика текста, текстуальность, семантика, семиотика, семиотика культуры, семантика текста, перевод, семантика и семиотика переводного текста

### История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

### Для цитирования:

Дроздова Диес Т. Национальная языковая личность и семиотика текста в переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 316—338. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338

---

© Дроздова Диес Т., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>



UDK [811.161.1+811.134.2]:81'42:81'25

## National Language Linguistic Personality and Semiotics of Target Text

Tatiana Drosdov Díez

Complutense University

2, Avda. de Séneca, Ciudad Universitaria, MADRID, Spain, 28040

tania123d@hotmail.com

**Abstract.** This article is dedicated to Yuri Nikolaevich Karaulov, member of the Russian Academy of Sciences and founder of the scientific school “Russian Language Personality”. This article is about the complexities of language-based perception: the Spanish readers’ perception (Spanish linguistic personality) of the target text translated from Russian (“The wind blowing from the candy factory” by Vadim Mesiats). The author concludes that the original text-based factors, i.e. the Russian linguistic personality and cultural sphere, affect the reader’s interpretation of the target text informativity, situationality, intertextuality, and, to some extent, the intentionality of the source text.

**Key words:** Russian language linguistic personality, semantics, semiotics, semiotics of culture, text linguistics, textuality, discourse analysis, literary translation, readers’ perception of target text

### Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

### For citation:

Drosdov Díez, T. (2021). National Language Linguistic Personality and Semiotics of Target Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 316—338. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338

Потребность обратиться к таким разрабатываемым последователями Юрия Николаевича Караулова исследовательским направлениям, как: когнитивные и концептуальные структуры языкового сознания, языковая компетентность автора художественного произведения, этнокультурная специфика русской и нерусской языковой личности (картина мира, ментальность и национальный характер), культурологические аспекты и семантика переводного текста в восприятии нерусской языковой личности [1—11], возникла у автора данной статьи в связи с осуществленной в 2006 году работой над переводом на испанский язык [13] новеллы Вадима Месяца «Ветер с конфетной фабрики» [12], опубликованной в 1993 году издательством «Былина» и переизданной в 2005 году в издательстве «Эксмо».

Работа над переводом, требующая, прежде всего, декодирования семиотики культуры текста-источника, имела своим следствием необходимость произвести в отношении русского и испанского языков сопоставительный анализ соответствующих образов национального сознания, а также составляющих картины мира. Данным концепциям, уже в области сравнительной лингвистики, посвящены несколько фундаментальных для испанской русис-

тики трудов, написанных Юрием Николаевичем Карауловым совместно с Doctor Honoris Causa Российской Академии Наук Марией Санчес Пуиг, основоположником испанской славистики [2; 5; 6].

Переводчик располагала еще одним инструментом исследования речемыслительной деятельности русской языковой личности, а именно: авторским текстом-результатом. Следует отметить, что текст новеллы «Ветер с конфетной фабрики» представляет собой интереснейший пример функционального воздействия индивидуальной ассоциативно-вербальной сети, одновременно проявившей себя в качестве неотъемлемой составляющей, субстрата, коллективной (совокупной, по выражению Ю.Н. Караулова) языковой способности русской языковой личности [1].

Прежде чем перейти к разбору с указанных позиций текста этого произведения, приведем содержание статей «Родина/Patria» (концепта, являющегося главной темой данного произведения), представленных в двуязычном словаре «Ассоциативных норм испанского и русского языков» [5], а также наши к ним комментарии, которые невозможно было не иметь в виду при работе над переводом.

В двуязычном словаре «Ассоциативных норм испанского и русского языков» представлены итоги анкетирования носителей русского и испанского языков на основе списка стимулов, включающего 108 слов.

Анкетирование для русскоговорящих было проведено в 1993 году, то есть в период выхода «Ветра с конфетной фабрики» в свет, а для испаноговорящих информантов — в 1997—1998 гг. (как уже указывалось, в Испании книга была опубликована в 2006 году). Возраст опрашиваемых, в обоих случаях, составлял 19—20 лет.

Обратимся к статье «Родина» [5. С. 144] Прямого русского словаря:

**Родина** (592+123+9+85): мать 221; моя 56; Россия 41; страна 23; дом 20; отчизна 17; земля 13; отечество 12; одна 8; зовет 6; город, любовь, мать зовет, Москва, природа 5; край, патриотизм, родная 4; большая, великая, жизнь, любить, наша, уродина, чужбина 3; близкое, в опасности, гордость, деревня, защита, Курск, любимая, мать ваша, место, патриот, Русь, счастье 2; адрес, арена, армия, береза, березы; березы; поля, трава, нищета; богатая, Владивосток, Вся власть Советам!, где я родился, где я живу, горы, далекая, ДДТ, долг, дорога, дорогая, душа, единственная, ее мать, жалко, ждать, жить, здесь, знает, и душа, Израиль, КПСС; край, где родились; красивая природа, красота, Ленин, люди, малая, маленькая, матушка, мать вашу, Медвенка, место жительства; место, где родился; мой дом, моя земля, моя страна; моя, Россия; навсегда, нет понятия такого, нечто, обидно, она одна, опять; отечество, место рождения; отсутствует; отчизна, долг; отчизна, мать; памятник, партия, песня, планета; поля, реки; пропили, Рига, Россия-матушка; Россия, Курск; РФ, самая лучшая, своя, святое, село, сердце, сила, СССР, стихотворение, столица; счастье, боль; там, где-то; тяга, у меня она есть, Украина, хорошая, хорошо, широка, Штирлиц, это свято 1.

Думаем, что мы не ошибемся, выделяя на основе лексико-семантических компонентов данной статьи следующие когнитивные составляющие русского национального сознания, ассоциирующиеся с понятием «Родина». К важнейшей из них относится сема безусловных, почти биологических уз принадлежности к родине в сочетании с ее сакрализацией (*мать, Россия-матушка*). Причем это чувство неотъемлемой принадлежности носит интимный (*дом, счастье*), относящийся к внутреннему миропониманию, характер (*моя*). Индивид признаем в качестве единственно приемлемой для него родины — *Россию (одна, единственная, навсегда)*. Однако, логическим следствием такой жизненной позиции является не только *любовь, великая, гордость, патриотизм, патриот, отчизна, отечество, долг, тяга, душа, памятник, стихотворение, песня, Русь, святое, это свято, у меня она есть*, но и (вспомним: «Родина-мать зовет!») *Родина — в опасности, мать зовет, защита, армия*. Это морально-этическое восприятия концепции. Политико-идеологическим компонентом является: *Родина — вся страна*, то есть, имея в виду возраст опрашиваемых, *вся территория СССР*.

При этом родин как бы две: одна воспринимаемая в своей исторической традиции и преемственности, и другая — только советская. С одной стороны, это — *Русь, Россия-матушка*, а с другой, это — *СССР, Вся власть Советам!, партия, КПСС, Ленин, знает*.

Кроме того, *Родина и большая*, причем ее символом является *Москва, столица* (в испанской статье ассоциаций, приводимой далее, это — *флаг, герб, гимн*), и *маленькая/малая: край, где родились, место, где родился*. Это — *Владивосток, Медвенка, Рига, Курск*. Это и *город, и деревня, село*. Это и почва, то есть корни человека: *земля*. Эта земля — прекрасна: *красивая природа, красота, березы, поля, трава, горы, реки*. Однако в плане «обустройства», перед нами только одно «за»: *богатая*, в сравнении с несколькими «против»: *уродина, нищета, ДДТ, пропили*.

Заметны, малочисленные, и голоса тех, кто сомневается в сакральности этого понятия: *место рождения, место жительства, нет понятия такого, нечто, опять, отсутствует, планета*, или же прямо его отвергает: *там, где-то, Израиль*.

Усматриваются также «зашифрованное» присутствие таких компонентов национального сознания, как «Россия-мученица» (*жалко, боль, обидно*) и «вера/надежда на лучшее будущее» в сочетании с фреймом «пассивность русского характера» (*ждать*).

Теперь процитируем, в нашем переводе, статью “Patria/Родина” Прямого испанского словаря [5. С. 143]:

**Patria** (573+187+20+141) — Испания 94; страна 56; нация 36; флаг 30; дом 24; ничто 20; земля 13; очаг 10; любовь 8; Государство 7; г...но, чувство 6; девушка, фашизм, мир/планета, существительное, глупость, 5; армия, глупость, честь, ложь/вранье, национализм, гордость, народ 4; отвращение, ложь/неправда, национальный, отсутствует/нет, любимая 3; сердце, защита,

герб, сущность, неважное, неподчинение, мать, мой дом, военная служба, нет, не существует, ни о чем мне не говорит, ненависть, король, единство, и король 2; ?, ???, абстрактно, нечто большое, любимая, желто-красное<sup>1</sup>, ностальгия, нехватка, архаичный, архаизм, флажок, хорошо, надоедливо, лицо, закрыто, понятие, установившиеся понятие, космополитичная, искусственное построение, что такое?, что такое, нелепость, долг, внутри, кого?, диктатура, достоинство, там, где нахожусь, там, где мы родились, где я родился, сомнительная, р. Дуэро, Испания, флаг, эта, государство, национальное сознание; оправдание, иностранная/чужая, фальшивая, семья, фашистская, счастье, счастливая, людское братство, граница, Галисия, идиотизм, Гонзало, война, факт, лживое понятие; гимн, другие; ограниченная идея, идеал, церковь, иллюзия, иллюзорно, безразличие, несуществующее, выдумка, ... твою мать, *нецензурное выражение*, самая лучшая, надгробная доска, далекое, язык, сумасшествие, самое лучшее, сражаться?, сражаться, место, место рождения, родина-мать, карта, г...но, лучшая, миллионы, моя страна, многоцветная, дешевый национализм, ничто?, ни границ, детство, ребенок, это слово мне непонятно, не существует/нет, это все мы; это еще не все, мне незнакомо, у меня нет, наше, никогда, забывание, темнота, страна рождения, пустое словословие, для того, кто ее желает иметь, пария; прошлое, настоящее и будущее; мир/мирное, КПСС, малая/маленькая, человек, принадлежность, мало, власть, политика, владение, происхождения, собственность, непорочная/чистая, корень, основа существования; неприятие, расизм; ответственность, красный, надежность, чувствовать, общее чувство, чувствовать гордость, существовать/быть, всегда, солдат, земля/почва, все, все, глупое политическое понятие, дурак, традиция, твоя страна, тяжелый крест для народов, одна из любимых любым человеком вещей, глупость, единственная, выдумка, утопия, пустота; согласен/все так, но это не Испания, а жизнь; насилие и свобода, я, ботинки 1.

В случае образа сознания испанскоговорящей личности, при совпадении основных моральных ценностей, ассоциирующихся с понятием «Родина», и при абсолютной национальной самоидентификации отвечающих с Испанией, отмечается, в сравнении с русским национальным сознанием, присутствие большего чувства не столько коллективизма, сколько, скорее, сообщества: *нация, народ, лицо, людское братство, миллионы, это все мы, все* (в русской статье только один раз появляется *люди*).

Также обращает на себя внимание более критичное (и более распространённое) отношение к данному понятию, которое рассматривает его как некую фигуру, лишённую реального содержания, навязанный концепт: *Государство, флаг, ничто, глупость, искусственное построение, архаизм, фальшивая, лживое понятие, безразличие, несуществующее, герб, дешевый национализм, выдумка, пустота, оправдание, глупое политическое понятие,*

---

<sup>1</sup> Национальный флаг Испании — это трехполосное полотнище, верхняя и нижняя часть которого красного цвета, а средняя — желтого.

*тяжелый крест для народов; согласен/все так, но это не Испания, а жизнь; насилие и свобода; я и т.п.* Есть несколько упоминаний (средний возраст опрашиваемых в 1997/98 году — двадцать лет, Франко умер в 1975 г.) о недавнем прошлом (коллективная память): *диктатура*. И только одно упоминание чувства преемственности: *прошлое, настоящее и будущее*.

В целом, в случае испанского менталитета, общее восприятие понятия «Родина» можно, пожалуй, определить как «*ни о чем мне не говорит, абстрактно, идея*». Другими словами, индивидуум считает себя в праве самостоятельно решить для себя, принимает ли он это понятие<sup>2</sup> в качестве одной из своих жизненных установок, моральных основополагающих принципов, столпов своего мировосприятия.

Отметим также и следующую особенность реакций испаноговорящих: в силу восприятия концепта «Родина» как абстракции (*идея, согласен/все так, но это не Испания, а жизнь*), практически все выражения, составляющие реакции, относятся к понятийно-абстрактной лексике. При этом родная земля не характеризуется ни в плане абстрактном (ср. русск.: *береза*, то есть символ России; *красивая природа, красота*), ни в плане отражения ее физического облика (ср. русск.: *березы, поля, трава, горы, реки*). Единственный случай прямой топонимической номинации (*р. Дуэро*) представляет собой, как нам кажется, случай символического представления Испании, так как эта река протекает по территории, ассоциирующейся со Старой Кастильей, колыбелью испанской государственности. Конкретизируется только сегодняшний день, но исключительно в смысле индивидуального и «заземленного» жизневосприятия: *девушка, Гонзало* (личное имя).

Отметим также, что в данном случае отсутствует какое бы то ни было упоминание о «большой Испании» и, тем более, о главном городе-столице. Это связано, вероятно, с тем, что для испанца главный — это его родной город или населенный пункт, поэтому для него, если и существует Родина, то исключительно в качестве *малой/маленькой: Галисия*. Отсутствует также лексико-семантическое выражение культурно-семиотической оппозиции центр — периферия, город — деревня. Нет ни малейшего упоминания об удобстве или приглядности организации материальной жизни, быта.

В целом представляется уместным, сравнивая статьи реакций, выделить своеобразную доминанту испанского самосознания и видения мира. Это — индивидуализм и независимость суждений.

В случае русского самосознания в семантическом гештальте поля «Родина» присутствуют как бы две ипостаси — возвышенно-символическая и конкретно-бытийная: *мать, отчизна, отечество, одна, любовь, Москва, патриотизм, великая, жизнь, гордость, патриот, Русь, счастье, береза, долг*,

<sup>2</sup> Кроме указанного, о свойственном испанскому сознанию восприятию мира, в котором активная роль принадлежит индивиду как действующему субъекту, см. [6] Санчес Пуиг, М.; Караулов, Ю.Н.

*чужбина, душа, единственная, красота, навсегда, памятник, стихотворение, песня — город, деревня, край, березы, поля, трава, горы, реки, уродина, нищета, жалко, ДДТ, ждать, обидно, пропили, боль.*

Другими словами, как представляется из приведенных цитат, русский человек существует как бы в двух измерениях: идеально возвышенном и реальном. Причем второе, то есть реальное, обособленно от первого, идеально-возвышенного, и занимает весьма второстепенное место в оценочно-семантической структуре понятия «Родина».

С позиций анализа текста подтверждением данного соображения может, как нам думается, служить тот факт, что при упоминании компонентов данного ассоциативного поля, предполагающих отражение материальной, физической, реальности (*березы, поля, трава, горы, реки*), не употребляются соответствующие качественные прилагательные.

Кроме того, с точки зрения анализа русской языковой личности, отраженные в упомянутых реакциях носителей русского языка пресуппозиционные и прецедентные связи [6] можно в целом определить как речемыслительные стандарты, или элементы «ритуализированного дискурса» [3]. К ним, вероятно, относятся следующие:

Родина-мать: Родина-мать зовет; наша Родина; великая родина; любимая родина; святое чувство Родины; Родина — это свято; гордость за родину; у меня она есть; далекая родина; наша родина — самая большая страна в мире; Родина-мать в опасности; защищать родину; наш долг защищать родину; Родина слышит, Родина знает;

Россия-матушка: Русь-матушка; родной край — чужбина; далекая родина — горькая чужбина; за Россию обидно; Россию пропили;

СССР: наша Родина — Советский Союз; Вся власть Советам!; Партия — наш рулевой; Ленин — наше знамя; советский/русский патриот; «у советских собственная гордость»; наша социалистическая родина — самая лучшая; «достаю из широких штанин...»; «... и жить — хорошо»; «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек/ я другой такой страны не знаю, где так вольно жил бы человек»;

Москва, столица: столица нашей родины — Москва; сердце нашей родины — Москва; «дорогая моя столица, золотая моя Москва»;

Штирлиц: неизвестные/славные/скромные герои Родины; рыцари без страха и упрека / наши славные чекисты; и им подобные<sup>3</sup>.

\*\*\*

Обратимся теперь непосредственно к предмету настоящей статьи, а именно: к анализу этнокультурной, в широком понимании, специфики текста

<sup>3</sup> Данная особенность русской АВС — обязательное присутствие и многочисленность отсылок к прецедентным текстам — неоднократно отмечалась исследователями русской и испанской АВС, см. [6—8].

«Ветра в конфетной фабрики» и ее восприятию и декодированию испанской языковой личностью в переведенном тексте новеллы.

Анализируя ассоциативно-вербальную сеть текста новеллы с точки зрения выраженных в нем, свойственных русской культуре, элементов картины мира/знаний о мире, заключающихся в «терминологически окрашенных (строго научных или повседневно-бытовых) понятиях; в идиоматических выражениях, и шире, — в тропах, образах, игре слов; в генерализованных высказываниях, то есть сентенциях и афоризмах; в сопровождающих речевое поведение характерных для данной культуры жестах; в даваемых сжатых, почти символически-знаковым образом обозначениях (описаниях) типовых для данной культуры ситуаций, в типовых культурно-бытовых фреймах» [1. С. 90], а также явлений, относящихся к уровню прагматическому (пресуппозиция, прецедентные тексты, оценка), мы постоянно сталкивались с языковым выражением национальных «мест памяти», то есть тех образов, понятий, представлений, названий, фактов, вещей, слов и «мест» из отечественной истории, давней и не очень давней, которые живут в сознании, в спонтанной памяти (фонд экстралингвистических сведений/апперцепционная база) среднестатистического носителя русского языка, и актуализируются с разными целями в производимых им текстах [1. С. 145—151].

Главной темой «Ветра в конфетной фабрике» является тема России, ее настоящее и будущее, которое зависит от способности или желания россиян извлечь для себя выводы из уроков прошлого, как совсем недавнего (советский период), так и более отдаленного. При этом В. Месяц делает четкое и недвусмысленное различие между понятиями «Россия» и «СССР».

Актуальный момент новеллы приходится на первую половину 1992 года. Главное, по мнению автора, событие в жизни России, роспуск Советского Союза, уже произошло. России и ее народу предстоит сделать выбор, который уже не может быть ни единым, ни единогласным, ни единственно «правильным», ни обязательным для всех к выполнению, так как люди этой страны, вероятно впервые в своей истории, могут реально осуществить свое право на свободу личного выбора. И от того, как они восприняют «ветер, дующий с конфетной фабрики»: в ключе «это сладкое слово свобода» или в ключе «сладкие воспоминания о советском прошлом», зависит их будущее и будущее России.

Интенционно-прагматическая установка новеллы маркируется в тексте как оригинала, так и, соответственно, перевода, лексико-семантическим кодовым знаком «действовать», определяющим все составляющие текстуальности произведения.

Развитие ассоциирующихся с главной темой произведения когнитивно-семиотических блоков (тем), основывающееся на прямом воспроизведении типовых для русско-советской культуры ситуаций и на референционной аллюзии к типовым культурно-бытовым фреймам, базируется на обращении к семиотическим концептам русской культуры, в том числе национального сознания. Это концепты: Родина, Россия — мученица, Москва — третий Рим,

Москва — периферия, власть — воля-стихия, правда/истина, можно — нельзя, правильно — неправильно, пассивность русского характера, враг и др.

Таким образом, текстоформирующим фактором новеллы становится эксплицитное и имплицитное обращение к составляющим семиосферы русской культуры. Особую важность в этой связи имеет интертекстуальный компонент новеллы: в данном отношении ее текст следует рассматривать как гипертекст национальной культуры. Данный компонент находят свое выражение как на уровне функционирования индивидуальной ассоциативно-вербальной сети (идиолекта) автора, базирующейся на речемыслительных стандартах совокупной русской языковой личности, так и на уровне структурно-композиционном.

Личный выбор в России 1992-го года сводился, по мнению автора, к следующему: продолжать поклоняться привычным *«идолам/фетишам»* и, *«не обращая ни на что внимание, пройти мимо»* возможности хоть что-то изменить<sup>4</sup>; молниеносно изменить *«свои взгляды и позиции»* и *«исправить»* материалы собственных биографий, с тем чтобы сохранить или добиться высокого общественного положения; проявить *«свой естественный облик»* и начать без стеснения, так как *«стесняться уже будет некого и нечего»*, *«рвать, хватать и делать фиги»*; эмигрировать *«в страны ближнего или дальнего зарубежья»*; разрушить, стихийно разнести *«советскую цивилизацию»*, даже не попытавшись извлечь из ее существования необходимые *«уроки истории»*, или, в случае *«тех, кто рискнул остановиться, принюхаться, понять в чем дело»* начать, наконец, действовать, изменять и создавать<sup>5</sup>, даже если при этом личность будет руководствоваться *«откровенно романтическими и несомненно пошлыми целями» «поиска своего личного Эдема»*<sup>6</sup>.

Тема свободного личного выбора собственного, то есть индивидуального, пути, являясь, в сущности, основой авторской концепции произведения<sup>7</sup>, развивается на протяжении всей новеллы и получает свое формальное

<sup>4</sup> «Можно тысячу раз спросить себя — зачем? Тысяч раз спросить — кто я такой? Тысячу раз объяснить, что все материки уже открыты, непокоренные народы завоеваны и истреблены, неприступные крепости и монастыри превращены в музеи, но эти объяснения лишь укрепят нас в отчаянной злобе. Все равно мировой порядок выдуман или открыт самими нами — неужели наш опыт и есть истина в последней инстанции?» [10. С. 27].

<sup>5</sup> «Мы ведь так окончательно скинем, если не будем предполагать, даже в отдаленной перспективе, чего-то радикально нового. Надеяться на полное избавление от душегубов и дураков, на построение царства Божьего на земле вопреки всем законам исторического развития, на возвращение собственной молодости, любимых людей ...» [10. С. 27].

<sup>6</sup> «Кто сказал, что истинная вера это лишь то, что устремлено к вечному, а тоска о многоэтажных странах, белых штанах и голливудских любовницах есть нечто второстепенное?» [10. С. 27].

<sup>7</sup> Человек имеет полное право жить в соответствии со своей собственной «перспективой», «рвением», «желанием», «мечтой» обо «всем, что может вести вперед — о любви, карьере, мести, оболыщении, завоевании, о покупке пачки папирос, знакомстве с Мерлин Монро или директором кондитерского комбината, посещении великой Столицы или разгадке тайны женского характера, о наследнике-сыне, о Третьем Риме, демократии, автократии, восхождении



выражение в последней, четвертой, части, озаглавленной «Исход», что со всей определенностью ассоциируется с известным библейским сказанием, которое в данном случае интерпретируется как призыв признать право индивида отказаться, в поисках желанной для себя жизни, от вбираемых с детства истин<sup>8</sup>, «*каким бы незыблемым это ни считалось долгие века*» и действовать, «*даже сознавая бессмысленность и несбыточность своих начинаний*» и даже осознавая, что упражнение в Свободе связано с риском: неизвестностью и непредсказуемостью результатов<sup>9</sup>.

Еще раз отметив, что текст новеллы представляет собой любопытнейший образец функционально-прагматического воздействия индивидуально-авторского дискурса, базирующегося на речемыслительных стандартах обобщенной русской языковой личности, сформировавшейся, кроме того, во вполне определенный, советский, период, укажем, переходя непосредственно к предмету нашего анализа, что лексико-семантическая ткань произведения не только пропитана, но методологически-формально зиждется на стилистическом приеме образования троп и игры слов. Однако с той особенностью, что в качестве опорных синтаксических моделей текстообразования выступают пропагандистские клише советской и коммунистической идеологии или же перифразы и парафразы, основанные на цитации литературных произведений программы обязательной общеобразовательной средней школы указанного периода.

Приведем только два примера из 3-ей главы книги: (1) «...он призывает водителя гнать машину как можно скорее, который раз в отечественной истории выкрикивает: «эх, какой русский...», хотя, при всем этом, вовсе не уверен, что он, Лямкин, — подлинно русский человек» [10. С. 74]; и (2) «Он бродил унылым чужаком по всепоглощающему празднику нашей жизни, решив, что попросту не любит этого народа, случайно проникнул в глухие, подернутые паутиной, столичные углы; посещал близлежащее полузаброшенное кладбище с могилой философа Чацкого, прокричавшего в финале его любимой книги — «Карету мне, карету!», и вновь и вновь повторял себе извечное — всмотритесь в эти лица. А что ему еще оставалось делать? Танцевать самбу? Бить в африканские барабаны? Мечтать о звезде Марс, кроваво-красной, как и рубиновые звезды над горой Кремль? Быть может, ему, как и его

---

на монарший престол, об ананасах в шампанском и воскрешении из мертвых, о поцелуе французской дамы и обладании всеми женщинами на свете, о полной победе коммунистического труда и починке водопровода, об открытии новой звезды или острова в океане, об умении играть на дуде или прыгать со скал — обо всем, что еще может нас расшевелить, сдвинуть с места, заставить действовать, верить, спешить ...» [10. С. 142].

<sup>8</sup> «Я (...) стою здесь, перед вами, в вашем славном шахтерском городке, пытаюсь вколлотить хоть малую толику истин в ваши пустые головы» [10. С. 40], — говорит своим ученикам школьная учительница одного из героев книги.

<sup>9</sup> «Свобода — на то и есть свобода, что наперед никто не знает, что она принесет с собой, то ли продолжение радости и любви, то ли совсем что-то никудышное и отвратительное» [10. С. 28].

предшественнику, нужно было уехать за рубеж, уйти в подполье, наедине со своей истиной; быть может, он должен был отдаться борьбе за свободу всего человечества, приобретя достаточное количество знаний из журнала «Вокруг света», но однажды, как ни странно, все решилось само собой...» [10. С. 64].

Характеризуя новеллу В. Месяца в целом с точки зрения отражения в ней языковой компетенции автора, а также такой составляющей когнитивного уровня структуры языковой личности, как апелляция к прецедентным текстам, укажем, что, по нашему мнению, апелляция, в первую очередь, к «Горю от ума» и некоторым другим произведениям русской литературы (в частности, к «Мёртвым душам») выполняет, в случае «Ветра с конфетной фабрики», не только функцию отсылки к известным «местам памяти», но имеет структурный, текстоформирующий, характер.

Начнем с того, что само название «Ветер с конфетной фабрики», а также многие тематико-семантические узлы новеллы прецедентно и пресуппозиционно соотносятся, прежде всего, с «Горем от ума».

Так, у русскоговорящего читателя при прочтении этой книги, посвященной судьбе России и переживаемым страной драматическим коллизиям, могущим привести не только к социальному расколу, но, может быть, и к исчезновению державы и великому исходу ее народов, не может не возникнуть ассоциация с «И дым Отечества нам сладок и приятен!», помимо, конечно, естественно напрашивающейся когнитивно-вербальной ассоциации с «ветром перемен».

При этом концептуальная и стилистическая трактовка образа «ветер с конфетной фабрики — ветер перемен», наводящая читателя на мысль о не просто изменениях, но о радикальных, революционных, преобразованиях, ассоциируется с поэмой А. Блока «Двенадцать»<sup>10</sup>.

В свою очередь, кроме прямой номинации упомянутой комедии и цитирования известных строф («где оскорбленному есть чувству уголок» и пр.), присутствует индивидуально-авторская апелляция к персонажу Чацкого (Глава 2.4. и прочие), имеющая, однако, своим следствием абсолютно непривычную интерпретацию данного образа и создание нового образного ряда «обличителей язв общества».

Речь идет о героях советского времени, самым своим существованием обличающих «век минувший»: приспособленцах всех мастей и оттенков, политических перевертышах, лубочных ура-патриотах, «*мужчинах в ярких мохеровых шарфах и женщинах, не снимающих норковых шапок в драмтеатре*» [12. С. 111] — носителях и знатоках советской морали, «*умных философах Чацких*»<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> «Действительно, прямо в них, в их измученные ночным трудом лица, как и прежде, дул ветер с конфетной фабрики. Он шел по верхам деревьев, телевизионных антенн, куполам старинных храмов; врвался в форточки проснувшихся москвичей, возметал сухую пыль на пустьях» [10. С. 142].

<sup>11</sup> В данной связи следует, вероятно, вспомнить и Фамусова: «Куда как чудно создан свет! / Пофилософствуй — ум вскружится» (Действие II, Явление 1) и Скалозуба: «Да, чтоб чины

При этом «лишним человеком», то есть личностью, отвергаемой социумом, в данном случае советским, вследствие своего неподпадания под привычные и общие для большинства граждан стандарты устройства быта и существования «*в нашей с вами одинаковой, поровну разделенной на всех и на каждого, все еще остающейся социалистической, жизни*» [12. С. 77], выступает случайно обласканный *Фортуной* и *КПСС*, один из двух главных героев произведения — Виктор Лямкин [12. С. 78], в чьей фамилии без труда угадывается голевский Ляпкин, а совокупная интерпретация обоих компонентов имени наводит на мысль об авторской сентенции о торжестве посредственности.

В то же самое время, за описанием социума, то есть толпы, легиона обывателей, его готовности поверить во что угодно, в любую глупость, его тупости, возрастающей в ритме крещендо, легко угадывается не только известная сцена «Горя от ума», но и пьесы А.Н. Островского<sup>12</sup>.

Кроме того, следует также отметить, что, помимо характерного для повествования сатирического тона, сюжетное развитие всей новеллы в целом, молниеносно пронсящее<sup>13</sup>, в том числе средствами железнодорожного транспорта, читателя «по городам и весям» России в целях всестороннего описания положения страны и разнообразнейших слоев ее населения, недвусмысленно ассоциируется с «Путешествием из Петербурга в Москву», с «Кому на Руси жить хорошо?» и с «Мёртвыми душами».

Это молниеносное, калейдоскопно развивающееся, движение дискурса, попеременно фокусирующееся на без труда узнаваемых типажах и персонажах советской действительности, имеет своим следствием эффект отражения в зеркале, панорамного обзора, своеобразного документального кинематографа.

При этом трагически звучащее авторское, многократно предвещающее рассуждения повествователя, «*всмотритесь в эти лица, всмотритесь*» воскрешает в памяти и сознании читателя-обозревателя не только фамусовское «Ба! Знакомые все лица!», но и многочисленные сцены «Ревизора». А путешествие современного Чичикова-Лямкина по России призвано в книге дать ответ на вопрос «Куда же несешься ты, Россия, птица-поезд».

В равной степени представляется очевидным, что «*город Ы*», — словоупотребление, использованное В. Месяцем в качестве образа-символа любого

добыть, есть многие каналы; / Об них как истинный философ я сужу: / мне только бы досталось в генералы (Действие II, Явление 4).

<sup>12</sup> «... потому что здесь, может быть, цельного человека убили, а если и не убили до сих пор, то непременно в самое ближайшее время убьют» и «... он даже рассказывает историю о том, как один молодой повеса задохся вместе со своей партнершей в автомобиле, в чужом гараже: отравился угарными газами — дворнику известно это наверняка, ибо повеса был друг его родного внука, а внук ему, пенсионеру, всегда искренне рассказывает подобные вещи» [10. С. 71 и С. 73].

<sup>13</sup> Отметим это обстоятельство (быстро совершаемое действие или движение) в качестве еще одного подтверждения гармоничного совпадения структур индивидуально-авторской и обобщенной языковой компетенции РЯЛ. См. для сравнения [6] М. Санчес Пуиг; Ю.Н. Караулов «Образы языкового сознания испанцев и русских (Проблемы сравнительного анализа)».

населенного пункта русской глубинки, то есть малой родины, в которой «родился, будет жить и, вероятно, умрет» каждый второй россиянин, но из которой по известной культурной и социальной традиции молодежь стремится вырваться, устремившись в Москву, — наваян «Васюками» Ильфа и Петрова.

Судите сами [12. С. 32. 2-ая глава, «Школьники»]: «Впрочем, не стоит расстраиваться, что ваш родной городишко не будут изучать по букварю школьники всех прогрессивных стран мира (...); тем более не за горами то время, когда и ваш город сравняется со Столицей величию и красотой — такое время обязательно нагрянет, если вы еще не читали, то наверняка об этом догадываетесь: предчувствие близкого чуда и свершения буквально растворено в воздухе. Вот-вот нагрянут великие времена, и над каждым городком, над каждой железнодорожной станцией и полустанком загорятся такие же яркие, как в Москве, рубиновые звезды — праздник тепла и света, очаровательная электрификация всей страны zalьет своими лучами самые темные уголки обрусевшего пространства; вся страна целиком и полностью станет одной огромной Столицей...».

Кроме того, развитие темы «провинция — Москва», являющейся одним из краеугольных фреймов русской культуры и представленной сюжетной оппозицией «городок Ы-Столица», ассоциируется, во многих случаях неизбежно, с «Тремя сестрами».

Также показателен и включенный в сюжетную линию произведения, повествующую о детстве собирательного героя-образа, символизирующего «молодое поколение строителей коммунизма», в качестве рассказа о реальном эпизоде жизни его школьной учительницы, подробнейший пересказ, выполненный в сатирическом ключе (Гл. II), содержания музыкальной кинокомедии «Волга-Волга». Этот пассаж играет важную роль в уяснении авторской концепции системы («фабрики») воспитания с детства верности советскому строю, основанной на апелляции к искренним чувствам любви к родине и долга.

В целом же национальный менталитет и общественное сознание (в этом смысле «Ветер с конфетной фабрики» можно с полным основанием охарактеризовать, перефразируя известное выражение, как энциклопедию русско-советской жизни/видения мира, стилистической тон которой представляет собой своеобразное сочетание сатиры и высокой трагедии) отражены в новелле в виде когнитивно-семиотических блоков (т.е. тем), как последовательно развиваемых на протяжении всей книги, так и, хотя и присутствующих, но выступающих в дискурсе спонтанно-эпизодически, «штрихами».

Приведем несколько примеров тематического развития в «Ветре с конфетной фабрики» присущих национальному менталитету фреймов/концептов, зафиксированных в процитированной вначале статье «Родина» и получающих в новелле В. Месяца вполне определенное, прагматически направленное, интерпретационное выражение.

Начнем наш анализ с рассмотрения присутствующего в национальном сознании соотношения «власть» и «стихия/воля».

Эта когнитивно-семантическая и когерентно-тематическая линия разрабатывается в новелле достаточно подробно, с нюансами.

Так, соотношение «власть» и «Россия» рассматривается, с одной стороны, как фрейм «русскому народу крепкая рука нужна, порядок», ассоциирующийся с фигурой главы государства. С другой стороны, данное соотношение включает в себя понятие критического отношения к представителям власти (вероятно потому, что центральная власть — далеко, а местная — на виду, и грешки ее (и тут вспоминается Городничий), ввиду близости, известны): «эх, *хорошего мы выбрали президента*» [12. С. 13] versus «он умудрился устроить скандал в одном из предместий столицы, обозвав тамошнее начальство (видимо по заслугам) *дерьмовыми свиньями*» [12. С. 15].

При этом присутствует определенный нюанс, который также ассоциируется с тематикой «Ревизора» и его «борзыми щенками»: «Разумеется он мало помнил о деталях этого дела, но, тем не менее, прекрасно понимал, что теперь ему необходимо заехать в Елисейский магазин за поллитрой отборного коньяка, шоколадом и прочей, приличествующей случаю, бутафорией. (...) Штраух манерно предлагал, взамен неразглашения его поступков, достать тамошнему майору японские часы с калькулятором» [12. С. 16].

В то же самое время стихийно-вольная склонность русской души оценивается дуально: «Прекрасная недоволенность, произвольность суждений, действий, учений, правил, возможность ценить и любить что попало, тосковать, завидовать, метаться, ненавидеть Отчизну или донельзя превозносить ее, веками иметь самую свинскую в мире государственность и, тем не менее, оставаться более свободными, чем прочие представители человечества; не знать сословий, чинов, классов; выбирать себе в кумиры самые нелепые авторитеты или позволять себе жить вообще без царя в голове; привычка к непоследовательности и беспорядку, неотесанность, дилетантство, бульканье и мерцание, простор без конца и края, на котором просто нечем заняться, кроме как радостно или злобно сходить с ума, — в общем милый сердцу каждого гражданина и пьяницы хаос, доведенный в течение последнего столетия до идеала, подарил нам, наконец, случай вздохнуть свободно.

Теперь все равно уже никто не знает, каким образом жить дальше, а когда уже нечего терять, можно делать что заблагорассудится» [12. С. 134].

Тема настоящего/простого русского человека формулируется у В. Мессяца своеобразно: он видит это качество лишь в жителе российской глубинки, предполагая, вероятно, его бóльшую близость к «натуре», почве, то есть к естественному состоянию россиянина, вследствие отдаленности от больших городов: «*оказавшись в маленьком заснеженном пригороде, я проникся трогательным чувством единства с его природой и добросердечными жителями (...). Провинциальный уклад жизни всегда возвращал мои амбиции на место, и, подружившись с официантками железнодорожного ресторана и продавцами елочных игрушек, я уже не мог понять зачем и куда нам нужно теперь возвращаться*» [12. С. 16].

Тема и линия «левши» — природной, самородной, талантливости русского человека — также развивается в новелле: *«Вера Кировна ... лепила фигуры и маски вовсе не в народном, традиционном, а совершенно своем, индивидуальном стиле»* [12. С. 105].

Фрейм национального сознания «далекое-близкое» представлен в данном произведении в двух значениях. Во-первых, как «вера в лучшее будущее», имеющая своим источником, вероятно, религию: *«Но если это место будет действительный Эдем и белая российская Индия...»* [12. С. 28], и, во-вторых, оппозицией «романтический порыв — суровая действительность»: *«Ведь жизнь течет медленно, незаметно, и ты обязательно привыкаешь к подобному положению вещей, тебя уже не смущают те или иные мелочи, неудобства, тем более когда у тебя есть мечта, высокая, безнадежная, такая несбыточная, что будто бы ее и нет. И хорошо, что нет, потому что иначе она мешала бы заниматься насущными делами повседневности»* [12. С. 49].

Приведем лишь один пример отражения в книге речемыслительного стандарта (Родина в опасности, защита), зафиксированного в процитированной статье двуязычного словаря: это присутствующая в повествовании тема недоверия и боязни чужого, иностранного: *«Придется обратиться к истории, хотя бы ненадолго. Обратились? Разумеется и здесь не обошлось без немцев»* [12. С. 120].

Присутствует в новелле и «еврейский вопрос»: «Кроме этого достоинства, Евгений Самуилович обладал неиссякаемой энергией, которую он был готов направить куда угодно и как угодно, умением обозвать любого обидным психиатрическим термином, а также чем-то вроде американской мечты, заключающейся в стремлении иметь собственную прачечную где-то в пригороде Бостона» [12. С. 19].

Тема пьянства русского человека (зафиксированный в статье «Родина» речемыслительный стандарт «Россию пропили»), в сочетании с упреком в «пассивности», также находит свое отражение в тексте новеллы. При этом, по мнению повествователя, пьянство российского народа было и остается способом ухода, побега, от ужасов действительности: *«Бытовое пьянство — такой традиционный недуг и защита от экзистенциального ужаса, обыкновенная чепуха и привычка, неожиданно и пошло лишили его страданий, осмысления, преображения»* [12. С. 117]; *«Вы ведь не дослужились до белой горючки, как какой-нибудь мой друг Иван Лапшин, контуженный всеми мировыми и гражданскими войнами и чуть не каждую ночь сваливающийся на пол с койки в милицейском общежитии? (...) он смотрит на нас с тобой чернобельми славянскими глазами — и мы проникаемая (...) и нам жалко, что он до сих пор так сильно болен, когда у него такое доброе лицо»* [12. С. 4].

Тема пассивности жизненной позиции<sup>14</sup> развивается В. Месяцем в качестве контрапункта сформулированной уже в первом абзаце концептуальной

<sup>14</sup> «Абсолютная безинициативность этой молодежи просто поражала — ими был заполнен практически весь зал ожидания, но кроме того, как купить и пожрать пиццу эти люди не

установки новеллы, призывающей преодолеть рутину привычных схем, идеологических и поведенческих, и, как он выражается, *«вырваться-таки из липких пут повседневности»*, принять активную жизненную позицию, сделать личный выбор и, вопреки укоренившейся традиции поиска «Кто виноват?», начать действовать. Так как более простой и более привычной (и давно отмеченной в русской литературе) альтернативой является *«пролежать на диване, слушая раскаты органной музыки, чтобы произнести в конце концов: «Боже мой, Боже мой, сколько веков прошло и ничего не изменилось»* [12. С. 108].

В данной связи следует указать, что интенционно-прагматическая установка (внутренняя структура) «Ветра с конфетной фабрики» имеет две составляющие, также глубинно, интимно, связанные с национальным сознанием, отраженным в поверхностной структуре произведения.

С одной стороны, это призыв *«вырваться-таки из липких пут повседневности»*, из тисков *«смертной тоски»* пассивности и пленительного гипноза «конфетной фабрики — фабрики грез», символа советского строя, вырабатывающей фикцию в запланированных индустриальных масштабах, достаточных для того, чтобы обворожить не только советских граждан, но и граждан всей планеты<sup>15</sup>. С другой стороны, это призыв, маркируемый в тексте произведения лексико-семантическим кодовым знаком «действовать».

Авторское аргументирование необходимости принять активную жизненную позицию понятийно и композиционно-структурно связано с концептами «Россия — великая мучительница»<sup>16</sup> и «Родина-мать в опасности / Родина-мать зовет», а сюжетно с уже упомянутым приемом калейдоскопно-фокусированного описания положения страны и ее населения, использованным авторами «Путешествия из Петербурга в Москву», «Кому на Руси жить хорошо?» и «Мёртвых душ».

Авторская концепция спасения России в критический для ее судьбы момент, проявляющаяся в композиционной структуре произведения, где первая и третья главы носят имена героев повествования «Андрей Лебедь» и «Виктор Лямкин», также самым интимным образом связана с определенным лингво-когнитивным компонентом русского самосознания, а именно:

---

могли ничего придумать. (В карты не играют — не умеют, не интересуются; вина не пьют, это точно, предлагали — отказываются; никакой любви между ними тоже нет — могли бы на пары разбиться, друг другу в глаза смотреть. Нет, новое поколение и этого не выбирает)» [10. С. 22].

<sup>15</sup> «Наша утраченная рабоче-крестьянская держава, представленная перечисленным многообразием, эти лакомые фетиши недавних лет, производимые когда-то руками наших тружеников из продуктов развивающихся, неприсоединившихся и социалистически-дружественных государств, воскресали в памяти и воображении, распускались диковинными цветами, рассыпались у ног героев сокровищами Соломона, манили к себе так же, как манят первооткрывателя золотые идолы и украшения диких островов» [10. С. 131].

<sup>16</sup> «Кто-то оказался неправ, либо мы, по слепоте своей не увидевшие ни капли красоты и таланта в происходящем, либо сама трагедия, которая повторилась на почве родной отчизны уж который раз» [10. С. 112].

«Россия своим народом спасется». Причем призыв к единению народа России является одним из имплицитных лейтмотивов текста.

Так, в 4-й главе книги, озаглавленной «Исход» и являющейся развязкой и кульминацией всего повествования, родившийся в начале сороковых годов носитель русских традиций, патриот, *«рыцарь и защитник, хоть какого-либо маломальски порядочного правопорядка»*, искренне верующий в чекистское *«чистые руки и горячее сердце»*, многие десятилетия проработавший *«старшим инспектором Прокуратуры по особо важным делам»* Андрей Лебедь, чье имя также не является случайным, ввиду возникающих ассоциаций с апостолом Андреем Первозванным — покровителем России (а также с поэмой Александра Блока «Двенадцать»), и с лебедем — символом преданности выбранной раз и навсегда подруге, и не очень-то задумывающийся над сутью происходящего *«профессиональный туняедец»* Виктор Лямкин, родившийся в конце пятидесятих годов, разными путями и по разным причинам пришедшие к осознанию необходимости действовать, активно участвовать в происходящих переменах, объединяются и создают *«некоторое подобие боевой группы»*.

Эти Минин и Пожарский России девяностых годов выходят навстречу *«сладкому ветру»*, предполагая, что он дует с *«конфетной фабрики»*, так как до них доносится шум *«производственного процесса»* и *«суровые голоса пролетариев»*.

И куда же они попадают, на ощупь преодолев, в поисках его источника, высокие стены и ночную тьму?

Они оказываются на хлебном заводе, где *«первая богиня кондитерского производства»* Эльвира (это древнегерманское имя означает «защитница людей») и *«подобные ей женичины»*, облаченные в *«белые халаты»*, на заре, выпекают хлеб (вспомним: «хлеб — основа основ/основа жизни» и «только бы не война»).

И Андрей Лебедь, и Виктор Лямкин *«наконец поняли суть вещей и вернулись с небес на землю»*, так как *«именной хлебный завод стал для них обоих в ту ночь единственно возможной основой всех основ»*. И когда, перейдя Рубикон, они *«покидали его со слезами на глазах, зная, что теперь сюда уже никогда не вернуться»*, *«было утро; простор открывался бегущим героям»*. *«Они шли по незнакомой, казалось бы полностью изменившейся за ночь, местности; беззаботно глядели на милицейские луноходы и сыто журчащие фургоны с хлебом»*. *«На устах покорителей продолжала играть блаженная улыбка»* [12. С. 141].

\*\*\*

Также необходимо еще раз отметить, что элементы картины мира, то есть социально-когнитивные фреймы и «места истории» советской эпохи, заключающиеся, по выражению Ю.Н. Караулова [1], «в даваемых сжатых, почти символически-знаковым образом обозначениях (описаниях) типовых для



данной культуры ситуаций, в типовых культурно-бытовых фреймах», представлены в «Ветре с конфетной фабрики» чрезвычайно полно. Упомянем лишь некоторые:

1. Коллективизм, выражающийся в лозунге «участие коллектива/общественности», доведенный до абсурдного вмешательства государства во все, в том числе интимные, аспекты жизни граждан: «...соседи, милиция, дворник с топором в руках, ворвавшись в квартиру, застыли бы в немой сцене над беспечным молодым повесой (...). Ну а если бы Лямкин к тому же оказался с женщиной? (...) И вот они мирно спят перед всем честным миром, который вереницами заходит в их, столь любопытный каждому и каждой, дом — и дом этот уже не является, закрытой от чужих глаз, цитаделью и крепостью, а есть самый обыкновенный проходной двор, где собака задирает свою заднюю лапу возле какого-нибудь старинного стула, и торговка со станции метро присаживается в прихожей со своим мешком торговать семечками» [12. С. 71]; «Нельзя мендальничать с теми, кто презирует коллектив; нужно быть жестче; вы должны принимать решения и давать уроки жизни даже лучшим своим товарищам» [12. С. 53].

2. Социальный феномен под названием «жилплощадь» и ассоциирующийся с ним фрейм «соседи»: «увы, ребята, хозяин еще не помер — подождите немного» [12. С. 73]; «теперь нужно дожидаться, когда же, наконец, уснут братья, сестры, троюродный дядя, который тоже почему-то живет вместе с вами» [12. С. 34]; «увы, она, как всегда, не успела добежать и была остановлена соседями, которые по крикам из вашей квартиры догадались, что у вас что-то не ладно» [12. С. 34].

3. Ритуал поклонения: «Михаил Штраух по профессии был специалистом по Антарктиде и даже умудрился в свое время написать какой-то трактат — то ли о ее границах, то ли о государственном устройстве. Трактат я лично не читал, но, листая его однажды, обнаружил несколько цитат из нашего, увы, уже ушедшего в отставку, первого Президента — думаю, это серьезная рекомендация» [12. С. 19].

4. Синдром Павлика Морозова: «выбежишь на улицу и понесешься по ней как угорелый, стараясь, как можно скорее, забыть все увиденное, продолжая бормотать что-то о чувстве своего пионерского долга, о справедливой каре, которая постигнет всех врагов твоей Советской Родины — ибо страх быть подкупленным, завербованным в чужую разведку окажется гораздо сильнее твоего желания остаться там, в этом невыносимом дворце сладкоежек» [12. С. 61]. В новелле имеются и еще более прямые апелляции к текстам А. Гайдара.

Приведем также несколько примеров авторского когнитивно-прагматического использования ассоциативно-вербальных тезаурусных стандартов русской языковой компетенции, которыми изобилует «Ветер с конфетной фабрики», классифицируя их в соответствии с критериями, предложенными Ю.Н. Карауловым [1; 2]:

а) прецедентные тексты литературы, русской и нерусской: *«здесь так хорошо, морозно и дымно, как в любом Рождественском сне; вечера на хуторе близ столицы могли бы продлиться и подольше, но ...»* [12. С. 16];

б) использование автором прецедентных текстов национальной культуры при создании художественного образа: *«Андрей Олегович, по непонятной мне причине, умел улыбаться как представитель совсем другой генерации, чьи прекрасные лица мы можем видеть на фотографиях и кинолентах послевоенных лет»* [12. С. 18];

в) культурно-бытовые фреймы/ситуации: кооперативная литературы [12. С. 9]; встреча Нового Года: *«Андрей Лебедь оказался поклонником группы «Битлз» и, запершись в кухне с моим товарищем Леонидом, он исполнил ее полный репертуар; я немного поплясал во дворе под гармонь с дворниками, поиграл с какими-то чудаками на площади перед станцией метро»* [12. С. 17]; *«итальянец Лука, занимающийся, как выяснилось, торговлей люстрами и другими электробытовыми приборами, вошел, потрясая бутылкой шампанского над головой и одаривая всех налево и направо сигаретами в красных пачках...»* [12. С. 17]; *«рестораторы почтительно расступились, а один из них даже поинтересовался, что новенького слышно про осажденный Бейрут»* [12. С. 21];

г) устойчивые словосочетания и фразеологизмы: *«Мы собирались взять штурмом один из первых открывшихся в Москве кооперативных ресторанов, этот оплот бездуховности и мещанства»* [12. С. 19];

д) терминологически окрашенные понятия: бомж, секретарь партийной организации, нэпман, опергруппа;

е) название советских учреждений: Исполком, ЗАГС, КГБ, РАНО.

\*\*\*

С точки зрения структурно-композиционной, упомянутые концепты русской культуры и рассмотренные когнитивно-семиотические блоки–темы «заявляются» в следующих, помимо заглавия, сильных позициях «Ветра с конфетной фабрики» (воспроизведенных, разумеется, в тексте перевода), а именно: первый абзац произведения, затем — пассаж из первой главы новеллы, в которой, как нам кажется, достаточно эксплицитно излагается авторская коммуникативная установка, и завершающий книгу последний абзац текста.

Процитируем первый абзац 1-й главы новеллы, озаглавленной «Андрей Лебедь»:

*«Какое счастье, Андрюша, какое счастье: преодолели, свершили, смогли, вырвались-таки из липких пут повседневности, и пусть теперь осуждается как угодно, кем угодно, зачем угодно; все равно нам уже не вникнуть, не прислушаться, не повиниться — разве что кивать можно: киваю, обратите внимание, вновь киваю, соглашаюсь, благодарю, учитываю ... ибо не помочь нам похоже; не научить жить со всеми остальными веселой, дружной*

*семьей; да и помогать не нужно — раз действительно свершилось, преодолелось, смогло и пора идти за подарками, цветами-ромашками; куда вот только? В синий лес? в долины туманные?»*

Обратимся теперь к отрезку, рассматриваемому нами в качестве эксплицитного выражения прагматической концепции всего произведения (подглавка 1.5):

*«Можно тысячу раз спросить себя — зачем? Можно тысячу раз спросить — кто я такой? Тысячу раз объяснить, что все материка уже открыты, непокоренные народы завоеваны и истреблены, неприступные крепости и монастыри превращены в музеи, но эти объяснения лишь укрепят нас в отчаянной злобе. Все равно мировой порядок выдуман или открыт самими нами — неужели наш опыт и есть истина в последней инстанции? Но кто же тогда восхитит небеса своим невежеством и сумасбродством? Кто подтвердит, что в мире до сих пор еще возможно черт знает что, невероятное, незапланированное, дикое...»*

*Мы ведь так окончательно скиснем, если не будем предполагать, даже в отдаленной перспективе, чего-то радикально нового. Надеется на полное избавление от душегубов и дураков, на построение Царства Божьего на земле вопреки всем законам исторического развития, на возвращение собственной молодости, любимых людей. Кто сказал, что истинная вера — это лишь то, что устремлено к вечному, а тоска о многоэтажных странах, белых штанах и голливудских любовницах есть нечто второсортное? Не все ли равно, что нас ведет по жизни, если порой мечты о самых земных и обыкновенных вещах достигают уровня религиозного экстаза?»*

И, наконец, завершающий текст новеллы — отрывок: *«счастье — это самая трагичная, самая пронзительная и чистая вещь на свете, и любая песня о нем будет сметена смертью с нашей трудолюбивой земли, совершенно правомерно занимающейся только своими делами.*

*И поскольку все это именно так, то нам остается лишь ветер с кофетной фабрики, рвение, желание, мечта о далеких странах, несбыточных временах и свободных людях. Обо всем, что может вести вперед — о любви, карьере, мести, оболъщении, завоевании, о покупке пачки папирос, знакомстве с Мерлин Монро или директором кондитерского комбината, посещении великой Столицы или разгадке тайны женского характера, о наследнике-сыне, о Третьем Риме, демократии, автократии, восхождении на монарший престол, об ананасах в шампанском и воскрешении из мертвых, о поцелуе французской дамы и обладании всеми женицами на свете, о полной победе коммунистического труда и починке водопровода, об открытии новой звезды или острова в океане, об умении играть на дуде или прыгать со скал — обо всем, что еще может нас расшевелить, сдвинуть с места, заставить действовать, верить, спешить...» (Многоточие автора).*

\*\*\*

В рамках занимающей нас проблематики когнитивно-семантической интерпретации нерусской языковой личностью текста, созданного русской и для русской языковой личности, нам представляется правомерным признать факт изначальной ограниченности восприятия совокупной чужеродной семиосферы, воспроизводимой в тексте перевода, со стороны иноязычной языковой личности.

В известном смысле восприятие художественного текста в переводе можно свести к оппозиции «семиотика культуры текста-источника *versus* семантика переводного текста».

Само по себе обстоятельство невозможности полного декодирования художественного текста-источника информации не является экстраординарным, так как, даже для случая герменевтической деятельности, направленной на восприятие и понимание художественного произведения, созданного на родном языке рецептора, признается изначальная невозможность полной семантической и ассоциативной интерпретации текста, даже при наличии у читателя достаточно широких фоновых знаний и общности исходной языковой компетенции.

Перевод, являясь актом межкультурной коммуникации, не в состоянии изменить сущности переводного текста: он, даже при идеальной, профессионально-корректной интерпретации («правильный и полный» перевод) исходного текста со стороны переводчика, продолжает воплощать чужеродную и чуждую для воспринимающего текст в переводе семиосферу с присутствием ей кодом.

Принадлежность рецептора к отличной культурной и лингвистической семиосфере неминуемо влияет на восприятие и интерпретацию таких компонентов текстуальности вторичного субъекта информации (то есть коммуникативно реконструированного в переводе произведения-оригинала), как: ситуативность, интертекстуальность и информационная насыщенность, а также на его коммуникативный потенциал. При этом, однако, прагматическая установка художественного произведения в целом, в результате когнитивно-герменевтической деятельности воспринимающего переводной текст, не ускользает от понимания читателя.

Этой деятельности нерусской языковой личности призван способствовать выступающий в качестве инструмента повышения информативности текста межкультурный посредник-переводчик, использующий приемы лингвистической интерпретации в рамках переводного текста и включающий восполняющие недостаток фоновых знаний у читателя культурологические комментарии. Таковых в нашем случае было сто тридцать два на 144 страницы текста новеллы «Ветер с конфетной фабрики».

## Библиографический список

1. *Karaulov Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: РАН, 1999.
2. *Karaulov Yu.N., Sánchez Puig M.* Gramática Asociativa de la Lengua Rusa. Madrid: Gram, 2000.
3. *Клочков В.* «Евгений Онегин» как потенциальный источник ритуального дискурса для русского языкового сознания: опыт одного эксперимента // *Rusística Española*. 1999. № 8. С. 10—25.
4. *Sánchez Puig M.* Guía de la cultura rusa. Centro de la Lingüística Aplicada Atenea. Madrid, 2003.
5. *Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М., 2001.
6. *Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н.* Образы языкового сознания испанцев и русских (Проблемы сравнительного анализа). Madrid: Slavística Complutense, 2001.
7. *Санчес Пуиг М., Дроздова Диез Т.* Дидактика культуроведения и вопросы национального языкового самосознания. Universidad de Granada: Mundo Esloavo, 2004. № 3. С. 123—130.
8. *Drosdov Díez T.* La personalidad lingüística y el análisis del texto // *Eslovística Complutense*. 2003. № 3. С. 255—271.
9. *Drosdov Díez T.* Lingüística del texto, semiótica de la cultura y semántica de la traducción // *Eslovística Complutense*. 2008. № 8. С. 35—60.
10. *Чулкина Н.Л., Денисенко В.Н.* Юрий Николаевич Караулов. К 85-летию юбилею // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 790—794. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-790-794.
11. *Баласникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л.* Языковое сознание: региональный аспект // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 2. С. 232—250.
12. *Месяц В.* Ветер с конфетной фабрики. М.: Былина, 1993.
13. *Mesiats V., Drosdov Díez T.* El viento que sopla de la fábrica de bombones. Madrid: Ediciones Hispano Esloavas, 2006.

## References

1. Karaulov, Yu.N. (1999). *Active Grammar and Associative-Verbal Network*. Moscow: RAS. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. & Sánchez Puig, M. (2000). *Gramática Asociativa de la Lengua Rusa*. Madrid: Gram.
3. Klochkov, V. (1999). “Eugene Onegin” as a Potential Source of Ritual Discourse for Russian Linguistic Consciousness: the Evidence of One Experiment. *Rusística Española*, 8, 10—25. (In Russ.).
4. Sánchez Puig, M. (2003). *Guía de la cultura rusa*. Centro de la Lingüística Aplicada Atenea, Madrid.
5. Sanchez Puig, M., Karaulov, Yu.N. & Cherkasova, G.A. (2001). *Associative Norms of the Spanish and Russian Languages*. Moscow. (In Russ.).
6. Sanchez Puig, M. & Karaulov, Yu.N. (2001). *Images of the Linguistic Consciousness of the Spaniards and Russians (Problems of comparative analysis)*. Madrid: Slavística Complutense. (In Russ.).
7. Sanchez Puig, M. & Drozdova Díez, T. (2004). Didactics of cultural studies and questions of national linguistic identity. *Universidad de Granada: Mundo Esloavo*, 3, 123—130. (In Russ.).
8. Drosdov Díez, T. (2003). La personalidad lingüística y el análisis del texto. *Eslovística Complutense*, 3, 255—271. (In Spanish).
9. Drosdov Díez, T. (2008). Lingüística del texto, semiótica de la cultura y semántica de la traducción. *Eslovística Complutense*, 8, 35—60. (In Spanish).
10. Chulkina, N.L. & Denisenko, V.N. (2020). Yuri Nikolaevich Karaulov To the 85th Anniversary of Prof. Yu.N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 790—794. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-790-794. (In Russ.).

11. Balyasnikova, O.V., Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A. & Chulkina, N.L. (2018). Language and cognition: regional perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 22(2), 232—250. (In Russ.).
12. Mesiats, V. *Wind from the Candy Factory*. Moscow: Bylina. (In Russ.).
13. Mesiats, V. & Drosdov Díez, T. (2006). *El viento que sopla de la fábrica de bombones*. Madrid: Ediciones Hispano Eslavas. (In Spanish).

**Сведения об авторе:**

*Татьяна Дроздова Диез*, доктор филологии, доцент, отделение германо-славянской филологии, университет Complutense (Мадрид); почетный доктор Донского государственного технического университета. *e-mail* :tania123d@hotmail.com.

**Information about the author:**

*Tatiana Drozdov Dies*, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of German-Slavic Philology, Complutense University (Madrid); Honorary Doctor of Don State Technical University. *e-mail*: tania123d@hotmail.com.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-339-358  
УДК 811.161.1-053.81:355.01

Научная статья / Research article

## Война в языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент

О.Н. Кольшева

Российский университет дружбы народов  
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6  
[kolysheva-on@rusdn.ru](mailto:kolysheva-on@rusdn.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена анализу стимула «Великая Отечественная война» на материале данных направленного и свободного ассоциативных экспериментов, проведенных среди молодых россиян 18—23 лет, студентов филологического факультета РУДН. Целью данного исследования является изучение обыденного языкового сознания рядового носителя русской лингвокультуры через призму его отношения к Великой Отечественной войне как общекультурному явлению. Научная новизна работы заключается в том, что данные АЭ позволяют сделать вывод об опосредованном восприятии Великой Отечественной войны молодыми россиянами, обладающими знаниями о войне из вторичных источников: художественных и документальных фильмов, учебников истории, литературы. На материале данных ассоциативных экспериментов формируются экспериментальные ассоциативные поля, которые потенциально могли бы стать частью ассоциативного словаря современного молодого поколения России. В ходе исследования обнаруживаются семантические пересечения между лексическими единицами сформированных ассоциативных полей и данными русских ассоциативных словарей: САНРЯ, САС, ЕВРАС и РАС. Проводится сопоставительный анализ данных из РАС и двух экспериментов, демонстрирующий минимальное совпадение реакций (12,5 %) в РАС и проведенных экспериментах при большем проценте совпадения реакций в направленном и свободном экспериментах (56,6%). Полученные в результате эксперимента реакции на стимул «ВОВ» семантически группируются, а их последующая интерпретация позволяет представить фрагмент языкового сознания молодого русского человека относительно событий Великой Отечественной войны. Так, семантический анализ позволяет распределить полученные реакции по нескольким семантическим группам: оценка событий прошлого; ВОВ как часть семейной истории; ВОВ как далекое прошлое; ВОВ как повод для гордости; ВОВ как совместное социальное явление в культурном контексте, события и реалии ВОВ.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, анкета, ассоциативные словари, семантическая группа, память, война, РАС

### История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

### Для цитирования:

Кольшева О.Н. Война в русском языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 339—358. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-339-358

© Кольшева О.Н., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1-053.81:355.01

## War in the Young Russians Language Consciousness: An Associative Experiment

Olga N. Kolysheva

Peoples' Friendship University of Russia  
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation  
kolysheva-on@rusdn.ru

**Abstract.** The article is focused on the analysis of the stimulus “The Great Patriotic War” based on the data of both directed and free associative experiments, held among the young Russians aged 18—23, the students of the Philological faculty of RUDN University. The aim of this research is to study the ordinary language consciousness of common speakers of the Russian linguoculture through the prism of their attitude to the Great Patriotic War as a cultural phenomenon. The scientific novelty of the work lies in the fact that the experimental data allow us conclude about the mediated perception of the Great Patriotic War by young Russians, who have knowledge about the war from secondary sources: fiction and documentary films, history and literature textbooks. On the material of these associative experiments, the experimental associative fields are formed, which could potentially become a part of the associative dictionary of the contemporary Russian younger generation. In the course of the study, semantic crossings are revealed between the lexical units of the formed associative fields and the data from Russian associative dictionaries. A comparative analysis of the data from RAD and the two experiments is conducted, demonstrating minimal matching of reactions (12.5%) in the RAD and the experiments, with a higher percentage of matching reactions in the directed and free experiments (56.6%). The reactions to the stimulus “Great Patriotic War” obtained as a result of the experiment are semantically grouped, and their further interpretation represents a fragment of the young Russian's language consciousness regarding the events of the Great Patriotic War. Thus, semantic analysis allows us to distribute the received reactions into several semantic groups: evaluation of the events of the past; WWII as part of family history; WWII as the distant past; WWII as a reason for pride; WWII as a joint social phenomenon in the cultural context; the events and realities of that war.

**Key words:** Great Patriotic War, associative experiment, language consciousness, questionnaire, associative dictionaries, semantic group, memory, war, Russian Associative Dictionary

### Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

### For citation:

Kolysheva, O.N. (2021). War in the Young Russians Language Consciousness of: An Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 339—358. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-339-358

## Введение

Современная научная парадигма представлена междисциплинарными гуманитарными исследованиями, в которых большой интерес вызывает изучение обыденного языкового сознания рядового носителя языка и культуры.



Целью исследования является попытка зафиксировать с помощью данных ассоциативного эксперимента отношение к Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) среди молодых россиян 18—23 лет, являющихся студентами филологического факультета РУДН. Материалом для статьи послужили данные двух проведенных ассоциативных экспериментов (далее АЭ): направленного и свободного.

Сегодня вопрос интерпретации Великой Отечественной войны и Второй мировой войны поднимается исследователями, работающими в разных гуманитарных областях [1—3 и др.]. Так, например, М.В. Веллс исследует англоязычные исторические монографии 2009—2019 гг., посвященные Второй мировой войне и, в частности, роли России [2. С. 284—285]. А.И. Лойко с позиции философского подхода анализирует формы исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере семейных биографических креолизованных эссе студентов Беларуси и России [3. С. 306]. Кроме этого, существуют многочисленные современные исследования в других тематических полях, построенные с использованием метода ассоциативного эксперимента [4—7 и др.]. И.А. Стернин занимается разработкой психолингвистического толкового словаря, в котором описание психолингвистического значения дается в виде словарной статьи [4].

Зарождение ассоциативной лингвистики в России связано с именами ученых-русистов: Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Е.Ф. Тарасова, продолжающих традиции Сектора, а позднее Отдела психолингвистики Института языкознания РАН [8—10]. В нашем университете идеи ассоциативной лингвистики продолжает развивать Н.Л. Чулкина, профессор кафедры общего и русского языкознания и ученица Ю.Н. Караулова, в своих научных исследованиях [11] и вместе с аспирантами [12; 13]. Русский ассоциативный словарь (РАС), созданный силами двух научных институтов (Машинным фондом русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Сектором психолингвистики Института языкознания РАН) — первый и самый масштабный ассоциативный словарь в русистике. РАС приоткрывает завесу над тем, «как устроена языковая способность человека — думающего, говорящего и понимающего», и дает «картину сочетаемости слов в живой речи носителей русского языка» [14. С. 2]. В этом, согласно Н.В. Уфимцевой, «самое существенное отличие ассоциативных словарей от традиционных: <...> ассоциативные словари — это один из возможных способов описания «коллективного обыденного» языкового сознания «наивных» носителей языка. Ассоциативный словарь, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии» [15. С. 197].

Таким образом, в данной статье предпринимается попытка — следуя традициям Московской психолингвистической школы — описать психолингвистическое содержание стимула «Великая Отечественная война» (далее «ВОВ») в языковом сознании респондентов, используя данные направленного и свободного АЭ.

## Материалы и методы

Для получения данных о лингвокультурном сознании молодого поколения было проведено два ассоциативных эксперимента: направленный ассоциативный эксперимент и свободный ассоциативный эксперимент.

### Направленный эксперимент

В рамках направленного ассоциативного эксперимента участникам была предложена анкета и предварительно были устно оговорены цели эксперимента, а также какие предполагаемые результаты могут быть получены благодаря ассоциативному методу. Кроме этого, в конце предложенной анкеты были ссылки на научные статьи, написанные с применением ассоциативного метода [5; 6; 12]. Важным условием являлось то, что участник мог давать реакции, представленные словами разных частей речи, словосочетаниями и предложениями. В качестве образца был предложен вариант реакций на семантически нейтральное слово «рабочий стол». Это можно увидеть в приведенной анкете.

#### Анкета № \_\_\_\_\_

Страна:  
Родной язык:  
Возраст:  
Пол:  
Будущая специальность:  
Дата заполнения:

#### Уважаемый участник ассоциативного эксперимента!

Познакомьтесь с инструкцией по прохождению эксперимента. У нас есть слово-стимул. Например, «рабочий стол». К этому стимулу напишите 5—10 реакций — первых пришедших в голову слов или словосочетаний. Реакции могут быть выражены словами любых частей речи, словосочетаниями и предложениями. Например:

**Рабочий стол:** *офис, работа, устал, нравится, удобный.*

Затем к каждому слову-реакции подберите еще 5—10 слов-реакций. Например:

**Офис:** *большой, мой любимый, работа, далеко, престиж, офисный планктон.*

Готовы? Тогда начинаем! Напишите 5—10 слов-реакций на следующие стимулы. Пишите, не раздумывая, первую реакцию:

**Великая Отечественная война:** ..., ..., ..., ...

**Вторая мировая война:** ..., ..., ..., ...

Напишите к каждому слову-реакции по 5 слов-реакций:

1.: 1.1. ..., 1.2. ..., 1.3., ..., 1.4., ... 1.5.

Сначала был проведен направленный эксперимент среди студентов I курса филологического факультета, обучающихся по направлению «Лингвистика». Участниками эксперимента стали студенты, для которых русский язык является первым и родным языком.

Как мы уже написали выше, студентам-участникам были объяснены цели ассоциативного эксперимента и сам принцип ассоциативного метода. Время, отведенное на выполнение эксперимента, не должно было превышать 10 минут, студенты должны зафиксировать первую реакцию на стимулы. Так как

эксперимент проходил в период пандемии коронавируса, то студенты работали с анкетами дистанционно, и для контроля времени работы с анкетой и реакциями было оговорено обязательное условие: студент, вместе с анкетой, отправляет преподавателю скриншоты со временем начала эксперимента и завершением. Эксперимент проходил онлайн, во время семинара, с одновременным подключением всех студентов.

В результате проведения направленного АЭ была получена 71 анкета и, в общей сложности, 423 реакции на стимул «ВОВ», из которых 173 реакции разные, 120 — число единичных реакций, отказов — 0.

### Свободный эксперимент

Свободный эксперимент был проведен после направленного со студентами 2 курса филологического факультета направления «Филология». В отличие от направленного ассоциативного эксперимента здесь не были заранее оговорены цели эксперимента и не была объяснена методология, а также не были даны ссылки на научные статьи [5; 6; 12]. Студенты не знали, почему они участвуют в таком эксперименте и как «работает» ассоциативный метод. В условиях дистанционного проведения эксперимента описанные выше временные рамки для направленного АЭ были также соблюдены при проведении свободного АЭ.

В ходе свободного АЭ было получено 84 анкеты, в которых общее число реакций на стимул «ВОВ» — 420, число разных реакций — 172, был зафиксирован 1 отказ (была отправлена пустая анкета), число единичных реакций — 119.

Приведем сравнение количественных данных направленного и свободного АЭ в виде диаграммы.



	Ненаправленный эксперимент Free associative experiment	Направленный эксперимент Directed associative experiment
Число анкет Number of surveys	84	71
Общее число реакций Total number of reactions	420	423
Число разных реакций Number of different reactions	172	173
Число единичных реакций Number of unique reactions	119	120
Число отказов Number of failures	1	0

**Рисунок 1**  
**Picture 1**

Как мы видим, при неравном количестве участников АЭ и обработанных анкет (84 и 71 соответственно) общее число реакций практически идентично, как и число разных реакций и реакций единичных.

## Результаты ассоциативных экспериментов

### Представление результатов в виде ассоциативных полей

Результаты проведенных экспериментов было решено представить в виде ассоциативных полей. В качестве модели были взяты статьи из главных российских ассоциативных словарей: «Словарь ассоциативных норм русского языка Леонтьева» (САНРЯ, 25 тыс. зап.) [16], «Русский ассоциативный словарь» (РАС, 1,3 млн. зап.) [14], «Славянский ассоциативный словарь» (САС, русская часть 66 тыс. зап.) [17] и «Русский региональный ассоциативный словарь», опрос на Европейской части России (ЕВРАС, 540 тыс. зап.) [18]. Работа со словарными статьями из указанных словарей проходила с использованием электронных гипертекстовых систем этих словарей, каждая из которых содержит две части: прямой и обратный словари. Сравнительный анализ словарных статей будет представлен ниже, в части «Семантическая интерпретация результатов ассоциативных экспериментов». Пока приведем словарную статью, составленную из реакций на стимул «ВОВ», полученных в ходе направленного эксперимента:

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:** смерть 33, победа 18, кровь 15, боль 14, страх 11, голод 10, СССР 10, родина 9, горе 7, подвиг 6, Германия 5, жестокость 5, оружие 5, патриотизм 5, Сталин 5, герои 4, отвага 4, потери 4, солдат 4, 9 Мая 3, героизм 3, Гитлер 3, память 3, потеря 3, семья 3, страдание 3, ужас 3, враг 2, гордость 2, дети 2, долг 2, дом 2, защита 2, защищать 2, кровопролитие 2, Ленинград 2, любовь 2, любовь к Родине 2, народ 2, немцы 2, окопы 2, разруха 2, скорбь 2, слезы 2, солдаты 2, сражения 2, Сталинград 2, страдания 2 (мн ч), страшно 2, танки 2, утрата 2, фашизм 2, холод 2, 1941—1945, агрессия, бабушка, дедушка, Барбаросса, белый, Бессмертный полк, битвы, блокада, блокада Ленинграда, бой, бойня, бомба, бугурт, вдова, веселье, ветеран, ветераны, вечный огонь, взрыв, внезапная, военные песни, вооруженный, восток, время, газ, героическая, герой, геройство, гибель, глупые классные часы, город, горящие дома, грусть, давно, двадцатый век, две большие страны, девятое мая, деды, диктатор, дружба, дружба народов, Европа, жертвы, жестокий голод, земля, зига, зло, идеология, история, каска, коммунизм, контуженный, концлагеря, красная армия, кровавая, Левитан, ленд-лиз, линия фронта, лошади, мать, миномет, мир, мучения, надежда, нападение, насилие, недопонимание, ненависть, никогда, обида, обреченный, одиночество, отчизна, парад, партизаны, патрон, первая, песня, победная, пожар, поле, политика, потеря близких, потерять, прадед, предательство, противостояние, прощание, радость, разделяй и властвуй, разногласия, разрушение, рана, раны, Рейхстаг, Родина-мать, Россия, руины, самопожертвование, сила,

сила воли, сила народов СССР, скорбь, смелость, Советский союз, сплоченность, сражение, стихотворения, стрелять, трупы, тяжелая победа, убийство, Украина, усталость, фашисты, хайп, холокост, ценой собственной жизни, черный, штурм. **423: 173 — 0 — 120.**

В данной словарной статье реакции расположены по частотности, от наиболее частотной реакции к менее частотным с указанием количества упоминания реакции в виде цифры после слова. В конце словарной статьи указаны несколько цифр: 423 — общее число реакций на данный стимул, из которых 173 — число разных реакций, 0 — число отказов испытуемых, 120 — число единичных реакций. Аналогичная последовательность представлена в ЕВРАС [18]. Морфологические формы одного слова выносятся как отдельные реакции.

Далее представим в виде ассоциативного поля данные свободного АЭ.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:** победа 31, смерть 31, кровь 21, страх 20, голод 17, боль 13, солдаты 10, родина 8, ужас 7, Гитлер 6, жестокость 6, оружие 6, слезы 6, горе 5, потери 5, Сталин 5, танк 5, блокада 4, ветеран 4, ветераны 4, Германия 4, нацизм 4, разлука 4, солдат 4, страшно 4, танки 4, 9 мая 3, армия 3, героизм 3, гордость 3, потеря 3, скорбь 3, страдание 3, фашизм 3, холод 3, 1941-1945 2, Берлинская стена 2, война 2, грязь 2, жертва 2, жертвы 2, надежда 2, отвага 2, память 2, разруха 2, смерти 2, Советский союз 2, СССР 2, Сталинград 2, трагедия 2, ужасно 2, фильмы 2, шум 2, 22 июня, бабушка, беда, бедность, Берлин, благодарность, бой, больно, бомбы, борьба, будущее, валенки, вера, взрыв, воевать, военные песни, военный самолет, войско, воля к победе, вооружение, вражда, герои, Гестапо, гибель, глупость, дед, дедушка, день победы, День Победы, доблесть, долг, дым, ждать, жертвенность, жутко, завод, завоевание, звезда, земля, знамя, идеология, истребители, конкурс, коричневый, кошмарно, красный, кровавая, кровопролитие, кровопролитная, Левитан, литература, люди, марш, миллионы, митинг, молитвы, молчание, Мухина, наконец-то, народ, народное братство, невинные люди, нелогично, ненависть, неожиданная война, никогда, ночь, огонь, ожидание, окопы, ошибки, парад, партизаны, патриотизм, песни, письмо, пленные, подвиг, пожар, поэзия, прадеды, прошлое, пугающая, пушки, радио, разрушение, разрушения, ранения, раненые, ребенок, родственник, русские солдаты, рушить, самоотверженность, священная, семейное древо, семья, сила, снаряд, сороковые, сражение, сражения, СС, старики, стихи, страна, стрельба, Т-34, танец «Кочари», тоска, туман, тяжело, убийства, убийство, усталость, фашисты, фронт, человек, школа. **420: 172 — 1 — 119.**

Сформированные ассоциативные поля, полученные благодаря работе с реакциями направленного и свободного АЭ, позволяют проанализировать семантику стимула «ВОВ» как совокупность ассоциаций, представляющих психолингвистическое содержание данного стимула. Наша дальнейшая задача заключается в использовании полученных полей как ассоциативного

инструмента «для детального описания психолингвистического содержания языкового сознания» [19].

Для работы с полученными данными необходимо также проанализировать словарные статьи ассоциативных словарей (САНРЯ, САС, ЕВРАС и РАС) для выявления сходств и различий в реакциях среди людей разных поколений. Так, ассоциативные эксперименты для САНРЯ были получены в 1967—73 гг., для РАС — в 1988—95 гг., для САС — в 1998—99 гг., для ЕВРАС — в 2008—11 гг. Таким образом, сравнительный анализ словарных статей позволит охватить разные временные периоды.

### Стимулы «ВОВ» и «война» в ассоциативных словарях

Для полноценной работы со стимулом «Великая Отечественная война» необходимо проанализировать данные, которые содержатся в современных ассоциативных словарях, и охарактеризовать выбранные словарные статьи. Так как рассматриваемые в этой статье АЭ проведены недавно (сентябрь — декабрь 2020 года) и среди респондентов 18—23 лет, то обоснованным представляется рассмотрение словарных статей в хронологическом порядке.

Так, словосочетание «Великая Отечественная война» встречается 4 раза в первом («От стимула к реакции») и втором («От реакции к стимулу») томах Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса ЕВРАС (2014), создание которого началось в 2008 году в Отделе психолингвистики Института языкознания РАН в рамках создания новой версии Ассоциативного тезауруса русского языка в виде трех региональных ассоциативных баз данных. Так, в прямом словаре (первый том) стимулы расположены в алфавитном порядке. Словарная статья включает заголовочное слово, словоформу или словосочетание, выделенное полужирным шрифтом. За ним следуют реакции-ответы на этот стимул. При каждой реакции (или группе ассоциаций, разделяемых запятой) дается цифра, указывающая на частоту ее (их) появления в ответах испытуемых. Реакции расположены по мере убывания частоты их употребления. В конце словарной статьи приведены количественные показатели: первая цифра — общее число реакций на данный стимул, вторая — число разных реакций, третья — число отказов испытуемых от ответа и четвертая — число единичных реакций. Реакции, полностью совпадающие с заголовками словарных статей, выделены курсивом.

За неимением словарной статьи со стимулом «ВОВ» приведем ниже словарную статью из ЕВРАС со стимулом «война»:

**ВОЙНА: смерть 83; мир 62; миров 38; и мир 33; кровь 21; ужас 13; плохо 12; оружие 11; боль, зло 10; страх 9; мировая 8; жестокая, разруха, убийство 6; горе, жестокость, огонь 5; беда, разрушение, холодная 4; ВОВ, идет, отечественная, слезы, стрельба, танк, ядерная 3; ад, армия, битва, борьба, будет, была, голод, гражданская, драка, жертвы, люди, народная, народов, нет, Отечественная, победа, поле, смерти, солдаты, столетняя, страдание, страдания, страшная, Толстой, фильм, хаос, Чечня 2; 1-ая мировая,**

1812 г., 1941—1945, II мировая, II Мировая, АК-47, **атомная бомба**, Афган, бедствие, **бесконечная**, **бой**, **бомба**, **бывает**, бывает детская, в стране, великая, Великая Отечественная, велико, ветераны, взрывы, **Война и мир**, геноцид, гибель, Гитлер, День Победы, долгая, **дым**, жду, жесткая, жестока, жестокие будни, живых, жопа, за жизнь, за мир, закончена, **защита**, и люди, Ирак, Каппулетти, **конец**, **конфликт**, кончилась, **красная**, **красный**, **крах**, **крик**, кровопролитие, кровопролитная, лицемерие, **любовь**, людоедство, масс, меж людьми, мира, на смерть, наступила, **не будет**, **не надо**, не нужна, **не хочу**, **ненависть**, несправедлива, **огорчение**, окончилась, окончилось, **печаль**, победная, **политика**, **потери**, **противодействие**, процесс, пули, пушки, **радость**, разгром, **с собой**, с США, **сапог**, **сволочь**, **святая**, **скоро**, скрытая, смертей, смертоносная, **солдат**, сражение, **стран**, **страшно**, **страшный**, терроризм, трагедия, **убивать**, увечья, ужас {,} голод, **ужасно**, **указ**, уничтожение, фашист, **холод**, ху-ня?!, цивилизаций, эгоизм, это плохо, **ядерный 1; 536+160+1+105**

В данной словарной статье мы видим присутствие таких реакций, как «великая», «отечественная/Отечественная», «Великая Отечественная», «ВОВ», «День Победы», «Гитлер», «фашист», которые относятся, безусловно, к ВОВ. Выделение других слов представляется спорным и необъективным.

В обратном словаре ЕВРАС структура словарной статьи иная. Словарные статьи обратного словаря расположены в алфавитном порядке, заголовком стали реакция испытуемых на стимулы, перечисленные далее в словарной статье. Цифра после стимула — число испытуемых, ответивших данной реакцией на этот стимул. В конце словарной статьи даются итоговые цифры: первая — суммарное число появления реакции на стимулы, вторая — общее число вызвавших эту реакцию стимулов:

**Великая Отечественная** ← победа 2; война 1; 3+2

**Великая Отечественная война**<sup>1</sup> ← победа 3; Сталин 2; 5+2

Наличие рассматриваемого словосочетания среди реакций на стимулы «победа», «война», «Сталин» позволяет включить эти стимулы в искусственно созданное ассоциативное поле по данным ЕВРАС:

**ВОВ:** война, День Победы, Гитлер, победа, Сталин, фашист.

В словаре Леонтьева словосочетание «Великая Отечественная война» встречается единожды как реакция на стимул «война»:

**Великая Отечественная** ← война 0.49.

Словарная же статья на стимул «война» выглядит так:

**ВОЙНА:** мир 56 (27.32); ужас 11 (5.37); Отечественная 9 (4.39); страшная 7 (3.41); не нужна, ужасная 6 (2.93); жестокая, народная, разруха, разрушительная, смерть 4 (1.95); горе, захватническая, кровь, ненужная, страшно 3 (1.46);

<sup>1</sup> Где сноска указывает на то, что данная реакция является стимулом Русского ассоциативного словаря 2002 года.

бедствие, Вьетнам, дым, мировая, не должна, ненавидеть, несправедливая, несчастье, холодная 2 (0.98); армия, атомная, беспокойство, бесправие, битва, бомба, бомбы, великая, Великая Отечественная, взрослые, воин, враги, вражда, враждебная, врачи, все же не будет, всемирная, гадость, газ, горечь, гражданская оборона, грохот, грязная, грязное дело, дети, ерунда, и мир, идет, Израиль, испытать, ключья, конец, кончилась, кровавая, мирное сосуществование, не будет, не дай бог, не хочу, неизбежность, ненавистная, ненависть, нет, огонь, освобождение, отдых, первая мировая, плакать, плохо, продолжительная, процесс, свирепая, справедливая, страж, тяжелая, унесла, фашизм, Хиросима 1 (0.49); **205+82+0+57+0+34**

В «Славянском ассоциативном словаре» (2004) словосочетание «Великая Отечественная» встречается 4 раза как реакция на стимул «война» [стр. 50], еще 2 раза встречается «ВОВ»: Великая Отечественная ← война 4 (с. 50 словаря). Словосочетания «Вялікая Айчынная», «Вялікая Айчынная вайна» встречаются 3 раза и единожды «ВОВ» в статье «вайна» на белорусском языке, а реакция «Велика Вітчизняна» встречается 3 раза в статье на украинском языке.

Русский ассоциативный словарь (РАС) является первым и пока единственным словарем, в котором представлены реакции на стимул «Великая Отечественная война» [14]. Полнофункциональная система прямого и обратного словарей РАС позволяет делать выборки по разным социальным характеристикам: полу, возрасту, специальности и месту проживания. Так как в данной работе одной из целей является представление стимула «ВОВ» в разные временные периоды, то необходимо прокомментировать реакции на этот стимул с позиции возраста респондентов. Наибольшее количество содержащихся в РАС реакций дано участниками 10—20 лет: 81 реакция, 54 различных реакций, 41 одиночная реакция, 1 отказ. Участниками АЭ 20—30 лет было дано 33 реакции на стимул, из которых 22 — различных реакции, 17 — одиночных. Всего один участник возраста 30—40 лет (реакция «17 мгновений весны») и полное отсутствие участников старше 40 лет. Общая статистика по запросу «Великая Отечественная война» вне зависимости от возраста такова: 103 реакции на стимул, 66 различных реакций, 51 одиночная реакция и 1 отказ:

**Великая Отечественная война:** победа 11, горе 6, была 5, 1941—1945 4, кровь 4, смерть 4, подвиг 3, 1941 г. 2, беда 2, битва 2, ВОВ 2, история 2, немцы 2, страшно 2, / 1, 17 мгновений весны 1, 1941—1945 гг. 1, 1941—1945 года 1, 1941—45 г. 1, 1941—45 года 1, 1942 1, 1942—45 1, 1945 год 1, бой 1, боль 1, бомба 1, война 1, вынужденная школа жизни 1, герои 1, герой 1, Гитлер 1, грандиозная 1, грязь 1, жертвы 1, жестокая 1, Жуков 1, закончилась 1, звезда 1, кровавая 1, кровь = смерть = победа 1, мир 1, овощерезка 1, окончилась 1, орден 1, Отечество 1, погибшие 1, подвиги 1, поражение 1, потери 1, продолжается 1, разруха 1, рубильник 1, русские 1, священная 1, событие 1, Советского Союза 1, солдат 1, страшная 1, стрельба 1, трагедия 1, убийства 1, убийство 1, убытки 1, удар 1, ужасно 1, фриц 1.



## Семантическая интерпретация результатов ассоциативных экспериментов

### Сопоставительный анализ

Представим данные двух проведенных АЭ и данные из РАС в виде сравнительной таблицы, в которой зафиксированы все повторяющиеся реакции на стимул «Великая Отечественная война»:

Таблица 1  
Table 1

№	НАПРАВЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ DIRECTED EXPERIMENT	СВОБОДНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ FREE EXPERIMENT	РАС RAD
1.	смерть 33	победа 31	победа 11
2.	победа 18	смерть 31	горе 6
3.	кровь 15	кровь 21	была 5
4.	боль 14	страх 20	1941—1945 4
5.	страх 11	голод 17	кровь 4
6.	голод 10	боль 13	смерть 4
7.	СССР 10	солдаты 10	подвиг 3
8.	родина 9	родина 8	1941 г. 2
9.	горе 7	ужас 7	беда 2
10.	подвиг 6	Гитлер 6	битва 2
11.	Германия 5	жестокость 6	ВОВ 2
12.	жестокость 5	оружие 6	история 2
13.	оружие 5	слезы 6	немцы 2
14.	патриотизм 5	горе 5	страшно 2
15.	Сталин 5	потери 5	
16.	герои 4	Сталин 5	
17.	отвага 4	танк 5	
18.	потери 4	блокада 4	
19.	солдат 4	ветеран 4	
20.	9 мая 3	ветераны 4	
21.	героизм 3	Германия 4	
22.	Гитлер 3	нацизм 4	
23.	память 3	разлука 4	
24.	потеря 3	солдат 4	
25.	семья 3	страшно 4	
26.	страдание 3	танки 4	
27.	ужас 3	9 мая 3	
28.	враг 2	армия 3	
29.	гордость 2	героизм 3	
30.	дети 2	гордость 3	
31.	долг 2	потеря 3	
32.	дом 2	скорбь 3	
33.	защита 2	страдание 3	
34.	защищать 2	фашизм 3	
35.	кровапролитие 2	холод 3	
36.	Ленинград 2	1941—1945 2	
37.	любовь 2	Берлинская стена 2	

Окончание табл. 1  
End of the table 1

№	НАПРАВЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ DIRECTED EXPERIMENT	СВОБОДНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ FREE EXPERIMENT	РАС RAD
38.	любовь к Родине 2	война 2	
39.	народ 2	грязь 2	
40.	немцы 2	жертва 2	
41.	окопы 2	жертвы 2	
42.	разруха 2	надежда 2	
43.	скорбь 2	отвага 2	
44.	слезы 2	память 2	
45.	солдаты 2	разруха 2	
46.	сражения 2	смерти 2	
47.	Сталинград 2	Советский союз 2	
48.	страдания 2	СССР 2	
49.	страшно 2	Сталинград 2	
50.	танки 2	трагедия 2	
51.	утрата 2	ужасно 2	
52.	фашизм 2	фильмы 2	
53.	холод 2	шум 2	

Как мы видим, в таблице зафиксированы 5 слов, повторяющиеся в РАС и двух АЭ: *победа, горе, кровь, смерть, страшно*. Кроме этого, три лексические единицы повторяются в РАС и одном из АЭ: *1941—1945, подвиг, немцы*. Отдельно выделим также слова, повторяющиеся в двух АЭ: *смерть, победа, кровь, боль, страх, голод, СССР, родина, горе, Германия, жестокость, оружие, Сталин, отвага, потери, солдат, 9 мая, героизм, Гитлер, память, потеря, страдание, ужас, враг, гордость, разруха, скорбь, слезы, солдаты, Сталинград, страшно, танки, фашизм, холод*. Процентное соотношение полученных результатов отражено в Диаграмме 2.

Сопоставительный анализ реакций в РАС и в АЭ  
Comparative analysis of reactions in RAD and AEs

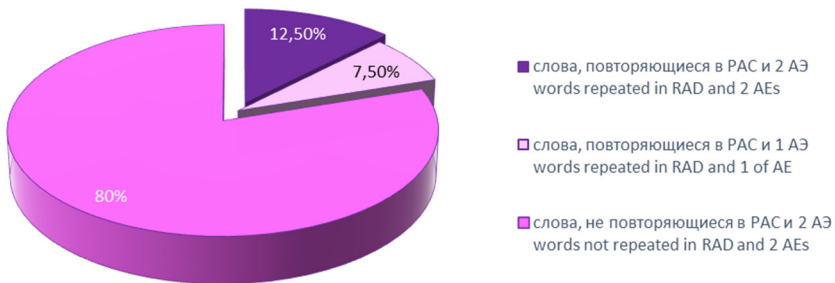


Рисунок 2  
Picture 2

При сравнении реакций свободного и направленного АЭ было выявлено, что в процентном соотношении число общих реакций превышает число различных реакций (Диаграмма 3). Из наиболее частотных реакций, полученных

в результате проведения направленного эксперимента, в реакциях свободного эксперимента отсутствуют следующие реакции: *подвиг 6, патриотизм 5, герои 4, семья 3*. Наше предположение заключается в том, что перед проведением направленного эксперимента участники знали, что его целью является выяснить отношение к войне среди молодого поколения. В свободном эксперименте у респондентов такой информации не было, поэтому в реакциях меньше оценочных, семантически «высоких» лексических единиц. Кроме того, первые 9 частотных реакций направленного АЭ и 16 первых частотных реакций свободного АЭ присутствуют в обоих экспериментах.

Сравнительный анализ реакций в АЭ  
Comparative analysis of reactions in the AE



**Рисунок 3**  
**Picture 3**

### Семантический анализ реакций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте

Обозначенная во Введении задача описать психолингвистическое содержание языкового сознания респондентов, используя семантическую интерпретацию результатов АЭ, заключается в обсуждении и анализе полученных языковых реакций на стимул «ВОВ».

Семантический анализ позволил распределить полученные реакции по нескольким семантическим группам. Так, в отдельную группу были выделены лексические единицы, обозначающие эмоции, с которыми связана война в сознании молодых людей. В целом, зафиксировано преобладание отрицательных эмоций в качестве реакций на данный стимул: *страх 20, боль 13, ужас 7, ужасы, всепоглощающий ужас, жестокость 6, горе 5, скорбь 3, слезы 5, ненависть*. При этом также встречаются лексические единицы, описывающие положительные эмоции и качества, связанные с войной: *надежда 2, вера, сила, воля к победе, отвага 2, доблесть, жертвенность, самоотверженность*. Следует обратить внимание на лексические единицы, составляющие пять первых по частотности реакций в двух АЭ: только *победа* (18 и 31 реакций) вызывает положительные эмоции, однако остальные реакции дают четкое представление о том, что такое война на самом деле: *смерть (33 и 31 реакций), кровь (15 и 21), боль 14, страх (11 и 20), голод 17*.

Оценка событий прошлого представлена, в основном, наречиями: *ужасно 2, страшно 4, жутко, кошмарно, нелогично, тяжело*. В описаниях самой войны, за исключением нескольких слов (*трагедия 2, пугающая*), количественно преобладают оценочные прилагательные: *священная, кровопролитная, кровавая, неожиданная война*.

Семантическую группу составляют лексические единицы, обозначающие людей: *жертва 2, жертвы 2, люди, невинные люди, ребенок, пленные, народ, народное братство, страна, миллионы, человек*. Состав данной группы позволяет сделать вывод о том, что война признается большим народным потрясением, затронувшим жизни простых людей. Также была сформирована семантическая группа с лексическими единицами, называющими людей, являвшихся непосредственными участниками ВОВ: *солдаты 10, солдат 4, армия 3, раненые, герои, русские солдаты, войско, партизаны*. Наличие многочисленных реакций, называющих врага или его идеологию (*фашисты, фашизм 3, нацизм 4, Гитлер 6, Германия 4, СС, Гестапо, Берлинская стена 2, Берлин*) свидетельствует о том, что восприятие войны в памяти молодого поколения связано не с портретом врага, а сфокусировано именно на «нашей» стороне войны. Здесь нет оценочных реакций, в отличие от фронтовых писем или языка советской пропаганды, большую часть которых составляют идеологемы — лексические единицы, содержащие компоненты с семантическим противопоставлением «свой/чужой» [20]. Реакции респондентов, связанные с идеологией противника и отражающие исторические реалии ВОВ, семантически нейтральны.

Что касается «советской» стороны, то среди реакций встречаются имена собственные: *Сталин 5, Левитан, Мухина*, но они малочисленны и не позволяют сделать соответствующие выводы. Кроме того, формируется семантическая группа «место»: *завод, окопы, земля, фронт, Советский Союз 2, СССР 2, Сталинград 2, страна*. Возможно выделение семантической группы «События», представленной следующими реакциями: *Сталинград 2, блокада 4, 22 июня, 9 мая 3, День Победы*. Реакции связаны как с окончанием войны (*9 мая 3, победа 31, День Победы, наконец-то*), так и с ее началом (*22 июня* и, вероятно, *Левитан, неожиданная война*).

Отдельными группами представлена лексика, называющая военную технику и оружие (*танк 5, танки 4, Т-34, оружие 6, истребители, военный самолет, пушки, бомбы, снаряд*) и называющая военные действия (*взрыв, огонь, пожар, убийства, грязь 2, бой, стрельба, борьба, сражение, сражения, вооружение, завоевание*). Большую семантическую группу представляют лексические единицы, обозначающие результат военных действий: *победа 31, смерть 31, кровь 21, голод 17, смерти 2, разлука 4, потери 5, потеря 3, разруха 2, беда, разрушение, разрушения, рушить, бедность, кровопролитие, завоевание, ранения, убийство*. Это позволяет сделать вывод о том, что для молодого поколения ВОВ — это законченное историческое событие, у которого есть начало и конец, и оно осмысливается как нечто, что имеет свои последствия.

Отношение к войне сквозь призму настоящего проявляется в представлении ВОВ как части семейной истории: *дед, дедушка, бабушка, прадеды, родственник, старики, семейное древо, семья, прошлое, будущее, память 2, ветеран 4, ветераны 4*. Само наличие таких лексических единиц, как *дед, дедушка, бабушка, прадеды, прошлое* говорит о том, что ВОВ мыслится как далекое прошлое. Однако, несмотря на четкое понимание того, что война осталась в прошлом, она по-прежнему является причиной для гордости: *героизм 3, гордость 3, подвиг, благодарность, марш, победа, День Победы, парад, родина 6, Родина 2, патриотизм*. Война — это совместное социальное явление в культурном контексте: *школа, конкурс, фильмы 2, военные песни, песни, поэзия, стихи, литература, письмо*. Позволим высказать предположение, что реакция Т-34 также связана с недавним выходом одноименного популярного военно-приключенческого боевика о ВОВ (2019 г., реж. А. Сидоров). Отдельную группу составляют реакции, являющиеся частью прецедентного текста. Так, например, реакция *никогда*, предположительно, является частью фразы *никогда снова*, ставшей популярной в последнее время в русскоязычном интернете как перевод украинского слогана «Ніколи знову» в честь окончания Второй мировой войны (1939—1945 гг.).

Часть полученных в АЭ реакций не удалось распределить по семантическим группам. Это такие реакции, как *радио, красный, коричневый, дым, валенки, туман, ожидание, митинг, ночь, молитвы, долг, наконец-то, больно, звезда, тоска, ждать, шум 2, глупость, холод 3, письмо, знамя*.

#### Семантический анализ реакций, полученных в направленном ассоциативном эксперименте

Согласно Диаграмме 3, количество лексических единиц, не совпадающих в двух проведенных ассоциативных экспериментах, составляет 43,4 %. Поэтому представляется необходимым отдельно рассмотреть семантические группы, состоящие из полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакций. Предполагаем, что — согласно рассмотренным выше ядерным реакциям — семантические группы и их количество будут теми же, однако их лексическое наполнение будет различаться.

Так, отдельную семантическую группу составляют реакции, отражающие эмоции и чувства, проецирующиеся на ВОВ. Как и в свободном эксперименте, здесь зафиксировано значительное преобладание отрицательных эмоций в качестве реакций на стимул: *боль 14, страх 11, голод 10, горе 7, жестокость 5, страдание 3, ужас 3, скорбь 2, слезы 2, страдания 2, страшно 2, агрессия, грусть, недопонимание, ненависть, обида, одиночество, предательство, самопожертвование, скорбь, усталость*. Реакции, описывающие положительные чувства, эмоции или оценку, представлены немногочисленно: *отвага 4, долг 2, защита 2, защищать 2, любовь 2, любовь к Родине 2, радость, сила, сила воли, смелость, сплоченность*. Сама война предстает как *героическая, кровавая, победная, внезапная* (ср. с реакциями *священная, кровополитная, кровавая, неожиданная война* в направленном АЭ).

Достаточно широко представлена семантическая группа «Место», в которую входят реакции в виде имен собственных (*СССР 10, Европа, Россия, Советский Союз, Украина, Ленинград 2, Сталинград 2, Рейхстаг*) и нарицательных (*две большие страны, концлагеря, восток, окопы, город, линия фронта, поле*).

Зафиксировано наличие лексических единиц, называющих врага или его идеологию: *фашизм 2, Гитлер 3, враг 2, Германия 5, немцы 2, диктатор, зига, идеология, фашисты*. Так же, как и в свободном АЭ, встречаются малочисленные группы с именами собственными (*Сталин 5, Левитан*) и с лексическими единицами, называющие простых людей (*дети 2, народ 2, вдова, жертвы*). Шире представлена семантическая группа с лексическими единицами, называющими непосредственных участников ВОВ: *красная армия, герои 4, солдат 4, солдаты 2, контуженный, партизаны*.

Для респондентов война также является частью семейной истории, это подтверждается следующими реакциями: *память 3, семья 3, дом 2, бабушка, дедушка, ветеран, ветераны, вечный огонь, время, давно, деды, прадед, история, мать*. Социальный характер ВОВ представлен такими лексическими единицами, как *военные песни, дружба народов, песня, стихотворения, глупые классные часы*. Отдельно выделяются реакции, основанные на событиях и реалиях ВОВ: *холокост, блокада, блокада Ленинграда, Родина-мать, Барбаросса, газ, коммунизм, ленд-лиз* (государственная программа США по поставкам своим союзникам во Второй мировой войне техники, продовольствия, медицинского оборудования, лекарств — прим. автора). Для молодого поколения война связана с памятью и гордостью: *9 Мая 3, девятое мая, родина 9, Бессмертный полк, победа 18, подвиг 6, герои 4, патриотизм, героизм 3, гордость 2, любовь к Родине 2, герой, героизм, мир, отчизна, парад, сила народов СССР, сплоченность, тяжелая Победа, ценой собственной жизни*.

Среди реакций выделяются семантические группы, связанные с ходом войны: малочисленная группа «Военная техника и оружие» (*оружие 5, танки 2, бомба, миномет, патрон*), группа «Военные действия» (*сражения 2, битвы, бой, бойня, взрыв, нападение, противостояние, сражение, стрелять, итурм*), а также широко представленная семантическая группа «Результат военных действий» (*смерть 33, победа 18, кровь 15, потери 4, потеря 3, кровопролитие 2, разруха 2, утрата 2, гибель, горящие дома, пожар, потеря близких, потерять, разрушение, жестокий голод, мучения, насилие, руины, раны, трупы, тяжелая Победа, убийство*).

Часть реакций не удалось распределить по семантическим группам: *холод 2, белый, бугурт, черный, веселье, вооруженный, земля, каска, лошади, обреченный, первая, политика, разделяй и властвуй, хайп*.

## Заключение

Цели, которые мы ставили перед собой перед проведением ассоциативных экспериментов, как нам представляется, были достигнуты. Благодаря работе с реакциями на стимул «ВОВ», представлению их в виде ассоциативных

полей, которые потенциально могли бы стать частью ассоциативного словаря современного молодого поколения России, семантическая группировка и последующая интерпретация результатов АЭ, — все это позволило представить фрагмент языкового сознания молодого россиянина 18—23 лет относительно событий Великой Отечественной войны.

Семантические группы, полученные в процессе работы с реакциями, выглядят следующим образом:

1. *Эмоции и чувства, с которыми связана ВОВ.*
2. *Оценка событий прошлого.*
3. *Люди, жизнь которых затронула ВОВ.*
4. *Люди, являвшиеся участниками ВОВ.*
5. *Описание врага и его идеологии.*
6. *Места, с которыми связана ВОВ.*
7. *События и реалии ВОВ.*
8. *Окончание войны.*
9. *Начало войны.*
10. *Военная техника и оружие.*
11. *Военные действия.*
12. *Результат военных действий.*
13. *ВОВ как часть семейной истории.*
14. *ВОВ как далекое прошлое.*
15. *ВОВ как повод для гордости.*
16. *ВОВ как совместное социальное явление в культурном контексте.*
17. *Реакции, являющиеся частью прецедентного текста.*

Данные семантические группы позволяют сделать вывод об опосредованном восприятии Великой Отечественной войны молодыми россиянами, обладающими знаниями о событиях ВОВ из вторичных источников: художественных и документальных фильмов, учебников истории, литературы.

Необходимо заметить, что лексические единицы могут принадлежать к одной или нескольким семантическим группам, как, например, реакция *победа* может считаться частью групп «Результат военных действий» и «Война как повод для гордости». Другим примером может быть словосочетание *неожиданная война*, одновременно относящееся к двум семантическим группам: «Оценка ВОВ» и «Начало ВОВ». Поэтому, смеем предположить, что границы семантических групп и их состав могут вызвать дискуссию у читателей данной статьи. Кроме того, необработанным остался большой массив данных: это реакции на стимул «Вторая мировая война» и вторичные реакции на каждую первичную реакцию на стимулы «ВОВ» и «Вторая мировая война». Надеемся, что эти данные станут материалом в следующих научных исследованиях, как эта статья стала продолжением работы по реконструкции концептуального поля «Великая Отечественная война» в обыденном языковом сознании [21].

Отметим также, что ручная обработка данных АЭ является трудоемким и длительным процессом, поэтому проведение последующих АЭ планируется осуществлять с использованием для анкетирования и сбора материала электронных программ, таких как Google Forms или Microsoft Forms, доказавших эффективность при проведении других АЭ.

Очевидно одно: предложенный в работе описательный вид представления результатов двух АЭ частично позволяет получить ответ на вопрос, который еще 30 лет назад поставили перед собой авторы-составители Русского ассоциативного словаря: «Как мыслят русские в современной России?» [14. С. 2; 22].

### Библиографический список

1. Hill A. The Red Army and the Second World War. Cambridge: Cambridge university press, 2017.
2. Веллс М.В. Проблемы интерпретации Второй мировой войны в современной англоязычной историографии // Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность : сборник науч. статей. Екатеринбург: Сократ, 2020. С. 284—285.
3. Лойко А.И. История Великой Отечественной войны в семейных биографических эссе студентов Беларуси и Урала // Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность : сборник науч. статей. Екатеринбург: Сократ, 2020. С. 306—309.
4. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания / КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Алмааты : Полилингва, 2018.
5. Виноградова О.Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 66—73.
6. Шиповская А.А., Циленко Л.П., Тишкина И.А., Болтнева Н.А. Направленный ассоциативный эксперимент при определении особенностей образа мужчины в сознании молодежи // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 197—204.
7. Диланова Э.А. Метафорический потенциал сленгового языка молодежи: некоторые результаты пилотного эксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 871—878.
8. Ufimtseva N.V. The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World // Procedia. Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 36—44.
9. Тарасов Е.Ф. К проблеме общности сознаний коммуникантов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание, издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула). 2020. № 4. С. 128—135.
10. Балясникова О.В., Черкасова Г.А., Степанова А.А., Уфимцева Н.В. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1161—1170.
11. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. М.: ЛИБРОКОМ, 2016.
12. Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В. Сопоставление концептуальных полей «богатство / бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ языковых и рисуночных ассоциаций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 150—164.
13. Чулкина Н.Л., Пэй Х. Лексема танец в концептуальном поле праздник в русской и китайской лингвокультурах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 1. С. 73—79.



14. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002.
15. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2014. № 4(38). С. 193—199.
16. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977.
17. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.
18. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Том I — «От стимула к реакции» (прямой словарь). Режим доступа: [https://iling-ran.ru/library/evras/evras\\_1.pdf](https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf). (дата обращения: 04.01.2021).
19. Рудакова А.В., Стернин И.А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 41. С. 100—108.
20. Карамова А.А. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815>. (дата обращения: 04.01.2021).
21. Кольшева О.Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 398—411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411.
22. Маслова В.А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 184—197. doi: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197.

## References

1. Hill, A. (2017). *The Red Army and the Second World War*. Cambridge: Cambridge university press.
2. Wells, M.V. (2020). Problems of Interpretation of the Great Patriotic War in the Modern English Historiography In *The Great Victory in the Realities of the Modern Era: Historical Memory and National Security. Collection of scientific articles*. Yekaterinburg: Socrates. pp. 284—285. (In Russ.).
3. Loiko, A.I. (2020). History of the Great Patriotic War in Family Biographic Essays of Students of Belarus and the Urals In *The Great Victory in the Realities of the Modern Era: Historical Memory and National Security. Collection of scientific articles*. Yekaterinburg: Socrates. pp. 306—309. (In Russ.).
4. Sternin, I.A. (2018). *The Study of Meaning as a Phenomenon of Language Consciousness*. Monograph. Almaty: Kazakh Ablai Khan University, Polylingua publ. (In Russ.).
5. Vinogradova, O.E. (2013). Directed Associative Experiment for Describing Word Semantics. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 161, 66—73. (In Russ.).
6. Shipovskaya, A.A., Tsilenko, L.P., Tishkina, I.A., & Boltneva, N.A (2020). Directed associative experiment in determining man image features in the worldview of today's youth. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 3, 197—204. (In Russ.).
7. Dilanova, E.A. (2019). Metaphorical Potential of Slang Language: some Results of the Pilot Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 871—878. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-871-878. (In Russ.).
8. Ufimtseva, N.V. (2014). The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 154, 36—44. (In Russ.).
9. Tarasov E.F. (2020). On the Issue of Communicants' Common Consciousness. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, Publisher: Tula State Lev Tolstoy*, 4, 128—135. (In Russ.).
10. Balyasnikova, O.V., Cherkasova, G.A., Stepanova, A.A. & Ufimtseva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistic Aspect of Regional Language Consciousness. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170. (In Russ.).

11. Chulkina, N.L. (2016). *The world of everyday life in the language consciousness of the Russians: Linguocultural description*. Moscow: LIBROCOM publ. (In Russ.).
12. Chulkina N.L., Koltsova N.V. (2019). The Comparative Analysis of the Conceptual Domain “Wealth / Poverty” in the Language Consciousness of Russians and Chinese: a Case Study of Language and Picture Associations. *Journal of Psycholinguistics*, 1(39), 150—164. (In Russ.).
13. Chulkina, N.L. & Pay, H. (2020). The Lexeme Dance in the Conceptual Field Holiday in the Russian and Chinese Linguocultures. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1, 73—79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.73. (In Russ.).
14. Russian associative dictionary. In 2 vols (2002). Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.). Moscow: Astrel; AST. Vol. 1. From stimulus to reaction; Vol. 2. From reaction to stimulus. (In Russ.).
15. Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (2014). Associative Lexicography and Studies of Language Consciousness. *Philology and Culture*, 4(38), 193—199. (In Russ.).
16. Dictionary of associative norms of the Russian language (1977). A.A. Leontiev (ed.). Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
17. Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian (2004). N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova, Y.N. Karaulov, E.F. Tarasov (eds.). Moscow. (In Russ.).
18. The Russian Regional Associative Thesaurus Dictionary. Volume I *From stimulus to reaction* (direct dictionary). URL: [https://iling-ran.ru/library/evras/evras\\_1.pdf](https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf) (accessed: 04.02.2021). (In Russ.).
19. Rudakova, A.V. & Sternin, I.A. (2015). Algorithm of description of psycholinguistic meaning of a word. *The World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 41, 100—108. (In Russ.).
20. Karamova, A.A. (2015). Ideologemes: definition of the concept and typology. *Modern problems of science and education*, 2 [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (accessed 04.02.2021).
21. Kolysheva, O.N. (2020). The Narrative as a Mnemonic Text (Based on “Children of War” Narratives). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 398—411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411 (In Russ.).
22. Maslova, V.A. (2019). The role of a language in the world’s conceptualization: the aspect of cultural linguistics // *Russian Language Studies*, 17(2), 184—197. doi: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197. (In Russ.).

#### **Сведения об авторе:**

Кольшиева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, психолингвистика, семантика, семиотика, устная история; *e-mail*: kolysheva-on@rusdn.ru; SPIN-код: 2567-2573, Orchid: 0000-0003-0118-8546.

#### **Information about the author:**

*Olga N. Kolysheva*, PhD, Assistant of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests*: cognitive linguistics, psycholinguistics, semantics, semiotics, oral history; *e-mail*: kolysheva-on@rusdn.ru ; SPIN-код: 2567-2573, Orchid: 0000-0003-0118-8546.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

УДК 811.161.1'27:81'28:316.7(510)

Научная статья / Research article

## Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в.

Е.А. Оглезнева<sup>1</sup>, О.В. Пустовалов<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>Томский государственный архитектурно-строительный университет  
634003, Российская Федерация, Томск, Соляная площадь, 2

<sup>2</sup>Национальный исследовательский Томский политехнический университет  
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 30

\*[pustovalowol@yandex.ru](mailto:pustovalowol@yandex.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена изучению особой формы существования языка — языка, функционирующего вне метрополии — в зарубежье. Исследование носит лингвоперсоналогический характер: путем анализа языковых компетенций и специфики родного языка представителей зарубежной диаспоры выявляются факторы, обуславливающие его сохранность в речи нескольких поколений эмигрантов. Цель статьи — создание речевого портрета представителя восточной эмиграции — потомка русских эмигрантов в Китай, а именно в китайское Трехречье, для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма на данной территории. Объект речевого портретирования — языковая личность потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., в настоящее время жительницы города Лабудалинь городского уезда Аргунь автономного района Внутренняя Монголия в Китае. Научная новизна исследования заключается в предпринятом впервые анализе фрагмента русской языковой действительности в одном из мест русского рассеяния в XX в. — в китайском Трехречье, а также во введении в научный оборот уникального материала — записей устной речи представителя потомков русских в Трехречье, осуществленных во время научных экспедиций в Китай в 2017 и 2018 гг. Изучение русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье — в Трехречье, является вкладом в лингвистическую эмигрантологию, что обуславливает актуальность исследования. Актуальность работы связана и с выявлением факторов сохранности русского языка в условиях русско-китайского билингвизма на протяжении нескольких поколений. Авторы анализируют речь представителя потомков русских переселенцев в китайское Трехречье на всех уровнях языковой системы, выявляют факты фонетической, грамматической и лексической интерференции в русской речи под влиянием китайского языка, а также сохранившиеся в ней диалектные особенности и приходят к выводу о высокой сохранности русского языка в третьем поколении переселенцев из России в Китай, называя социолингвистические факторы этой сохранности: семейный, образовательный, профессиональный, психологический.

**Ключевые слова:** язык зарубежья, лингвистическая эмигрантология, русский язык в Китае, языковая личность, речевой портрет, диалектная форма языка, билингвизм, интерференция

© Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**История статьи:**

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

**Для цитирования:**

*Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В. Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 359—373. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373*

UDK 811.161.1'27:81'28:316.7(510)

## **Social and Speech Portrait of a Descendant of Russian Immigrants to the Chinese Three Rivers Region in the XX Century**

**Elena A. Oglezneva<sup>1</sup>, Oleg V. Pustovalov<sup>2\*</sup>**

<sup>1</sup>Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering  
2, *Solanaya square, Tomsk, Russian Federation, 634003*

<sup>2</sup>National Research Tomsk Polytechnic University  
30, *Lenin Avenue, Tomsk, Russian Federation, 634050*

\* Corresponding author: [pustovalowol@yandex.ru](mailto:pustovalowol@yandex.ru)

**Abstract.** The article is devoted to the study of a language functioning in foreign countries, outside its metropolis. This is a special form of language existence. The study is made in linguistic personology aspect: the factors of preservation of the native language in the speech of several generations of emigrants are identified by the means of analyzing the language competencies and the specifics of the native language of representatives of the foreign diaspora. The purpose of this article is to create the speech portrait of the representative of the East emigration, the descendants of Russian emigrants in China, the Chinese Three Rivers region, to identify the characteristics of preservation of the Russian language in conditions of the Russian-Chinese bilingualism in this area. The object of the speech portraiting was the linguistic personality of a descendant of Russian immigrants to China in the beginning of the 20th century, currently a resident of the city of Labudalin, Argun city district of the Inner Mongolia Autonomous region in China. Scientific novelty of the research consists in undertaking for the first time the analysis of a fragment of the Russian linguistic reality in one of the places of the Russian diaspora in the 20th century, in the Chinese Three Rivers region, and in the introduction record of oral speech of the representative of the descendants of Russian in Three Rivers Region, carried out during the scientific expeditions to China in 2017 and 2018, that makes a unique material. The study of the Russian language in foreign countries, namely in the Eastern abroad, in the Three Rivers region, is a contribution to linguistic emigrantology, which determines the relevance of the study. The authors analyze the speech of a representative of the descendants of Russian settlers in the Chinese Three Rivers Region at all levels of the language system, reveal the facts of phonetical, grammatical and lexical interference in Russian speech under the influence of the Chinese language, as well as the dialectal features preserved in it, and come to the conclusion that Russian language is highly preserved even in the third generation of immigrants from Russia to China and the authors name the sociolinguistic factors of this preservation: family, educational, professional, psychological, etc.

**Key words:** language abroad, linguistic emigrantology, Russian language in China, language personality, speech portrait, dialect form of language, bilingualism, interference

**Article history:**

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Oglezneva, E.A. & Pustovalov O.V. (2021). Social and Speech Portrait of a Descendant of Russian Immigrants to the Chinese Three Rivers Region in the XX Century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 359—373. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

## Введение

Русский язык зарубежья как особый феномен начал исследоваться в конце XX в., когда эмиграция из России стала открытой темой для отечественной науки и к ее изучению приступили историки, философы, литературоведы, лингвисты. Одним из первых российских языковедов, обративших внимание на феномен существования русского языка в зарубежье, стал Юрий Николаевич Караулов [1; 2]. Еще в 1991 г., отвечая на вопрос «Что такое русский язык?», он назвал восемь его разновидностей, которые можно считать формами существования русского языка, или сферами его бытования. Среди них как традиционно выделяемые, так и новые формы существования русского языка, в том числе — язык русской эмиграции. «Конечно, язык наших эмигрантов эпохи перестройки как будто ничем не отличается от современного языка метрополии, и все же здесь намечаются некоторые особенности, связанные прежде всего с новыми условиями актуализации русской речи за рубежом. Я уже не говорю о языке первой и второй (послевоенной) эмиграции, который архивировал и консервировал своеобразные черты того и другого периода в его эволюции, черты, многие из которых на исконной русской почве ушли в небытие» [1. С. 7—8]. Это было по сути революционное заявление, послужившее основанием для рефлексии как по поводу состава форм существования современного русского языка, так и их качественных характеристик.

Позднее появились исследования, касающиеся изучения русского языка в зарубежье, сначала — на материале западного зарубежья [3; 4], затем — на материале восточного [5]. Исследования русского языка в зарубежье объединяло то, что в их центре оказывалась языковая личность, обобщенная или персонифицированная, условия формирования и языковые компетенции которой были обусловлены социальными и собственно лингвистическими факторами и зависели от волны и поколения эмиграции, и вместе с тем обладали собственной спецификой по причине существования вне метрополии. Идея о русском языке зарубежья как особой форме существования русского национального языка нашла свое воплощение при изучении русского языка восточной ветви русского зарубежья, на материале которого оказалось возможным доказать правомочность карауловской идеи [5. С. 10—14; 6. С. 14—18].

Кроме того, сложившаяся к 90-м гг. XX в. в отечественной лингвистике во многом под влиянием работ Ю.Н. Караулова теория языковой личности [7]

оказалась перспективной для изучения русского языка в зарубежье, воплотившись в серию речевых портретов представителей западной и восточной ветвей русской эмиграции [5; 8; 9; 10—12].

Для анализа языковой личности используются различные методы, одним из наиболее эффективных является социально-речевое портретирование. Используя этот метод, можно создать комплексный речевой портрет языковой личности, выделив ее основные особенности на разных уровнях языковой системы на фоне формирующих ее социальных факторов. Созданием речевых портретов занимались такие ученые, как Т.Г. Винокур [13], Т.И. Ерофеева [14], Е.А. Земская [8; 9; 15], М.В. Китайгородская [16], Н.Н. Розанова [16], Л.П. Крысин [17] и др.

Цель настоящей статьи — создание речевого портрета представителя восточной эмиграции — потомка русских эмигрантов в Китай, а именно в китайское Трехречье, в XX в. для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма на данной территории.

Как известно, в Китае было несколько мест сосредоточения беженцев из России в XX в. Одно из них — так называемое Трехречье, граничащее с Забайкальем.

Трехречье, (кит. 三河区, Sānhéqū, Саньхэцзюй) или Саньхэ (кит.), стало одним из мест активного переселения русских из России, а именно из Забайкалья, в послереволюционный период — в 20-30-е гг. XX в. Район Трехречья назван так по своему расположению в бассейне трех рек — Ган, Дербул и Хаул, правых притоков Аргуни, где к середине 20-х гг. XX в. было более 20 русских поселений [18. С. 224; 19. С. 36]. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои станицы: «Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях. Так сошелся в Маньчжурии, за рубежом, этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [20].

**Объектом** речевого портретирования в статье выступила языковая личность Ирины Николаевны Громовой — потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., жительницы города Лабудалинь<sup>1</sup>, расположенного в Трехречье.

Изучение русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье — в Трехречье, является вкладом в лингвистическую эмигрантологию, что обуславливает **актуальность** исследования. Кроме того, актуальной работу делает и выявление факторов сохранности русского языка в условиях билингвизма, в частности русско-китайского билингвизма, на протяжении нескольких поколений.

---

<sup>1</sup> Лабудалинь — новое название населенного пункта. В источниках встречается старое название Лабдарин.

Научная новизна исследования заключается в предпринятом впервые анализе языка русского восточного зарубежья в одном из мест русского рассеяния в XX в. — в китайском Трехречье, а также во введении в научный оборот уникального материала — записей устной речи представителя потомков русских в китайском Трехречье и предпринятом опыте его речевого портретирования.

Записи устной речи потомков русских в Трехречье были осуществлены во время научных экспедиций в Китай в 2017 и 2018 гг. с их добровольного согласия в неофициальной домашней обстановке. Наши информанты охотно шли на контакт, были рады встрече с русскими из России, интересующимися их жизнью, бытом, историей возникновения русской диаспоры в Трехречье, а также возможности послушать русскую речь и самим поговорить по-русски. Далеко не все из опрошенных нами представителей потомков русских в Трехречье могли свободно говорить на русском языке; некоторые обнаруживали понимание русской речи, но в то же время были не способны вступать в беседу на русском. Ирина Николаевна относится к числу тех, кто свободно говорит по-русски, владея не только устной, но и письменной формой русской речи.

### **Социально-речевое портретирование И.Н. Громовой — потомка русских переселенцев в Трехречье**

#### **Языковые компетенция И.Н. Громовой и членов ее семьи**

Языковую компетенцию Ирины Николаевны составляют два языка: китайский и русский, оба используются ею в письменной и устной форме. Основным языком является китайский, на котором она говорит во всех ситуациях официального и неофициального общения; русский используется ситуативно — с русскоговорящими представителями диаспоры и с приезжающими в Трехречье русскими.

Ирина Николаевна является неординарной языковой личностью, чем и привлекла наше внимание. Ее личность вызывает интерес не только у лингвистов, но и у историков и литературоведов [21. С. 60—62, 266—305; 22. С. 231—239].

Ирина Николаевна (китайское имя Ван Сючжи 王秀枝 Wáng Xiùzhī), родилась в 1942 г. в Китае, в поселке Галдучи: // *Моя мама была в поселке Галдучи // Не знаю доезжали / нет? <...> Шивей / напротив Олочи / она по Аргуни // Олочи / тут Шивей // От Шивей потом вбок была поселок Галдучи / вот японцы доезжали до туда //*

Волость Шивэй (室韦乡 Shìwéixiāng, Шивэйсян) объединена с другой национальной волостью — Эньхэ-Русской волостью (恩和俄罗斯族民族乡 Ēnhé Éluósī zú mínzú xiāng<sup>2</sup>, Эньхээлосыщзуминьцзусян) [23], а село Шивэй —

<sup>2</sup> Все слова на китайском языке даются в пиньине — системе транскрипции китайского языка.

центр волости, расположено напротив российского села Олочи Нерчинско-Заводского района Забайкальского края. В начале XX в. российско-китайская граница была открыта: жители обеих стран могли беспрепятственно перемещаться из России в Китай и в обратном направлении [24. С. 42].

Мать И.Н. — Надежда Ивановна Громова (в девичестве Меновщикова), 1918 г.р., родилась в смешанном браке от русской матери и отца-китайца.

Бабушка по матери — Анна Меновщикова, русская, была из состоятельной семьи, владела русской грамотой, учила дочь, Н.И., русскому языку.

Дед по матери — китаец из провинции Хэбэй.

Отец И.Н. — кореец, она называет его «*коренной отец*», т.е. биологический, противопоставляя таким образом отчиму, которого будет называть «*родной отец*». Родной отец И.Н. служил офицером Японской армии<sup>3</sup>, при отступлении японцев ушел вместе с ними: *Их / как знали / японцев / и он побежал с японцами / так и убежал //*.

Отчим И.Н., «родной отец», — метис, рожден от русской матери и отца-китайца. Имел китайское имя Ван Цзя и русское имя — Николай Иванович Громов. Первым и основным языком Николая Ивановича был китайский; русским языком владел только в устной форме. Николай Иванович служил переводчиком в пограничных войсках Красной армии, затем ему было разрешено работать в Забайкалье: *Поставили его проводить провода // Первые провода в Читинской области / Нерзаводский район / вот по всему району проводили провода //*.

Бабушка по отчиму — Мария Громова, русская, «из бедного дома». Ее фамилию носил отчим и сама И.Н.: *Вот мы теперь все Громовы // По-бабушке //*.

Дед по отчиму — Ван Хундзи, китаец из провинции Шаньдун.

И.Н. отмечала, что отчим говорил со своей матерью по-русски, следовательно, материнским, а возможно, и домашним языком<sup>4</sup> в семье родителей отчима был русский язык, несмотря на то, что их брак был смешанным и проживали они на территории Китая.

Таким образом, бабушка И.Н. по матери, русская, и бабушка И.Н. по отчиму, русская, представляли первое поколение переселенцев из России; мать И.Н. и ее отчим, полукровцы, — второе поколение, а сама И.Н. относится к третьему поколению.

Муж И.Н. — Леонид Иванович Якимов, 1941 г.р., метис во втором поколении. Его мать — Улита Артемьевна Якимова — русская, отец — китаец из провинции Хэбэй.

Домашним языком в семье И.Н. был русский: она рассказывала, что с мужем говорили по-русски, «*когда не помнили — смесь*».

<sup>3</sup> Маньчжурия, на территории которого располагается Трехречье, с 1931 по 1945 гг. была оккупирована Японией.

<sup>4</sup> Мы опираемся на классификацию используемых в коммуникации эмигрантов и их потомков языков, предложенную Е.А. Земской [9. С. 33—34].



У старших родственников в семье использовались родные для них языки: мать и свекровь И.Н. говорили друг с другом по-русски; отчим и свекр — по-китайски.

Таким образом, в интернациональной семье И.Н. говорят на разных языках: *Дома-то говорим: бабушки — по-русски / дедушки по-китайски // А мы говорим когда — смесь // Чуть-чуть не ловко-то / перевернем по-китайски // В таких домах и по-русски / и по-китайски //*

У И.Н. четверо детей. У всех детей китайский язык является первым и основным. По-русски говорят трое из четверых: старшая дочь — Любовь, 1961 г.р., окончила Харбинский институт русского языка, в настоящее время живет и работает в г. Иркутске; вторая дочь — Лина, 1964 г.р., окончила факультет русского языка Хайларского института; младшая дочь — Наталья, 1973 г.р., училась русскому языку в г. Шанхае. Сын — Алексей, 1966 г.р., окончил среднюю школу в г. Лабудалинь, понимает по-русски, но не говорит.

Из четверых внуков И.Н. двое знают китайский и английский (одна из них использует английский язык в профессии), двое — китайский и русский (живут в России).

В 1944 г. отчим И.Н. вместе с женой и приемной дочерью уезжает в Россию. С двух лет И.Н. жила в селе Нерчинский завод в Забайкалье. Там она окончила 4 класса русской школы. В 1955 г. семья вернулась в Китай, где И.Н. продолжила обучение в китайской школе. На момент возвращения в Китай она не говорила по-китайски, не умела читать и писать. Знала только одно слово — 剪子jiǎnzǐ «ножницы», потому что «любила стричь бумагу». После окончания китайской средней школы продолжила изучать русский язык в вузе, прошла курсы русского языка в Пекинском университете иностранных языков. Двадцать пять лет И.Н. преподавала русский язык в школе.

И.Н. может свободно беседовать на русском языке на разные темы: жизнь и быт потомков русских переселенцев в Трехречье, их традиции и обычаи. Значительную часть беседы составили рассказы И.Н. о ее семье, об истории России и Китая, о русском языке, о ее работе учителем русского языка в школе.

## Особенности русской речи И.Н. Громовой

Речевое портретирование предполагает анализ говорящей языковой личности на разных уровнях языковой системы. Социально-речевое портретирование показывает корреляцию между языковыми особенностями говорящей личности и социальными факторами, формировавшими ее. Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности русской речи Ирины Николаевны Громовой, потомка русских переселенцев в Трехречье в третьем поколении.

### Фонетические особенности

#### Вокализм

1. Тип предударного вокализма после твердого согласного — аканье: *втаро́й, пато́м, пажилы́е, малады́ми, аднаго́дками, савсе́м, пахо́же, хате́ла,*

*паселке*. Наряду с этим в некоторых словах наблюдается оканье. Например, в слове «монголка».

2. В первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается иканье — *ипонцы, доизжали, коринной, пирчатках, всигда, пирийдут, симнадацатых, нимножко*.

#### Консонантизм

1. Выпадение согласного в единичных случаях: *Астралии, в Астралию* (вместо: Австралии, в Австралию).

2. Произношение в некоторых случаях на месте [ш] звука [с]: *вне[с]ностью*.

3. Озвончение глухого согласного звука [с] в позиции между гласными: *ко[з]улю, до[з]ок*.

4. Оглушение звонкого согласного звука [д]: *[т]очка* (вместо: дочка).

5. Произношение звука [к] с придыханием, как это происходит в китайском языке при произношении звука [к]: *к<sup>х</sup>то*.

6. Реализация фонемы /ч/ как твердой шипящей аффрикаты [тш]: *но[тши]у, до[тши]а*.

7. Реализация фонемы /ш':/ как твердого долгого [ш:]: *[шиш]упал, е[шиш]о, про[шиш]аются*.

#### Акцентология

Некоторые слова произносятся с нарушением акцентологической нормы: *губили, в Пекинэ, до Харбинá, ящи, ветошки́, каба́нов, шо́фер, бе́гом, поня́ли, ро́стит, застрéлили*.

На фонетическом уровне в русской речи нашего информанта наблюдается относительно небольшое количество отступлений от фонетических стандартов русского языка по сравнению с речью других потомков русских переселенцев, проживающих в Трехречье. Причиной того, что в целом произношение И.Н. соответствует нормативному, является ее специальное образование, связанное с изучением русского языка, и профессиональная деятельность — работа учителем русского языка. Кроме того, проведенные в детстве в России годы способствовали постановке русского произношения.

Некоторые из представленных выше фонетических особенностей речи И.Н. обусловлены интерференцией под влиянием китайского языка: а) озвончение глухих звуков (п. 3) и оглушение звонких (п. 4) связано с отсутствием в китайском языке фонологических противопоставлений глухих и звонких согласных [25. С. 30], что приводит к их неразличению в русской речи китайцев-билингвов; б) появление придыхательного элемента в речи (п. 5), связанного с противопоставлением придыхательных-непридыхательных согласных в китайском языке [25. С. 40]; в) произношение [ч] как [тш] (п. 6) по типу ближайшего в артикуляционном отношении к русской аффрикате звука китайского языка [26. С. 28]. Однако произношение [ч] как [тш] встречается и в говорах Забайкалья [27. С. 185], поэтому сложно дать однозначный ответ, является ли

описанное явление случаем интерференции, или это диалектная черта, усвоенная И.Н. от русскоговорящих в Трехречье и Забайкалье — носителей забайкальских говоров.

Таким образом, произношение И.Н. формировалось, с одной стороны, под воздействием речевых произносительных привычек носителей русского диалекта, а с другой стороны — под воздействием китайского языка, в среде которого она находилась. Подобная тенденция наблюдается и в речи других потомков русских, рожденных в смешанных браках в Китае как в Трехречье [28. С. 123], так и в других граничащих с Россией регионах Китая [29. С. 16].

### *Морфологические особенности*

1. Наблюдается использование одной падежной формы вместо другой: В. п. используется вместо П. п.: *в школу никогда не шла*; П. п. вместо В. п.: *китайский язык он учил начальную школу*; Р. п. вместо В. п.: *когда я ездила в Иркутска*; В. п. вместо Р. п.: *не было пластмассу*; Р. п. вместо П. п.: *я была отличницей пятого класса*.

2. В некоторых случаях наблюдается несогласованность грамматических форм рода: *на какой собрании*; *была поселок*.

3. При образовании Мн. ч. отмечено использование флексии -ы вместо флексии -а: *стеклы*.

4. Отмечается использование одушевленного местоимения *кого* вместо неодушевленного *что*: *я вам кого отдам*.

5. Местоимения 3 л. 'он', 'она', 'оно' употребляются в косвенных падежах без начального «н»: *на ем, за ем*.

6. Наблюдается использование прилагательного с окончанием -ья вместо -ые: *молодыя*.

7. Зафиксировано употребление в прилагательном суффикса -ов вместо суффикса -ск: *отцовый*.

8. Наблюдается употребление местоимения 3 л. И. п. Ед. ч. в форме: *онé*.

9. Отмечается использование глаголов 1 спряжения в форме 3 л. Мн. ч. с окончанием -ут: *ходят*.

10. Используется возвратный глагольный постфикс -ся на месте -сь: *разъелася, родилася, случилось*.

### *Синтаксические особенности*

1. Отмечается неправильный выбор предлогов: *служил до Амуру*.

2. Употребление предлогов в соответствии с диалектной нормой (*до* вместо *в*: *ездила до Иркутска, до Читы*).

3. В некоторых случаях опускается предлог: (на) *кого-нить наденут шубу, она (из) Благовещенска, потом (в) пятый перешла в среднюю школу, она (до) восемьдесят восьмого года жила*.

4. Предлог «в» используется вместо предлога «на»: *я в первом этаже / в третьем этаже подруга / Нюра живет //*.

5. При построении предложений можно отметить синтаксические конструкции, представляющие собой кальки с китайского языка: *А / вот сейчас в Трехречье-то русский язык меньше и меньше стало // Мне так жалко // Я же учительница // Так жалко терять русский язык // Тут все меньше и меньше //*. В китайском языке выделенным конструкциям (меньше и меньше + стало) соответствует конструкция 越来越+ прилагательное для выражения постепенного уменьшения или увеличения интенсивности какого-либо признака.

Проведя анализ морфологических и синтаксических особенностей речи И.Н. можно сделать вывод о том, что в целом речь соответствует грамматической норме русского языка. Отступления от грамматической нормы русского языка объясняются как влиянием диалектной нормы, которую И.Н. усвоила от русскоязычных членов своей семьи, так и интерференцией под влиянием китайского языка. Отмеченные в речи И.Н. диалектные явления (например, форма *онé*, употребление местоимения *кого* вместо *что*) встречаются на территории Восточного Забайкалья РФ [27. С. 184].

#### Лексические особенности

1. Особенностью лексикона И.Н. является использование устойчивых сочетаний слов: *коренной отец* — для обозначения родного отца по крови, а *родной отец*, воспитавшего ее, она называет отчима.

2. Наблюдаются многочисленные случаи лексической интерференции под влиянием китайского языка. Напр., говоря о доме, И.Н. использует слово «комната». Это происходит потому, что в китайском языке слово 屋子 имеет два значения «комната» и «дом». Другой пример: известно, что в Китае, помимо общих наименований периодов обучения (начальная, средняя, старшая школа), имеются и наименования дополнительных периодов: напр., средняя школа первой ступени (кит. 初级中学 chūjí zhōngxué). И.Н. не знает, как это выразить по-русски, поэтому называет этот период «первая средняя школа».

3. В лексиконе И.Н. отмечаются диалектные слова<sup>5</sup>: *тарочки, наливномушки, церква, нонче*.

4. Зафиксировано частотное использование разговорной лексики: *знаться, увидать, выволочь*.

5. Используется просторечная лексика: *накласть, манатки*.

6. Некоторые слова употребляются в значениях, которые не свойственны для современного русского языка. Так, слово «*кидались*» употребляется в значении «переходили, убегали», слово «*вычистила*» в значении «сделала аборт», слово «*вышла*» — в значении «уехала», «*налапать*» употребляется в значении «написать».

<sup>5</sup> Отнесенность слов к диалектным, разговорным и просторечным дана на основе данных Толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова [30].

Анализ лексикона И.Н. показал, что в ее речи, с одной стороны, частотна диалектная и разговорная лексика: она усвоила ее от русскоговорящих старших членов своей семьи и русскоязычного окружения, представленного носителями русского диалекта. Большое количество разговорных слов демонстрирует использование русского языка преимущественно в бытовом общении. Наряду с этим отмечается знание названий многих реалий современной российской жизни вследствие контактов с детьми и внуками, проживающими в России, поездок в Россию. С нами И.Н. говорила только по-русски: ее словарный состав достаточен для свободной коммуникации. С другой стороны, многочисленны в ее русской речи случаи лексической интерференции под влиянием лексической системы китайского языка.

### *Письменная речь*

И.Н., как мы указывали, читает и пишет по-русски. Это естественно, поскольку она профессионально была связана с русским языком.

Большой исследовательский интерес для изучения русской речи вызывает тетрадь-песенник И.Н., которую она начала вести в 1958 г., несколько лет спустя после возвращения в Россию, и в которую записывала понравившиеся ей русские песни, стихи, частушки, а также кулинарные рецепты, адреса, чтобы *«не забыть русский язык»*. Тексты тетради выступали объектом текстологического анализа в работе А.А. Забияко [22]. Эти тексты представляют большой интерес и для лингвистического анализа, обозначая перспективу дальнейшего исследования. Все тексты записаны на слух, поэтому в них встречается большое количество орфографических ошибок. Напр., *судбе, брадыга, прегожая, песьня, чястушки, тово* (того), *малинька* (маленькая), *строшной, вахли, хорошо на горки жить, на степе, подниматся, растоватся, на горе стоит берез* и др. Однако эти ошибки ценны тем, что по ним можно реконструировать специфические черты русского произношения, свойственные И.Н. как языковой личности и как представительнице русскоговорящего социума в китайском Трехречье со всеми присущими ему диалектными и другими особенностями.

### **Заключение**

Речевое портретирование Ирины Николаевны Громовой, представительницы третьего поколения русских переселенцев в китайское Трехречье, показало, что она сохранила высокий уровень владения русским языком.

На хорошую сохранность русского языка у И.Н. большое влияние оказали факторы экстралингвистического характера: семейный (росла в семье, где домашним языком был русский; с двух до 13 лет жила в российском Забайкалье; имеет родственников, проживающих в России, для которых русский язык постепенно становится первым и основным; возможность посещать Россию), образовательный (изучала русский язык в высшем учебном

заведении), профессиональный (была учителем русского языка и литературы), психологический (высокая мотивация к сохранению русского языка, стремление создавать и поддерживать русский круг общения), хотя в повседневной общественной коммуникации основным языком для нее выступает язык страны проживания — китайский.

Как показали наблюдения, китайский язык также оказал влияние на русский язык И.Н. в виде интерференции на разных уровнях языковой системы: фонетическом, грамматическом, лексическом.

Кроме того, в речи И.Н. проявляются диалектные черты, усвоенные ею от русскоговорящих родственников по материнской линии и окружавших ее потомков исконных носителей русской диалектной речи.

Многие неправильности в русской разговорной речи И.Н. вызваны ситуацией неофициального живого общения, в котором они допустимы и, более того, в большинстве случаев являются нормой разговорной речи, которой И.Н. в совершенстве владеет.

Таким образом, посредством создания социально-речевого портрета языковой личности И.Н. Громовой воспроизведен фрагмент русской языковой действительности в русском восточном зарубежье XX и начала XXI в., демонстрирующий функционирование русского языка вне метрополии как особой формы его существования, на что и указывал в своих работах Ю.Н. Караулов.

### Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Институт русского языка, 1991. С. 4—11.
2. *Караулов Ю.Н.* О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5—18.
3. *Русский язык зарубежья* / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты* / под ред. Е.А. Земской. М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009.
6. *Оглезнева Е.А.* Язык русского зарубежья как одна из форм существования национального языка (на материале языка восточной ветви русской эмиграции) // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 14—18.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
8. *Земская Е.А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня: сборник статей РАН. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 100—121.
9. *Земская Е.А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 25—271.
10. *Бобрик М.А.* Очерк языка семьи // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 278—348.
11. *Старыгина Г.М.* Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2001. № 4. Этнические контакты. С. 263—269.

12. *Оглезнева Е.А.* Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Амурский государственный университет. 2008. № 6. С. 52—74.
13. *Винокур Т.Г.* Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 361—370.
14. *Ерофеева Т.И.* Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 90—91.
15. *Земская Е.А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 196—207.
16. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.: Наука, 1995.
17. *Крысин Л.П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 90—106.
18. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2004.
19. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, 2007.
20. Рубеж. Харбин. 1941. № 4.
21. *Забияко А.П., Забияко А.А.* Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2017.
22. *Забияко А.А.* Маргинальные письменные тексты русских Трехречья: частные истории формирования маргинальной этничности // Cuadernos de rusística Española. Гранада: Editorial Universidad de Granada. 2017. № 13. С. 229—242.
23. Эньхэ-Русская национальная волость. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/恩和俄罗斯族民族乡/4113499?fr=aladdin> (дата обращения: 21.07.2020).
24. *Шахматов П.В.* Трехречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014.
25. *Спешнев Н.А.* Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980.
26. *Задоев Т.П., Хуан Шун* Основы китайского языка. Вводный курс. М.: Наука. Восточная литература, 1993.
27. *Игнатович Т.Ю.* Восточнозabayкальские говоры в русском диалектном пространстве // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита: Забайкальский государственный университет. 2009. № 6. С. 183—187.
28. *Пустовалов О.В.* Речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в. (на материале записей устной речи одной из представительниц русской восточной эмиграции в Китае) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 119—130.
29. *Гордеева С.В.* К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаезычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 16—19.
30. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935—1940 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionaryushakov/articles/44/tot.htm>. (дата обращения 20.09.2020.)

## References

1. Karaulov, Yu.N. (1991). On the condition of the Russian language of modernity. *Russian language and modernity. Problems and prospects of the Russian Language Studies*. Moscow: Russian Language Institute. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. (1992). About the Russian language abroad. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 6, 5—18. (In Russ.).
3. *Russian Language Abroad* (2001). E.A. Krasilnikova (ed.). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

4. *Language of the Russian Emigration*. (2001). E.A. Zemskaya (ed.). Moscow, Vienna: Languages of Slavic culture, Vienna Slavic Almanac. (In Russ.).
5. Oglezneva, E.A. (2009). *Russian Language in the East Emigration (based on the Russian language in Harbin)* Blagoveshchensk: Amur State University. (In Russ.).
6. Oglezneva, E.A. (2014). The Language of the Russian Emigration as One of the Forms of Existence of the National Language (based on the language of the eastern branch of the Russian emigration). *Asia-Pacific Association of Teachers of Russian Language and Literature Bulletin*, 4, 14—18. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (1987). *The Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Zemskaya, E.A. (2000). Speech Portrait of an Emigrant of the First Wave (on the question of the explanatory power of the theory of natural morphology) In: *Russian language today*. Moscow: Azbukovnik. Vol. 1. pp. 100—121. (In Russ.).
9. Zemskaya, E.A. (2001). General Linguistic Processes and Individual Speech Portraits In: *Language of the Russian Emigration*. Moscow, Vienna: Languages of Slavic culture, Vienna Slavic Almanac. pp. 25—271. (In Russ.).
10. Bobrik, M.A. (2001). A Sketch of Speech of One Family. In: *Language of the Russian Emigration*. Moscow, Vienna: Languages of Slavic culture, Vienna Slavic Almanac. pp. 278—348. (In Russ.).
11. Starygina, G.M. (2001). Lingvo-historical Portraits of the Harbinians (based on the speech of Russian emigrants). *Historical experience of the development of the Far East. Blagoveshchensk: Amur State University*, 4, 263—269. (In Russ.).
12. Oglezneva, E.A. (2008). Speech Portrait of Mikhail Mikhailovich Myatov, a Representative of the Russian Diaspora in Harbin. *Slovo: Folklore-dialectological almanac. Blagoveshchensk: Amur State University*, 6, 52—74. (In Russ.).
13. Vinokur, T.G. (1989). Speech Portrait of a Modern Man In: *Man in the system of sciences*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Erofeeva, T.I. (1990). Speech Portrait of the Speaker In: *The language image of the Ural city*. Sverdlovsk: Ural Federal University. pp. 90—91. (In Russ.).
15. Zemskaya, E.A. (2008). Speech Portrait of an Emigrant of the First Wave (Third generation). *Russkiy yazyk v yauchnom osveshchenii*, 1 (15), 100—121. (In Russ.).
16. Kitaigorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1995). *Russian Speech Portrait: Audiochrestomathy*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Krysin, L.P. (2001). Modern Russian Intellectual: an Essay of a Speech Portrait. *Russian Language and Linguistic Theory*, 1, 90—106. (In Russ.).
18. Ablova, N.E. (2004). Chinese Eastern Railway and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (first half of the 20th century). Moscow: Russkaya panorama. (In Russ.).
19. Ablazhei, N.N. (2007). *From East to East: Russian Emigration in China*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
20. *Rubezh*. Harbin (1941). 4. (In Russ.).
21. Zabiako, A.P. & Zabiako, A.A. (2017). The Trekhrechy Russians. Foundations of Ethnic Identity. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
22. Zabiako, A.A. (2017). Marginal Written Texts of Russians of the Trekhrech'je: the Private History of the Marginalized Ethnicity Forming. *Cuadernos de rusística Española*. Granada: Editorial Universidad de Granada, 13, 229—242. (In Russ.).
23. Enhe-Russian National Rural Municipality. URL: <https://baike.baidu.com/item/恩和俄罗斯族民族乡/4113499?fr=aladdin> (accessed: 21.07.2020). (In Chinese).
24. Shakhmatov, P.V. (2014). *Trekhrech'e. Memories*. Tomsk: Krasnoe znamya. (In Russ.).
25. Speshnev, N.A. (1980). *Phonetics of the Chinese Language*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russ.).



26. Zadoenko, T.P. & Huan, Shuin. (1993). *Fundamentals of the Chinese Language. Introductory course*. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura Publ. (In Russ.).
27. Ignatovich, T.Yu. (2009). East Transbaikal Dialects in the Russian Dialect Space. *Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects*. Chita: Zabaikalsky State University, 6, 183—187. (In Russ.).
28. Pustovalov, O.V. (2020). Speech Portrait of the Russian Emigrants' Descendants in the Chinese Trekhrechiye (based on the recordings of the oral speech of representative of Russian Eastern migration to China). *Theoretical and Applied Linguistics*. 6 (2), 119–130. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.22250/2410-7190\\_2020\\_6\\_2\\_119\\_130](https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_119_130)
29. Gordeeva, S.V. (2012). On Russians' and Their Descendants' Language Competence in Chinese-language Environment (based on speech of descendants of Russian immigrants to border China). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 363, 16—19. (In Russ.).
30. Explanatory Dictionary of the Russian Language, Ushakov D.N. (Ed.): In 4 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1935—1940. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionaryushakov/articles/44/tot.htm>. (accessed 10.03.2020). (In Russ.).

#### **Сведения об авторах:**

*Оглезнева Елена Александровна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан, Томский государственный архитектурно-строительный университет; *научные интересы*: социолингвистика, русский язык в восточном зарубежье, русские диалекты, варианты русского национального языка, региональная лингвистика, русско-китайский пиджин, лингвоперсоналогия; *e-mail*: [eoglezneva@yandex.ru](mailto:eoglezneva@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-0147-8762; eLibrary SPIN-код: 2544-7839.

*Пустовалов Олег Викторович*, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; *научные интересы*: русский язык в восточном зарубежье, лингвоперсоналогия, билингвизм, межъязыковая интерференция; *e-mail*: [pustovalowol@yandex.ru](mailto:pustovalowol@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-8023-3151; eLibrary SPIN-код: 9276-7572.

#### **Information about the authors:**

*Elena A. Oglezneva*, PhD (Advanced Doctorate), Associate Professor, Department of Russian Language and Special Disciplines for Foreign Citizens, Tomsk State University of Architecture and Building; Research interests: Sociolinguistics, Russian language in the Eastern foreign countries, Russian dialects, Variants of Russian national language, Regional linguistics, Russian-Chinese Pidgins, Linguistic personology; *e-mail*: [eoglezneva@yandex.ru](mailto:eoglezneva@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-0147-8762; eLibrary SPIN-code: 2544-7839.

*Oleg V. Pustovalov*, Postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University. Research interests: Russian language in the Eastern foreign countries, Linguistic personology, bilingualism, interlanguage interference; *e-mail*: [pustovalowol@yandex.ru](mailto:pustovalowol@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-8023-3151; eLibrary SPIN-code: 9276-7572.



## ИДИОСТИЛЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО INDIVIDUAL STYLE OF DOSTOEVSKY

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389  
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья / Research article

### Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения

А.Н. Баранов<sup>1</sup>, Д.О. Добровольский<sup>1, 2, 3\*</sup>, Н.А. Фатеева<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН  
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, 18/2

<sup>2</sup> Институт языкознания РАН  
125009, Российская Федерация, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

<sup>3</sup> Стокгольмский университет  
10691, Швеция, Стокгольм  
\*dobrovolskij@gmail.com

**Аннотация.** В статье рассматриваются существующие подходы к изучению индивидуального стиля писателя. Они названы моделями идиостиля, среди которых выделяются: лексическая, синтаксическая, нарративная модели и модель интертекстуальных связей. Особенность лексической модели заключается в выявлении частотного распределения тех или иных слов в формировании текста. Понятно, что частотное распределение лексики отражает степень важности для автора тех или иных смыслов и понятийных областей. Синтаксическая модель идиостиля опирается на выявление характерных синтаксических конструкций, которые имеют высокий частотный ранг у конкретного автора. Нарративная модель характеризует способы организации повествования, то есть оформление эпизодов и входящих в них сцен, последовательность эпизодов, то есть выстраивание их по временной оси или по каким-то другим закономерностям, связанным с художественным замыслом автора. Единицы нарративной модели — это компоненты сюжета и операции, которые производятся над этими компонентами (перемещение, элиминация фрагментов повествования, объединение эпизодов и сцен, введение одних компонентов сюжета в другие). Интертекстуальные связи, то есть совокупность смысловых и формальных отсылок к другим текстам того же или других авторов, формируют интертекстуальную модель, которая также носит авторский характер. Показывается, что указанные модели взаимодополняют друг друга и в совокупности позволяют описать специфические особенности речевых практик писателя как уникального носителя языка. Модели идиостиля иллюстрируются материалом произведений Достоевского, в том числе в рамках проекта по изучению языка этого писателя, инициированного Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом. Использование современных корпусных технологий обработки данных дает возможность более строго формировать модели идиостиля, усиливая их объективность в результате применения количественных методов.

© Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**Ключевые слова:** идиостиль, модели идиостиля, корпусный подход, Достоевский, структура нарратива, интертекстуальные связи

**Финансирование. Благодарности**

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста»

**История статьи:**

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

**Для цитирования:**

Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А. Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 374—389. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389

UDK 811.161.1'374:821.161.1

## Individual Style of Dostoevsky: Dimensions of Investigation

Analoly N. Baranov<sup>1</sup>, Dmitriy O. Dobrovol'skij<sup>1, 2, 3\*</sup>, Natalia A. Fateeva<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Russian language institute of RAS  
18/2, Volkhonka str., Moscow, Russian Federation, 119019

<sup>2</sup> Institute of Linguistics of the RAS  
1, Bol'shoy Kislovsky, Moscow, Russian Federation, 125009

<sup>3</sup> Stockholm University  
10691 Stockholm, Sweden

\* Corresponding author: dobrovol'skij@gmail.com

**Abstract.** The article examines the existing approaches to the study of the individual style of the writer. We call these approaches models of individual style. We distinguish lexical model, syntactical model, narrative model and the model of intertextual relations. Specific features of the lexical model consist of the frequency distribution of certain words in text formation. The frequency distribution of lexical items reflects the importance of certain meanings and conceptual areas for a given author. The syntactic model of individual style is based on identifying characteristic syntactic constructions that have a high frequency rank for a particular author. The narrative model characterizes the way the story is organized. The units of the narrative model are the components of the plot and the operations that are performed on these components (moving, eliminating fragments of the narrative, combining episodes and scenes, introducing some components of the plot into others). Intertextual relations, that is, a set of semantic and formal references to other texts of the same or other authors, form an intertextual model, which also is unique for every writer. The above mentioned models complement each other and, taken together, make it possible to describe the specific features of the unique speech practices of the writer. Models of individual style are illustrated by the examples from Dostoevsky's works. Modern corpus data technologies make it possible to more strictly develop the models of individual style, enhancing their objectivity by the implementation of quantitative methods. This article is a part of a project, initiated by Yu.N. Karaulov and E.L. Ginzburg.

**Key words:** individual style, models of individual style, corpus approach, Dostoevsky, narrative structure, intertextual relations

### Financing. Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project No. 18-012-90025 “A linguistic model of Dostoevsky’s individual style: corpus technologies in the analysis of literary text”

### Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

### For citation:

Baranov, A.N., Dobrovolskij, D.O. & Fateeva, N.A (2021). Individual Style of Dostoevsky: Dimensions of Investigation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 374—389. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389

## Введение

В существующей научной литературе представлено много концепций идиостиля и способов его описания. Наиболее существенное разграничение, которое следует сделать, касается понимания этой категории в литературоведении и в лингвистике. В литературоведении (в том числе в лингвистической поэтике) идиостиль связывается как с содержательными, так и с формальными характеристиками текстов. Так, в [1] отмечается, что «Идиостиль — это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих текстах авторский способ языкового выражения и стиль его мышления». Кроме того, в лингвистической поэтике под идиостилем понимается совокупность некоторых текстопорождающих «доминант» и «констант» определенного автора. Константы — это то, что свойственно конкретному автору и повторяется в его произведениях, а доминанта — это «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. <...> Предполагается, что поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [2. С. 139]. Из-за субъективности и противоречивости приведенных определений такая трактовка идиостиля не операциональна и непригодна для исследования, опирающегося даже на минимальные требования к научности и объективности.

Мы в целом исходим из того, что как языковой феномен идиостиль проявляется в выборе формальных средств выражения смысла по сравнению с альтернативными способами передачи той же семантики. Тем самым предполагается наличие тенденции к тому, чтобы сходные смыслы у одного и того же автора выражались повторяющимся репертуаром формальных средств. Иными словами, идиостиль проявляется как тенденция, совокупность предпочтений в использовании языка.

Идиостиль представляет собой отображение парадигматики языка в речь конкретного носителя — автора в самом широком понимании (как писателя и поэта, так и любого говорящего, даже не отягощенного грузом образования).

Это отображение носит относительно регулярный характер, соответствуя дискурсивным практикам (привычкам к устной и письменной речи) носителя.

Поскольку парадигматика языка свойственна различным уровням языковой системы, то и идиостиль проявляется на этих уровнях языка — в области фонетики (включая просодию), морфологии, синтаксиса, лексики и даже распространяется на дискурс. В частности, на правила организации нарратива [3; 4].

Еще одна категория, которая упоминается в связи с идиостилем — идиолект автора, который в одной из концепций понимается как «совокупность текстов, порожденных в определенной хронологической последовательности в соответствии с единой развивающейся во времени системой метатропов данного автора» [5. С. 249]. Поскольку в нашем исследовании идиостиля Достоевского в качестве основного объекта выступает корпус произведений этого автора в варианте полного собрания сочинений [6], то есть никакое варьирование этого материала не предполагается, то категория идиолекта в дальнейшем не используется.

Поскольку индивидуальный стиль проявляется на разных уровнях функционирования языка, то средства его описания могут быть очень разными. В самом общем смысле можно говорить об изучении идиостиля на примере словарного состава произведений писателя (лексическая модель идиостиля), на уровне синтаксиса предложения (синтаксическая модель идиостиля) и собственно повествования (нарративная модель идиостиля). Кроме того, тексты автора могут иметь отсылки к другим текстам этого или других авторов (модель интертекстуальных связей).

### **Лексическая модель идиостиля**

Очевидная особенность лексической модели — это преобладание тех или иных слов в формировании текста. Понятно, что частотное распределение лексики отражает степень важности для автора тех или иных смыслов и понятийных областей.

Даже поверхностное знакомство с текстами Достоевского показывает, что для него важна ментальная сфера и область эмоций. Это объясняется, в частности, тем, что мышление героев в произведениях Достоевского непрерывно, не имеет окончательного завершения и не получает однозначной авторской оценки: «<...> авторское сознание не превращает другие чужие сознания (то есть сознания героев) в объекты и не дает им заочных завершающих определений. Оно чувствует рядом с собою и перед собою равноправные чужие сознания, такие же бесконечные и незавершимые, как и оно само. Оно отражает и воссоздает не мир объектов, а именно эти чужие сознания с их мирами, воссоздает в их подлинной незавершимости (ведь именно в ней их сущность)» [7. С. 62]<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. также о важности ментальной и эмоциональной сфер у Достоевского: [8; 9].

Патологическая рефлексия мышления некоторых героев Достоевского также приводит к широкому использованию соответствующей лексики. М.М. Бахтин в связи с характеристикой героя «Записок из подполья» отмечает: «„Человек из подполья“ более всего думает о том, что о нем думают и могут думать другие, он стремится забежать вперед каждому чужому сознанию, каждой чужой мысли о нем, каждой точке зрения на него. <...> он старается предвосхитить возможное определение и оценку его другими, угадать смысл и тон этой оценки и старается тщательно сформулировать эти возможные чужие слова о нем, перебивая свою речь воображаемыми чужими репликами» [7. С. 63].

Характерная особенность лексического состава текстов Достоевского — использование разнообразных лексем с семантикой неопределенности и кажимости, что неоднократно отмечалось в существующей литературе [10—13 и др.].

Такие смыслы часто выражаются неопределенными местоимениями *с-то*, прилагательными и наречиями с семантикой неясной причины: *странный, странно, необъяснимый, негаданный* и др., а также одновременным указанием на действие и его отсутствие: *Тут, очевидно, было что-то другое, подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, — что-то вроде какого-то романического негодования Бог знает на кого и за что, какого-то ненасытимого чувства презрения... одним словом, что-то в высшей степени смешное и недозволенное ... «Идиот»; О, много, много вынес он ... и негаданного, и неслыханного, и неожиданного! «Идиот»; Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странным: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не понимал, чему смеялся «Идиот».*

К средствам создания кажимости относятся формы *как бы, как будто, словно, точно, вроде, похоже, кажется, чудится* и под. Они также передают смыслы неопределенности, недосказанности, приблизительности, предположения, сомнения и др. Часто это создает впечатление о существовании некой таинственной силы, управляющей судьбой человека.

Как отметила Н.Д. Арутюнова, смыслы, вносимые частицей *как бы* и средства создания неопределенности имеют тенденцию к совместной встречаемости [10. С. 61—62], ср.: *он [Смердяков] был очень слаб, говорил медленно и как бы с трудом ворочая языком; очень похудел и пожелтел. <...> Скопческое, сухое лицо его стало как будто таким маленьким, височки были включены, вместо хохолка торчала вверх одна только тоненькая прядка волосиков. Но прищуренный и как бы на что-то намекающий левый глазок выдавал прежнего Смердякова (Братья Карамазовы) [Алеша] Но говорил он как бы вне себя, как бы не своей волей, повинаясь какому-то непреодолимому велению (Братья Карамазовы); со всеми произошло как бы нечто очень странное: ничего не случилось, и как будто в то же время и очень много случилось (Идиот).* Взаимная встречаемость подобных выражений

иногда приводит к последовательностям квазисинонимичных единиц, что создает эффект усиления семантики неопределенности: ср. *Какая-то как бы идея воцарилась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков* (Братья Карамазовы); *Ракитин этого не поймет, — начал он весь как бы в каком-то восторге* (Братья Карамазовы)<sup>2</sup>.

Восприятие мира персонажами Достоевского максимально усложнено, что приводит к использованию дискурсивных практик, ослабляющих любой высказываемый ими тезис. В ряде работ было показано, что частота использования грамматического фразеологизма *по крайней мере* существенно превосходит среднюю по XIX веку. Это связано с тем, что дискурсивная функция выражения *по крайней мере* состоит в ослаблении исходного тезиса — реального или гипотетического [15].

(1) **а.** Так что вдруг такое шутовство, которое обнаружил Федор Павлович, непочтительное к месту, в котором он находился, произвело в свидетелях, *по крайней мере* в некоторых из них, недоумение и удивление (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). **б.** Представлялось соображению, что если глава оскорбленной семьи все еще продолжает питать уважение к Версилкову, то, стало быть, нелепы или *по крайней мере* двусмысленны и распущенные толки о подлости Версилова (Ф.М. Достоевский. Подросток).

В примере (1а) в качестве тезиса выступает утверждение, что ‘шутовство произвело в свидетелях недоумение и удивление’. В ослабленном варианте пропозиция относится не ко всем свидетелям, а лишь к некоторым. В примере (1б) сильный вариант тезиса сводится к идее ‘нелепости толков о подлости Версилова’, а в слабом варианте говорится лишь о ‘двусмысленности’. Выражение *по крайней мере* встречается в текстах Достоевского 1209.

Еще одна характерная особенность лексики Достоевского — широкое использование слов с семантикой высокой степени проявления признака, указания на интенсивность действия, свойства или состояния: *ужасно, чрезвычайно, совершенно, неистово* и т.п., включая аномальные сочетания с интенсификаторами и тавтологии (см. [16]); ср.: *Неизмеримая злоба овладела Ганей, и бешенство его прорвалось без всякого удержу* (Идиот), *Князь глубоко удивился, что такое совершенно личное дело его уже успело так сильно всех здесь заинтересовать* (Идиот); *Он [Раскольников] очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они, в это мгновение, уже в квартире, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда как сейчас была заперта...* (Преступление и наказание).

Лексическая модель идиостиля естественно воплощается в словарном формате. Ср. проект «Словарь языка Достоевского», который задуман как серия словарей: идиоглоссарий, частотный, топонимов, фразеологизмов, афоризмов и др. Эти словарные источники с максимальной полнотой должны

<sup>2</sup> Повторы близких по семантике слов — квазисинонимов — также характерны для индивидуального стиля Достоевского (см. также приемы «насыщения» и «нанизывания» в художественной прозе, отмечаемые в [14]).

отразить идиостиль и мир писателя с точки зрения его лексикона. Основой серии является «Идиоглоссарий», включающий не все слова авторского языка, а только ключевые — идиоглоссы, характеризующие авторский идиостиль [11. С. 107].

Создан также «Статистический словарь языка Достоевского» [17]. Частотное распределение лексики Достоевского прослеживается по основным жанрам и периодам его творчества. Полученная статистическая информация позволяет, например, сделать вывод, что по всем жанрам в текстах Достоевского обладают высокими рангами глаголы *быть, знать, говорить, мочь, сказать, хотеть, думать, стать, видеть, писать, любить* и существительные *друг, человек, слово, время, день, рука, письмо, князь, деньги*, в то время как для художественных произведений набор частотных глаголов и существительных оказывается несколько иным — с точностью до одного-двух слов.

С количественной точки зрения интерес представляют не только полные слова, но и служебные части речи. Так, Ю.Н. Караулов заметил, что, по данным «Статистического словаря языка Достоевского», частица *бы* (как раз отвечающая за кажимость в *как бы* и представляющая сослагательное наклонение) встречается у Достоевского 16338 раз, что представляет контраст по отношению к данным по этой частице «Словаря языка Пушкина» — 1695, при том, что объем словника словаря Достоевского лишь на 30% превышает объем словника словаря Пушкина. Это Караулов объясняет тем, что Пушкин в первую очередь стремился к ясности и определенности, а для Достоевского характерна «сослагательность» мира, который находится в «некончающемся становлении»: Достоевскому свойственна «амбивалентность оценок», «двойственность суждений, сомнение в себе и в «другом» [12. С. 117].

К числу лексико-синтаксических особенностей относится отмечаемая у Достоевского тенденция к устранению агенса из субъектной позиции, что передает идею неуправляемости действия и подчиненность агенса внешней силе: *Ему как бы хотелось разгадать что-то... поразившее его...* (Идиот); *Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии...* (Идиот); *При этом оказалось, что ему ужасно желалось тоже сделать угодное Версильову, так сказать первый шаг к нему* (Подросток). В то же время в целях усиления данной тенденции в роли подлежащего может выступать «существительное, выражающее отвлеченное понятие (мысль, желание, идея и т.п.). При этом действие, выраженное личным глаголом, имеет метафорическое значение. В этих условиях личная конструкция становится семантически адекватной безличной» [18. С. 147], ср.: *Чрезвычайное, неотразимое желание... вдруг оцепенили всю его волю... мучительное любопытство соблазнило его.* <...> *Одна новая, внезапная идея пришла ему в голову...* (Идиот); *С того вечера он здесь не был и мимо не проходил. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его* (Преступление и наказание). Такие конструкции позволяют обратить внимание читателя на непостижимые силы, которые фатально управляют героями.



Н.Д. Арутюнова в связи с этим отмечает, что «персонажам Достоевского (или даже в них) что-то думается или что-то говорится, из них что-то вырывается, с их языка вырываются и слетают признания, мольбы и покаяния. Их постоянно куда-то без удержу несет и заносит, в них что-то бушует, загорается и разгорается, их что-то обуревают, они делают не то, что хотят, их действия обратны намерениям, их проявления неожиданны для окружающих» [10. С. 77]. Изображая героев, которые находятся под действием неуправляемых сил либо под властью идей, Достоевский концентрированно использует экспрессивную лексику, передающую глубину переживания героев, их страдание, в том числе от своей неуправляемости: *Уединение стало ему невыносимо; новый порыв горячо охватил его сердце, и на мгновение ярким светом озарился мрак, в котором тосковала душа его* (Идиот). В литературе отмечается также, что эмоции и чувства героев у Достоевского специально гиперболизированы, однако все же выражены так, чтобы не разрушить полностью правдоподобие повествования.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что в контексте синтаксических конструкций с семантикой неуправляемых действий часто встречается выражение *как бы*, осуществляющее функцию перехода из физического в психологический и даже метафизический план [10. С. 71—72]. Ср. диалог Дмитрия и Алеши из «Братьев Карамазовых»:

(2) — Алеша, говори мне полную правду, как пред господом богом: веришь ты, что я убил, или не веришь? Ты-то, сам-то ты, веришь или нет? Полную правду, не лги! — крикнул он ему исступленно.

*Алешу как бы всего покачнуло, а в сердце его, он слышал это, как бы произошло что-то острое.*

— Полно, что ты... — пролепетал он как потерянный.

— Всю правду, всю, не лги! — повторил Митя.

— Ни единой минуты не верил, что ты убийца, — *вдруг вырвалось дрожащим голосом из груди Алеши, и он поднял правую руку вверх, как бы призывая бога в свидетели своих слов.* Блаженство озарило мгновенно все лицо Мити.

### Синтаксическая модель идиостиля

В существующей литературе неоднократно обсуждался потенциал использования статистического распределения синтаксических конструкций для установления авторства текста (см., например, известное исследование И.П. Севбо [19]). Художественные тексты Достоевского уникальны в том отношении, что в них получила отражение естественная разговорная речь XIX века. Синтаксис реплик участников диалогов приближен к реальной коммуникации. Иными словами, в репликах сохраняются особенности разговорной речи и разговорного синтаксиса, в том числе:

— синтаксическая неполнота фраз (*Микстуру прочь и все прочь; а завтра я посмотрю... Оно бы и сегодня... ну, да...* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание));

— широкое использование обращений (*Матушка, Варвара Петровна, вы со мной точно с маленькою девочкой* (Ф.М. Достоевский. Бесы), *Ну, как ваш муж, моя милая Анна Николаевна?* (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон));

— маркеры хезитации (*Но... я тебе столько обязан... и я даже хотел...* (Ф.М. Достоевский. Подросток));

— широкое использование дейксиса (*Но боже мой! вот и князь!* (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон));

— лексические повторы (*Я... Я думала, так надо* (Ф.М. Достоевский. Бесы));

— в ряде случаев повторы концентрируются в нескольких следующих друг за другом репликах диалога (— *Поумнела ты, что ль, в эту неделю?* — *Не поумнела я в эту неделю, а, видно, правда наружу вышла в эту неделю.* — *Какая правда наружу вышла в эту неделю?* (Ф.М. Достоевский. Бесы));

— начальное положение рематической части высказывания, используемое для коммуникативного выделения: «*Станным и укоряющим взглядом поглядел он Гане прямо в глаза; Невыразимым взглядом глядел он на нее; Испуганными расширенными от страха зрачками глаз впилась она в него неподвижно; В невыразимой тоске дошел он пешком до своего трактира; В изнеможении сел он на диван <...>* Фразы с таким строением характеризуются общим для них интонационным рисунком: быстрый в начале подъем интонации и „пологий“ интонационный спад к концу фразы» [20. С. 124];

— парцелляция (— *Этого недоставало!* — *проговорил он задыхаясь, — ракаля, Фома, приживальщик, в помещики!* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели));

— использование частиц *ну* (3) и *да* (4), характерных для синтаксиса разговорной речи:

(3) **а.** Грибов да огурцов, разумеется, не давать, *ну* и говядины тоже не надо, и... *ну*, да чего тут болтать-то!.. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание) **б.** — *Ну*, уж верно, так, дядюшка? (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон). **в.** *Ну*, пусть там монах или пустынник, — а тут человек ходит во фраке, *ну*, и там все... и вдруг его мощи!;

(4) **а.** — Чего взъедаться? Слышите? На меня же ворчит, а мне и не взъедаться! — *Да* за что я буду ворчать? — *Да* что вы, сударь, в самом деле, пристали? Отстаньте, пожалуйста! — *Да* это Васильев? — спросил он с участием. — *Да* как он туда попал? (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели) **б.** — Что же вы знаете? Пожалуйста, поскорей! — *Да* что... — ухмыльнулся он ненужной улыбкой и запнулся... — сами видите. — Что вижу? *Да* ну же, говорите что-нибудь! — Тетя, *да* уж вы не сердитесь ли? — пролепетала она с какою-то легкомысленною игривостью (Ф.М. Достоевский. Бесы);

— метакомментарии, разрывающие повествование, ср. (5):

(5) — *Да*, как шар! Она так на воздухе и держится сама собой и кругом солнца ходит. А солнце-то на месте стоит; тебе только кажется, что оно ходит.

Вот она штука какая! А открыл это все капитан Кук, мореход... *А черт его знает, кто и открыл, — прибавил он полушепотом, обращаясь ко мне* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

### Нарративная модель идиостиля

Нарративная модель характеризует способы организации повествования, то есть оформление эпизодов и входящих в них сцен, последовательность эпизодов, то есть выстраивание их по временной оси или по каким-то другим закономерностям, связанным с художественным замыслом автора. Единицы нарративной модели — это компоненты сюжета и операции, которые производятся над этими компонентами (перемещение, элиминация фрагментов повествования, объединение эпизодов и сцен, введение одних компонентов сюжета в другие). Основные принципы нарративной модели обсуждаются в существующей литературе по теории грамматик сюжета (*story grammar*) [21—24] и работах по стратегиям повествования (*story-telling strategies*) [25].

Особенности повествования Достоевского широко обсуждались в существующей литературе (см., например, [7; 26; 27; 28. С. 487—611]). Отметим лишь одну характерную особенность построения повествования, которая заключается в «театральности» оформления сцен: рассказчик в тексте кратко вводит нового участника, после чего сразу следует диалог, развивающийся по модели пьесы. Наиболее характерна «театральность» действия для романа «Бесы», впрочем, этот прием используется и в других романах. В приводимых ниже примерах (6) и (7) диалог предваряется описанием появления нового участника — часто неожиданного, после чего рассказчик почти устраняется, предоставляя место персонажам:

(6) В это мгновение из соседних комнат опять послышался какой-то необычный шум шагов и голосов, подобный давешнему, и вдруг на пороге показалась запыхавшаяся и «расстроенная» Прасковья Ивановна. Маврикий Николаевич поддерживал ее под руку. — Ох, батюшки, насилу доплелась; Лиза, что ты, сумасшедшая, с матерью делаешь! — взвизгнула, она, кладя в этот взвизг, по обыкновению всех слабых, но очень раздражительных особ, все, что накопилось раздражения. — Матушка, Варвара Петровна, я к вам за дочерью! Варвара Петровна взглянула на нее исподлобья, полупривстала навстречу и, едва скрывая досаду, проговорила: — Здравствуй, Прасковья Ивановна, сделай одолжение, садись. Я так и знала ведь, что приедешь (Ф.М. Достоевский. Бесы);

(7) В это мгновение неслышно отворилась в углу боковая дверь, и появилась Дарья Павловна. Она приостановилась и огляделась кругом; ее поразило наше смятение. Должно быть, она не сейчас различила и Марию Тимофеевну, о которой никто ее не предупредил. Степан Трофимович первый заметил ее, сделал быстрое движение, покраснел и громко для чего-то возгласил: «Дарья Павловна!», так что все глаза разом обратились на вошедшую. — Как, так это-

то ваша Дарья Павловна! — воскликнула Марья Тимофеевна, — ну, Ша-тушка, не похожа на тебя твоя сестрица! Как же мой-то этакую прелесть крепостною девкой Дашкой зовет! (Ф.М. Достоевский. Бесы).

В примере (6) новый участник — Прасковья Ивановна — появляется по сценическим канонам: присутствующие персонажи слышат шум (как бы за сценой — *послышался какой-то необычный шум шагов и голосов*), после чего на сцене оказывается новый персонаж, немедленно начинающий говорить.

В примере (7) новый участник, наоборот, появляется практически незаметно — через боковую дверь. Замечает ее спустя некоторое время лишь один из персонажей — Степан Трофимович, после чего начинается обмен репликами, ведущий впоследствии к скандалу. Это тоже из канонических приемов введения героев в пьесе.

Еще одна характерная черта «театральности» оформления сцен — описание вводимого персонажа способами, напоминающими расширенные авторские ремарки в пьесе, ср. (8):

(8) Зосимов был высокий и жирный человек, с одутловатым и бесцветно-бледным, гладковыбритым лицом, с белобрысыми прямыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жиру пальце. Было ему лет двадцать семь. Одет он был в широком щегольском легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще все было на нем широко, щегольское и с иголочки; белье безукоризненное, цепь к часам массивная. Манера его была медленная, как будто вялая и в то же время изученно-развязная <...> (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

В приведенном примере облик персонажа концентрированно характеризуется повествователем, а затем сразу следует обмен репликами:

(9) — Я, брат, два раза к тебе заходил... Видишь, очнулся! — крикнул Разумихин. — Вижу, вижу; ну так как же мы теперь себя чувствуем, а? — обратился Зосимов к Раскольникову, пристально в него вглядываясь и усаживаясь к нему на диван, в ногах, где тотчас же и развалился по возможности. — Да все хандрит, — продолжал Разумихин, — белье мы ему сейчас переменили, так чуть не заплакал (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

В дальнейшем повествователь никогда не возвращается к подробной характеристике облика героя. Ср. также о портретных описаниях героев [29; 30].

## Модель интертекстуальных связей

Одно из относительно новых направлений исследования художественного текста — выявление интертекстуальных связей, то есть смысловых и формальных отсылок к другим текстам того же или других авторов. Совокупность отсылок такого рода можно назвать моделью интертекстуальных связей, которая тоже носит авторский характер. Последние могут быть проспективными и ретроспективными.

Так, П. Тамми [31] в поисках источника названия романа В. Набокова «Отчаяние» находит целую линию развития межтекстовых отношений. В самом

романе Набокова он находит отсылку к «Преступлению и наказанию» Достоевского, а именно в строках рассказчика Набокова, где тот иронизирует насчет этого романа: *«Дым, туман, струна звенит в тумане»*. *Это не стишок, это из романа Достоевского «Кровь и слюни». Пардон, «Шульд унд Зюне»*. И действительно, в романе Достоевского эта строка встречается в кульминационном месте, когда Порфирий Петрович высказывает Раскольникову свое мнение о его статье: *Дым, туман, струна звенит в тумане. Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность, в ней гордость юная и неподкупная, в ней смелость отчаяния*. В этих строках, как мы видим, как раз встречается слово *отчаяние*, которое стало названием романа Набокова. Сама же строка *Дым, туман, струна звенит в тумане* отсылает к последней записи в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя: *Вон небо клубится предо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане...* Вся эта полигенетическая линия свидетельствует еще и о том, что, как и Раскольников, задумавший и совершивший преступление, так и Герман в «Отчаянии», также задумавший и совершивший преступление, находятся в неадекватном психическом состоянии. Более того, Герман как рассказчик ищет адекватное заглавие своему роману, и прежде, чем остановится на «Отчаянии», планирует назвать свой опус «Записки...»: *...мне казалось, что я какое-то заглавие в свое время придумал, что-то начинающееся на «Записки...» — но чьи записки, — не помнил, — вообще «Записки» ужасно банально и скучно*. И тут организуется еще одна связь — уже с «Записками из подполья» Достоевского, в которых подпольный мемуарист пишет о наслаждении отчаяния: *Говорю серьезно: наверно, я бы сумел отыскать и тут своего рода наслаждение, разумеется, наслаждение отчаяния, но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда очень сильно сознаешь безвыходность своего положения*. В этих же записках находим запись мемуариста об отличии русских романтиков от немецких и французских («надзвездных»): *Европейская мерочка к нему не подходит. ... Наш романтик скорей сойдет с ума (что, впрочем, очень редко бывает), ... и в толчки его никогда не выгонят, а разве свезут в сумасшедший дом в виде «испанского короля», да и то если уж он очень с ума сойдет...* То есть снова имеем дело с отсылкой к «Запискам сумасшедшего» Гоголя — это запись от «Год 2000 апреля 43 числа»: *Сегодняшний день — есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я...* Таким образом, благодаря проспективным и ретроспективным интертекстуальным связям выстраивается линия Набоков ← Достоевский ← Гоголь.

### Заключение

Многообразие феномена идиостиля соответствует множество разных направлений его изучения. Рассмотренные модели идиостиля — это лишь отдельные направления, не исчерпывающие все аспекты этого сложного

явления. Это самые очевидные проявления индивидуальных особенностей использования языковой системы, которые исследовались в существующей литературе. Современные информационные технологии позволяют радикально модернизировать существующие модели идиостиля. Корпусный подход дает возможность каждую из рассмотренных моделей ввести в контекст точного научного знания. Так, лексическая модель при использовании репрезентативного корпуса приобретает черты естественнонаучных моделей, проверяемых по объективным законам — по законам статистики и теории вероятностей. Синтаксическая модель при использовании автоматических парсеров получает репрезентативный материал для выделения авторских особенностей синтаксической организации предложения. Пока меньше удается сделать в этом отношении для нарративной структуры и системы интертекстуальных связей.

Таким образом, современная лингвистическая теория и практика стремится к точности метода и создаваемых моделей (ср. начала этой тенденции в 60-х гг. XX в. [32]).

### Библиографический список

1. *Фатеева Н.А.* Идиостиль (индивидуальный стиль) // Энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: [www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/IDIOSTIL\\_INDIVIDUALNI\\_STIL.html](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html) (дата обращения: 10.01.2021).
2. *Золян С.Т.* К проблеме описания поэтического идиолекта // Известия АН СССР. Сер. литры и языка. 1986. Т. 45. № 2. С. 138—148.
3. *Блинкина М.М.* Возраст героев в романе Война и мир // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 1. С. 18—27.
4. *Падучева Е.В.* Семантика нарратива // Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 193—418.
5. *Фатеева Н.А.* Стих и проза как две формы существования идиостиля. Дис. ... докт. филол. наук, М., 1996.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.]. Ленинград: Наука, 1972—1990.
7. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002.
8. *Мозолева Д.А.* Способы репрезентации эмоциональной сферы персонажей романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1. С. 130—134.
9. *Федотова Е.Е.* Языковая репрезентация когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» в произведениях Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017.
10. *Арутюнова Н.Д.* Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М.: Наука, 1996. С. 61—90.
11. *Караулов Ю.Н.* Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М.: Лексрус, 2014. С. 107—114.
12. *Караулов Ю.Н.* От словаря языка писателя к познанию его мира // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М.: Лексрус, 2014. С. 115—131.
13. *Муминов В.И.* Особенности употребления классификаторов неопределенности признака в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология 2016. Т. 26. Вып. 6. С. 25—30.

14. *Лобов Л.П.* Из наблюдений над словесными приемами Достоевского // Сборник Об-ва ист., филолог., филос. и соц. наук при Пермском ун-те. 1927. Вып. 2. С. 6—13.
15. *Баранов А.Н.* Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (по крайней мере vs. по меньшей мере в художественных текстах Достоевского) // Слово Достоевского. М.: Азбуковник, 1996.
16. *Шаранова Е.В.* Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
17. *Шайкевич А.Я., Андриященко В.М., Ребецкая Н.А.* Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003.
18. *Симина Г.Я.* Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Изучение языка писателя. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 105—157.
19. *Севбо И.П.* Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. Киев: Наукова думка, 1981.
20. *Иванчикова Е.А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979.
21. *Prince G.* A grammar of stories. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
22. *Mandler J., Johnson N.* Remembrance of things parsed: story structure and recall // *Cognitive Psychology*. 1977. № 9. P. 111—151.
23. *Mandler J.* Stories, scripts, and scenes. Aspects of schema theory. London: Psychology Press, 1984.
24. *Олкер Х.Р.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1977. С. 408—440.
25. *Lehnert W.G.* Plot units: a narrative summarization strategy // *Strategies for natural language processing* / Ed. by Lehnert W.G., Ringle M.H. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1982. P. 375—412.
26. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
27. *Барит К.А.* Повествователь Достоевского: «Зеркальная наррация» и апостольское свидетельство // *Литературоведческий журнал*. 2007. № 21. С. 75—87.
28. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Художественная литература, 1961.
29. *Булгакова Н.О., Седельникова О.В.* Портрет Ставрогина: к вопросу об особенностях идиостиля Ф.М. Достоевского в романе «Бесы» // *Вестник науки Сибири*. 2015. Спецвыпуск (15). С. 235—239.
30. *Писарева К.В.* Поэтика детали в романах Ф.М. Достоевского 1860–80-х годов: гардероб действующих лиц. Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2017.
31. *Тамми П.* Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // *Проблемы русской литературы и культуры*. Хельсинки, 1992. С. 181—194.
32. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.

## References

1. Fateeva, N.A. Idiostyle (individual style) In *Krugosvet Encyclopedia*: URL: [www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/IDIOSTIL\\_INDIVIDUALNI\\_STIL.html](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html) (accessed: 10.01.2021). (In Russ.).
2. Zolyan, S.T. (1986). On the problem of describing the poetic idiolect (based on the poetry of L. Martynov). *News of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*, 45(2), 138—148. (In Russ.).
3. Blinkina, M.M. (1998). Age of heroes in the novel War and Peace. *News of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*, 57(1), 18—27. (In Russ.).
4. Paducheva, E.V. (1996). Semantics of Narrative In *Semantic research*. Moscow: Shkola “Jazyki russoj kul’tury”. pp. 193—418. (In Russ.).
5. Fateeva, N.A. (1996). *Verse and prose as two forms of idiostyle existence* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Dostoevsky, F.M. (1972—1990). *Complete works in thirty volumes*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

7. Bakhtin, M.M. (2020). Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Russian dictionaries, Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
8. Mozoleva, D.A. (2009). Representation of the emotional sphere of the protagonists of the novels "Idiot" and "Crime and Punishment" by F. Dostoevsky. *News of Higher Schools. Series "Humanities"*, 1, 130—134. (In Russ.).
9. Fedotova, E.E. (2017). *Linguistic representation of the cognitive-mental sphere "mental activity" in the works of F.M. Dostoevsky* [dissertation]. Krasnodar. (In Russ.).
10. Arutyunova, N.D. (1996). Dostoevsky's style in the frame of the Russian picture of the world In *Poetics. Stylistics. Language and culture. In memory of Tatyana Grigorievna Vinokur*. Moscow: Nauka. pp. 61—90. (In Russ.).
11. Karaulov, Yu.N. (2014). About Dostoevsky's Idioglossary In *Dostoevsky's Word 2014. Idiostyle and picture of the world*. Moscow: Leksrus. pp.107—114. (In Russ.).
12. Karaulov, Yu.N. (2014). From the dictionary of the writer's language to the knowledge of his world In *Dostoevsky's Word 2014. Idiostyle and picture of the world*. Moscow: Leksrus. pp. 115—131. (In Russ.).
13. Muminov, V.I. (2016). Peculiarities of the use of classifiers of indefiniteness of sign in the novel "Idiot" by F.M. Dostoevsky. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 26(6), 25—30. (In Russ.).
14. Lobov, L.P. (1927). From observations of Dostoevsky's verbal techniques. *Collection of the Ob-va ist., Philologist., Philos. and social Sciences at Perm University*, 2, 6—13. (In Russ.).
15. Baranov, A.N. (1996). Official words as an object of study of the author's lexicography (at least vs. at least in the literary texts of Dostoevsky) In *Dostoevsky's Word*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
16. Sharapova, E.V. (2018). *Abnormal compatibility of intensifiers in the language of F.M. Dostoevsky* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
17. Shaikovich, A.Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003). *Statistical Dictionary of the Dostoevsky Language*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
18. Simina, G.Ya. (1957). From observations of the language and style of the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" In *Studying the language of the writer*. Leningrad: Uchpedgiz. pp. 105—157. (In Russ.).
19. Sevbo, I.P. (1981). *Graphic presentation of syntactic structures and stylistic diagnostics*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.).
20. Ivanchikova, E.A. (1979). *The syntax of Dostoevsky's fictional prose*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Prince, G. (1973). *A grammar of stories*. The Hague, Paris: Mouton.
22. Mandler, J. & Johnson, N. (1977). Remembrance of things parsed: story structure and recall. *Cognitive Psychology*, 9, 111—151.
23. Mandler, J. (1984). *Stories, scripts, and scenes. Aspects of schema theory*. London: Psychology Press.
24. Olker, H.R. (1977). Fairy tales, tragedies and ways of presenting world history In *Language and modeling of social interaction*. Moscow: Progress. pp. 408—440.
25. Lehnert, W.G. (1982). Plot units: a narrative summarization strategy In *Strategies for natural language processing*, Lehnert W.G., Ringle M.H. (eds.). Hillsdale: Lawrence Erlbaum. pp. 375—412.
26. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
27. Barsht, K.A. (2007). Dostoevsky's Narrator: "Mirror Narration" and Apostolic Testimony. *Literary Journal*, 21, 75—87. (In Russ.).
28. Vinogradov, V.V. (1961). *Authorship problem and style theory*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.).
29. Bulgakova, N.O. & Sedelnikova, O.V. (2015). Portrait of Stavrogin: on the question of the peculiarities of F.M. Dostoevsky in the novel "Demons". *Journal of Wellbeing Technologies, Special issue* (15), 235—239. (In Russ.).



30. Pisareva, K.V. (2017). *The poetics of detail in the novels of F.M. Dostoevsky 1860s—80s: the wardrobe of the characters* [dissertation]. Smolensk. (In Russ.).
31. Tammi, P. (1992). Notes on polygeneticity in Nabokov's prose In *Problems of Russian literature and culture*. Helsinki. pp. 181—194. (In Russ.).
32. Апресян, Ю.Д. (1966). *Ideas and methods of modern structural linguistics*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).

#### **Сведения об авторах:**

*Баранов Анатолий Николаевич*, д.ф.н., проф., г.н.с. ИРЯ РАН. *Научные интересы*: лексическая семантика, фразеология, прикладная лингвистика, лингвистическая экспертиза; *e-mail*: baranov\_analoly@hotmail.com.

*Добровольский Дмитрий Олегович*, д.ф.н., проф., г.н.с. ИРЯ РАН и ИЯз РАН, аффилированный профессор Стокгольмского университета. *Научные интересы*: лексическая семантика, фразеология, сопоставительное изучение языков, корпусная лингвистика; *e-mail*: dobrovol'skij@gmail.com.

*Фатеева Наталья Александровна*, д.ф.н., проф., г.н.с. ИРЯ РАН. *Научные интересы*: лингвистическая поэтика, компьютерная лексикография, семиотика, поэтический язык; *e-mail*: nafata@rambler.ru.

#### **Information about the authors:**

*Anatoly N. Baranov*, PhD, professor, leading research scientist, Russian language institute of the RAS. *Research interest*: lexical semantics, phraseology, applied linguistics, forensic linguistics; *e-mail*: baranov\_analoly@hotmail.com. Scopus ID: 7201564992. WoS ID: J-7113-2017.

*Dmitrij O. Dobrovol'skij*, PhD, professor, leading research scientist, Russian language institute of the RAS, Institute of Linguistics of the RAS, Stockholm University. *Research interest*: lexical semantics, phraseology, contrastive linguistics, corpus linguistics; *e-mail*: dobrovol'skij@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4531-6968. Scopus ID: 6504265936. WoS ID: L-2871-2015.

*Natalia A. Fateeva*, PhD, professor, leading research scientist, Russian language institute of the RAS. *Research interest*: linguistic poetics, computer lexicography, semiotics, poetic language; *e-mail*: nafata@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-09161161. Scopus ID: 57208444464. WoS ID: AAF-4729-2019.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416  
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья

## «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы к «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий»)

Н.Л. Чулкина

Российский университет дружбы народов  
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6  
[chulkina-nl@rudn.ru](mailto:chulkina-nl@rudn.ru)

**Аннотация.** В статье дается лингвокультурологическое и семиотическое описание лексики, представляющей повседневность бедных героев Ф.М. Достоевского; используется методика построения текстового ассоциативного поля и понятие идиоглоссы. Ассоциативные текстовые поля выстраиваются, с одной стороны, вокруг базовых концептов повседневности — ДОМ / ЖИЛИЩЕ; ОДЕЖДА; ЕДА; ДЕНЬГИ, ДОЛГИ, ЗАЕМ; БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ; РАБОТА, ДЕЛО; и идиоглосс БЕДНОСТЬ; СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ; КРОТОСТЬ — с другой. Эти два «измерения» — фактологическое и прагматическое — позволяют реконструировать из текстов Ф.М. Достоевского концептосферу бедных персонажей, обнаружить те специфические идиосмыслы, которые заключены в исследуемой лексике. В Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова в отделе экспериментальной лексикографии под руководством члена-корреспондента РАН, профессора Ю.Н. Караулова уже много лет ведется работа по созданию «Словаря языка Ф.М. Достоевского». Параллельно издаются сборники статей — «Слово Достоевского», рассматриваемые как своеобразное «расширение» «Словаря языка Достоевского». Авторам сборника следует ориентироваться на общую направленность результатов исследования — решение интерпретационных, герменевтических задач. При этом важна также установка на выявление и описание «значимой» для толкования текстов Достоевского лексики, и прежде всего идиоглосс, т.е. таких лексических единиц, которые являются важными для понимания, для расшифровки и толкования смысла его произведений, для характеристики его авторского стиля (идиостиля), для воссоздания его картины мира, его общечеловеческих и национальных идеалов. Данная статья отражает концепцию «Словаря языка Ф.М. Достоевского»; автор надеется, что подобное описание может стать дополнительным материалом при создании соответствующих статей «Словаря языка Ф.М. Достоевского: Идиоглоссарий».

**Ключевые слова:** повседневность, базовые концепты повседневности, бедные персонажи Ф. Достоевского, текстовое ассоциативное поле, идиоглосса

### История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

© Чулкина Н.Л., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**Для цитирования:**

Чулкина Н.Л. «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 390—416. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416

UDK 811.161.1'374:821.161.1

Research article

## **“Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”)**

**Nina L. Chulkina**

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)  
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198  
chulkina-nl@rudn.ru

**Abstract.** The paper represents lingvo-cultural and semiotic description of the vocabulary, which introduces the everyday life of the poor characters of the F. Dostoevsky’s novels. In this case the procedure of the construction of text associative fields and the concept of idiogloss are used. Associative text fields are built, from one side, around the base concepts of daily activity — HOUSE/DWELLING; CLOTHING; FOOD; MONEY, DEBTS, LOAN; DISEASE, DEATH; WORK, BUSINESS; and idioglosses POVERTY; SHAME; FEAR; PRIDE, THE PINCHED PRIDE; GENTLENESS — on the other hand. These two “measurements” — semantic and pragmatic — make it possible to reconstruct on the texts of Dostoevsky the everyday world of poor characters, to reveal those specific idiosenses, which are concluded in the lexical items being investigated. Besides, the author hopes that such description can become additional material for the creation of the corresponding articles of the «Dostoevsky’s Language Dictionary», which is making now in the V.V. Vinogradov Russian Language University (Russian Science Academy). At the V.V. Vinogradov Russian Language University University of *Russian Science Academy* in the sector of experimental lexicography under the guidance of Corresponding Member of the Russian Science Academy, Professor Y.N. Karaulov, work on creation of the “F.M. Dostoevsky’s Language Dictionary” has been conducted for many years. At the same time, collections of articles are published — “The Word of Dostoevsky”, viewed as a kind of “extension” of “Dostoevsky’s Language Dictionary”. The authors of the collection should implement the overall thrust of the research results as a guide — the solution of interpretational, hermeneutic tasks. Meanwhile it is also important to identify and describe the vocabulary that is “significant” for interpretation of Dostoevsky’s texts and idioglosses in particular, i.e. such lexical units *that are important for understanding, for deciphering and interpreting of the meaning of his literary works, for characterizing his author’s style (idiostyle), for recreating his picture of the world, his universal and national ideals.*

**Keywords:** everyday life, F. Dostoevsky’s characters, vocabulary, text associative field, idiogloss

**Article history:**

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Culkina, N.L. (2021). “Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 390—416. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416

## Введение

Мир бедных героев Достоевского — одно из величайших открытий писателя — представляет и существенный фрагмент его картины мира. Поэтому обращение к реконструкции, лингвокультурологическому исследованию и описанию быта, повседневного существования этой категории персонажей художественных текстов Достоевского позволяет, как нам кажется, внести свой вклад в решение общей задачи составителей «Словаря языка Достоевского» [1].

В «Беседах о русской культуре» Ю.М. Лотмана есть фрагмент, в котором содержатся рассуждения о близости таких, казалось бы, взаимоисключающих понятий, как *быт* и *культура*. В качестве иллюстрации автор приводит такой пример: *«Макар Деушкин в „Бедных людях“ Достоевского изобретает особую походку, чтобы не были видны его дырявые подошвы. Дырявая подошва — реальный предмет; как вещь она может причинить хозяину сапог неприятности: промоченные ноги, простуду. Но для постороннего наблюдателя порванная подметка — это знак, содержанием которого является Бедность, а Бедность — один из определяющих символов петербургской культуры. И герой Достоевского принимает «взгляд культуры»: он страдает не оттого, что ему холодно, а оттого, что ему стыдно. Стыд же — один из наиболее мощных психологических рычагов культуры. Итак, быт, в символическом его ключе, есть часть культуры»* (выделено мной — Н.Ч.) [2. С. 10—11].

Именно этот вывод Ю.М. Лотмана и стал определяющим при попытке исследовать и описать в семиотическом и лингвокультурологическом аспекте повседневную жизнь бедных героев Достоевского. При этом была использована ранее разработанная методика — в качестве основных единиц описания принимать концепты, совокупность которых составляет концептосферу повседневности [3]. Однако если раньше для реконструкции мира современной русской повседневности использовались материалы «Русского ассоциативного словаря» [4] — коррелята обыденного языкового сознания *среднего русского* (нашего современника), то здесь делается попытка воссоздания концептосферы обыденного существования бедных героев Достоевского на базе художественных текстов писателя. То есть проделывается в некотором роде «обратная» процедура — построение текстовых ассоциативных полей и ассоциативных рядов на основе базовых концептов повседневности (ДОМ / ЖИЛИЩЕ); ОДЕЖДА; ЕДА; ДЕНЬГИ, ДОЛГИ, ЗАЕМ; БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ; РАБОТА, ДЕЛО), как бы «пропущенных сквозь» тесно связанные между

собой идиограммы — БЕДНОСТЬ; СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ; КРОТОСТЬ.

Итак, ключевыми для нас являются понятия *повседневность*, (*обыденность, быт*) и *бедность*; материалом исследования — тексты Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Преступление и наказание»).

Характерно сниженное, пренебрежительное отношение бедных персонажей к своей повседневной жизни. Так, о Раскольникове, как бы читая его мысли, автор говорит, что он не желает слушать *всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела...* [6. С. 7]. Мармеладов прерывает рассказ о своей жизни замечанием: *... я только беспокою вас глупостями всех этих мизерных подробностей домашней жизни моей...* [6. С. 19]. Оценивая повесть Н.В. Гоголя «Шинель», Макар Деушкин определяет ее как *пустой какой-то пример из повседневного, подлого быта* [5. С. 7].

Обратимся теперь к конкретным концептам, составляющим концептосферу обыденности избранных нами персонажей художественных произведений Достоевского.

Один их важнейших концептов повседневности — ДОМ / ЖИЛИЩЕ. Каково же смысловое наполнение этого концепта в мире бедных героев Достоевского? Ответ на этот вопрос можно найти уже в именовании данного понятия. Так, Макар Деушкин, описывая свое жилище, называет его *трущобой, конурой, номером сверхитатным*. Квартира Родиона Раскольникова — это *каморка*, которая *приходилась под самую кровлей и более походила на шкаф, чем на квартиру*. В другом месте романа Раскольников так видит свою квартиру: *Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид со своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко* [6. С. 22]. Мать Раскольникова называет его квартиру *дурной*, похожей на *гроб* [6. С. 7, 147]. Комната Сони Мармеладовой *походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое* ([6. С. 200].

Таким образом, ряд именовании жилища: *конура — трущоба — номер сверхитатный — каморка — клетушка — сарай — шкаф — гроб* включает в себя существительные, семантика которых содержит негативную коннотацию. Именование *номер сверхитатный* — контекстный синоним слова *комната* — также экспрессивно заряженная лексическая единица, в которой выражено горько-ироническое отношение героя к своему жилищу — отгороженному углу при общей кухне.

В описании жилища наиболее частотными ассоциатами являются и такие слова, как *коридор, лестница и стены*. В доме, где квартирует Макар Деушкин, *коридор длинный, совершенно темный и нечистый* [5. С. 8]; *черная лестница винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, а стены такие жирные, что рука прилипает, когда на них опираешься* [5. С. 13]. Мармеладовы живут в доме, где *лестница чем дальше, тем темнее... наверху*

лестницы **очень темно**; несло **воню** и поднимались волны табачного дыма [6. С. 21].

Вообще **грязь, сор и беспорядок** — неперенные атрибуты бедных жилищ. Так, Макар Девушкин, о своей квартире, где он занимает уголок в кухне, говорит: *Порядку не спрашивайте — Ноев ковчег!*» [5. С. 8]; там же, на лестнице, на каждой площадке ... лоханки стоят со всякою **нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями** [5. С. 13]. В комнате Мармеладовых все было разбросано в **беспорядке** [6. С. 20]. О комнате Раскольниковва читаем: *Трудно было более опуститься и обнеряшиться* [6. С. 23].

**Обстановка, мебель** бедняков также имеют свои «приметы». Минимум мебели в комнате Макара Девушкина: *кровать, стол, комод, стульев парочка* [5. С. 9]. В комнате Раскольниковва *мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, <...> неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову... без простыни, с одною маленькою подушкой в головах, под которую подкладывал все, что имел белья, чистого и заношенного, чтобы было повыше изголовье* [6. С. 22—23]. Не лучше и обстановка в комнате Мармеладовых: *Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной. Все было разбросано и в беспорядке. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашеный и ничем не покрытый* [6. С. 20]. Та же картина и у Сони Мармеладовой: *Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам... Бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок* ([6. С. 200].

Как видим, бедность проступает как в самом «наборе» вещей, составляющих обстановку жилья (*стол, стул, кровать, комод*), так и в состоянии этих предметов (*старый, поломанный, не совсем исправный, ободранный, ничем не покрытый, простой, истасканный, обшмыганный* — таков список определений, характеризующих обстановку жилищ бедных героев Достоевского и входящих в соответствующие ассоциативные ряды.

**ОДЕЖДА** — гипероним, позволяющий выделить особую группу лексических единиц со своим ассоциативным полем. Вспомним, как описывает Достоевский одежду Макара Девушкина, вернее, как сам герой описывает ее: *сквозь одежду голые локти светятся (локти продраны); из сапога голые пальцы торчат (сапоги-то у меня больно худы); пуговики на ниточках болтаются (да и пуговок нет); я одет неприлично!* [5. С. 50—52]. Его бедный сосед Горшков *ходит в таком засаленном, в таком истертом платье, что больно смотреть. Жена его ходит, бедная, в таком жалком отрепье...* [5. С. 34]. Отец бедного студента Покровского — *старичок, запачканный, дурно одетый ... тихонько проходил в комнату, снимал свою шинельку, шляпу, которая вечно у него была измятая, дырявая, с оторванными полями...* [5. С. 20]. Раскольников был *до того худо одет, что иной, даже и*

привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких **лохмотьях** на улицу. <...> **Шляпа ... была вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей, и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону** [6. С. 8]. Мармеладов одет был в **старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами**. Из-под нанкового жилета торчала **манишка, вся скомканная, запачканная и залитая...** Он подтирал иногда обеими руками голову, положе **продранные локти** на залитый и липкий стол. У его жены, Катерины Ивановны, **платьев нет никаких**. Таким образом, и концепт **одежда** является аттрактом ассоциатов, образующих вокруг него специфические лексические ряды: *одет неприлично; худо одет; локти светятся (продраны); сапоги худы;* прилагательные, характеризующие одежду бедных персонажей — *старый, засаленный, дырявый, изношенный, запачканный, продранный, в пятнах, с осыпавшимися пуговицами;* часто встречающееся существительное **лохмотья**.

Другой гипероним — ЕДА, ПИЩА — также обладает способностью объединять лексику, особым образом характеризующую быт бедных героев Достоевского. Собственно, самым частотным является как раз указание на ее отсутствие: Макар Девушкин **чай пивал не всегда**; Раскольников **второй день как уже почти совсем ничего не ел** [6. С. 8]; **квартирная хозяйка его две недели как уже перестала ему отпускать кушанье...** он сидел **без обеда** [6. С. 23]; в семье Мармеладова всегда **ребятишки голодные** [6. С. 16]. А если и есть еда, то необычайно скудная: **каша без масла; простой кусок хлеба**, подчас даже **черствый; чай спитой** [5. С. 32].

Понятно, что у бедных сложные отношения с ДЕНЬГАМИ. И наиболее частотны у Достоевского контексты, в которых встречаются ассоциаты **долги, заем денег**.

Макар Девушкин пишет Вареньке Добросёловой: *Не скрою от вас, что убивают меня долги мои...* [6. С. 47]; *Беда не занять! Хозяйка меня чуть с квартиры не гонит и обедать мне давать не соглашается* [6. С. 52]; **недостатки страшнейшие, долги** [6. С. 54]. Рассказывая историю своей жизни, Варенька Добросёлова сообщает, что у ее отца *дела не удавались, долгов было пропасть; только что скончался батюшка, кредиторы явились к нам как из земли, нахлынули гурьбою. Все, что у нас ни было, мы отдали* [6. С. 18]. Раскольников **был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться** [6. С. 7]. Мармеладов задает вопрос Раскольникову: *...случалось вам... ну хоть испрашивать денег займы безнадежно?* [6. С. 14]. Дуня Раскольниковы, *вступив в дом гувернанткой, взяла вперед целых сто рублей, под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом* [6. С. 25].

Таким образом, выстраивается ряд ассоциатов, связанных с названными реалиями: **деньги — долги — должен — занять (испрашивать денег займы) расплатиться с долгом — кредиторы — жалованье**.

Есть у бедности и свои ЗАПАХИ: **немного гнилой, остро-ослащенный**, от которого даже **чижики так и мрут ... не живут в нашем воздухе да и**

*только* [5. С. 13]; *нестерпимая вонь из распивочных*, преследующая Раскольникова; в самой распивочной *дурно пахло* от еды и *все было ... пропитано винным запахом*. С лестницы в доме Мармеладовых тоже *несло вонью* [6. С. 21].

Естественно, что подобные условия жизни порождают БОЛЕЗНИ и приводят к СМЕРТИ в раннем возрасте. Описание этих эпизодов у Достоевского отличается особенной пронзительностью. Письма Вареньки Добросёловой пестрят признаниями в собственном нездоровье или болезнях близких: *Я сегодня чувствую себя очень нездорово. Во мне жар и озноб попеременно.* <...> *...ужасно нездоровится.* <...> *Я сегодня опять больна; вчера промочила ноги и оттого простудилась; Федора тоже чем-то больна, так что мы обе теперь хворые.* О болезнях и смерти своих родителей Варенька пишет: *Мне было только четырнадцать лет, когда умер батюшка. Заботы, огорчения, неудачи измучили бедного батюшку до крайности: он стал недоверчив, желчен; начал пренебрегать своим здоровьем, простудился и вдруг заболел, страдал недолго и скончался так внезапно, так скоростипажно, что мы все несколько дней были вне себя от удара* [5. С. 18].

*А как можно было мучить бедную матушку? Глядя на нее сердце разрывалось, бывало: щеки ее ввалились, глаза ввали, в лице был чахоточный цвет.* <...> *Матушка страдала изнурительною болезнью.* <...> *Несколько дней спустя матушка вдруг сделалась опасно больна. Она уже два дня не вставала с постели и на третью ночь была в жару и бреду* [5. С. 24]. Тяжелые воспоминания связаны у Вареньки и с болезнью и смертью ее друга студента Покровского. Здесь тот же ряд слов: *чахоточный, слег в постель, с которой не вставал уже более; он редко был в памяти; часто был в бреду; он был почти все время в беспамятстве.* Описание смерти и похорон молодого человека включает ряд слов и словосочетаний, которые часто встречаются в исследуемых текстах Достоевского при описании аналогичных ситуаций: *в последнюю ночь он был как иступленный; он умер в глубокую осень, в конце октября; день был печальный и грустный, как угасающая бедная жизнь умирающего; [небо] было такое дождливое, хмурое, грустное; умирающий взглянул на меня грустно-грустно и покачал головою. Через минуту он умер; купили гроб простой-простой* [5. С. 30]. Приблизительно тот же набор ассоциатов слова *смерть* и в описании Макаром Деушкиным смерти ребенка семьи Горшковых — его соседей по квартире: *Сегодня, в пятом часу утра, умер у Горшкова маленький.* <...> *У них уж и гробик стоит — простенький, но довольно хорошенький гробик; готовый купили* [5. С. 34]. Описание болезни Родиона Раскольникова также включает ряд лексических единиц, всегда сопровождающих подобные эпизоды у Достоевского: *Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во все время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием* [6. С. 77].

Итак, текстовое ассоциативное поле слова *болезнь*: *нездоровится, нездорова, чем-то больна, всегда больная, хворая, простудилась и заболела,*



*изнурительная, опасная, чахоточный, беспмятство, полусознание, бред, жар, озноб, лихорадочное состояние.*

Со **смертью** ассоциативно связаны слова: *умер, скончался, угасающая бедная жизнь умирающего; похороны; отпевание; гроб простой-простой, гробик простенький.*

СЕМЬЯ также один из базовых концептов повседневности. В описании мира семьи Достоевский достигает невероятного, предельного психологического накала, обнажения чувств, противоречий и конфликтов. Именно в семейных отношениях персонажи его произведений проявляют себя наиболее ярко. Семейные драмы, разумеется, разыгрываются и в домах богатых людей. Однако для бедных героев Достоевского семья — это и единственное пристанище, и связь любящих друг друга родных людей, и тяжелая ноша одновременно. Так, читатель «Преступления и наказания» становится свидетелем повседневной жизни двух бедных семей: Раскольников и Мармеладовых. О жизни матери и сестры Раскольникова, об отношениях их друг к другу и к нему становится известно, когда Родион получает письмо матери. В этом письме и в реакции на него Раскольникова можно выделить два ряда ассоциатов: первое ассоциативное поле объединяется словом-идиоглоссой ЛЮБОВЬ; для второго ключевыми словами можно считать БЕДНОСТЬ, СТРАДАНИЕ и ОТЧАЯНИЕ. Действительно, слова *любовь, люблю, любит, люби* повторяются на двух страницах письма несколько раз, наряду с другими словами этого поля: *обнимаю, целую, с каким счастьем прижму я тебя к своему сердцу; Дуня велела тебя обнять крепче и переслать тебе бесчисленно поцелуев* [б. С. 24—30]. Однако особенностью контекстного употребления идиоглоссы ЛЮБОВЬ и сопряженных с ней ассоциатов является «болезненность» этого чувства. Это не любовь-радость или любовь-счастье, а любовь-боль. Так, получив письмо от матери, Родион Раскольников *даже побледнел, принимая его.* <...> *И еще что-то другое вдруг сжало ему сердце; Письмо дрожало в руках его; ему хотелось остаться наедине с этим письмом.* <...> *он быстро поднес его к губам и поцеловал; потом долго еще вглядывался в почерк адреса, в знакомый и милый ему мелкий и косенький почерк его матери* [б. С. 24]. *Почти все время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез; но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась по его губам. ... Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли.* <...> *Письмо матери его измучило»* [б. С. 30]. Сознание собственной беспомощности и неспособности помочь матери и сестре, уберечь сестру от унижительного брака с Лужиным доводит Раскольникова до полного отчаяния: *Да в десять-то лет мать успеет ослепнуть от косынок, а, пожалуй, что и от слез; от поста исчахнет; а сестра? Ну, придумай-ка, что может быть с сестрой через десять лет али в эти десять лет? Догадался?*

*Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением. Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а*

*старые, наболевшие, давнишние. Давно уж как они начали его терзать и истерзали ему сердце* [б. С. 33]. Жертвенная любовь сестры и матери прочитывается в каждой строчке письма. Здесь, с одной стороны, такие обращения, как *милый мой Родя, милый друг мой, бесценный мой Родя, ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше*, а с другой — «правдивый», но тяжелый, ранящий душу Родиона Раскольников рассказ о злключениях и страданиях близких ему людей и о том решении, которое приняли мать и сестра, желающие спасти своего «милого Родю». Узнав о том, что Дуня собирается выйти замуж за человека, которого она не только не любит, но и не уважает, Раскольников едва не теряет рассудок. *Да что вы в самом деле обо мне-то подумали? Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать! Не принимаю!* — выкрикивает он, шагая по улице.

Как уже было сказано выше, второе ассоциативное поле, которое может быть реконструировано на базе письма матери Раскольникова, образуется вокруг понятий БЕДНОСТЬ, СТРАДАНИЕ, ОТЧАЯНИЕ. В самом деле, повествование о повседневных заботах и тяготах жизни сопровождается в письме Пульхерии Раскольниковой сыну такими словами, как: *сама страдала, была в отчаянии; Дунечке было очень тяжело; можешь представить себе все ее страдания; я сама была в отчаянии; в душе такое горе; как гнусно с его стороны мучить и делать несчастною и без того уже несчастною и беззащитную девушку; ты очень был бы несчастлив* [б. С. 24—26]. Такое тяжелое состояние вызвано бедностью, зависимостью от чужих людей и невозможностью помочь сыну.

Те же чувства испытывают все члены семьи Мармеладовых. Сам Мармеладов, рассказывая свою историю жизни Раскольникову, под конец *хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал. Этот кабак, развращенный вид его, пять ночей на сенных бараках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку* [б. С. 18]. Сонечка Мармеладова — тоже *жертва тяжелых обстоятельств*. Она продает себя, чтобы спасти семью от голода и нищеты. Кстати, именно в рассказе о семье Мармеладовых Достоевский употребляет это слово — *нищета*. А Мармеладов в своем известном монологе разводит два понятия — «бедность» и «нищета», разрушая в сознании читателя привычное представление об их синонимичности: *Бедность не порок. Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с* [б. С. 13]. Катерина Ивановна — жена Мармеладова — персонаж, в котором страдание доведено до предела, до болезни физической и душевной. Нищета и плач вечно голодных детей, пьянство мужа доводят ее до иступления. Но даже в самом отчаянном положении она старается сохранить независимость и видимость прочности семьи. Вспомним, как ведет себя Катерина Ивановна, когда Мармеладов вновь получает работу.

Тяга к семье, к обретению близких людей толкает Макара Деушкина к жертвенности: он залезает в долги ради того, чтобы помочь Вареньке

Доброселовой, которую он полюбил, как дочь. И чувство присутствия в его жизни этой девушки спасает его от одиночества в этом мире. *Я никогда моих дней не проводил в такой радости. Ну, точно домком и семейством меня благословил Господь! Дочка вы моя, хорошенькая! <...> живу вдвойне, потому что и вы тоже живете весьма близко от меня и на утеху мне* [5. С. 34]. Привязанность Вареньки к Макару Девушкину также очевидна, но чаще она носит болезненный характер из-за чувства неловкости оттого, что она не может по состоянию здоровья много работать и тем самым быть полезной в их дружбе. *Разве я не вижу, что вы на меня разоряетесь, последнюю копейку ребром ставите да на меня ее тратите. <...> Пишете вы, что последнее продадите, а меня в нужде не оставите. Верю, друг мой, я верю в ваше доброе сердце... Вы знаете — я больная всегда; я не могу так же, как и вы, работать. Я только привязана к вам всею душою, люблю вас крепко, сильно, всем сердцем, но — горькая судьба моя! — я умею любить и могу любить, но только, а не творить добро, не платить вам за ваши благодеяния* [5. С. 40—41].

Таким образом, концепт СЕМЬЯ в рассматриваемых текстах Достоевского ассоциативно связан с идиоглоссами *любовь, привязанность* и *страдание и отчаяние*, вызванные *бедностью* героев.

Кроме семьи, РАБОТА, ДЕЛО для бедных героев Достоевского — тот спасательный круг, который позволяет им держаться на плаву, не скатываться в пропасть отчаяния, сохранять человеческое достоинство. Особенно ярко это проявляется в отношении к службе Макара Девушкина: *Состою я уже около тридцати лет на службе; служу безукоризненно, поведения трезвого, в беспорядках никогда не замечен. <...> Уважаем начальством* [5. С. 44]. Всякий раз радуется появлению работы Варенька Добросёлова: *Федора достала себе и мне кучу работы, и мы привесело принялись за дело; может быть, и все поправим* [5. С. 50]. Товарищ Раскольников по университету Разумихин *был очень беден и решительно сам, один, содержал себя, добывая кой-какими работами деньги, Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется, заработком* [5. С. 37—38]. Напротив, отсутствие работы, дела выбивает почву из-под ног бедных людей, приводит к депрессии, болезням и даже к смерти.

Обратимся теперь ко второму, прагматическому измерению концептосферы повседневности бедных героев Достоевского, о котором упоминалось в начале статьи. А именно о том, что концепт-идиоглосса БЕДНОСТЬ «сопряжен» в текстах Достоевского с идиоглоссами СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ И КРОТОСТЬ.

Следует отметить, что слова *бедность, бедный* уже получили подробное описание в первом томе «Словаря языка Достоевского», который назван авторами «Идиоглоссарий». В соответствующих словарных статьях отмечена и частотность данных идиоглосс в художественных текстах писателя. Так, идиоглосса *бедный* встречается в художественных произведениях

Достоевского 397 раз, а существительное **бедность** — 76 раз. В рассматриваемых нами текстах идиоглосса **бедность** «собирает» вокруг себя две группы ассоциатов. Во-первых, это однокоренные слова, называющие это социальное состояние героев: *бедный, бедные, бедняк, бедность, бедно*.

Во-вторых, это словосочетания со значением ‘носитель признака ‘бедность’’: *бедный студент, бедные люди, бедные родственники, бедный старик, бедный молодой человек*. Некоторые из этих словосочетаний стали устойчивыми (*бедный студент, бедные родственники*).

Однако наибольший интерес вызывают именно названные выше пары идиоглосс. Рассмотрим их поочередно.

**БЕДНОСТЬ — СТЫД.** Эта пара концептов-идиоглосс, как уже отмечалось, является знаковой. Стыдятся бедности и ее материальных проявлений все задавленные этим положением герои рассматриваемых нами произведений Достоевского. Так, Макар Девушкин замечает, что *чаю не пить как-то стыдно* [5. С. 9]; *В присутствии-то я сегодня сидел таким медвежонком, таким воробьем оципанным, что чуть сам за себя со стыда не сгорел. Стыдненько мне было, Варенька! Да уж натурально робеешь, когда сквозь одежду голые локти светятся, да пуговицы на ниточках мотаются, — признается он своей подопечной* [5. С. 50]; Мечтая получить денег взаймы у некоего Петра Петровича, Макар Девушкин пишет своей Вареньке: *жутко даже на месте сидеть...Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходят; ну, сохрани боже, бросят взор на меня да приметят, что я одет неприлично! А у них главное — чистота и опрятность. Они-то, пожалуйста, и ничего не скажут, да я-то от стыда умру». Жить, Варенька, совестью!* <...> *Стыдно мне, совсем застыдился* [5. С. 51], — пишет Макар Девушкин своей подопечной.

Слова-ассоциаты концепта-идиоглоссы **стыд** составляют несколько групп:

В первую группу входят однокоренные слова: *стыд, стыдиться, застыдиться, стыдненько*.

Вторая группа — это лексические единицы, являющиеся синонимами или квазисинонимами слов первой группы: *срам, срамно, совестно, смутиться, смешаться, застенчива, робкий*.

Третья группа — слова, описывающие внешние проявления чувства стыда: */по/краснеть, сидел таким междвежонком, таким воробьем оципанном*.

Можно предположить, что подобные ассоциативные поля характерны вообще для любых текстов. Особенность же «поведения» рассматриваемой идиоглоссы в произведениях Достоевского о бедных людях состоит в том, что чувство стыда они испытывают именно из-за своей бедности. Множество контекстов употребления этого концепта доказывают это положение.

**БЕДНОСТЬ—СТРАХ.** Своеобразное продолжение и расширение концепта **стыд** — концепт-идиоглосса **страх**, который также образует

ассоциативное поле, включающее разнообразные лексические единицы. Однако контекстная особенность данной идиоглоссы у Достоевского — это то, что страх, который испытывают герои, не является страхом перед физической силой, это чувство опять же «моральное»: страх осуждения, насмешки со стороны других. Ибо другие (начальство, квартирная хозяйка, бывшие друзья, да и просто случайные прохожие на улице) — всегда потенциальные или реальные обидчики (ведь обидеть бедного человека так легко!). Вспомним уже приведенную в качестве примера фразу из «Преступления и наказания»: Раскольников *был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться* [6. С. 7]. Буквально «закован в страх» Макар Деушкин. И он боится, что *другие* («его превосходительство», некий воображаемый «господин, который идет к ресторану») заметят и осудят его бедность: *... мне без пуговок быть нельзя; а у меня чуть ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могут такой беспорядок заметить да скажут — да что скажут! Я, маточка, и не услышу, что скажут; ибо умру, на месте умру, так-таки возьму и умру от стыда, от мысли одной!* [5. С. 53—54]. А после прочтения гоголевской «Шинели» к этому списку «других» прибавляются еще и писатели: *«Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чего не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе насквиль сработают, Да тут и на улицу нельзя показаться будет* [5. С. 45]; Рассказывая горестную историю о том, как он ходил к Петру Петровичу просить денег взаймы, Макар Деушкин пишет: *... я, скрепившись и спрятав свой стыд в дырявый карман, направился к Петру Петровичу и надежды-то полон и ни жив ни мертв от ожидания — все вместе* [5. С. 53].

В эпизоде, где Макар Деушкин рассказывает Вареньке о том, как пропустил при переписывании бумаги целую строчку и как предстал за это перед его превосходительством, три концепта-идиоглоссы — *бедность, стыд и страх* — тесно переплетаются, передавая глубину переживаний героя. *Задрожало у меня сердце в груди*, и уж сам не знаю, чего я *испугался*; только знаю то, что я так *испугался*, как никогда еще в жизни со мной не было. *Я прирос к стулу*. <...> *Я помертвел, оледенел, чувств лишился*, иду — ну, да уж просто *ни жив ни мертв* отправился. <...> кажется, не поклонился, позабыл. *Оторопел* так, что и *губы трясутся и ноги трясутся*. <...> *Я горел, я в адском огне горел! Я умирал! <...> Я вздрогнул, вся душа моя потряслась* [5. С. 67—68].

Таким образом, пара идиоглосс **БЕДНОСТЬ—СТРАХ** объединяет вокруг себя целый ряд ассоциатов, представляющих собой синонимы и контекстные синонимы, выраженные как самостоятельными словами (*боялся, трепещу, скрываюсь, прячешься, робеешь, испугался, оторопел, вздрогнул, приник, присмирел, помертвел, оледенел*), так и устойчивыми оборотами (*вхожу бочком-бочком; боишься нос показать; на улицу нельзя показаться*

*будет; ни жив ни мертв, ежом сижу, уши прижал; к стулу прирос; в адском огне горел; чувств лишился; вся душа моя потряслась).*

Особенностью мира бедных героев Достоевского является то, что постоянное унижительное положение порождает в них несколько преувеличенную и даже болезненную *гордость*, обнаруживает *ущемленное самолюбие*. И в текстах двух анализируемых произведений эта пара идиоглосс — **БЕДНОСТЬ—ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ** — также несет колоссальную смысловую нагрузку и образует свое мощное текстовое ассоциативное поле. Так, в «Бедных людях» Макара Девушкин заявляет: *Я никому не в тягость! У меня кусок хлеба есть свой; правда, простой кусок хлеба, подчас даже черствый; но он есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну что ж делать! Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь! Я работаю, я пот проливаю. Я сознаю теперь, что я нужен, я необходим и что нечего вздором человека с толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приносит, да за крысу-то эту держатся, да крысе-то этой награждение выходит, — вот она крыса какая!* [5. С. 32—33]. В другом письме Вареньке читаем: *Состою я уже около тридцати лет на службе; служу безукоризненно, поведения трезвого, в беспорядках никогда не замечен. Как гражданин, считаю себя, собственным сознанием моим, как имеющего свои недостатки, но вместе с тем и добродетели. Уважаем начальством, и сами его превосходительство мною довольны* [5. С. 44]; Такая «самохарактеристика» нужна Макару Девушкину, чтобы оправдаться прежде всего перед самим собой, поддержать в себе чувство собственного достоинства. Как он сам пишет об этом в другом письме: *Ведь для людей и в шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для них же носишь. Сапоги в таком случае <...> нужны мне для поддержки чести и доброго имени; в дырявых же сапогах и то и другое пропало* [5. С. 52].

О Раскольникове Достоевский пишет: *Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей; был он очень беден и как-то надменно горд и необщителен* [6. С. 37].

Особенно остро болезненность гордости и ущемленного самолюбия проявляются у Катерины Ивановны Мармеладовой. Сам Мармеладов о ней говорит: *...дама горячая, гордая, непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит* [6. С. 15]. Наивысшая точка «накала» этих чувств обнаруживается во время поминок после похорон Мармеладова. Как бы рассуждая и пытаясь объяснить читателю, зачем были затеяны сами эти «бестолковые поминки», Достоевский пишет: *Может быть, тут всего более имела влияние та особенная гордость бедных, вследствие которой, при некоторых общественных обрядах, обязательных в нашем быту для всех и каждого, многие бедняки таращатся из последних сил и тратят последние сбереженные копейки, чтобы только быть «не хуже других» и чтобы «не осудили» их как-нибудь те другие. Весьма вероятно и то, что*

Катерине Ивановне захотелось, именно при этом случае, именно в ту минуту, когда она, казалось бы, всеми на свете оставлена, показать всем этим «ничтожным и скверным жильцам», что она не только «умеет жить и умеет принять», но что совсем даже не для такой доли и была **воспитана, а воспитана была в благородном, можно даже сказать, в аристократическом полковничьем доме. Эти пароксизмы гордости и тщеславия** посещают иногда самых бедных и забытых людей и, по временам, обращаются к ним в раздражительную, неудержимую потребность. А Катерина Ивановна была сверх того и **не из забытых**; ее можно было совсем убить обстоятельствами, но **забить ее нравственно, то есть запугать и подчинить себе ее волю, нельзя было** [6. С. 239]. Таково объяснение Достоевского. И, действительно, каждая реплика героини выдает оскорбленное самолюбие, желание утвердить собственное достоинство. Слова *благородная дама, аристократическая семья, аристократический дом, полковничья дочь, дворянские дети*, а также *гордость, достоинство, благородство*, многократно повторяемые Катериной Ивановной, и та реальность, в которой они звучат, обнажают и доводят до пафоса трагедию героини и ее семьи.

Однако гордость и ущемленное самолюбие иногда сочетаются у бедных героев Достоевского с КРОТОСТЬЮ, порой доходящей до самоуничужения. Итак, последняя пара концептов-идиоглосс, которая была рассмотрена в рамках избранной темы, — это **БЕДНОСТЬ—КРОТОСТЬ**. Самыми яркими «кроткими» персонажами двух романов являются Макар Девушкин и Соня Мармеладова. Герой «Бедных людей» говорит о себе: *...жил таким глухарем, смирно, тихо; я не ропщу и доволен; я неприхотлив*» [5. С. 8—9]. И в другом письме читаем: *«Я смиренный человек, потому что я маленький человек»* [5. С. 32]. Прочитав «Шинель» Гоголя, Макар Девушкин возмущено пишет своей подопечной: *Как! Так после этого и жить себе смирно нельзя, в уголочке своем, жить водой не замуля, по пословице, никого не трогая, зная страх Божий для себя самого, чтобы и тебя не затронули...* [5. С. 44]. И далее: *Всякое состояние определено Всевышним на долю человеческую. Тому определено быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно и в страхе повиноваться* [5. С. 43—44]. *Я всегда делал так, как будто бы меня и на свете не было* [5. С. 67].

Описывая Раскольникову свою дочь Соню, Мармеладов говорит: *безответная* она, и *голосок* у нее такой *кроткий*... [6. С. 16]. Соня отдала последние деньги отцу на похмелье и *ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...* *Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!* [6. С. 19]. Умирая, Мармеладов вдруг узнал ее, *приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься с умирающим отцом* [6. С. 120]. И, конечно же, памятные слова Раскольникова: *Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые! Зачем они не плачут? Зачем они не стонут? Они все отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!* [6. С. 175].

Проведенный анализ двух художественных текстов позволяет выстроить концептосферу повседневной жизни бедных героев Достоевского, включив в нее как концепты, отражающие их обыденный мир, так сказать, в фактологическом ключе (ДОМ, СЕМЬЯ, РАБОТА и т.п.), так и в прагматическом аспекте, вскрывающем чувства и переживания бедности, передаваемые идиоглоссами СТЫД, СТРАХ, ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ, КРОТОСТЬ. Эти два измерения, их пересечение имеют знаковый характер, дают читателю объемную картину событий и вызывают «высокий градус» сопереживания «униженным и оскорбленным».

## Introduction

This article reflects the concept of “Dostoevsky’s Language Dictionary”.

The world of the poor heroes of Dostoevsky’s novels — one of the greatest discoveries of the writer — also represents a substantial fragment of his picture of the world. That is why the appeal to reconstruction, linguistic cultural research and description of life, daily existence of this category of characters in Dostoevsky’s literary texts allows, as it seems to us, to contribute to the solution of the general task that faces the compilers of “Dostoevsky’s Language Dictionary” [1].

In “Conversations on Russian culture” by Y.M. Lotman there is a fragment that contains the reasoning about the proximity of such seemingly mutually exclusive concepts as *life* and *culture*. As an illustration, the author provides the following example: *“Makar Devushkin in “Poor folk” by Dostoevsky invents a specific gait so nobody can see his soles full of holes. A sole full of holes is a real object; as a thing, it can cause trouble to the owner of the boots: wet feet, a cold. But for an outside observer a ragged sole is a sign which means Poverty, while Poverty is one of the defining symbols of St. Petersburg culture. And Dostoevsky’s hero accepts a “cultural view”: he suffers not because he is cold, but because he is ashamed. Shame is one of the most powerful psychological leverages of culture. Thus, **daily routine in its symbolic light is a part of culture**”* (emphasis added — N.C.) [2. P. 10—11].

In fact, this conclusion of U. M. Lotman played a defining role when attempting to research and describe the daily life of Dostoevsky’s poor characters in the semiotic and linguistic-cultural aspects. At the same time, a previously developed method was applied to accept concepts as the main description units, which combine to make the everyday life sphere of concepts [3]. However, if the materials of the “Russian Associative Dictionary” [4] were previously used to reconstruct the contemporary Russian everyday life world — a correlate of the everyday language consciousness of an average Russian (our contemporary), then here an attempt is made to recreate the daily life conceptual sphere of Dostoevsky’s poor heroes on the basis of the writer’s literary texts. That is, the “reverse” procedure is done in a certain way — the construction of text associative fields and associative series based on the fundamental concepts of everyday life (HOME /



DWELLING); CLOTHING; FOOD; MONEY, DEBTS, LOAN; DISEASE, DEATH; WORK, BUSINESS), as if “passed through” the closely interconnected idioglosses — POVERTY; SHAME; FEAR; PRIDE, THE PINCHED PRIDE; MEEKNESS.

Thus, for us the key concepts are *everyday life* (*everyday occurrences, daily routine*) and *poverty*. While the material for research are F.M. Dostoevsky’s texts (“Poor folk” and “Crime and Punishment”).

A deflated, contemptuous attitude of poor people to their everyday life is characteristic for them. Thus, the author says about Raskolnikov, as if reading his thoughts that he doesn’t want to listen to *all this tosh about this trivial nonsense, which he is not interested in...* [6. P. 7]. Marmeladov interrupts the story of his life with a remark: *...I’m only bothering you with the foolishness of all the trifling details of my home life...* [6. P. 19]. Evaluating the story “The Overcoat” by N.V. Gogol, Makar Devushkon describes it as *just a shallow example of everyday, sordid life* [5. P. 45].

Let us now turn to specific concepts which constitute the everyday life conceptual sphere of our chosen characters of Dostoevsky’s literary works.

One of the most important everyday life concepts is HOME / DWELLING. What is the semantic content of this concept in the world of Dostoevsky’s poor characters? The answer to this question can already be found in the concept’s names. So, Makar Devushkin when describing his apartment calls it *a slum, a shoe box of a room, a supernumerary room*. Rodion Raskolnikov’s apartment is *a tiny room, which was under the roof and looked more like a cupboard than a room*. In another part of the novel Raskolnikov sees his flat like this: *It was a tiny shoe box of a room about six paces in length. It had a most sorry looking appearance with its yellowish, dusty wallpaper peeling off the walls, and with such a low ceiling that a man of more than average height felt scared in it* [6. P. 22]. Raskolnikov’s mother calls his apartment *a horrible room, resembling a coffin* [6. P. 147]. Sonya Marmeladova’s room *resembled a barn, it was a very irregular quadrangle, which gave it a hideous appearance* [6. P. 200].

Thus, a number of home names: *a shoe box of a room — a slum — a supernumerary room — a tiny room- a tiny shoe box of a room — a barn — a cupboard — a coffin* includes nouns, the semantics of which contains a negative connotation. The name “*a supernumerary room*” — a contextual synonym of the word “*room*” — is also an expressively charged lexical unit, which reflects a bitter and ironic attitude of the hero to his home — a separated corner at a common kitchen.

In the home description such words as *corridor, stairs* and *walls* are also the most frequent associates. The house where Makar Devushkin rents a room has *a long corridor, very dark and dirty* [5. P. 8]; *the back stairs are spiral, damp and dirty, while the steps are broken and the walls so greasy that your hand sticks when you lean against them* [5. P. 13]. The Marmeladovs live in the house, where *the higher they went up, the darker the staircase became... it was very dark at the top of the stairs; a stench came from the stairs and waves of tobacco smoke came in* [6. P. 21].

In general **dirt**, **litter** and **disarray** are obligatory attributes of the houses where the poor people live. So, Makar Devushkin says about his flat where he occupies a corner in the kitchen: *Don't even expect any proper system here; the place is a true Noah's Ark!* [5. P. 8]; in the same place, on the stairs *on every landing there are .... basins filled with dirt, litter, eggshells and fish bladders* [5. P. 13]. In the Marmeladovs' room everything was **in disarray** [6. P. 20]. We read about Raskolnikov's room: *It would have been difficult to become more decayed and slovenly* [6. P. 23].

**Furnishings and furniture** of the poor people's homes also have their "descriptions". There is minimum furniture in Makar Devushkin's room: *a bed, a table, a bureau, and a couple of chairs* [5. P. 9]. In Raskolnikov's room *the furniture was in harmony with the place: there were three old chairs, rather defective, a painted table in the corner, <.....> a big clumsy sofa, which occupied almost the entire wall and half the width of the room; it used to be upholstered in chintz but was now in rags and served Raskolnikov as a bed...without a sheet, with one small pillow under his head, under which he put all the linen he had, clean and worn out, to elevate the head of the bed* [6. P. 22—23]. In the Marmeladovs' room the furnishing is not much better: *A candle-end lighted a very poor-looking room about ten paces long. Everything was in disarray. There was nothing in the room except two chairs and a sofa covered with an oilcloth full of holes, before which stood an old pine kitchen table, unpainted and uncovered* [6. P. 20]. The same thing is in Sonya Marmeladova's room: *The yellowish, tattered and shabby wallpaper turned black in the corners... The poverty was visible; there were even no curtains by the bed* [6. P. 200].

As one can see, poverty appears both in the "set" of things that make up the home furnishings (*a table, a chair, a bed, a bureau*), and in the condition of these items (*old, broken, rather defective, full of holes, uncovered, simple, shabby, tattered*). This is a list of definitions which characterize the home furnishings of Dostoevsky's poor characters and join the corresponding associative series.

CLOTHING is a hyperonym that allows to distinguish a special group of lexical units with its associative field. Let us remember how Dostoevsky describes Makar Devushkin's clothes, or rather how the hero himself describes it: *my bare elbows are showing through my sleeves (the elbows of my jacket are worn out), my bare toes are showing through my boots (there are many holes in my boots); the buttons on my jacket are hanging by threads (there are no buttons on my jacket); I'm unbecomingly dressed!* [5. P. 50—52]. His poor neighbour Gorskov *walks about in such a grease-smeared and worn-out coat that it hurts to look at him. His wife goes about in such beggarly rags, the poor thing...* (Volume 1, p. 34) [5. P. 34]. The father of a poor student Pokrovsky is a *mud-stained, poorly-dressed little old man... He would slowly enter the room, take off his overcoat and his hat which was always rumpled, full of holes, and with a torn-off brim...* [5. P. 22]. Raskolnikov was so *poorly dressed that another man, even an accustomed one, would have been ashamed to go out in such rags in the middle*

of the day. <...> *A hat ... was completely **battered and rusty, full of holes and stains, without brims, and bent on one side in a most unsightly way** [6. P. 8]. Marmeladov was wearing an **old, completely tattered black dress coat from which all the buttons have fallen off. A crumpled shirt-front, spotted and stained, stuck out from under his nankeen waistcoat... From time to time he held his head with his hands, placing his worn-out elbows on the stained and sticky table.** His wife Katerina Ivanovna **doesn't have any dresses.** Thus, the concept **clothing** is an attractor of the associates which form around it particular lexical series: *unbecomingly dressed; poorly dressed; my bare elbows are showing through my sleeves (the elbows of my jacket are worn out); there are many holes in my boots;* adjectives which characterize the poor characters' clothes — *old, grease-smearred, full of holes, battered, mud-stained, worn out, full of stains, coat from which all the buttons have fallen off;* a frequently used noun *rags*.*

Another hyperonym — **FOOD** — also can unite the vocabulary which characterizes the daily life of Dostoevsky's poor heroes in a specific way. In fact, the most frequent is just an indication of its absence: Makar Devushkin **couldn't drink tea on a regular basis;** Raskolnikov *had spent two days almost without eating* [6. P. 8]; *his landlady stopped sending him in food two weeks ago.... he was left without his lunch* [6. P. 23]; in Marmeladov's family *the children are always hungry* [6. P. 16]. And if there is some food, it is surprisingly frugal: **gruel without butter; a plain piece of bread** sometimes even **stale; weak tea** [5. P. 32].

It is clear that poor people have complicated relationship with **MONEY**. The contexts where there are such associates as **debts, borrowing money** are most frequently used in the novels by Dostoevsky.

Makar Devushkin writes to Varenka Dobroselova: *I will not conceal from you that my **debts are driving me into despair**....* [6. P. 47]. *I'll get in trouble if I don't borrow some money. My landlady is just about to kick me out, and she won't give me any more meals* [6. P. 52]. **I'm terribly in need of money, I have debts** [6. P. 54]. Telling the story of her life, Varenka Dobroselova says that *her father's business affairs were in bad shape, and he was in a great deal of debt; a short while ago my father died, the creditors turned up as if from the ground, they came in a crowd. We had to give them everything we possessed* [6. P. 18]. Raskolnikov was **up to his eyebrows in debt** to his landlady and was afraid of meeting her [6. P. 7]. Marmeladov asks Raskolnikov: *Has it ever happened to you ... well, to ask hopelessly for money?* [6. P. 14]. When Dunia Raskolnikova came into their house as a governess, **she took a whole hundred roubles in advance, on condition of monthly deductions from her salary, and therefore it was impossible to leave the job without paying back the debt** [6. P. 25].

Thus, there is a number of associates connected with the mentioned before realities: *money — debts — he owes — borrow (ask for money) — rid oneself of debt — creditors — salary*.

Poverty even has its own **SMELLS: a rotten, savoury-sweet smell**, from which **siskins die.... They can't live in our air** [5. P. 13]; *the overpowering stench from*

*the taverns, haunting Raskolnikov; in the tavern the food had a bad smell and everything was .... permeated with wine odor. A stench came from the stairs at the Marmeladovs' house [6. P. 21].*

Naturally such living conditions lead to DISEASES and early DEATH. The description of such episodes in Dostoevsky's novels is particularly acute. The letters of Varenka Dobroselova are full of confessions in her own ill health or illnesses of her family: *I feel very sick today. I've got a fever and the chill in turn. <...> .... I feel terribly unwell. <.....> I'm sick again today; yesterday I got my feet wet and have caught a cold; Fedora is also ill with something, so both of us are ailing.* Varenka writes about the diseases and death of her parents: *I was only fourteen years old when my father died. All these worries, frustrations and failures tortured my poor father to the last degree: he became distrustful and acrimonious; he began to neglect his health, caught a cold and suddenly fell ill. He didn't suffer for a long time; he passed away so unexpectedly and so suddenly that for several days we were beside ourselves with the blow [5. P. 18]. How could he torment poor mother? It used to break my heart to see her: her cheeks had become hollow, her eyes had sunk, and her complexion was consumptive. <...> My mother suffered from a debilitating disease. <...> A few days later my mother suddenly fell dangerously ill. She stayed in bed for two days, and on the third night she ran a fever and was delirious [5. P. 24].* Varenka has bitter memories about a disease and death of her friend, student Pokrovsky. Here is the same number of words: *consumptive, he took to his bed, from which he never got up again; he was seldom conscious; he was frequently in delirium; most of the time he was unconscious.* The description of the death and funeral of a young man includes a number of words and phrases that are often found in Dostoevsky's texts under study when describing similar situations: *during his last night he was frantic; he died in late autumn at the end of October; the day was sad and dreary, like the poor, slipping away life of the dying man; [the sky] was so rainy, lowering and sad; the dying man glanced at me sorrowfully and shook his head. He died a moment later; a very plain coffin was bought [5. P. 30].* Approximately the same set of associates of the word *death* also appears in Makar Devychkin's description of the death of a child in the Gorshkovs' family — his flatmates: *Today, at about five a.m., Gorshkov's youngest son died. <...> There already is a little coffin standing at their place — a simple one, but quite pretty; they bought a ready-made coffin [5. P. 34].* The description of Rodion Raskolnikov's *illness* also comprises a list of lexical units which always accompany the same episodes in Dostoevsky's literary works: *However, he was not entirely unconscious during the time of his illness; it was a feverish condition accompanied by delirium and half-consciousness [6. P. 77].*

So, the textual associative field of the word *disease* is as follows: *I feel unwell, I feel sick, she is also ill with something, I am always ill, I'm ailing, I have caught a cold and fell ill, debilitating, dangerous, consumptive, unconsciousness, half-consciousness, delirium, fever, chill, a feverish condition.*

The words associatively connected with **death** are: *died, he passed away, the poor, slipping away life of the dying man; funeral; last rites; a very plain coffin; a simple coffin.*

FAMILY is also one of the basic everyday life concepts. Describing the family world, Dostoevsky reaches an incredible, extreme psychological intensity, an exposure of feelings, controversies and conflicts. It is in family relationship where the characters of his novels manifest themselves most clearly. Family dramas, for sure, take place also in the homes of rich people. However, for Dostoevsky's poor characters, family is not only their sole refuge, but a connection of the loved ones, and a heavy burden as well. So, the reader of "Crime and Punishment" becomes witness to the everyday life of two poor families: Raskolnikov's family and Marmeladovs' family. It becomes known about the life of Raskolnikov's mother and sister, about their relationship to each other and to him, when Rodion receives a letter from his mother. In this letter and in Raskolnikov's reaction to it, we can distinguish two series of associates: the first associative field is united by a word-idiogloss LOVE; for the second, the key words are POVERTY, SUFFERING and DESPAIR. The words *a love, I love, she loves, love* are, indeed, repeated several times on two pages of the letter along with other words of this field: *I embrace you, I send you kisses, how happy I will be to press you to my heart; Dounia has told me to embrace you tightly and send you a million kisses* [6. P. 24—30]. However, the contextual use peculiarity of the idiogloss LOVE and associates connected with it is the "morbidness" of this feeling. This is not love-joy or love-happiness, but love-pain. So, having received a letter from his mother, Raskolnikov even **turned pale as he took it**. <...> **Something else suddenly made his heart ache; the letter trembled in his hands; he wanted to be left alone with this letter**. <...> **he quickly raised it to his lips and kissed it; then for a long time he peered at the address, the small and sloping handwriting of his mother, familiar and dear to him** [6. P. 24]. **Almost all the time Raskolnikov was reading, from the very beginning of the letter, his face was wet with tears; but when he finished, his face was pale, distorted with a cramp, and a grave, bilious and malevolent smile appeared on his lips**. <...> **His heart was pounding, and the thoughts were fermenting**. <...> **His mother's letter had tormented him** [6. P. 30]. The awareness of his helplessness and inability to help his mother and sister, to save his sister from humiliating marriage with Luzhin, drives Raskolnikov to desperation: *In ten years mother will lose her vision from knitting kerchiefs, maybe from weeping too; she will emaciate from fasting; and my sister? Come to think about what may happen to your sister in ten years or during ten years? Have you figured it out?*

*So he tormented and teased himself with these questions, even taking pleasure in it. Anyway, all these questions were not new or sudden; they were old, painful and long-time ones. They had begun to torture him long ago and had tormented his heart* [6. P. 33]. Self-sacrificing love of his sister and mother is read in each line of the letter. Here, on the one hand, there are such appeals as *my dear Rodya, my dear friend, my precious Rodya, you know how I love you; you are all we have, Dunya and I, you*

*are everything for us, our only hope, our only aspiration*, and on the other — a “truthful”, but tough story, wounding Rodion Raskolnikov’s soul, about misfortunes and sufferings of his dear ones, and about the decision his mother and sister had taken, wishing to save their “dear Rodya”. Having learned about the fact that Donya is going to marry a man whom she not only doesn’t love, but does not respect, Raskolnikov almost loses his mind. *Who, indeed, do you consider me to be? I don’t want your sacrifice, Dounia, I don’t want it, mother! It won’t happen while I am alive, it won’t, it won’t! I don’t accept it!* — he shouts, walking down the street.

As stated above, the second associative field, which can be reconstructed on the basis of Raskolnikov’s mother letter, is formed around the concepts of POVERTY, SUFFERING and DESPAIR. As a matter of fact, the narrative of the everyday concerns and hardships in Pulkheria Raskolnikova’s letter to her son is accompanied by such words as: *I’ve suffered, I was in despair; it was very hard for Dunechka; you can imagine her suffering; I was in despair myself; it felt so miserable inside; it was so villainous of him to torment and make unhappy a girl who was already unhappy and defenseless; you would have been very unhappy* [6. P. 24—26]. Such difficult life situation is caused by poverty, dependence on other people and the inability to help her son.

All the members of the Marmeladovs’ family feel the same. Marmeladov himself, telling the story of his life to Raskolnikov, *wanted to smile in the end, but suddenly his chin began to tremble. The tavern, the man’s depraved look, the five nights spent on the hay barges, the half-liter bottle, and at the same time this morbid love for his wife and children, bewildered his listener* [6. P. 18]. Sonechka Marmeladova is also a victim of circumstances. She sells herself to save her family from hunger and destitution. By the way, it is in the story about the Marmeladovs’ family when Dostoevsky uses this word “*destitution*”. And Marmeladov in his well-known monologue divides the two concepts — “*poverty*” and “*destitution*”, breaking down the familiar idea of them being synonyms in the reader’s mind: *Poverty is not a vice. But destitution, honoured sir, destitution is a vice* [6. P. 13]. Katerina Ivanovna — Marmeladov’s wife — is a character in which suffering is brought to its limit, to physical and mental illness. Destitution and weeping of her always hungry children, her husband’s drunkenness brings her to some kind of frenzy. But even in the most desperate situations, she tries to preserve the family’s independence and visibility of strength. Let us remember, how Katerina Ivanovna behaves when Marmeladov gets a job again.

Yearning for the family happiness, for acquisition of important people in his life drives Makar Devushkin to self-sacrifice: he gets into debt in order to help Varenka Dobroselova whom he loved like his daughter. And the sense of this girl’s presence in his life saves him from being alone in this world. *I have never spent my days in such joy before. It is as if the Lord had blessed me with a home and a family of my own! My little child, my pretty girl! <....> ... I live with a double happiness, because you live so close to me and make me so happy* [5. P. 34]. Varenka’s affection for Makar Devushkin is also obvious, but it mostly has a morbid character because she

feels awkward due to the fact that she can't do much work for health reasons, and thus be helpful in their friendship. *Cannot I see that you ruin yourself for my needs, tightening the purse strings and spending your last kopeck on me? <...> You write that you will sell the last thing you have rather than leave me in need. I believe you, my friend, I believe in your good heart... You know that I am always ill; I cannot work as you do. I am merely bonded to you with all my soul, I love you dearly and strongly, with all my heart, but — my bitter fate! — I am able only to love, and not to do good, to repay you for your kindness* [5. P. 40—41].

Thus, the concept of FAMILY in the considered texts by Dostoevsky is associatively connected with the idioglosses *love, affection, suffering* and *despair*, caused by the *poverty* of the characters.

Apart from family, WORK and BUSINESS for Dostoevsky's poor heroes is the lifeline that allows them to stay afloat, not to sink into the abyss of despair, to preserve human dignity. It is particularly pronounced in Makar Devushkin's attitude to his service: *I have been in the service for about thirty years; I have worked irreproachably, my behavior has been sober, and I have never been spotted in any anti-social conduct. <...> I am respected by the management* [5. P. 44]. Every time Varenka Dobroselova is happy when some work emerges: *Fedora has got a great deal of work both for me and herself, and we have gladly got down to work; perhaps we shall re-establish our affairs* [5. P. 50]. Raskolnikov's fellow student Razumikhin *was very poor, and supported himself resolutely on his own, alone, earning money by some sort of work. He knew a vast number of resources to earn money from, by means of work, of course* [6. P. 37—38]. On the contrary, the lack of work, business pulls the carpet from under poor people, leads to depression, illnesses and even death.

Let us now turn to the second, pragmatic dimension of the everyday life conceptual sphere of Dostoevsky's poor heroes, which was mentioned at the beginning of the article. Namely, that the concept-idiogloss POVERTY is "conjugated" in the texts of Dostoevsky with the idioglosses of SHAME; FEAR; PRIDE, THE PINCHED PRIDE AND MEEKNESS.

It should be mentioned that the words *poverty, poor* have been already described in detail in the first volume of the "Fyodor Dostoevsky's Language Dictionary", which the authors named "Idioglossary". The corresponding vocabulary entries also indicate the frequency of the mentioned idioglosses in the writer's literary texts. So, an idiogloss **poor** is found in Dostoevsky's literary works 397 times, and noun **poverty** — 76 times. In the texts we are considering, an idiogloss poverty "gathers" around it two groups of associates. First, they are words of the same root that name this social status of the characters: *poor person, poor folk, poor man, poverty, poorly*.

Secondly, these are word combinations with the meaning "a person who carries a trait "poverty": *poor student, poor folk, poor relatives, poor old man, poor young man*. Some of these word combinations have become set expressions (*poor student, poor relatives*).

However, the above mentioned couple of idioglosses are of the greatest interest. Let us consider them one by one.

**POVERTY—SHAME.** This couple of concepts-idioglosses, as it was mentioned before, is a significant one. All the crippled by poverty characters of Dostoevsky's literary works we are considering, are ashamed of poverty and its material manifestations. So, Makar Devushkin remarks that *it is rather shameful not to be able to afford to drink tea* [5. P. 9]; *Today I sat in front of my colleagues like a clumsy lout, like a wretch that I nearly burned with shame. I felt deeply ashamed, Varenka! Naturally one is shy when one sees one's naked elbows peeping through the sleeves and one's buttons hanging by threads,* — he confesses to his ward [5. P. 50]. Dreaming of borrowing some money from Peter Petrovich, Makar Devushkin writes to his Varenka: *I feel terrible just sitting at my desk... And His Excellency sometime passes my desk; God forbid that he would glance at me and notice that I'm unbecomingly dressed! Cleanliness and tidiness are the things that matter most to him. He might not say anything, but I would die of shame. I'm ashamed to keep on living, Varenka! <...> I'm ashamed, I'm totally ashamed* [5. P. 51] — writes Makar Devushkin to his ward.

Associate words of the concept-idiogloss **shame** comprise several groups:

The first group includes words of the same root: *shame, to be ashamed of, to be totally ashamed, I'm ashamed.*

In the second group there are lexical units which are synonyms or quasi-synonyms of the words from the first group: *shame, it's a shame, I'm ashamed, to be embarrassed, to become confused, she is timid, he is shy.*

In the third group there are words describing the external manifestations of the feeling of shame: *to blush, to sit like a clumsy lout, like a wretch.*

It can be assumed that such associative fields are characteristic of all texts in general. The peculiarity of the considered idiogloss “behavior” in Dostoevsky's literary works about poor people is that they feel ashamed because of their poverty. A multitude of contexts in which this concept is used prove this point.

**POVERTY—FEAR.** A peculiar extension and expansion of the concept of **shame** is a concept-idiogloss **fear**, which also forms an associative field, including diverse lexical units. However, a contextual peculiarity of this idiogloss in Dostoevsky's works is that the fear experienced by the heroes is not the fear of physical strength, this feeling is again a “moral” one: the fear of condemnation, mocking from others. For others (boss, landlady, former friends, and just random passers-by on the street) are always potential or real offenders (after all, it's so easy to offend a poor person!). Let us remember a phrase from “Crime and Punishment” already cited as an example: *Raskolnikov was up to his eyeballs in debt to his landlady and was afraid of meeting her* [6. P. 7]. Makar Devushkin is literally “bound in fear”. And he afraid that others (“His Excellency”, an imaginary “sir who is going to the restaurant”) will notice and judge his poverty: *... I cannot do without buttons; and almost half of the buttons on my lapel have*



*fallen off! I tremble when I think that His Excellency may notice such disarray and say — what would he say? I, little mother, would not hear what he said, for I would die, I would die on the spot, I would just die of shame at the thought of it* [5. P. 53—54]. And after reading Gogol's "The Overcoat" to this list of "others" writers are added as well: *I sometimes hide, I go into hiding, though I got nothing to be guilty of, I'm sometimes afraid to show my face anywhere, because gossip makes me tremble, because people can make a libel about anything. It will be impossible for me to make a public appearance* [5. P. 45]. Telling a sad story about how he went to see Peter Petrovich to ask for money, Makar Devushkin writes: *I pulled myself together and, hiding my sense of shame in my pocket full of holes, I went to Peter Petrovich, full of hope and more dead than alive with anticipation — both combined* [5. P. 53].

In the episode where Makar Devushkin tells Varenka how he missed the whole line when rewriting a document, and how he appeared before His Excellency for it, three concept-idioglosses — *poverty, shame and fear* — are closely intertwined, conveying the depth of the hero's experiences. *My heart began to tremble in my chest, and I don't know what I was scared of; I only know that I had never been so scared before. I sat dead at my chair. <...> I grew stiff, cold, lost all feeling; I went more dead than alive. <...> it seems to me that I didn't bow; I forgot.. I was so perplexed that my lips were trembling and my legs shaking. <...> I burned, I burned in the infernal fire! I died! <...> I shuddered, and my whole soul was shaken* [5. P. 67—68].

Thus, a couple of idioglosses **POVERTY—FEAR** brings together a number of associates, which are synonyms and context synonyms, expressed as independent words (*I was afraid, I tremble, I hide, I go into hiding, I'm shy, I'm afraid, I was so perplexed, I shuddered, I didn't make a sound, I draw in my claws, I grew stiff, I grew cold*) and set expressions as well (*come in sideways, I'm afraid to show my face anywhere; It will be impossible for me to make a public appearance; more dead than alive, I sat crouched like a hedgehog, I covered my ears; I sat dead at my chair; I burned in the infernal fire; I lost all feeling; my whole soul was shaken*).

The peculiarity of the world of Dostoevsky's poor heroes is the fact that the constant humiliating situations generates a sort of exaggerated and even morbid *pride* in them, reveals *the pinched pride*. And in texts of the two analyzed works this couple of idioglosses — **POVERTY—PRIDE, THE PINCHED PRIDE** — also carries a tremendous semantic load and forms its own powerful textual associative field. Thus, in "Poor folk" Makar Devushkin declares: *I am not a drag on anyone! I earn my crust; and though it is a plain crust, sometimes a stale one; but it's there, and it has been earned by an honest livelihood and consumed irreproachably. What is to be done? I know that my job as a copyist is a minor one; after all I am proud of it! I work in the sweat of my brow. I'm aware that I am necessary, that I am indispensable, and that one shouldn't be led astray by nonsense. Let me be a rat, since there's a resemblance. But you need this rat, this*

*rat is of benefit, you hold on to this rat, this rat receives a reward — that is the kind of rat it is!* [5. P. 32—33]. In another letter to Varenka we read: *I have been in the service for about thirty years; I have worked irreproachably, my behavior has been sober, and I have never been spotted in any anti-social conduct. As a citizen I consider myself, by my own perception, to have some drawbacks, but also some virtues. I am respected by the management, and even His Excellency is happy with my work* [5. P. 44]. First and foremost, Makar Devushkin needs such self-characterization in order to justify anything to himself, to maintain a sense of self-value. As he himself writes about this in another letter: *After all, one wears an overcoat and boots for the sake of others. In this case, <...> I need boots to maintain my honour and my good name; if I wear ragged boots, both of these are lost* [5. P. 52].

Dostoevsky writes about Raskolnikov: *While Raskolnikov was at the university, he had almost no friends; he was very poor and somehow arrogantly proud and unsociable* [6. P. 37].

The morbidity of pride and the pinched pride is particularly acute in Katerina Ivanovna's behavior. Marmeladov himself says about her that *she is a hot-tempered, proud and unbending lady. She washes the floor herself and eats black bread, but she won't allow other people to treat her with disrespect* [6. P. 15]. The maximum intensity of these feelings is revealed during the commemorations after the funeral of Marmeladov. As if reasoning and trying to explain to the reader why these "stupid commemorations" were organized, Dostoevsky writes: *Perhaps what had the greatest impact here was that peculiar poor man's pride, owing to which in some social ceremonies obligatory for each and everyone in our daily routine, many poor people bend over backwards and spend the last kopeck of their savings, just in order to be "no any worse than others" and "not to be judged" somehow by others. It is also very possible that Katerina Ivanovna wanted, precisely on that occasion, precisely at the moment when she seemed to have been abandoned by everyone, to show these "wretched and nasty tenants" that she knew "how to live and how to act as a hostess", but that she had been brought up for another lot, that she had been brought up in a noble, one could even say aristocratic, colonel's family. Such paroxysms of pride and vanity sometimes visit the poorest and most downtrodden people, and sometimes turn into an irritable and unstoppable need in them. Moreover, Katerina Ivanovna was not downtrodden; she could be killed by circumstances, but it was impossible to render her morally downtrodden, that is to intimidate her and to bend her to one's will* [6. P. 239]. That is Dostoevsky's explanation. And, indeed, every line of the heroine betrays her pinched pride, her desire to confirm her own dignity. The words *a noble lady, an aristocratic family, an aristocratic house, a colonel's daughter, children of noble birth*, and such words as *pride, dignity, nobility* as well, repeated many times by Katerina Ivanovna, and the reality in which they sound, expose and bring to pathos the tragedy of the heroine and her family.

However, pride and the pinched pride are sometimes combined with MEEKNESS of Dostoevsky's poor heroes, which sometimes reaches self-neglecting. So, the last couple of concepts-idioglosses which was considered in the chosen topic is **POVERTY-MEEKNESS**. The most colourful “meek” characters of the two novels are Makar Devushkina and Sonya Marmeladova. The main hero of “Poor Folk” says about himself: *I used to live the life of a hermit, calmly and quietly; I don't repine and am satisfied; I am unpretentious* [5. P. 8—9]. And in another letter we read: *I am a docile man, because I am a little man* [5. P. 32]. Having read “The Overcoat”, Makar Devushkin angrily writes to his ward: *What! I can't live calmly in my little corner after this anymore, I can't live, as the proverb has it, without muddying the water, not interfering with anyone, knowing the fear of God and not getting other people interfere with me....* [5. P. 44]. And further: *Every status that a man has in his lot is designated by the Almighty. This man is designated to wear a general's epaulets, while that one is designated to work as a titular counselor; this man is assigned to hold the reins, and that one is assigned to follow the orders without question and without complaining* [5. P. 43—44]. *I have always behaved as if I were non-existent* [5. P. 67].

Describing to Raskolnikov his daughter Sonya Marmeladoc says: *She is meek, she has such a gentle voice....* [6. P. 16]. Sonya gave the last money she had to her father so that he could take a hair of the dog and *said nothing, she only looked at me without another word... Not on earth, but up there... people are grieved for, wept over, but not blamed, not blamed!* [5. P. 19]. Passing away, Marmeadov suddenly recognized her, *humbled, crushed, dressed up and ashamed, humbly waiting her turn to say goodbye to her dying father* [6. P. 120]. And, of course, the memorable words of Raskolnikov: *Poor meek ones, with meek eyes... Dear ones! Why don't they weep? Why don't they moan? They give everything... they look meekly and gently... Sonya, Sonya! Gentle Sonya!* [6. P. 175].

The conducted analysis of the two literary texts allows us to build the everyday life concept sphere of Dostoevsky's poor heroes, including both concepts reflecting their everyday world, so to speak, in a factual way (HOUSE, FAMILY, WORK, etc.) and in a pragmatic way, revealing the feelings and experiences of poor people, transmitted by idioglosses SHAME, FEAR, PRIDE, THE PINCHED PRIDE and MEEKNESS. These two dimensions, their intersection bear a sign character, give the reader a volumetric picture of events and cause a high degree of empathy to “humiliated and insulted”.

### Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // *Слово Достоевского*. 2000. Сб. статей / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание: монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004.

4. Русский ассоциативный словарь. В 2-х томах. Т. 1. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. М., 2002.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание романов в двух томах. Т. 1. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание романов в двух томах. Т. 2. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009.

## Reference

1. Karaulov, Y.N. (2001). The Concept of Idioglossa and Dostoevsky's Language Dictionary In: *Word of Dostoevsky. 2000. Collected Articles*, Y.N. Karaulov, E.L. Ginzburg (eds.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
2. Lotman, Yu.M. (1996). In the Conceiving Worlds. Person—Text—Semiosphere—History. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.).
3. Chulkina, N.L. (2009). *The Everyday Life World in the Russian Language Consciousness*. Moscow. Publishing House URSS. (In Russ.).
4. *Russian Associative Dictionary. In 2 volumes.* Vol. 1. (2002). Y.N., Karaulov, G.A., Cherkasova, N.V., Ufimtseva, E.F., Tarasov, Y.A., Sorokin (eds.). Moscow: AST: ASTREL. (In Russ.).
5. Dostoevsky, F.M. (2009). The Complete Collection of Novels in Two Volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing house "ALPHA-KNIGA". (In Russ.).
6. Dostoevsky, F.M. (2009). The Complete Collection of Novels in Two Volumes. Vol. 2. Moscow: Publishing house "ALPHA-KNIGA". (In Russ.).

### Сведения об авторе:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru.

### Information about the author:

*Nina L. Chulkina*, Doctor of philology studies, Associate professor, Professor of the department of general and Russian linguistics of RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: psycholinguistics, linguoculture, lexicography; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435  
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья / Research article

## Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского

Е.А. Осокина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова  
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка 18/2  
[ruslang@ruslang.ru](mailto:ruslang@ruslang.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена авторской фразеологии Достоевского, которая характеризует его как художника, носителя русского языка своего времени и может выделять его на фоне других авторов. Выявление и характеристика авторских фразеологизмов и авторских приемов их создания на примере описания фразеологизмов может говорить о языковой творческой личности и об особенностях идиостиля. Системной особенностью идиостиля писателя при описании фразеологии является необычайное разнообразие по форме, смысловым оттенкам и отсылкам к прецедентным текстам, а также особое свойство языка писателя — универсальность и оригинальность, позволяющая выходить за временные рамки творчества писателя. Введенные Достоевским в середине и второй половине XIX-го века фразеологизмы вошли в русский язык, они узнаваемы и так или иначе присутствуют в языке XX-го и XXI-го века. Чтобы стать устойчивыми выражениями, необходимо время для более полного освоения текстов Достоевского, воспроизводства и закрепления фразеологизма в языке. Парадоксально, но препятствием вхождения в язык может стать уникальный, многомерный и неповторимый идиостиль писателя. Переходя из века в век фразеологизмы аккумулируют языковую, а значит и народную, память. Описание фразеологизмов Достоевского дает в перспективе возможность сопоставления как разных произведений одного писателя, так и произведений разных авторов в синхронии и диахронии русского языка.

**Ключевые слова:** Достоевский; идиостиль; авторская фразеология; потенциальные фразеологизмы; фигуры речи; частотность

### Финансирование. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста»

### История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

### Для цитирования:

Осокина Е.А. Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 417—435. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435

© Осокина Е.А., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'374:821.161.1

## Some Aspects of Author's Phraseology of F.M. Dostoevsky

Elena A. Osokina

Russian language institute of RAS  
18/2, Volkhonka str., Moscow, Russian Federation, 119019  
ruslang@ruslang.ru

**Abstract.** The article is devoted to the author's phraseology of Dostoevsky, which characterizes him as an artist, a native speaker of the Russian language of his time and can distinguish him from other authors. Identification and characterization of the author's phraseological units and author's techniques of their creation on the example of the description of phraseological units to talk about the language creative personality and the features of the idiosyncrasy. The systemic feature of the writer's idiosyncrasy when describing phraseology is an extraordinary variety in form, semantic shades and references to precedent texts, as well as a special property of the writer's language — universality and originality, which allows you to go beyond the time frame of the writer's work. The phraseological units introduced by Dostoevsky in the middle and second half of the XIX century entered the Russian language, they are recognizable and somehow present in the language of the XX and XXI centuries. To become stable expressions, it takes time for a more complete mastering of Dostoevsky's texts, reproduction and consolidation of phraseological units in the language. Paradoxically, the unique, multidimensional and inimitable idiosyncrasy of the writer can become an obstacle to entering the language. Moving on from century to century accumulate idioms of the language, and therefore people's memory. The description of Dostoevsky's phraseological units makes it possible to compare both different works of one writer and works of different authors in the synchrony and diachrony of the Russian language.

**Key words:** Dostoevsky; idiosyncrasy; author's phraseology; potential phraseological units; figures of speech; frequency

### Financing. Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project No. 18-012-90025 "A linguistic model of Dostoevsky's individual style: corpus technologies in the analysis of literary text"

### Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

### For citation:

Osokina, E.A. (2021). Some Aspects of Author's Phraseology of F.M. Dostoevsky. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 417—435. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435

## Введение

Под авторской фразеологией Достоевского в данной работе понимается такое использование им разнообразных фразеологизмов в художественных, публицистических и эпистолярных текстах, которое характеризует его как художника и носителя русского языка своего времени и может выделять его на

фоне других авторов. Выявление авторских фразеологизмов составляет только часть описания идиостиля автора, хотя и весьма выразительную. Если специфические особенности авторской фразеологии в результате максимально полного описания будут выстраиваться в определенную систему авторских приемов, то можно будет на примере описания фразеологизмов говорить о языковой творческой личности и об особенностях идиостиля [1. С. 184—210; 2].

Для описания авторской фразеологии необходима единая терминология для лучшего взаимопонимания, поэтому воспользуемся структурно-типологической классификацией фразеологизмов, отвечающей «интуитивным представлениям исследователей о сущности различных феноменов, которые входят во фразеологическую систему языка. <...> В этой классификации различаются шесть основных типов фразеологизмов: идиомы как наиболее устойчивые образования (*сойти с ума, хоть ты тресни*); коллокации как слабоидиоматичные образования (*зло берет, зерно истины*); пословицы (*цыплят по осени считают*); грамматические фразеологизмы (*по крайней мере, едва не*); фразеологизмы-конструкции (*X — он и в Африке X; всем X-ам X*); ситуативные клише (*спокойной ночи; руки вверх!*)» [3. С. 68—96].

### Идиоматика Достоевского

Полного описания фразеологии Достоевского и собственно авторских фразеологизмов пока не существует. Эта работа находится в процессе. Но выборочное на данный момент описание фразеологизмов и их систематизация позволит составить представление об идиостиле писателя. Помимо более или менее устоявшихся фразеологизмов будут рассмотрены так называемые «потенциальные фразеологизмы» — это такие авторские речевые новообразования, которые обладают какой-либо степенью устойчивости, но стать фразеологизмами могут только в перспективе при условии выхода за рамки единичного употребления и дальнейшей воспроизводимости в языке всего населения или определенной его части [4. С. 57—60; 5. С. 5—13]. Устойчивость высказывания определяется разными факторами: метафоричностью, афористичностью, отсылкой к прецедентному тексту, восприятием контекста как хорошо известного и понятного, — что и делает выражение потенциальным фразеологизмом. Временной промежуток до воспроизводимости и закрепления фразеологизма в языке может быть различным.

Идиоматика Достоевского имеет свои особенности при сопоставлении с тезаурусом современной русской идиоматики [6]. Статистическая картина, полученная при таком сравнении, выявляет предпочтения автора.

Более частотные идиомы: *безо всякого* (205), *в глаза говорить/лгать/смеяться* (346), *дай бог* (160), *как раз* (234), *на днях* (179), *с лишком* (94), *чем свет* (49), *честное слово* (69).

Менее частотные идиомы: *в пух* (7), *вверх ногами* (14), *золотой век* (14), *на глаза показаться* (26), *на заре чего-л.* (6), *на словах* (33), *с умом* (8), *с утра до ночи* (28), *цену себе знать* (8), *чистый сердцем* (25).

Есть идиомы единичного употребления, например: *бросить якорь, вызвать на жалость, выйти на чистую воду, год от года, еле на ногах стоять, за компанию, как курица с яйцом, конца не видно, край обетованный, лучшие миры, молочные реки, не по-детски, общий котел, один-единственный, отхожее место, палец даю на отсечение, пролить/уронить в бокал слезу, слеза умиления, со свистом, шутка сказать, языком колотить*.

Для осмысления идиостиля Достоевского при сопоставлении с современной идиоматикой имеет значение и отрицательный параметр, а именно — отсутствие каких-то идиом, которые по сформированному ранее представлению о писателе ожидаемы при непосредственном наложении списка идиом из тезауруса. Психологически при сравнении отсутствие ожидаемого фиксирует внимание и заставляет задуматься, почему например, нет таких фразеологизмов: *бесплодный как смоковница; во всей своей красе, во главу угла, войти в анналы, живем — хлеб жуем, и волки сыты и овцы целы, кануть в Лету, конец света, сам Бог велел, свинья грязь найдет, священная корова, Содом и Гоморра, соль земли, хоть святых выноси* и другие. Как правило, за каждым примером подразумевается прецедентный текст, но не всегда он может быть известен, и это тема для отдельного разыскания. Так, к примеру, идиома *за гранью добра и зла* или *по ту сторону добра и зла* отсутствует у Достоевского, потому что принадлежит Ницше, — это название его книги, изданной в 1886 году, спустя пять лет после смерти Достоевского, — и имеет более позднее происхождение, чем тексты Достоевского.

Системной особенностью идиостиля может быть ситуация с просторечными фразеологизмами — их совсем немного: *всю дорогу, без продыху, стар и мал, есть где поразгуляться, за тридевять земель, куда Макар телят не гонял, нестись как угорелый, бегать ... высунув язык, невесть где.., сиднем сидеть* и некоторые другие. Таких, как *снова-здорово, когда рак на горе свистнет, от горшка два вершка, хоть завались* и тому подобное, которые имеют старинное происхождение и отмечены в современном тезаурусе, у Достоевского нет вовсе.

Еще одной особенностью идиостиля Достоевского является формальная вариантность фразеологизмов — полисемия [3. С. 114] и буквализация, при которой описывается реальная ситуация, но словами фразеологизма:

1) **сквозь пальцы смотреть** — (*из нем. durch die Finger sehen*) ‘пренебрегать, не замечать’.

Обладание жениными денежками буржуа очень хорошо устроил в свою пользу. Вот почему он и готов во многих случаях *смотреть сквозь пальцы* на похождения своей мабишь и не замечать иных досадных вещей, потому что тогда, то есть при размолвке, может неприятно подняться вопрос о приданом (Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях) — Ни России, ни народа! — завопил и Шатов, сверкая глазами, — нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего в русском народе не смыслили! Все они, и вы вместе с ними,



просмотрели русский народ *сквозь пальцы*, а Белинский особенно; уж из того самого письма его к Гоголю это видно (Ф.М. Достоевский. Бесы). Несмотря ни на какие клейма, кандалы и ненавистные пали острога, заслоняющие ему божий мир и огораживающие его как зверя в клетке, он может достать вина, то есть страшно запрещенное наслаждение, попользоваться клубничкой, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своих ближайших начальников, инвалидов и даже унтер-офицера, которые *сквозь пальцы будут смотреть* на то, что он нарушает закон и дисциплину <...> (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

2) **сквозь пальцы, между пальцев (про)мелькнуть/проскользнуть** — исчезнуть, уменьшиться.

— Во-первых, если б мы, в последние двадцать пять лет, всего только по три миллиона в год на эти дороги откладывали (а три-то миллиона у нас просто *сквозь пальцы* иной раз *мелькнут*), то было бы уже теперь выстроено на семьдесят пять миллионов азиатских дорог, то есть с лишком тысячу верст, как ни считать (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя).

Заговорили в последнее время даже о сокращении армии, предлагали в газетах и цифру, именно на пятьдесят тысяч солдат, а другие так уверяли, что и наполовину сократить можно армию нашу: ничего-де от того не будет. Все это и прекрасно бы, но вот что, однако, невольно лезет в соображение: армию-то мы сократим, на первый случай, хоть тысяч да пятьдесят, а денежки-то у нас и *промелькнут опять между пальцами*, туда да сюда, уж конечно, на государственные потребности, но на такие, которые, может быть, и не стоят такой радикальной жертвы (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя). Но я ошибся, и это славно. 2500 подписчиков тем славно, что обозначают установившийся журнал! Разумеется, 3500 подписчиков было бы не в пример лучше. И не понимаю решительно, почему их нет у журнала с таким необходимейшим направлением и при таких статьях, какие являлись в прошлом году. Совершенно убежден, что эти тысяча неявившихся подписчиков уже были и стучались в двери редакции, но только так как-то *проскользнули у ней между пальцев*. И все-то, может быть, зависело от таких мелочей, — от какой-нибудь ловкости, юркости издательской! Все эти мелочи так важны в издательском деле (Ф.М. Достоевский. Письма).

3) **сквозь пальцы посмотреть** — буквализация идиомы, то есть разрушение ее и превращение в обычное словосочетание.

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, *посмотрела на него сквозь пальцы* и вдруг залившись слезами, бросилась к нему на шею (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Полисемия фразеологизмов у Достоевского может быть отнесена к стилистическим особенностям авторского текста.

В качестве собственно авторского фразеологизма можно расценивать и такой, как *впрыгнуть в душу своими глазами*, что является перифразой метафорической коллокации *читать мысли* и представляет собой контаминацию двух выражений — *заглянуть/влезть в душу* и *все видеть своими глазами* — с невысокой степенью устойчивости. НКРЯ фиксирует единственное словоупотребление под авторством Достоевского.

«Это с Ламбертом», — подумалось мне вдруг неволью.

— Нет-с, не с господином Ламбертом, — так и угадал он сразу, точно *впрыгнул в мою душу своими глазами*, — а с ихним братцем, действительным, молодым господином Версиловым. Камер-юнкер ведь, кажется? (Ф.М. Достоевский. Подросток).

При таком лексико-семантическом размывании фразеологизм сохраняется, возможно, за счет оказавшейся устойчивой внутренней формы и за счет использования вместо глагола *влезть* более экспрессивного глагола *впрыгнуть*, который и привлекает внимание.

Идиома *как по нитке* (*делать что-л.*) употреблялась в литературе до Достоевского и после, но со значением «равнять, подравнивать»:

«Буду меньше махать рукой, больше всем туловищем», думал он, сравнивая *как по нитке* обрезанный ряд Тита со своим раскиданным и неровно лежащим рядом (Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)). Человек сорок крестьян косили, выстроаясь в одну линию, *как по нитке*: ярко блестя на солнце, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срезанная густая трава (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, слушающие продолжением семейной хроники (1858)).

Авторским нововведением можно считать единожды употребленную идиому **рассказать как по нитке** со значением *без запинки, гладко, логично*.

Вот жаль, что я сам мало понял (времени не было), а то *бы рассказал тебе все как по нитке*. И, вдобавок, благороднейших свойств человек! Я его пригласил к себе погостить. С часу на час ожидаю (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)) [7].

В качестве авторского фразеологизма **случайное семейство** фиксируется в НКРЯ и означает «*беспорядочное семейство, без взаимной любви и связующей идеи; несчастливое семейство*».

Будущий роман. Опять «*случайное семейство*». В клубе художников была елка и детский бал, и я отправился посмотреть на детей (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год).

Вот опять «*случайное семейство*», опять дети с мрачным впечатлением в юной душе (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год).

Отвечаю: *случайность* современного русского *семейства*, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим *семействам*, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. Заметьте еще: эта идея,

эта вера — может быть, даже, пожалуй, ошибочная, так что лучшие из детей впоследствии сами бы от нее отказались, по крайней мере, исправили бы ее для своих уже детей, но все же самое присутствие этой общей, связующей общество и *семейство* идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877 год).

Коллокация **случайное семейство** не получила широкого распространения в русском языке после Достоевского настолько, чтобы быть всем известной, но она тем не менее воспроизводится в языке и обладает узуальным потенциалом, так же как и идиома **будущий муравейник**:

— **будущий/созидавшийся муравейник** — то же, что «бездуховное и бездушное технократическое сообщество».

Итак, вот это второе решение: ждут *будущего муравейника*, а пока зальют мир кровью (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя за 1877 год). Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. *Муравейник*, давно уже *созидавшийся* в ней без церкви и без Христа (ибо церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все, все общее и все абсолютное, этот *созидавшийся муравейник*, говорю я, весь подкопан (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год).

В основном, это литературоведческие и публицистические тексты, посвященные творчеству Достоевского, или характеристика современного явления с отсылкой к авторству Достоевского.

Она известна: роман **случайного семейства**, возникший на почве «общего беспорядка и хаоса», обстановка романа — «отсутствие родового предания и красивых законченных форм»; роман Достоевского отмежевывается на этой почве от другой романной модели, характеризуемой пушкинскими преданьями русского семейства (Лев Толстой) (С.Г. Бочаров. Леонтьев и Достоевский (1993—1994)).

Жажда воплощения «мечтателя», рожденного от идеи «человека из подполья» и «героя **случайного семейства**» — одна из важных тем Достоевского (М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)) [7].

К авторской модификации идиомы *упасть с неба* относится идиома **упасть на стол с неба**, расширенная автором за счет компонентов *на стол*:

«О, и мы бываем хороши и прекрасны, но только тогда, когда нам самим хорошо и прекрасно. Напротив, мы даже обуреваемы — именно обуреваемы — благороднейшими идеалами, но только с тем условием, чтобы они достигались сами собою, *упадали бы к нам на стол с неба* и, главное, чтобы даром, даром, чтобы за них ничего не платить. Платить мы ужасно не любим, зато получать очень любим, и это во всем». (Речь Ипполита Кирилловича на суде) (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

В качестве авторской модификации фразеологизма с заменой одного слова можно привести идиомы:

— **облупить/обчистить/обобрать как липку** (Д) — ободрать как липку (Тезаурус).

Парижанин ужасно любит торговать, но, кажется, и торгуя и *облупливая вас, как липку*, в своем магазине, он облупливает не просто для барышей, как бывало прежде, а из добродетели, из какой-то священной необходимости (Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях). Заметив в Мизинчикове способности и взяв во внимание рекомендацию, граф предложил ему место управляющего в своих поместьях, прогнав своего прежнего управителя немца, который, несмотря на прославленную немецкую честность, *обчищал* своего графа *как липку* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели). Вторая характернейшая черта в этом разговоре, отмеченная художником-автором, это та, что решает насчет справедливости этих новых идей такой человек, который за них, то есть за счастье пролетария, бедняка, не даст сам ни гроша, напротив, при случае сам *оберет его как липку* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя).

— **слова, сказанные на ветер** (Д) — (не) бросать слов(а) на ветер (Тезаурус)

Вероятно, беспорядок костюма его, несдерживаемое волнение, ходьба или, лучше сказать, беготня, жестикуляция обеими руками, может быть, *несколько загадочных слов, сказанных на ветер и в забывчивости*, — вероятно, все это весьма плохо зарекомендовало господина Голядкина в мнении всех посетителей; и даже сам половой начинал поглядывать на него подозрительно (Ф.М. Достоевский. Двойник).

— **палец даю на отсечение** (Д) — руку даю на отсечение (Тезаурус)

Ведь вот не будь этого, вот именно этого, так все бы уладилось; разом, одним ударом, одним ловким, энергическим, твердым ударом уладилось бы. *Палец даю на отсечение*, что уладилось бы! И даже знаю, каким именно образом уладилось бы (Ф.М. Достоевский. Двойник).

К авторскому фразеологизму — коллокации — относится дважды употребленное выражение **картофельное остроумие**, не однозначное по смыслу, который мог бы проясниться в расширительном последовании эпитетов-синонимов, но не проясняется из-за вариативной этимологии слова «картофель»<sup>1</sup>. Сам автор специально смысл не разъясняет, но по контексту некоторый сарказм прочитывается.

<sup>1</sup> Слово *картофель* восходит к итальянскому *tartufolo* — от латинского выражения *terraturber* — «земляная шишка», — которое, попав к немцам, превратилось в *Kartoffel*, но существует и народная этимология в форме ругательства «крафттойфель», где *kraft* — «сила», а *der Teufel* — «дьявол» [9; 10].

— Ум хорошо, а два — лучше, — в нетерпении подсказал прокурор, давно уже знавший обычай старичка говорить медленно, растянуто, не смущаясь производимым впечатлением и тем, что заставляет себя ждать, а, напротив, еще весьма ценя свое тугое, *картофельное* и всегда радостно-самодовольное немецкое *остроумие*. Старичок же любил острить (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы) Тугое, *картофельное* и всегда радостно-самодовольное немецкое *остроумие* (Ф.М. Достоевский. Из записных книжек (1880)).

Еще одна особенность идиостиля Достоевского выражается в риторическом построении высказывания, в том числе и с фразеологизмами, метафоричность которых писатель обыгрывает и семантически, и синтаксически, и стилистически. Последовательное употребление двух синонимичных идиом в одном предложении с расширением и усилением смысла представляет собой амплификацию — фигуру речи, регулярно используемую Достоевским в повествовании [8. С. 95—101]. В одном предложении употреблены две идиомы: *самая чистая монета* (со значением «истина») и *чистейшее золото без лигатуры*, то есть чистое золото, без примеси (со значением «истина, красота»).

И вот все-то это общество князь принял за *самую чистую монету*, за *чистейшее золото без лигатуры*. Впрочем, все эти люди были тоже, как нарочно, в самом счастливом настроении в этот вечер и весьма довольны собой. Все они до единого знали, что делают Епанчиным своим посещением великую честь (Ф.М. Достоевский. Идиот).

В современном Достоевскому русском языке возникли, укрепились и распространились фразеологизмы-конструкции [3. С. 69] по типу *на N-ой ноге* и *на N-ую ногу*. На данный момент по НКРЯ выявляется несколько фразеологизмов, бывших в употреблении до Достоевского, иногда единожды, и одновременно с ним — это *на одной ноге*, *на равной ноге*, *на широкой/большой ноге*, *на родственной ноге*; *на открытую ногу*, *на большую ногу*, *на барскую ногу*, *на короткую ногу*, — но такого разнообразия определений в устойчивой конструкции не встречается ни у кого, что позволяет их относить к авторству Достоевского с определенной степенью допуска.

— **На благородной / взаимной / высшей / деликатной / тонкой / короткой / патриархальной / прекрасной ноге** (быть/жить/слыть)

У меня же ты сыт, одет, получаешь жалованье; ты *живешь на благородной ноге*, ты артист, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова). Говорят, что до моей поездки в Париж француз и *mademoiselle Blanche* сносились между собой как-то гораздо церемоннее, были как будто *на более тонкой и деликатной ноге*; теперь же знакомство их, дружба и родственность выглядят как-то грубее, как-то короче (Ф.М. Достоевский. Игрок). Свидригайлов и недели не жил в Петербурге, а уж все около него было *на какой-то патриархальной ноге* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание). Водился со всем, что было высшего в губернии, и *слыл на*

*прекрасной ноге* (Ф.М. Достоевский. Вечный муж). Его [Снегирева], главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что он у нас деньги берет, — продолжал в своем упоении Алеша, — и не только на равных, но даже *на высшей ноге...* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Мы *на такой взаимной ноге...* (Ф.М. Достоевский. Публицистика).

— **На смелую / обширную / капитальную / деликатную / приличную / прекрасную ногу** (быть/быть выстроеным/делаться/образоваться/поставить/стать/сходиться)

Дурак я был, что не отозвался, — подумал он наконец, — следовало бы просто *на смелую ногу* и с откровенностью, не лишённую благородства: дескать так и так, Андрей Филиппович, тоже приглашен на обед, да и только! (Ф.М. Достоевский. Двойник). <...> все это [участие в обстоятельствах господина Голядкина] делалось *на деликатную ногу*, но тем не менее все это дало почувствовать герою повести нашей, что минута для него настала решительная (Ф.М. Достоевский. Двойник). Случилось же это все еще на Песках, когда Устинья Федоровна держала всего только трех постояльцев, из которых, при переезде на новую квартиру, где *образовалось заведение на более обширную ногу* и пригласилось около десятка новых жильцов, уцелел всего только один господин Прохарчин (Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин). Была у него [Степана Никифоровича] одна только страсть или, лучше сказать, одно горячее желанье: это — иметь свой собственный дом, и именно дом, *выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу* (Ф.М. Достоевский. Скверный анекдот). Так что уж я теперь *стала на приличную ногу* раз навсегда, и теперь уж меня долго никто не собьет, по крайней мере я так распорядилась <...> (Ф.М. Достоевский. Игрок). *Поставил я себя здесь на прекрасную ногу* (Ф.М. Достоевский. Письма).

### Потенциальные фразеологизмы

Главным критерием вхождения в языковую систему потенциальных фразеологизмов является практика употребления их в речи, причем период освоения их языком может быть различным. Примеров «растаскивания» художественного произведения на пословицы, поговорки, крылатые слова немало. Показателем этого является широкая цитация в разной степени устойчивого выражения, которое изначально было потенциальным фразеологизмом. Часто эти выражения приобретают символическое значение. Древнейшим примером является Библия Ветхого и Нового завета: *райские кущи; Адам и Ева; суета сует; всему свое время; что было, то и будет; нет ничего нового под солнцем; лилия долин; мед каплет из уст твоих; Альфа и Омега; имеющий уши да слышит; тридцать серебряников; испить чашу; благоразумный разбойник* и множество других.

В русской литературе XIX-го века такими произведениями стали, к примеру:

- «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: *мы все учились понемногу; мы все глядим в наполеоны; волна и камень; привычка свыше нам дана; чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей; любви все возрасты покорны; желудок — верный наш Брегет; кто там в малиновом берете с послом испанским говорит* и прочие.

- «Горе от ума» А.С. Грибоедова: *счастливые часов не наблюдают; шумим, братец, шумим; горе от ума; ум с сердцем не в ладу; мильон терзаний; служить бы рад — прислуживаться тошно; говорит, как пишет; минуй нас пуце всех печалей и барский гнев, и барская любовь; шел в комнату, попал в другую; а судьи кто; французик из Бордо; дым отечества нам сладок и приятен; хорошо там, где нас нет; сюда я больше не ездук; карету мне, карету* и другие.

К примеру, высказывание: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» — само по себе никоим образом не походит на фразеологизм в синхронии своего контекста, но не в диахронии для нас. За счет многократной цитации этой фразы при мнимой или реальной ситуации в жизни она становится устойчивым высказыванием, формулирующим кредо конформиста.

- Басни И.А. Крылова: *мартышка и очки; это зло не так большой руки; лисица и виноград; видит око, да зуб неймет; наделала синица славы; какой-то Муравей был силы непомерной; чем кумушек считать трудиться; про взятки Климычу читают, а он украдкою кивает на Петра; как бывает жить не тошно, а умирать еще тошней; из кожи лезут вон; а воз и ныне там; пой лучшие хорошо щегленком, чем дурно соловьем; демьянова уха; сильнее кошки зверя нет* и так далее.

Изначальная метафоричность и символичность языка басен, афористичность морали делает текст басни сверхнасыщенным фразеологизмами, которые из потенциальных быстро становятся реальными. В баснях весьма значимыми становятся названия произведений, но не только в баснях — рассказы, повести, поэмы, романы так же сконцентрированы в своих названиях и находятся с ними в драматическом диалоге. Имя собственное, понятое как слово, наделенное сверхсмыслом, входит во фразеологическое поле [11].

Названия произведений Достоевского представляют собой потенциальные фразеологизмы: бедные люди; униженные и оскорбленные; преступление (и) наказание; человек из подполья («Записки из подполья»); вечный муж; смешной человек («Сон смешного человека»)… — которые могут быть экстраполированы на соответствующую им ситуацию в синхронии и диахронии и могут символически ее зафиксировать. Необходимо только одно условие — знание прецедентного текста, то есть содержания и идеи произведения с таким названием хотя бы до того времени, когда уже осмысленно закрепится связь номинации с ситуацией.

Они терпеливо ожидали своей очереди войти в комнату, разложить перед вербовщиком «Фербагайла» свои дипломы, почетные грамоты и блеснуть остатками знаний иностранного языка. **Бедные люди!** Зачем вы здесь? «Фербагайлу» нужны не вы (Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002)) [7].

И так 58 страниц. Бедные **«бедные люди»!** Какая элегия! Тоска, и только (Наталья Игрунова. Что вошло на литературном поле к лету? Журнальное обозрение // «Известия», 2002.07.08) [7].

Я всегда любил наблюдать за тем, как **униженные и оскорбленные** сочувствуют баловням судьбы:) (Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)) [7].

Он узнал людей, прошедших через тюрьмы и ссылки, слушал их рассуждения о настоящем и будущем России, но не мог принять их убеждения: «...люди — это только мы да всякие **«униженные и оскорбленные»**; все злое — направо, все доброе — налево; все светлое — в народе, в его устоях и чаяниях; все беды — в образе правления и дурных правителях...» (Элла Кричевская. «Все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл» // «Вестник США», 2003.11.12) [7].

Мне кажется, ваши книги — неизменно еще и про то, что Судьба существует, но проявляется через случайности, будучи соприродна скорее не логике причин-следствий и **преступлений-наказаний**, а законам музыкальной гармонии; что линии жизней возникают из хаотических точек так же, как случайные вначале звуки образуют мелодию... (Александр Гаррос, Леонид Юзефович. Журавлиный клинч // «Эксперт», 2009) [7].

Это, во-первых, любовник, чарующий словами (Февральская любовь), и против него, его прекрасных слов — «правда» **вечного мужа**: теперь оказывается, что это действительно, правда (М.М. Пришвин. Дневники (1918)) [7].

Святая ложь февральских любовников и гнусная правда октябрьского **вечного мужа** (М.М. Пришвин. Дневники (1918)) [7].

Наказание любовника через Миф о человеке, беднейшем из крестьян: пусть нет такого человеко-класса в действительности (это иллюзии), но как существо, противное интеллигенту (любовнику), он должен быть создан и созданся, и действовал как гримаса **вечного мужа** (не забывать о Щетинине) (М.М. Пришвин. Дневники (1918)) [7].

Вон Денис мчится сломя голову — **смешной человек** (Л.Г. Матвеева. Продленка (1987)) [7].

**Смешной человек**... теперь получается, что я играю словами (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)) [7].

Переходя из века в век фразеологизмы аккумулируют языковую, а значит и народную, память.



Творчество Достоевского, продолжительностью в 35 лет, выглядит очень цельным по своему содержанию, и то, что написано им во второй половине жизни, закладывается в начале пути. Языковые эксперименты в ранних произведениях Достоевского проявляются достаточно активно, создавая особое пространство текста в психологическом лабиринте со множеством «зеркал» рефлексии и самоиронии, формирующих образы героев произведений. Потенциальные фразеологизмы как более или менее претендующие на устойчивость и узнаваемые по отдельным ключевым словам, наиболее соответствуют этой психологической заостренности и открывают некую языковую перспективу в будущее.

Тексты Достоевского наполнены потенциальными фразеологизмами. В этих выражениях есть намек на устойчивость за счет большего или меньшего видения или узнавания *внутренней формы* — «образа, фиксированного в плане содержания фразеологизма, а также осознаваемая носителем языка образная мотивация значения фразеологизма его составляющими — словами или морфемами» [3. С. 130—132]. Вот некоторые примеры, принадлежащие Достоевскому именно в такой форме, проверенные по НКРЯ [7].

В следующих примерах фразеологичность определена метафоричностью высказывания:

— **Дела** страшная **куча**, а, право, лучше, если б этого ничего не было (Ф.М. Достоевский. *Бедные люди* (1846)) Заметно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопот полон рот и **дела** страшная **куча** (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — известный в наше время фразеологизм *куча дел* у Достоевского существует в расширенной форме с таким же значением «много дел», «очень занят».

— Наконец, серый осенний день, мутный и грязный, так сердито и с такой **кислой гримасою заглянул** к нему сквозь тусклое окно и комнату, что господин Голядкин никаким уже образом не мог более сомневаться, что он находился не в тридесятном царстве каком-нибудь, а в городе Петербурге, в столице, в Шестилавочной улице, в четвертом этаже одного весьма большого, капитального дома, в собственной квартире своей (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — метафоричность высказывания и олицетворение «дня» придают высказыванию устойчивость, напоминая нам выражение *с кислой миной*.

— «Эта bestия *ни за грош готова продать* человека, а тем более барина, — подумал он про себя, — и продал, непременно продал, пари готов держать, что **ни за копейку продал** (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — вариативность выражения представлена в самом авторском высказывании, объединяя их и ассоциативно отсылая к евангельскому фразеологизму *продать за тридцать серебряников*.

— Эта ленивая bestия может, наконец, вывести человека **из последних границ**; где он шатается?» (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) Этот маневр, как и знала она, способен был выводить его **из последних**

**границ** (Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)) Такая низость с ее стороны, разумеется, вывела меня **из последних границ**; кровь закипела, вскочил, полетел (Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)) Варя, так строго обращавшаяся с ним прежде, не подвергала его теперь ни малейшему допросу об его странствиях; а Ганя, к большому удивлению домашних, говорил и даже сходиллся с ним иногда совершенно дружески, несмотря на всю свою ипохондрию, чего никогда не бывало прежде, так как двадцатисемилетний Ганя естественно не обращал на своего пятнадцатилетнего брата ни малейшего дружелюбного внимания, обращался с ним грубо, требовал к нему от всех домашних одной только строгости и постоянно грозился «добраться до его ушей», что и вывело Колю **«из последних границ человеческого терпения»** (Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)) — значение то же, что «из последних сил», «за пределы».

— Дело-то такое мизерное да оно, наконец, и действительно мизерное, плевое, то есть **почти плевое дело...** ведь вот оно, как это все, обстоятельство-то...» (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — то же, что «простое, незначительное дело, не требующее усилий». Синонимы: *раз плюнуть, выеденного яйца не стоит, ерунда, проще пареной репы* и другие.

— Да! нечего сказать, хороши бы были начальники, если б так рассуждали, как я, **забубенная голова!** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— значение фразеологизма то же, что «пропащая голова», «погибший человек», восходящее к изображению «бубнового туза» на спине заключенного [12].

— И тем более прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди, с истинно благородным образом мыслей и, главное, одаренные прямым и открытым характером, отступают от интересов благородных людей и прилепляются лучшими качествами сердца своего **к зловредной тле**, — к несчастью в наше тяжелое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне неблагонамеренно (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— выражение еще только может стать фразеологизмом.

Некоторые фразеологизмы обладают узнаваемой внутренней формой, но имеют усложненную структуру — контаминацию двух фразеологизмов:

— *вспыхнуть от стыда; вспыхнуть как огонь; огонь стыда*

«Подменил, подлец, — подумал господин Голядкин, **вспыхнув как огонь от стыда**, — не постыдился публичности!» (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *бросился вон; бросился без оглядки*

Господин Голядкин бросил рубль серебром так, как будто бы об него все пальцы обжег, и, не замечая значительно-наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойного могущества, выдрался из толпы и **бросился вон без оглядки** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *испелить в прах; разом уничтожить*

Потом, вдруг вспомнив, что срезался, герой наш вспыхнул как огонь, нахмурил брови и бросил страшный вызывающий взгляд в передний угол кареты, взгляд так и назначенный с тем, чтоб **испелить разом в прах** всех врагов его (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *изобразить на лице; недовольная мина*

По-видимому, Крестьян Иванович несколько не ожидал, да и не желал видеть перед собою господина Голядкина, потому что он вдруг на мгновение смутился и невольно **выразил на лице** своем какую-то странную, даже, можно сказать, **недовольную мину** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *из уст (его) сыпались слова; слова без (всякого) смысла*

Долгое время **из уст его сыпались слова без всякого смысла**, и наконец только разобрали, что Семён Иванович, во-первых, корит Зиновья Прокофьича одним его давнопрошедшим скаредным делом; потом распознали, будто Семён Иванович предсказывает, что Зиновий Прокофьич ни за что не попадет в высшее общество, а что вот портной, которому он должен за платье, его прибудет, непременно прибудет за то, что долго мальчишка не платит, и что наконец, ты, мальчишка, — прибавил Семён Иванович, — вишь, там хочешь в гусарские юнкера перейти, так вот не перейдешь, гриб съешь, а что вот тебя, мальчишку, как начальство узнает про все, возьмут да в писаря отдадут; вот, мол, как, слышь ты, мальчишка! (Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846))

Некоторая афористичность выражений придает им устойчивости:

Дескать, **без денег у нас никому не дают!** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

И подменит человека, подменит, подлец такой, — как ветошку человека подменит и не рассудит, что **человек не ветошка** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Человек ваш пьян, и **путного от него не дождешься**; по сей причине предпочитают отвечать письменно (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

**Всему есть пределы**, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу более: совершенно безнравственная, ибо смею уверить вас, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенные насчет своих мест, чисто нравственные (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

С истинною горестию вижу, как скоро, успешно и какие далекие **корни пустила клевета**, в ущерб моему благоденствию, моей чести и доброму моему имени (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Ироничность фразеологизма выделяет его в речи и дает шанс на жизнь в будущем в виде «крылатого выражения»:

Так как господа регистраторы были теперь удовлетворены вполне, то вдруг оба **крайне неучтиво покатались со смеха** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

**Поживете — увидите,** — сказал он с чувством оскорбленного достоинства, взяв свою шляпу и ретируясь к дверям (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Игровой фактор в формировании высказывания выделяет его в речи и при узусном расширении в языке может послужить его фразеологизации:

— Потом, опомнившись и смутно заметив, что сделал две глупости разом, решился, нимало не медля, на третью, то есть попробовал было принести оправдание, пробормотал кое-что, улыбаясь, покраснел, сконфузился, **выразительно замолчал** и, наконец, сел окончательно и уже не вставал более, а так только на всякий случай обеспечил себя тем же самым вызывающим взглядом, который имел необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять в прах всех врагов господина Голядкина (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) Господин Голядкин на мгновение **выразительно замолчал**; говорил он с кротким одушевлением (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — *оксюморон*.

Рассчитываете, может быть, на скорый отъезд мой в Симбирск и думаете, что **не успеем концов свести с вами** (Ф.М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)) — метатеза в идиоме *сводить концы с концами*.

В принципе, необычное построение фразы, афористичность, особенная форма высказывания с отсылкой к известному символу или пословице может сделать его потенциальным фразеологизмом в языковом узусе. Использование фразеологизмов в фигуре речи с целью придания высказыванию игрового оттенка — один из таких примеров:

— «Дурак я был, что не отозвался, — подумал он наконец, — следовало бы просто **на смелую ногу и с откровенностью, не лишенною благородства**: дескать, так и так, Андрей Филиппович, тоже приглашен на обед, да и только!» (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — в зевгме с ироническим оттенком соединение двух выражений.

Есть примеры идиоматичности с переинтерпретацией значения:

— Теперь он **обратился весь в зрение** и робко, с досадным, тоскливым нетерпением ожидал ответа Крестьяна Ивановича (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — это почти то же, что 'стать очень внимательным'.

— Говорят еще, господа, что **птица сама летит на охотника** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — другой вариант поговорки *на ловца и зверь бежит*.

Формальное разнообразие фразеологизмов у Достоевского, в том числе потенциальных, подтверждается и такой известной всем старейшей в узусе русского языка фигурой речи, как винительный падеж внутреннего дополнения, как она отмечена у А.А. Шахматова [13 С. 332].

Старикашка! в гроб смотрит, дышит на ладан, как говорится, а **сплетню** бабу **заплетут** какую-нибудь, так он уж тут слушает; без него невозможно... (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)).

Возможным заимствованием устойчивых выражений с приспособлением их к русскому языку могут быть такие идиомы:

— Да уж так-с; это, впрочем, постороннее дело; умеют этак иногда **поднести коку с соком** (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) **Коку с соком**, Крестьян Иванович; это пословица русская (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — ‘льстить, обмануть, пыль в глаза пустить’.

— Не в том смысле говорю, что молодой человек не **взял**, например, **на фасоне** или душевными качествами или в чем-нибудь там другом оплошал. Напротив, он даже малый любезный и милый (Ф.М. Достоевский. *Роман в девяти письмах* (1847)) — то есть ‘не взял пренебрежительным отношением’, не смог ‘пустить пыль в глаза’. Сейчас в сниженном регистре языка существует идиома **держат фасон, что значит** ‘заснаваться, пренебрежительно относиться к окружающим, вести себя гордо; выкаблучиваться, козырять, форсить, пускать пыль в глаза, щеголять, фасонить, глядеть фертом’ [14].

### Заключение

Фрагментарное, неполное описание фразеологизмов Достоевского представляет интерес и позволяет наметить некоторые системные особенности описания его идиостиля в соответствии с предложенной классификацией авторской идиоматики. Индивидуальность языковой личности при этом особенно явно проявляется. В этом смысле исследование авторской идиоматики важно не только для описания особенностей художественного текста и стиля писателя, но и для собственного семантического анализа. Иными словами, авторская фразеология демонстрирует одновременно и потенциал фразеологической системы, и реальные отклонения от существующего стандарта. Авторская фразеология Достоевского является оригинальной, необычайно разнообразной по форме, смысловым оттенкам и аллюзиям. Введенные Достоевским в середине и второй половине XIX-го века фразеологизмы входят в русский язык, они узнаваемы и так или иначе присутствуют в языке XXI-го века. В языке специалистов-филологов и они встречаются чаще, чем в языке писателей, публицистов и языке общения, но при популяризации его наследия и специальных словарей, посвященных творчеству писателя и его языку, фразеологизмы, как наиболее выразительная форма языка, войдут в обиход. Как ни парадоксально, но помешать широкому распространению авторской фразеологии в языке может стать уникальный, многомерный и неповторимый идиостиль писателя.

### Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2004.
2. *Идиостиль* // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 21.09.2020).

3. Баранов А.Н, Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
4. Жуков А.В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 57—60.
5. Цицкун В.В., Морозова Т.В. Проблема потенциальности языка: потенциальные слова и потенциальные фразеологизмы (к истории вопроса) // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3. С. 5—13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-potentsialnosti-yazyka-potentsialnye-slova-i-potentsialnye-frazeologizmy-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 24.01.2021).
6. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.ruslang.ru/book\\_idiomatichesk08](http://www.ruslang.ru/book_idiomatichesk08) (дата обращения 14.01.21).
7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search> (дата обращения 15.03.2019).
8. Осокина Е.А. Фигуры речи в комментарии словарной статьи идиоглоссария Достоевского // Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова) : материалы Всероссийской науч. конф. Санкт-Петербург, 16—17 ноября 2011 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб: САГА, 2012. С. 95—101.
9. Немецкое ругательство или итальянский гриб? Откуда взялось слово «картофель»? // Портал «Литинтерес». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/litinteres/nemeckoe-rugatelstvo-ili-italianskii-grib-otkuda-vzialos-slovo-kartofel-5cc1e5d83d89f500b3cec862> (дата обращения: 15.01.2021).
10. Происхождение слова КАРТОФЕЛЬ // ЛГΩ Этимологические онлайн-словари русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 15.01.2021).
11. Афанасьева Э.М. Номинологические модели в художественных практиках: к проблеме онтологии имени // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10419> (дата обращения: 05.02.2021).
12. Бубновы туз // Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson\\_new/795/%D0%B1%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9](https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/795/%D0%B1%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9) (дата обращения: 10.02.2021).
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз Наркомпроса РСФСР, 1941.
14. Держать фасон // Портал «Академик». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://fenya.academic.ru/1283/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C\\_%D1%84%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%BD](https://fenya.academic.ru/1283/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D1%84%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%BD) (дата обращения 14.02.2021).
15. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А—В / Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова; гл. редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: АЗБУКОВНИК, 2008; Г—З. М.: АЗБУКОВНИК, 2010; И—М. М.: АЗБУКОВНИК, 2012.

## References

1. Karaulov, Yu.N. (2004). Russian Language and Linguistic Personality. Moscow. (In Russ).
2. Idiostyle In *Vikipediya* URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (accessed: 21.09.2020). (In Russ).
3. Baranov, A.N. & Dobrovolskij, D.O. (2013). *Fundamentals of Phraseology*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ).
4. Zhukov, A.V. (2009). Phraseological Phantoms in the Russian Language. *Bulletin of the Novgorod State University*, 51, 57—60. (In Russ).
5. Ciczkun, V.V. & Morozova, T.V. (2017). The Problem of the Potentiality of Language: Potential Words and Potential Phraseological Units (to the history of the question). *The humanitarian*

- paradigm*, 3, 5—13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-potentsialnosti-yazyka-potentsialnye-slova-i-potentsialnye-frazeologizmy-k-istorii-voprosa> (accessed: 24.01.2021). (In Russ).
6. Russian Russian Dictionary-Thesaurus of Modern Russian Idioms: about 8,000 idioms of the modern Russian language (2007). A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskiy (eds.). Moscow. URL: [http://www.ruslang.ru/book\\_idiomat08](http://www.ruslang.ru/book_idiomat08) (accessed: 14.01.21). (In Russ).
  7. National Corpus of the Russian Language) URL: <http://www.ruscorpora.ru/search> (accessed: 15.03.2019). (In Russ).
  8. Osokina, E.A. (2019). What became of Dostoevsky's "people" In: *V Summer Readings in Darovoye ("Dostoevsky and the People")*, 26—28.08.2016, Zarajsk—Darovo. Kolomna: ID "Liga", pp. 110—146. (In Russ).
  9. German Expletive or Italian Mushroom? Where did the word "potato" come from? *Portal «Litinteres»*. URL: <https://zen.yandex.ru/media/litinteres/nemeckoe-rugatelstvo-ili-italianskii-grib-otkuda-vzialos-slovo-kartofel-5cc1e5d83d89f500b3ccc862> (accessed: 15.01.2021). (In Russ).
  10. The Origin of the Word POTATO) In *Etymological online dictionaries of the Russian language* URL: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (accessed: 15.01.2021). (In Russ).
  11. Afanas'eva, E.M. (2013). Nomenologically Models in Artistic Practice: the Problem of Name Ontology. *Modern problems of science and education*, 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10419> (accessed: 05.02.2021). (In Russ).
  12. The Ace of Diamonds In *Dictionaries and encyclopedias on Akademik* URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson\\_new/795/%D0%B1%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9](https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/795/%D0%B1%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9) (accessed: 10.02.2021). (In Russ).
  13. Shaxmatov, A.A. (1941). *Syntax of the Russian Language*. Leningrad: Uchpedgiz Narkomprosa RSFSR. (In Russ).
  14. Keep the style in *Portal «Akademik»* URL: [https://fenya.academic.ru/1283/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C\\_%D1%84%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%BD](https://fenya.academic.ru/1283/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D1%84%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%BD) (accessed: 14.02.2021). (In Russ).
  15. A Dictionary of the Language of Dostoevsky. Idioglossarium (2008—2012). Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow: AZBUKOVNIK. (In Russ).

#### **Сведения об авторе:**

Осокина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; *научные интересы*: экспериментальная, авторская, историческая лексикография, Словарь языка Достоевского, лексикология и фразеология; история русской литературы, поэтика и лингвистика текста; древнерусская литература, гимнография и литургия; компаративистика; *e-mail*: lenazar@yandex.ru.

#### **Information about the author:**

Elena A. Osokina, Ph.D. philology, Research Fellow of V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences (RLI RAS, Moscow). *Interests*: experimental, authorial, historical lexicography, Dictionary of the language of Dostoevsky, lexicology and phraseology, history of Russian literature, poetics and linguistics of text, old Russian literature, hymnography and Liturgy, comparative studies. *e-mail*: lenazar@yandex.ru.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-436-453  
УДК 811.161.1'37:821.161.1

Научная статья / Research article

## БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского

А.В. Варзин<sup>1, 2</sup>

<sup>1</sup> Московский педагогический государственный университет  
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1

<sup>2</sup> Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина  
(Технологии. Дизайн. Искусство)  
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33  
[alex.varzin@yandex.ru](mailto:alex.varzin@yandex.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию языкового выражения феномена боли в текстах Ф.М. Достоевского. Материал анализа — тексты художественных произведений, публицистика и письма великого русского писателя. Изучению текстов Достоевского предшествует анализ статей толковых и специализированных словарей и энциклопедий, в том числе — статьи «Словаря языка Достоевского». Актуальность исследования определяется приближающимся двухсотлетием Ф.М. Достоевского, в произведениях которого феномен боли стал одним из важных предметов изображения. Специфика данной работы заключается в опоре на лингвистические методы изучения феномена боли при сохранении междисциплинарной направленности исследования в целом. Изучению подвергаются разнообразные ассоциативные связи слова «боль» и его производных в контекстах произведений писателя разных жанров. На начальном этапе отбор материала осуществляется методом сплошной выборки с помощью программной системы «DiaWin» отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Полученный таким образом материал подвергается многоуровневому анализу, в ходе которого выявляется специфика концептуализации боли в языке и культуре и раскрываются особенности изображения и интерпретации феномена боли в дискурсе Достоевского и его героев. Формулируются выводы об устойчивых ассоциативных связях лексемы «боль», выявляется специфика языкового изображения различных состояний боли в текстах писателя, анализируются оригинальные интерпретации концепта боли в дискурсах героев-идеологов. В результате анализируемый феномен предстает в многомерном освещении. Устанавливается общая структура фрейма боли. Выявляется тесная взаимосвязь внешних симптомов и внутренних ощущений физической и душевной боли. Постулируется, что экспликация концепта боли носителем языка сопряжена со значительными трудностями, поскольку боль интроспективна и субъективно переживаема. Это особое состояние, которое переживается и проживается. Выделяются контекстуальные комбинации значений слова «боль» в текстах Достоевского. Раскрывается специфика образного представления ситуаций боли в произведениях писателя. Анализируются характерные для контекстов Ф.М. Достоевского приращения смысла. В результате боль осмысливается как сложный феномен языка и культуры и важный концепт в дискурсе Ф.М. Достоевского.

**Ключевые слова:** язык Достоевского, описание боли; ощущение, слово, вербализация, концепт

© Варзин А.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>



**История статьи:**

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

**Для цитирования:**

Varzin A.V. БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 436—453. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-436-453

UDK 811.161.1'37:821.161.1

## **PAIN: the Word, the Image and the Concept in the Dostoevsky's Thought and Speech Space**

Alexey V. Varzin<sup>1, 2</sup>

<sup>1</sup> Moscow Pedagogical State University (MPGU)

*1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russian Federation, 119991*

<sup>2</sup> The Kosygin State University of Russia

*33, Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997*

*alex.varzin@yandex.ru*

**Abstract.** The article is devoted to the study of the linguistic expression of the phenomenon of pain in the texts of F.M. Dostoevsky. The material of the analysis is the texts of works of fiction, journalism and letters of the Great Russian writer. The study of Dostoevsky's texts is preceded by an analysis of entries in explanatory and specialized dictionaries and encyclopedias, including articles in the "Dictionary of Dostoevsky's Language". The relevance of the study is determined by the approaching bicentennial of F.M. Dostoevsky, in whose works the phenomenon of pain has become one of the important subjects of the image. The specificity of this work lies in the reliance on linguistic methods of studying the phenomenon of pain while maintaining the interdisciplinary focus of the research as a whole. Various associative connections of the word "pain" and its derivatives in the contexts of the writer's works of different genres are being studied. At the initial stage, the selection of material is carried out by the method of continuous sampling using the DiaWin software system of the Department of Experimental Lexicography of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. The material thus obtained, is subjected to a multilevel analysis, in course of which the specificity of the conceptualization of pain in language and culture is revealed and the features of the depiction and interpretation of the phenomenon of pain in the discourse of Dostoevsky and his characters are revealed. Conclusions are formulated about the stable associative connections of the lexeme "pain", the specificity of the linguistic depiction of various states of pain in the writer's texts is revealed, the original interpretations of the concept of pain in the discourses of heroes-ideologists are analyzed. As a result, the analyzed phenomenon appears in multidimensional illumination. The general structure of the frame is established. The relationship between external symptoms and internal sensations of physical and mental pain is revealed. It is postulated that the explication of the concept of pain by a native speaker is fraught with significant difficulties, since pain is introspective and subjectively experienced. This special state is experienced and lived on. The contextual combinations of meanings of the word "pain" in Dostoevsky's texts are highlighted. The specificity of the figurative representation of pain situations in the writer's works is revealed. The increments of meaning characteristic of Dostoevsky's contexts are analyzed. As a result, pain is interpreted as a complex phenomenon of language and culture and an important concept in the discourse of F.M. Dostoevsky.

**Keywords:** Dostoevsky's language, description of pain, sensation, word, verbalization, concept

**Article history:**

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Varzin, A.V. (2021). PAIN: the Word, the Image and the Concept in the Dostoevsky's Thought and Speech Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 436—453. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-436-453

## Введение

Боль — печальный спутник человека на протяжении его жизни: с болью мы рождаемся, с болью живем, с болью умираем. Именно поэтому боль как важнейшее экзистенциальное понятие естественным образом оказывается в центре внимания философов [1]. Проблемами, связанными с изучением боли и купированием ее проявлений, серьезно занимаются медики [2]. При этом особым предметом их внимания стало описание боли средствами языка. Это действительно важная с точки зрения как теории, так и практики медицины задача: с одной стороны, необходимо точно описать изучаемый тип боли в медицинской литературе, с другой стороны — нужно верно соотнести определения, которые дают испытываемой боли пациенты, с характеристиками боли в научной и справочной литературе. И от первого, и от второго зависит точность постановки диагноза и выбор правильного лечения болезни. Поэтому создаются специальные классификации лексики, выражающей болевые ощущения, и особые вопросники для диалога с пациентом.

Изучение боли по ее вербальному описанию сделало актуальным и обращение к собственно лингвистическому и лингвокультурологическому инструментарию исследования концепта боли в языке и культуре. Настоящая статья мыслится как часть исследования, представляющего собой попытку изучения языкового выражения боли, и встраивается, таким образом, в активизировавшиеся в последние годы опыты лингвистических и лингвокультурологических исследований «языка боли» [3—5].

Непосредственно на данном этапе исследования в центре нашего внимания оказываются прежде всего обозначения боли в пространстве художественных текстов, в частности текстов Ф.М. Достоевского — писателя, приближающийся юбилей которого побуждает по-новому взглянуть не только на роль этого автора в становлении русского национального самосознания, но и на освещение им вечных проблем и мучений «человека вообще», взятого безотносительно к факторам национальности, времени и территории проживания (а феномен боли, конечно же, следует отнести к таковым). Отдельной мотивацией к такого рода работе для нас выступает дань памяти Ю.Н. Караулова — глубочайшего исследователя языка Достоевского, руководителя научного коллектива составителей словаря языка этого писателя, и памяти Е.Л. Гинзбурга — яркого ученого, верного соратника Юрия Николаевича в деле изучения речемыслительного пространства Достоевского.

Методологической базой исследования является подход, основы которого заложены в работе Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга «Номо гіденс» [6]. Мы изучаем контексты употребления слова *боль* и его производных, стремясь представить боль как своеобразное «действующее лицо» в произведениях писателя. При этом принципиальным моментом остается сохранение лингвистической основы исследования, изучение разнообразных связей слова в контексте. Раскрытие специфики изображения и художественного осмысления Достоевским феномена *боли* происходит с опорой на методы, связанные с изучением обозначений ситуаций боли в тексте и выявлением ассоциативных связей. Эту работу мы осуществляем на базе результатов сплошной компьютерной выборки, произведенной с помощью программной системы «DiaWin» отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Наряду с художественными текстами анализу подвергаются публицистика и письма писателя. Однако представляется целесообразным предпослать анализу текстов Ф.М. Достоевского небольшой анализ сферы словарной фиксации.

### **Слово *боль* в сфере словарной фиксации**

Если обращаться к дефинициям боли в сфере словарной фиксации, то в первую очередь, как представляется, есть смысл изучить определения в медицинских словарях и энциклопедиях. Для примера сошлемся на одно из таких определений.

«Большая медицинская энциклопедия» определяет боль как *«своеобразное психофизиологическое состояние человека, возникающее в результате воздействия сверхсильных или разрушительных раздражителей, вызывающих органические или функциональные нарушения в организме»* [7].

Определение содержит указание на важные дифференциальные признаки феномена боли: сочетание механизмов психологии и физиологии, возникновение в результате действия раздражителей, проявление в виде органических или функциональных нарушений.

Энциклопедия указывает также на факт того, что традиционно боль определялась как *ощущение*, однако в настоящее время в медицине и физиологии боль рассматривается как *«интегративная функция организма, которая мобилизует самые разнообразные функциональные системы для защиты организма от воздействия вредящего фактора и включает такие компоненты, как сознание, ощущение, память, мотивации, вегетативные, соматические и поведенческие реакции, элюции»* [7].

Определение энциклопедии позволяет нам наметить в самом общем виде структуру фрейма боли, в целом сходную с типичным фреймом ощущений: 1) слот-причина (источник), 2) слот-событие, т.е. указание на сам процесс боли, основные его особенности и характеристики, и 3) слот-следствие, то есть указание на последствия боли.

Обращаясь к дефинициям толковых словарей, отметим в первую очередь статью «Боль» в словаре В.И. Даля [8]. Здесь выделяется несколько значений интересующего нас слова. Иллюстрациями выступают фрагменты разговорной речи, устойчивые выражения, пословицы и поговорки.

В первую очередь лексикограф указывает на утраченное современным русским языком значение «боль = болезнь», приводя ряд синонимичных наименований боли-болезни из литературного языка и наименования болезни (боли) в диалектах. Иллюстрации при этом напоминают житейские советы и предостережения: «Боль, ж. — болезнь, болесть, хворь, хвороба, хворость, недужина, недуг, немочь, немощь, немогута, скорбь (телесная), хиль, хилина, боля, нездоровье. *Его боль держит, он лежит в боли. Какая боль у него? Боль ходит, повальные болезни. Дай боли волю, полежав, да умрешь. Боли не поддавайся. Боль приживчива, приурочлива. Боль врача ищет*».

Следующим В.И. Даль приводит характерное и для современного языка значение боли-ощущения (чувства); иллюстрируется это значение примером, содержащим указание на проявления и возможную локализацию боли: «Самое чувство, телесное страдание. *Боль скажется, услышишь, где она, в боку, в голове и пр.*». Не ограничиваясь только констатацией значения, лексикограф дает ряд атрибутивов, указывающих на разновидности боли: «Боль по роду или по чувству бывает: *острая, колючая (колотье), резучая (резь), гнетучая (ломота), грызучая (грызь), жгучая, палящая, тупая, глухая, ноющая, нылая и пр.*».

От боли физической отличается боль душевная. В определении словаря В.И. Даля этот аспект семантики слова «боль» представлен как «чувство горя, истомы, страданий душевных; скорбь, грусть, тоска, кручина, жаль, сокрушение, журьба».

Наконец, отдельно упоминается в словаре характерное для ряда говоров значение «боль — больной человек»: «Новг., вор., орл. об. больной человек, хворый, недужный, особенно роженица. *Зовите попа к болу в баню, хочет приобщиться. Не тот болен, кто лежит, а тот, кто у боли (над болью) сидит. Что исхудал? сам лежал, аль над болью сидел?*».

Примечательно, что в позднейших опытах отечественных толковых словарей XX—XXI вв. при фиксации семантики слова *боль* физическая боль и боль психическая (душевная, нравственная) зачастую оказываются совмещенными в рамках одного значения. Так, Малый академический словарь следующим образом определяет значение интересующего нас слова: «Ощущение физического или нравственного страдания. *Головная боль. Зубная боль*» [9]. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой значения разграничиваются следующим образом: «1. ед. Ощущение страдания. *Физическая боль. Душевная боль*. 2. мн. Приступ физического страдания. *Начались боли. Боли в области печени*» [10]. Как видим, лексикографы в первую очередь отмечают соотнесенность боли со *страданием* и в определениях семантики слова *боль* заостряют внимание на компоненте *ощущения* этого страдания. Нюансы,

связанные с источником и характеристиками боли, в этой связи предстают как вторичные.

В сфере авторской лексикографии ситуация, на первый взгляд, несколько иная. Обратим внимание на статью «Боль» в «Словаре языка Достоевского». Здесь выделяются три значения: «1. Ощущение физического страдания, муки. 2. Сильное душевное страдание, мука. 3. То же что болезнь» [11]. Однако автор статьи, М. М. Коробова, в примечаниях особо оговаривает тесную связь боли физической и боли душевной в текстах писателя, принципиальную сложность разграничения этих состояний.

Отталкиваясь от содержания этой статьи и используя результаты собственных наблюдений над текстами Достоевского, представим некоторые замечания по поводу специфики концептуализации боли в пространстве художественных текстов (на примере текстов Ф. М. Достоевского).

### **Словообраз и концепт боли в текстах Достоевского**

Боль — слово, которое точно передает ощущения того, кто впервые погружается в чтение книг Ф.М. Достоевского. Чувство боли при этом оказывается настолько сильным, что способно даже оттолкнуть от произведений писателя, вызвать если не идейное, то чисто психологическое отторжение. Общеизвестно определение «жестокий талант», данное писателю критиком Н.К. Михайловским [12].

Недавно ушедший от нас писатель-фронтвик Юрий Бондарев, многое испытавший на своем веку и занимавший принципиально иную позицию в оценке творчества Достоевского, тем не менее тоже указал именно на чувство боли как основную эмоциональную реакцию на произведения великого писателя: «Книги Достоевского не врачуют, не тешат и не успокаивают, — утверждал он, — наоборот, они производят резкий удар электрического тока, они оставляют ощущение кровотокающей раны, и какими бы белоснежными бинтами христианства писатель ни пытался затянуть их, завершая судьбы героев, эти раны не заживают, к ним невозможно прикоснуться без ощущений боли» [13. С. 93].

При чтении произведений писателя читатель испытывает буквальную боль, не дающую благостного, успокаивающего исхода. Достоевский мучает своего читателя, не позволяя уснуть его совести, терзая его картинами страданий и боли, провоцируя на глубокую рефлексии и лишая твердых опор в восприятии мира. Это и в самом деле очень тяжелый опыт, весьма далекий от опыта легкого чтения, — возможно, поэтому современный «непрофессиональный» читатель (не критик, не исследователь) не так часто обращается к произведениям этого автора (факт, на котором особо заострял внимание Ю.Н. Караулов).

В текстах Ф.М. Достоевского, согласно «Словарю языка Достоевского» [11. С. 255—261], слово *боль* встречается 287 раз (количество словоупотреблений в художественной прозе — 231, в публицистике — 21, в личных

письмах — 33, в официальных письмах и деловых документах — 2). В настоящей статье мы остановимся в первую очередь на контекстах употребления ключевого слова словообразовательного гнезда, но попутно укажем также на активность использования двух максимально семантически близких производных (оставив в стороне упоминания о *болезни* и *болезненности* как смежных с болью состояниях). Так, слово *болно* в значениях предиката и наречия (без учета употреблений в качестве наречия степени с семантикой предельности — в значении «очень, весьма») употреблено в текстах писателя 204 раза (163 — в художественной прозе, 18 — в публицистике, 23 — в личных письмах). Отметим также частотность формы *болит*: согласно данным «Статистического словаря языка Достоевского» А.Я. Шайкевича, В.М. Андриющенко, Н.А. Ребецкой, она встречается в текстах писателя 103 раза (из них 77 употреблений зафиксировано в художественных текстах, 2 — в критике и публицистике, 24 — в письмах) [14. С. 25].

По замечанию М.М. Коробовой, для Достоевского «характерны описания внешних проявлений переживания внутренней боли (душевной и физической, порой без их различения, без противопоставления, либо душевная боль приравнивается по силе ощущений к боли физической)» [11. С. 260].

Конечно, для субъекта (экспериенцера) боли разница между физической болью и болью психической (душевной) весьма значима. Это важный «прагматический» аспект боли. Однако боль как состояние в принципе специфична тем, что она в любом случае принадлежит внутреннему миру человека: мы не можем напрямую увидеть боль, возможно лишь ощущение боли, причем только своей боли. Чужая боль может быть явлена исключительно через внешнюю симптоматику, не дающую абсолютной гарантии верной интерпретации происходящего.

Так, к наиболее частым внешним проявлениям боли, встречающимся в текстах писателя, относится искажение черт лица (гримаса боли): *боль судорожно выдавилась на лице ее* (1, 311) [15]<sup>1</sup>, *болью искаженное [лицо]* (8, 459), *искривленное [лицо]* (6, 305), [о чертах лица] *от боли исказиться* (13, 417), боль выражать (8, 101). Именно подобная симптоматика активно воспроизводится писателем при передаче сложных душевных состояний героев. Ср.:

*Чувство боли прошло по лицу ее; она опять подняла свою голову и посмотрела на него с такою насмешкой, так презрительно-нагло, что он едва устоял на ногах* (1, 310).

*В лице раздраженной Зины показалось болезненное ощущение, как будто от острой, пронзительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство* (2, 348).

*Плач бедной, чахоточной, сиротливой Катерины Ивановны произвел, казалось, сильный эффект на публику. Тут было столько жалкого, столько*

<sup>1</sup> Здесь и далее ссылки на произведения Ф.М. Достоевского приводятся по этому изданию [15] с указанием в круглых скобках тома и страницы.

*страдающего в этом искривленном болю, высохшем чахоточном лице, в этих иссохших, запекшихся кровью губах, в этом хрипло кричащем голосе, в этом плаче навзрыд, подобном детскому плачу, в этой доверчивой, детской и вместе с тем отчаянной мольбе защитить, что, казалось, все пожалели несчастную (6, 305).*

*Князь, я сделал подло, простите меня, голубчик, — сказал он [Ганя] вдруг с сильным чувством. Черты его лица выражали сильную боль (8, 101).*

*Все черты лица ее [Катерины Ивановны] как бы вдруг исказились от боли; но прежде, чем она успела сказать слово, он [Версиков] вдруг опомнился (13, 417).*

Ср.: *как будто с болю* выдавилась улыбка (1, 310).

Отметим также еще несколько характерных для ситуаций боли (или сравниваемых с ними состояний) внешних проявлений. В текстах Достоевского это бледность (*Изумление, боль, укор и ужас изображались на смертельно побледневшем лице ее (2, 253); как будто от боли побледнеть (3, 199)*), инстинктивные прикосновения к больному месту (*придерживать [рукой] грудь (6, 144)*), затрудненность речи (*едва выговаривая от боли слова (9, 95)*), попытка удержать стоны и крики, более или менее успешная (*...посторонний человек стиснул в своем кулаке руку Ивана Андреевича так, что тот едва не вскрикнул от боли (2, 66)*), скованность (заторможенность) моторных реакций или, напротив, попытка подавить боль активным движением (ВМ 9, 96). Ср. также: *с болю биться [о жилах на висках] (1, 81)*

Боль выступает одной из важных характеристик портретов героев Достоевского, обретая порою свойства постоянного признака внешности героя и ассоциируясь, например, с состоянием *грусти*:

*Теперь, к сороковым годам, ясность и доброта почти погасли в этих глазах, уже окружившихся легкими морщинками; в них появились, напротив, цинизм не совсем нравственного и уставшего человека, хитрость, всего чаще насмешка и еще новый оттенок, которого не было прежде: оттенок грусти и боли, — какой-то рассеянной грусти, как бы беспредметной, но сильной. Особенно проявлялась эта грусть, когда он оставался один (9, 6).*

*Александра Михайловна была женщина лет двадцати двух, тихая, нежная, любящая; словно какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая сердечная боль сурово оттеняли прекрасные черты ее (2, 224).*

Боль душевная обычно в большей степени привлекает художников и поэтов, но для Достоевского важно подчеркнуть взаимосвязь душевных переживаний и физической боли. Душевные муки ощущаются его героями как муки буквальные, физические. И наоборот: писателя и его героев волнует то, как переживается и проживается буквальная, физическая боль, как она отражается на душевном здоровье, на самочувствии и мировосприятии личности.

В этом отношении показательными оказываются «отрефлектированные» и особо значимые для автора и его героев смыслы и ассоциации, связанные с феноменом боли и непосредственно со словом «*боль*».

Боль связывается, например, с *чувством любви*. В романе «Подросток» Версиров говорит Аркадию: «Я в Германии только понял, что люблю ее [Софью]. Началось с ее впалых щек, которых я никогда не мог припоминать, а иногда так даже и видеть без боли в сердце — буквальной боли, настоящей, физической. Есть больные воспоминания, мой милый, причиняющие действительную боль; они есть почти у каждого, но только люди их забывают; но случается, что вдруг потом припоминают, даже только какую-нибудь черту, и уж потом отвязаться не могут» (13, 381). Укажем на важную деталь в восприятии боли героем: он прямо подчеркивает, что душевная боль может быть необычайно сильной, становясь болью «буквальной», «настоящей», «физической». С речевой точки зрения примечательно также то, как в текстовом фрагменте обыгрывается значение выражения «не мог... без боли в сердце»: контекст первоначально создает условия для срабатывания своеобразного речевого автоматизма, и читатель воспринимает слово *боль* как употребленное в рамках устойчивого выражения, но устойчивый, как представляется поначалу, речевой оборот вдруг обретает буквальное значение.

Возможны также особые контекстуальные комбинации значений, на что и указывает М.М. Коробова [11]. Ср.: *Припадок, бывший с ним [князем Мышкиным] накануне, был из легких; кроме ипохондрии, некоторой тяжести в голове и боли в членах, он не ощущал никакого другого расстройства. Голова его работала довольно отчетливо, хотя душа и была больна* (8, 460).

Нередко неопределенность описания конкретного состояния непосредственно связана с тем, что передается это состояние не от лица того, кто его испытывает, а с позиции внешнего наблюдателя, который судит о том, что происходит с другим человеком, исключительно по внешним проявлениям (симптоматике).

Для рассказчика Достоевского особенно характерно в таких случаях употребление модальных операторов *как бы*, *как будто*, ограничивающих достоверность сообщаемой информации или же переводящих содержание высказывания в плоскость сравнения. Например: *Nicolas смотрел очень нелюбезно, совсем не по-родственному, был бледен, сидел потупившись и слушал сдвинув брови, как будто преодолевая сильную боль* (10, 42). Внешние признаки («бледен», «потупившись», «сдвинув брови») позволяют предположить наличие даже буквально понятого болезненного состояния, но не дают полной картины происходящего. Внутренний мир личности скрыт от взора наблюдателя, и судить о нем оказывается возможным лишь со слов самой личности или, как в этом примере, по доступным внешнему наблюдению, но не обеспечивающим верификацию признакам.

Описание боли начинающей «мучиться родами» Marie Шатовой (роман «Бесы») также дано «со стороны» (на это особо указывает использование модального оператора *как бы*). При этом рассказчик подчеркивает пугающее воздействие внешних признаков боли на равнодушного к происходящему с близким человеком наблюдателя:



Она встала, **хотела шагнуть, но** вдруг как бы сильнейшая судорожная боль разом отняла у нее все силы и всю решимость, и она с громким стоном опять упала на постель. Шатов подбежал, но Marie, спрятав лицо в подушки, захватила его руку и изо всей силы стала **сжимать и ломать** ее в своей руке. Так продолжалось с минуту (10, 441).

Приступ повторяется несколько позже:

Она **хотела было** сделать отрицательный знак головой, и вдруг с ней сделалась прежняя судорога. Опять она **спрятала лицо в подушку** и опять из всей силы целую минуту **сжимала до боли руку** подбежавшего и обезумевшего от ужаса Шатова (10, 442).

Далее приводится краткое описание нарастания боли:

И она опять упала на постель **в припадке той же судорожной боли**; это уже в третий раз, но на этот раз **стоны стали громче, обратились в крики** (10, 443).

Описания содержат характерные внешние признаки сильной боли: скованность двигательных реакций субъекта; попытки закрыть (спрятать) лицо, воздержаться от громкой голосовой реакции, практически буквально «удержать себя в руках»; наконец, непосредственное проявление голосовой реакции при усилении боли (стоны, крики).

Особо выделим такие знаковые для художественного мира Достоевского ассоциаты к слову *боль*, как лексемы, указывающие на смежные состояния *страха, ужаса испуга, боязни*. В вышеприведенном примере *ужас* у наблюдателя (Шатова) вызывает не собственная боль, а боль близкого человека. Чаще встречается вариант ассоциирования страха с угрозой испытать боль непосредственно, самому. Однако *страх (испуг, ужас)* может не только ассоциативно связываться с *болью*, но и выступать в роли состояния, которое оказывается сильнее боли. Ср.: [Неточка] *Я ушибла о кровать руку довольно больно, но испуг был сильнее боли, и я даже не поморщилась* (2, 159).

Сочетания с глаголами фиксируют прежде всего реакции на боль и сам факт ее претерпевания: *боль выдерживать* (2, 169; 2, 271), *вытерпеть* (6, 171), *ощутить* (8, 231; 10, 476), *ощущать* (3, 423; 10, 130), *переносить* (4, 153), *побеждать* (10, 166), *победить* (10, 166), *подавить* (3, 230), *почувствовать* (10, 476; 14, 304, 335; 15, 155; 25, 107, 109, 110), *преодолевать* (10, 42), *причинять* (13, 381), *разбередить* (28.1, 241), *чувствовать* (2, 161; 5, 42; 8, 322; 14, 168; 28.1, 159). Ср. также: *боли бояться* (9, 96; 22, 21), *не почувствовать* (4, 157, 109), *не чувствовать* (14, 167; 25, 103); *много боли перенести* (29.2, 69); *от боли корчиться* (14, 355), *мучиться* [о сердце] (3, 403), *мучаться* (9, 93), *надрываться* [о сердце] (1, 44). В художественных текстах при описании волнения героя, порывистости в поведении, неуравновешенного эмоционального состояния, сильных чувств Достоевский активно использует сочетание *сжать до боли руку (руки)* [11. С. 256].

Атрибутивы при существительном *боль* в художественных текстах в основном отличаются семантикой предельности: *возраставшая* (9, 89; 9, 94),

*сильная* (6, 171), *сильнейшая* (14, 294), *излишняя* (5,197), *почти невыносимая* (10, 476), *нестерпимая* (10, 166; 28.2 149), *ужасная* (2, 161; 10, 476), *мучительнейшая* (4, 161). Ср. также: *сильные боли* (11, 8). Реже встречаются определения, указывающие на меньшую степень интенсивности боли. Так, в «Вечном муже», где описания боли составляют предмет особого внимания автора, встречаем контекст, в котором присутствует сочетание *унывающаяся боль* (9, 96), указывающее на уменьшившиеся болевые ощущения. Ср. также в «Дневнике писателя» и письмах: *малейшая* (22, 21), *затихшая* (28.2, 173).

Определения могут подчеркивать временной аспект боли: *десятичасовая* (9,96), *поминутная* (28.2, 68). Ср. также указание на фактор неожиданности: *боль внезапная* (9,93).

Наконец, определения непосредственно указывают на тип боли, ее локализацию и симптоматику.

В первую очередь это боль *головная* (2,247; 3, 268; 5,41; 5, 42; 8, 437; 10, 378; 14,276; 14, 341; 15, 43; также в письмах — 29.2, 35; 29.2, 62): *С самого первого взгляда на него Иван Федорович несомненно убедился в полном и чрезвычайном болезненном его [Смердякова] состоянии: он был очень слаб, говорил медленно и как бы с трудом ворочая языком; очень похудел и пожелтел. Во все минут двадцать свидания жаловался на головную боль и на лом во всех членах* (15, 43); *Он [П. Верховенский] уверял, что заболел головною болью и рвотой на квартире у Гаганова, к которому забежал случайно ранним утром* (10, 378).

Боль *зубная* (5, 36; 5, 106; в публицистике — 19, 71 в письмах — 28.2, 173; 28.2, 174; 28.2, 318; 29.2, 69) в текстах Достоевского может становиться, по замечанию М.М. Коробовой, «своеобразным признаком несчастливого человека» [11. С. 256]: *Дома у него [чиновника] была старая тетка, родившаяся с зубной болью и подвязанной щекой, и ворчунья жена, с шестерыми детьми* (19, 71).

Отметим также такие сочетания, как *судорожная боль* (2, 251, 10, 441, 443); *боли конвульсивные* (5, 130). Судороги, конвульсии относятся к симптомам эпилептического припадка. Достоевский, сам страдавший эпилепсией, досконально знал симптоматику этого заболевания и нередко делал эпилептиками своих героев.

Правая валентность слова *боль* также указывает на локализацию боли: *боль в глазах* (4, 144), *в голове* (29.1, 345), *в груди* (9, 89, 94, 96; 14, 294; 28.1, 380), *в ногах* (11, 8), *в ноге* (30.1, 34), *в мизинце* (10, 476), *в пояснице* (14, 335), *в руке* (2, 161), *в сердце* (13,381), *в спине и груди* (3, 423), *в членах* (8, 460; 15, 43); *боли печени* (29.1, 335), *сердца* (5, 28). Может указываться источник причинения боли: *боль от кнута* (6, 90), *боли* (именительный падеж множественного числа) *от палок и розг* (4, 161).

В сочетаниях лексемы *боль* с существительными обращает на себя внимание активность слова *сердце*: *боль собственного сердца* (4, 43), *сердца* (14, 65; 14, 486; 30.1, 148); *боль в сердце* (1, 270; 2, 116; 2,163; 2, 224; 14, 257;

23, 150; 28.1, 164, 241; 29.2, 97), *на сердце* (20, 14). *Сердце* выступает и объектом физической боли, иместилищем боли душевной. Ср.: *что-то наполнило сердце до боли* (14, 327), *чувствовать боль в сердце, в сердце была боль* (13, 338). Уместно также здесь еще раз вспомнить о контексте из романа «Подросток», в котором *боль в сердце* (душевная боль) характеризуется как *буквальная, действительная боль* (13, 381). Ср. также: *до боли биться [о сердце]* (11, 19); *боль в душе* (1, 304), *боль воспоминаний* (6, 244), *боль [за кого-либо]* (13, 338).

Если обратить отдельное внимание на определения к слову *боль* в значении «сильное душевное страдание, мука», то они также характеризуют феномен боли с разных сторон: 1) в аспекте оценки — морально-этической и общенормативной: *нелицемерная* (13, 338), *странная* (25, 107); 2) в аспекте измерения: *одинаковая* (8, 381), *беспредельная* (3, 43); 3) во временном аспекте: *временная* (29.1, 138); 4) в аспекте пространственной локализации: *внутренняя* (4, 146), *глубочайшая* (5, 147); 5) в аспекте восприятия (метафорическом): *глухая* (2, 224), *глухая, невыносимая* (1, 311), *глухая, нестерпимая* (1, 270); *жгучая* (14, 355), *острая* (2, 293), *пронзительная* (2, 41, 3, 196); *глухая, но мучительно-сладостная* (1, 270), *томительно-сладкая* (2, 126), *ядовитая* (5, 147); *сильная* (8, 101), *тяжкая* (2, 41), *мучительная* (2, 230, 13, 297, 28.2, 235), *чудовищная* (6, 242).

Глубокое наполнение получает авторское определение *духовная боль* в эмоциональном монологе князя Мышкина о причинах русского атеизма: «*Не из одного ведь тщеславия, не все ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали!*» (8, 452).

В «Дневнике писателя» встречаем также окказиональное употребление определения с «социально-политической» семантикой: *гражданские боли*: *Впрочем, есть кое-где и настоящая гражданская тревога, есть боль, есть болезненные сомнения за будущее, — не хочу душой кривить. Но, однако же, хоть и истинные гражданские боли, а почти везде все на тему: зачем-де у нас все это не так, как в Европе?* (27, 6).

Феномен боли заполняет пространство текстов Достоевского, и герои оказываются способными испытывать сложные состояния, когда боль сливается с радостью и удовольствием (либо предельная радость вызывает боль): *боль глухая, но мучительно-сладостная* (1, 289), *томительно-сладкая* (2, 116), *радостная* (3, 421).

В контекстах описания подобных состояний может встречаться характеризующее сочетание «душу ломит». Ср.:

[Неточка] — *Катя! больно мне как!* — сказала я, вся в исступлении от радости. — *Душу ломит!* (2, 219).

— *Худенькая, правда, бледненькая, но посмотри на нее [Наташу], какая хорошенькая!*

— *Еще лучше, чем прежде была, да, лучше, — прибавил он [Ихменев], невольно умолкая под душевной болью, радостною болью, от которой как будто душу ломит надвое (3, 42).*

Ср. также: *Я [Фельетонист] до того замечтался, что проглядел всю мою молодость, и когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я... я... служил примерно, но только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, разворачиваю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и люблю, и люблю.... (19, 70).*

Чувство боли от живейшего отклика на страдания другого человека возникает у героев, обладающих особым даром сопереживания и глубокого проникновения в душу другого, — даром, который М.М. Бахтин связывал с «проникновенным словом», уверенно проникающим во внутренний диалог другого человека [16]. Но для самих носителей проникновенного слова — таких светлых личностей, как князь Мышкин и Алеша Карамазов, — это чувство боли сопряжено с особым страхом — боязнью внутренне допустить осуждение ближнего или причинить ему боль через свидетельство его чрезмерного самоосуждения:

*Еще никогда не делала Катя таких признаний Алеше, и он почувствовал, что она теперь именно в той степени невыносимого страдания, когда самое гордое сердце с болью крушит свою гордость и падает побежденное горем. О, Алеша знал и еще одну ужасную причину ее теперешней муки, как ни скрывала она от него во все эти дни после осуждения Мити; но ему почему-то было бы слишком больно, если б она до того решилась пасть ниц, что говорила бы с ним сама, теперь, сейчас, и об этой причине. Она страдала за свое «предательство» на суде, и Алеша предчувствовал, что совесть тянет ее повиниться, именно перед ним, перед Алешей, со слезами, со взвизгами, с истерикой, с битьем об пол. Но он боялся этой минуты и желал пощадить страдающую (15, 181).*

Боль предстает не только как собственно ощущение, но и как «представление в нас» об этом ощущении, причем представление, продиктованное и нашим личным опытом переживания боли, и культурными, социальными, религиозными, психологическими установками, принятыми в том обществе, которое нас окружает, и так или иначе разделяемыми или отвергаемыми нами. На номинацию экзистенциального понятия боли или конкретной ситуации, представляющейся нам болью, влияет множество факторов, включая языковые конвенции того языка, на котором мы говорим. И герои писателя задумываются над природой и характером боли, стремясь сознательно анализировать это состояние, его истоки и проявления.

Так, в «Записках из мертвого дома» рассказчика интересует природа физической боли, которую испытывают арестанты при различных наказаниях, и пределы возможностей человека перенести эту боль. И его не могут удовлетворить конвенционально заданные общезыковыми метафорами боли

ответы арестантов: *Мне иногда хотелось определенно узнать, как велика эта боль, с чем ее, наконец, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не из праздного любопытства. Повторяю, я был взволнован и потрясен. Но у кого я ни спрашивал, я никак не мог добиться удовлетворительного для меня ответа. Жжет, как огнем палит, — вот все, что я мог узнать, и это был единственный у всех ответ. Жжет, да и только* (4, 153—154). Арестантам из народа, переступившим через закон, все равно понятна религиозная установка по отношению к боли, принятая в христианстве: к боли нужно относиться как к испытанию, которое посылается для облегчения нашей участи. И они не ропщут, стойко перенося наказания. А образованный человек XIX столетия, будучи не в силах объяснить причины своего интереса, мучительно ищет ответы на вопросы, которые простолюдина внешне вообще мало волнуют.

Герой «Записок из подполья» и вовсе выстраивает специфическую философию «зубной боли», идеологически осмысливая ассоциацию боли и наслаждения:

*В этих-то столах и выражается наслаждение страдающего; не ощущал бы он в них наслаждения — он бы и стонать не стал. Это хороший пример, господа, и я его разовью. В этих столах выражается, во-первых, вся для нашего сознания унижительная бесцельность вашей боли; вся законность природы, на которую вам, разумеется, наплевать, но от которой вы все-таки страдаете, а она-то нет. Выражается сознание, что врага у вас не находится, а что боль есть; сознание, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполне в рабстве у ваших зубов; что захочет кто-то, и перестанут болеть ваши зубы, а не захочет, так и еще три месяца проболят; и что, наконец, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вам остается для собственного утешения только самого себя высечь или прибить побольнее кулаком вашу стену, а более решительно ничего* (5, 106).

Своеобразное оппонирование этой философии интеллектуального мазохизма осуществляет герой романа «Бесы» Кириллов. В дискурсе этого героя Достоевского слово *боль* приобретает подлинно метафизические смыслы, включаясь в общий контекст с единицами семантического поля «страх» и лексемами полей «жизнь», «смерть», «Бог».

Главный экзистенциальный обман человечества, по мысли Кириллова, заключается в том, что *боль* осмысливается как непременный и неотъемлемый атрибут жизни наряду со *страхом*; *жить* — значит *испытывать боль и страх*. Преодоление боли и страха видится Кириллову задачей подлинно вселенской важности: *«Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман, — заявляет он. — Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет. А тот Бог не будет* (10, 93).

Экзистенциальная *боль*, по мысли Кириллова, заключается в ощущении *страха небытия*. А концепт *Бог* в речемысле Кириллова интерпретируется как *«боль страха смерти»*. Получается, что сама идея Бога — это порождение страха перед смертью, которая ассоциируется с болью. Для разьяснения своей мысли герой-идеолог использует метафору камня:

— *Стало быть, тот Бог есть же, по-вашему?*

— *Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое...* (10, 94).

В контексте теории человекобожества, в философских построениях Кириллова приходящей на смену идее Богочеловечества, обожение человека без участия Бога — это возведение самого человека в ранг Бога. Но на пути к реализации этой идеи стоят страх боли и боль страха небытия.

Это последовательно атеистическое развертывание идей боли и страха Божия. И сам Достоевский, конечно, не мог быть солидарным со своим героем. Но исходные посылки, лежащие в основе теории Кириллова, явно входят в круг тех проблем, которые мучительно волновали самого писателя и к которым он снова и снова возвращался в своих произведениях. Ср. с утверждением из знаменитого монолога князя Мышкина, за которым чувствуется трагический личный опыт Достоевского, пережившего ожидание собственной казни: *«А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что знаешь наверно, что через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас — душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно»* (8, 20). Выход на метафизический уровень осмысления феномена боли — это то, что соответствует особенностям самого творческого метода писателя, связанного со стремлением Достоевского *«заглянуть за черту»*, попытаться увидеть и представить больше, чем доступно нашему *«евклидову уму»*. И здесь вспоминаются слова еще одного героя Достоевского — Раскольникова, указавшего на прямую связь переживания боли и становления сознания человека: *«Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца»* (6, 203).

## Заключение

Боль в качестве важнейшего экзистенциального феномена весьма сложна и специфична. И экспликация концепта боли как элемента языкового сознания сопряжена со значительными трудностями, поскольку боль интроспективна. К тому же это особое *состояние*, которое *переживается* и *проживается*. И у каждого из нас есть свое представление о боли, определяемое нашим личным опытом переживания боли и теми конвенциями окружающего нас общества, которые формируют *культуру боли* в этом обществе, социально приемлемые образцы реакции на боль и образцы поведения в ситуации боли.

Обратившись к исследованию сферы словарной фиксации, мы стремились дать общее представление о боли как феномене, имеющем социальное закрепление и языковую фиксацию. И в текстах Достоевского мы обнаруживаем употребление слова *боль* в тех же значениях, которые фиксируются в словаре В. И. Даля (за исключением областного «боль — больной человек»): 1) боль = болезнь (значение утрачено современным русским литературным языком); 2) боль — телесное страдание; 3) боль — душевное страдание. Однако примечательно, что уже в дефинициях толкового словаря определение значений сопровождается указанием на разновидности боли: через атрибутивы в определении боли физической и через синонимический ряд в определении боли душевной.

Художественные тексты обладают огромным арсеналом возможностей для образной передачи состояний боли. В рамках данной статьи мы обратились к анализу только некоторых из них — в первую очередь к анализу синтагматических и ассоциативно-парадигматических связей слова *боль* — ключевого слова словообразовательного гнезда. При этом лишь косвенно оказались затронутыми возможности передачи болевых ощущений через глагольную лексику (*болит, нарываает, ломит, жжёт* и т.д.). Это может стать продолжением исследования.

На данном этапе для нас было важно раскрыть многоуровневость содержания, стоящего за словом *боль* (и отчасти — за производными от него лексическими единицами). Идеологически насыщенные тексты Достоевского предоставляют для этого богатые возможности. Задумываясь над природой боли, герои-идеологи в текстах Достоевского выводят осмысление этого феномена на философский уровень. Порою такие философские высказывания тяготеют к афористичности (примером чему могут быть приведенные выше изречения Кириллова и Раскольниковова), но важен и сам факт употребления в подобных контекстах слова *боль* как имени концепта, содержание которого становится предметом обсуждения. Боль для Достоевского и его героев — это экзистенциально значимое понятие, осмысление содержания которого связано с осознанием себя и своего места в мире.

### Библиографический список

1. *Ладов В.А.* Витгенштейн и Хакер о языке ощущений // Вестник Томского государственного университета (Философия. Социология. Политология). 2012. № 4 (20). С. 135—140.
2. Сайт Международной ассоциации по изучению боли. The International Association for the Study of Pain (IASP) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iasp-pain.org/> (дата обращения: 08.11.2020).
3. *Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 76—82. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/1833/12.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

4. Песоцкая И.В. Концепт «боль» как фрагмент научной языковой картины мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2016/09/fi11-22.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).
5. Раренко М.Б. Классификация боли в языке (на примере английской лингвокультуры) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2015. № 1 (26). С. 124—132.
6. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Homo ridens // Слово Достоевского : сб. статей / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1996. С. 160—186.
7. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. Под ред. Б.В. Петровского. Режим доступа: <https://бмэ.орг/index.php/БОЛЬ> (дата обращения: 08.11.2020).
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб., 1880—1882.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
11. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А—В / Российская академия наук, Институт русского языка имени В.В. Виноградова; главный редактор Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. С. 255—261.
12. Михайловский Н.К. Жестокый талант // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. М., 1990.
13. Бондарев Ю.В. Обнаженная огромность страстей // Поиск истины. М.: Современник, 1976.
14. Шайкевич А.Я. Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003.
15. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972—1990.
16. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

## References

1. Ladov, V.A. (2012). Wittgenstein and Hacker about the Language of Sensations. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 4 (20), 135—140. (In Russ.).
2. The International Association for the Study of Pain (IASP). URL: <https://www.iasp-pain.org> (accessed: 08.11.2020).
3. Bonch-Osmolovskaya, A.A., Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2007). Conceptualization of Pain in Russian: a Typological Perspective. In: *Computational linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the international conference «Dialogue 2007»* (Bekasovo, May 30 — June 3, 2007), L.L. Iomdin, N.I. Laufer, A.S. Narin'yani, V.P. Selegei. (ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities publ. pp. 76—82. [Electronic resource]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1833/12.pdf> (accessed: 08.11.2020). (In Russ.).
4. Pesotskaya, I.V. The Concept of “pain” as a Fragment of the Scientific Linguistic Picture of the World. [Electronic resource]. URL: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2016/09/fi11-22.pdf> (accessed: 08.11.2020). (In Russ.).
5. Rarenko, M.B. (2015). Classification of Pain in the Language (on the example of English language and culture). *Chelovek: obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty*, 1(26), 124—132. (In Russ.).
6. Karaulov, Yu.N. & Ginzburg, E.L. (1996). Homo ridens In: *Word of Dostoevsky*. Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow. (In Russ.).
7. Big Medical Encyclopedia (1974—1989), B.V. Petrovskii (ed.) In 30 vols. Moscow. [Electronic resource]. URL: <https://бмэ.орг/index.php/БОЛЬ> (accessed: 08.11.2020). (In Russ.).
8. Dal, V.I. (1880—1882). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Saint Petersburg. (In Russ.).
9. Dictionary of the Russian language: in 4 vols (1999). A.P. Evgen'eva (ed.). Vol. 1. Moscow: Poligrafresursy. (In Russ.).



10. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992). Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow. (In Russ.).
11. Karaulov, Yu.N. (Ed.) (2008). Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary. A—V. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
12. Mikhailovskii, N.K. (1990). Cruel Talent In *About Dostoevsky: Dostoevsky's Creativity in Russian Thought 1881—1931*. Moscow. (In Russ.)
13. Bondarev, Yu.V. (1976). The Naked Vastness of Passion In *Bondarev Yu.V. Search for the Truth*. Moscow: Sovremennik. pp. 92—97 (In Russ.).
14. Shaikovich, A.Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003). Statistical Dictionary of the Language of Dostoyevsky. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
15. Dostoevskii, F.M. (1972—1990). The Complete Collection of Works in 30 volumes. Leningrad. (In Russ.).
16. Bakhtin, M.M. (1979). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow. (In Russ.).

#### **Сведения об авторе:**

*Varzin Алексей Владимирович*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; доцент кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); ORCID: 0000-0001-6395-2031; *сфера научных интересов*: семантика, лингвистический анализ текста; *e-mail*: alex.varzin@yandex.ru.

#### **Information about the author:**

*Alexey V. Varzin*, PhD of Philological Sciences, Associate professor, Associate professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University; Associate professor of the Department of General and Slavic Philology, The Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia; ORCID: 0000-0001-6395-2031; *scientific interests*: semantics, linguistic analysis of text; *e-mail*: alex.varzin@yandex.ru.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-454-471  
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья / Research article

## Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и ее семантические эффекты

Е.В. Шарапова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН  
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, 18/2  
[katyasharapik@gmail.com](mailto:katyasharapik@gmail.com)

**Аннотация.** Статья посвящена анализу нестандартных сочетаний интенсификаторов с опорными (главными) словами в языке Ф.М. Достоевского. Интенсификаторы — это слова, семантика которых полностью ориентирована на выражение интенсивности признака, действия или состояния, выраженного опорным словом. Для языка Достоевского характерна тенденция к образованию определенных типов нестандартных сочетаний с интенсификаторами. На примере отдельных интенсификаторов (*очень, горячий и горячо, изо всех сил* и др.) в статье рассматриваются основные типы нестандартной сочетаемости и описываются ее семантические эффекты. Работа выполнена на материале выборки словосочетаний из полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского (художественные тексты, публицистика, личные письма, деловые письма и документы). Основным критерием для выявления нестандартной сочетаемости было наличие семантического рассогласования между интенсификатором и опорным словом, также учитывалось нарушение правил узуальной, идиоматической сочетаемости. Поскольку нормы лексической сочетаемости в современном русском языке сильно отличаются от норм XIX века, в качестве материала для сравнения был взят подкорпус текстов XIX века Национального корпуса русского языка. В статье показано, как в нестандартных сочетаниях с интенсификаторами происходит семантический сдвиг — профилирование периферийных семантических признаков опорных слов или «навязывание» опорному слову противоречащих его значению семантических компонентов. В нестандартных словосочетаниях изменяется концептуализация ситуации, обозначаемой опорным словом, то есть происходит своеобразная авторская переинтерпретация ситуации. Поэтому нестандартные словосочетания с интенсификаторами вносят существенный вклад в идиолект, идиостиль Ф.М. Достоевского и авторскую концептуализацию мира в его художественных произведениях.

**Ключевые слова:** интенсификатор, интенсивность, сочетаемость, контекстный семантический сдвиг, языковая концептуализация ситуации, идиостиль, язык Ф.М. Достоевского

### Финансирование. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста»

© Шарапова Е.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**История статьи:**

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

**Для цитирования:**

*Шарапова Е.В.* Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и ее семантические эффекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 454—471. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-454-471

UDK 811.161.1'374:821.161.1

## **Intensifiers in Fyodor Dostoevsky's Individual Style: Semantics of Irregular Lexical Combinations**

**Ekaterina V. Sharapova**

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS  
18/2, Volkhonka str., Moscow, Russian Federation, 119019  
katyasharapik@gmail.com

**Abstract.** The paper is dedicated to the analysis of irregular intensifying constructions in Fyodor Dostoevsky's individual style, more specifically of irregular lexical combinations including an intensifier and a main word. The meaning of intensifies is completely focused on expressing the intensity of an attribute, action or state denominated by the main word. Fyodor Dostoevsky's writing style tends to form certain types of irregular lexical combinations including intensifiers. Through a case study of intensifiers *ochen'*, *goryachiil/goryacho*, *izo vsekh sil*, etc. the article describes several main types of irregular combinations with the view to find out semantic effects of irregular combinability. The analysis has covered the complete corpus of Fyodor Dostoevsky's texts (fiction, journalism, private correspondence, business correspondence and documents). The first discriminant mark of irregular combinations is the semantic contradiction between the terms, the violation of idiomatic compatibility rules is the second feature taken into account. Whereas collocational rules in modern Russian differ a lot from the language norms of the 19th century, the subcorpus of 19th century texts of the National Russian Corpus serves to test the irregular idiomatic combinability. The article shows how the irregular combinability causes context meaning shifts profiling peripheral semantic features of the main word or "imposing" on it an untypical and contradictory semantics. In irregular lexical combinations, the language representation changes due to the original authors reinterpretation of the referential situation. The irregular lexical combinations with intensifiers are thereafter a distinctive feature of Fyodor Dostoevsky's individual writing style that reveals his original conceptualization of the world.

**Key words:** intensifier, intensity, combinability of words, context meaning shifts, language representation, individual style, Fedor Dostoyevsky

**Financing. Acknowledgments**

The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project No. 18-012-90025 "A linguistic model of Dostoevsky's individual style: corpus technologies in the analysis of literary text"

**Article history:**

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

**For citation:**

Sharapova, E.V. (2021). Intensifiers in Fyodor Dostoevsky's Individual Style: Semantics of Irregular Lexical Combinations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 454—471. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-454-471

## Введение

К интенсификаторам мы относим слова-усилители со значением высокой (типа *очень*), чрезмерной (типа *слишком*) и предельной (типа *совсем*, *совершенно*) степени признака. Интенсификаторы — это семантически несамостоятельные слова, семантика которых ориентирована на передачу значения интенсивности признака, действия или состояния, выраженного другим словом. С семантической несамостоятельностью интенсификаторов тесно связано такое их свойство, как идиоматичность: многие интенсификаторы употребляются в коллокациях и обладают лексически ограниченной сочетаемостью. В модели «Смысл ↔ Текст» интенсификаторам соответствует лексическая функция Magn [1—3]. Одновременно для интенсификаторов характерна семантическая мотивированность, т. е. семантическая согласованность с главным словом, которая делает выбор того или иного интенсификатора неслучайным [4. С. 24—25; 5].

В языке Ф.М. Достоевского обнаруживаются устойчивые тенденции образования определенных типов нестандартных сочетаний интенсификаторов и опорных (главных) слов, которые являются важными характеристиками его идиостиля. Целью нашей работы является описание нестандартной сочетаемости, характерной для языка Достоевского, на примере отдельных интенсификаторов. Объект исследования — нестандартные сочетания интенсификаторов *очень*, *горячий/горячо* и *изо/из всех сил* (а также *изо/из всей силы*, *из последних сил*, *сколько есть сил/сколько было силы*, *что есть сил/что было силы*) с опорными словами. Выборка контекстов из полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского составила 1811 словосочетаний с *очень*, 242 словосочетания с *горячий/горячо* и 306 словосочетаний с *изо всех сил* и др.

Анализ выборки словосочетаний с перечисленными интенсификаторами включал: 1) семантическую разметку опорных слов; 2) выделение основных семантических классов опорных слов; 3) анализ случаев нарушения семантической и идиоматической, узуальной сочетаемости; 4) анализ семантических эффектов нестандартной сочетаемости. Также мы указываем на семантически близкие к рассмотренным интенсификаторы, которые участвуют в образовании тех же типов словосочетаний (следовательно, тех же текстовых категорий и особенностей идиостиля).

Для сравнения в работе использовался подкорпус текстов XIX века Национального корпуса русского языка<sup>1</sup> [6]. Среди нестандартных словосочетаний, которые будут описаны в этой работе, есть те, которые можно условно

<sup>1</sup> Далее в статье обозначен как [НКРЯ 1801—1900].

назвать уникальными — они встречаются в текстах Достоевского, но не были найдены в выбранном подкорпусе текстов (например, *очень поцеловаться*, *очень работать*, *горячо прислушиваться*, *изо всей силы бояться*). Кроме них есть также словосочетания не уникальные. Сравнительно незначительная абсолютная частота таких словосочетаний не позволяет говорить об их широкой употребительности. Например, *очень целовать* в [НКРЯ 1801—1900] имеет 1 вхождение за пределами текстов Ф.М. Достоевского, а поиск словосочетания *очень кланяться* дает всего 34 вхождения, ср. соответственно *очень понять* — 3 и *хорошо понять* — 251, *очень искать* — 3 и *жадно искать* — 32, *изо всех сил хотеть* — 1 и *очень хотеть* — 140.

### **Очень: эмоциональная оценка и эмфаза**

В некоторых исследованиях о языке Ф.М. Достоевского были отмечены случаи нестандартной сочетаемости интенсификаторов: *очень молчать*, *ужасно умела слушать*, *совершенно знать* [7. С. 191; 8. С. 189—190].

У глагольных действий и состояний выделяется целый ряд специальных параметров — временных, аспектуальных, акциональных, и наречные интенсификаторы могут относиться к конкретному параметру и указывать на его степень, а также могут характеризовать субъекта ситуации: *горячо любить*, *крепко спать*, *крепко поцеловаться*, *ожесточенно спорить* и т.д., см. [9]. Такие интенсификаторы часто имеют идиоматическую, лексически ограниченную сочетаемость. Интенсификаторы типа *очень* или *ужасно* лишены дополнительных смыслов такого рода, т. е. указывают непосредственно на интенсивность действия или состояния и не отсылают к конкретным параметрам ситуации, которые подвергаются интенсификации.

Непредельный интенсификатор *очень* является наиболее неспецифичным, нейтральным в плане семантики, однако не является универсальным в плане сочетаемости. *Очень* свободно сочетается с непредельными (в смысле [10. С. 44]) качественными прилагательными и наречиями, а также с предикативами: *очень противный*, *очень грязный*; *очень быстро*, *очень громко*; *очень тяжело*, *очень жаль*. Что касается глаголов, то непредельные интенсификаторы типа *очень* сочетаются с предикатами определенных семантических классов, которые имеют семантические связи с непредельными признаками и интенсифицируемыми состояниями, а также соответствующими каузативами: *очень любить*, *очень хотеть*, *очень постареть*, *очень обидеть*.

В языке Ф.М. Достоевского нестандартные словосочетания образуются при присоединении *очень* к самым разным группам предикатов, которые требуют при себе интенсификатора, обозначающего конкретный параметр. Такого рода замены — общий процесс, свойственный всем текстам Ф.М. Достоевского. Мы рассмотрим нестандартные словосочетания с обозначениями физических действий, глаголами речи, ментальными и перцептивными предикатами.

В сочетаниях с глаголами физических действий и деятельности *очень* может употребляться на месте обозначений различных параметров действий:

(1) *Я бы очень вас попросил, — перебил вдруг Алеша, — дать мне какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палец. Я очень поранил его, и он у меня мучительно теперь болит.* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

(2) *Он [князь Сергей Петрович] не докончил и захныкал над моей головой. Признаюсь, почти заплакал и я; по крайней мере искренно и с удовольствием обнял моего чудака. Мы очень поцеловались* (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(3) *Я его теперь очень ищю, я очень бы желал его видеть или от вас узнать, где он теперь находится* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

(4) *Итак, благодарю Вас и если несколько опоздал ответом, то потому, что уж очень работал над февральским выпуском и едва поспел к сроку* (Ф.М. Достоевский Письма);

(5) [Петр Степанович] *Обращался и к Прасковье Ивановне и к Лизавете Николаевне, даже мельком сгоряча крикнул что-то отцу, — одним словом, очень вертелся по комнате* (Ф.М. Достоевский «Бесы»).

В примере (1) *очень* обозначает характеристику результата, при норме *сильно поранил*; в (2) это характеристика эмоционального состояния субъекта ситуации, при норме *крепко, горячо поцеловались*; в (3) и (4) — характеристика количества прилагаемых усилий, при норме *упорно ищю, упорно работал*; в (5) — характеристика конкретного параметра действия, при норме *быстро, без остановки вертелся*. В (3) и (4) *очень* может быть воспринято как замена обозначения пространственного или временного параметра действия, ср. *езде ищю, долго работал*. В нестандартных сочетаниях с *очень* интенсифицируется не один из аспектов ситуации, а вся ситуация в целом.

В группе ментальных и перцептивных предикатов выделяются две подгруппы: глаголы активных ментальных и перцептивных процессов (*думать, мечтать, смотреть, слушать, прислушиваться*) и глаголы изменения состояния (*понять, вспомнить, заметить, убедиться*).

Глаголы изменения ментального (информационного) состояния с пропозициональным объектом (*понять, запомнить*) сочетаются с показателями степени *хорошо, прекрасно, отлично*, которые являются в данном случае показателями полного охвата и относятся не к состоянию, а к объему информации (т. е. к содержанию): *хорошо понял* ≈ 'понял все; понял достаточно'. Замена квантификаторов *хорошо, прекрасно, отлично* на *очень* переносит акцент с полноты информации на состояние человека и его отношение к этой информации — подчеркивается значимость этой информации и сила ее воздействия на субъекта:

(6) *Мне кажется, что, дезертируя домой, он в состоянии был очень понять, что делает худо, и очень может быть, что не хвалил себя первый сам, но в то же время никогда и не полагал, что родина его останется без защиты и без прикрытия, если он убежит <...>* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»);

(7) *Да, да! — подхватил Разумихин, — **очень заметил!*** (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»);

(8) *Я именно и уважаю тебя за то, что ты смог, в наше прокислое время, завести в душе своей какую-то там «свою идею» (не беспокойся, я **очень запомнил**)* (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(9) *Правда, этого Евгения Павловича надо еще **очень, очень рассмотреть**, раскусить его надо, да и Аглая, кажется, не очень-то больше других его жалует!* [Ф.М. Достоевский «Идиот»]

Предикаты ментальных и перцептивных процессов *думать, всматриваться, слушать, прислушиваться, наблюдать, читать* не сочетаются с наречиями *хорошо — плохо* в функции интенсификаторов. При них, как и при глаголах действий, *очень* замещает наречия со значением параметра или лексически ограниченной сочетаемостью — *много, напряженно, глубоко, пристально, внимательно*:

(10) *Что говорил я тогда, я совсем не помню, и вряд ли складно хоть сколько-нибудь, вряд ли даже слова выговаривал ясно; но он **очень слушал*** (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(11) *Действительно, немцы, в своих маленьких вагонных купе, в которых помещается *тахтит* по 8 человек, в продолжение пути **очень наблюдают друг за другом**.* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»);

(12) *Письмо Ваше (первое) **очень читал*** (Ф.М. Достоевский Письма);

(13) *Это не значит вовсе, что я не думаю о моей повести в «Зарю»; думаю, **очень думаю** и во что бы то ни было поставлю* (Ф.М. Достоевский Письма).

В нестандартных словосочетаниях с ментальными и перцептивными предикатами, как и в словосочетаниях с предикатами типа *понять, вспомнить*, акцент смещается с отдельных параметров конкретной ситуации на характеристику состояния субъекта: подчеркивается крайнее напряжение, которое сопровождает действие. Отметим, что словосочетание *очень думать* употреблялось в языке XIX века, однако не было очень широко распространено. Словосочетание *очень думать* имеет в [НКРЯ 1801—1900] 3 вхождения (все примеры — за пределами текстов Достоевского), поиск словосочетания *много думать* дает 365 вхождений.

*Очень* свободно сочетается с глаголами речи, включающей оценку (*благодарить, укорять, ругать, хвалить, бранить*) и глаголами речи, обозначающими воздействие на собеседника (*просить, настаивать, расспрашивать*), однако не сочетается со многими обозначениями речевых актов, поскольку интенсификации в этом случае могут подвергаться только дополнительные параметры ситуации, такие как объем информации, длительность речи (*много говорить, постоянно болтать*) или состояние субъекта (*настойчиво спрашивать*). Для языка Ф.М. Достоевского характерно употребление *очень* вместо интенсификаторов со значением количественной оценки ситуации (длительности речи и объема информации) — в примерах (14) и (15), а также состояния субъекта речи — в примерах (16) и (17):

(14) — *Вы очень болтаете, Липутин, — пробормотал тот гневно* (Ф.М. Достоевский *Бесы*);

(15) — *Очень, очень шептались про Николая Всеволодовича* (Ф.М. Достоевский *«Бесы»*);

(16) *Вчера хотел было ехать к ним на дачу на именины О<льги> К<ириллов>ны, так как он очень звал, но стала дождливая погода, и я не поехал* (Ф.М. Достоевский *Письма*);

(17) *А потому очень повторяю просьбу мою: если возможно, скорее осведомиться насчет возможности нанять в деревне и уведомить нас, чтобы мы знали заблаговременно.* (Ф.М. Достоевский *Письма*).

Ср. для примеров (14) и (15) словосочетания с обозначением конкретного параметра: *много болтаете, постоянно шептались*; для примеров (16) и (17) словосочетания, в которых наречия указывают на состояние субъекта: *настойчиво звал, упорно повторяю*. Интенсификаторы *настойчиво* и *упорно* подчеркивают разные аспекты состояния субъекта, а *очень* акцентирует интенсивность состояния субъекта как таковую.

Здесь нужно оговориться, что словосочетания, которые мы выбираем для сравнения, и значения, которые мы им приписываем, могут быть рассмотрены только в качестве лингвистического эксперимента, который позволяет показать семантический и стилистический эффект нестандартной сочетаемости. Говоря о «замене» интенсификатора с более конкретным значением на *очень*, мы не связываем эту замену с реальным процессом написания художественного текста и выбора между тем или иным смыслом и способом выражения. Более того, многие контексты с *очень* способны синкретично выражать те значения, которые могут быть выражены только несколькими интенсификаторами с более специализированным значением. Например, *очень* в контексте (18) может относиться одновременно и к частоте или длительности молитвы, и к силе переживаний молящегося:

(18) *Так ты очень молишься богу-то, Соня? — спросил он ее* (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание*).

Ср. словосочетание *очень молиться* в [НКРЯ 1801—1900] встречается только у Ф.М. Достоевского (2 вхождения), в то время как поиск словосочетания *горячо молиться* дает 75 вхождений, *долго молиться* — 55 вхождений, *часто молиться* — 18 вхождений.

Словосочетания с заменой более конкретного интенсификатора на «общий» представляют собой заметное явление стиля Ф.М. Достоевского. Кроме перечисленных групп *очень* может сочетаться с самыми разными семантическими классами предикатов, например: *очень часто только так кажется, что нет точек общих, а они очень есть* «Идиот»; *Пора, очень пора* «Преступление и наказание»; *он очень в состоянии спустить курок* «Бесы».

В нестандартных сочетаниях с *очень* изменяется общезыковая концептуализация ситуаций. Параметр степень, который может быть приписан одному из аспектов ситуации, в том числе относиться к состоянию субъекта, относится



в таких сочетаниях к ситуации в целом, подчеркивает интенсивность состояния субъекта как таковую, а также выступает как средство эмфатического выделения. В фокусе оказываются не те или иные логические, онтологические аспекты ситуации, а ее эмоционально-экспрессивная оценка говорящим.

Как уже говорилось, в образовании словосочетаний этого типа задействованы и другие интенсификаторы с недифференцированным значением: *страшно, ужасно, в высшей степени*, а также *слишком*, которое могло употребляться в значении ‘очень’ [11. С. 69]: *голова ужасно живет и работает* «Идиот»; *Настасья Филипповна будто бы в высшей степени знает, что Ганя женится только на деньгах* «Идиот» *Я страшно читаю, и чтение страшно действует на меня* [письмо М.М. Достоевскому]; *я писал, слишком вообразяя себя таким именно, каким был в каждую из тех минут, которые описывал* «Подросток».

### **Горячий/горячо: гиперболизация эмоций**

Прилагательное *горячий*, наречие и предикатив *горячо* относятся к классу слов с экспериенциальной семантикой, описывающих «сферу воздействия мира на человека, его органы восприятия и сознание и возникающих в результате этого внутренних состояний и реакций» [12. С. 11].

Конечной точкой семантического развития многих экспериенциальных слов являются интенсификаторы. Значение высокой степени выглядит как конечная стадия семантического упрощения, опустошения лексической единицы: «у многих качественных слов конечным пунктом, последней стадией семантического развития оказывается степенное значение (в конце своего „жизненного пути“ слово становится Magn’ом)» [13. С. 264]: *жуткий холод, острая необходимость* и т.п. Однако «большинство этих лексикализованных сочетаний не полностью „выветрены“, они семантически мотивированы, хотя и несвободны» [12. С. 303]. Как правило, они сохраняют связь с прототипической ситуацией и яркую внутреннюю форму, которые определяют частную специфику значения и особенности сочетаемости интенсификатора. Значение высокой степени возникает в результате метафорического переосмысления различных экспериенциальных ситуаций, например, тяжесть давит, отнимает силы, пригибает к земле и в какой-то момент становится невыносимой → *тяжелая болезнь, утрата; невыносимая боль, горе, страдание*; острое пронзает и ранит → *острая критика, острая обида* [13. С. 260].

Интенсификаторы *горячий* и *горячо* (в соответствии с мотивировкой «горячее согревает, „возбуждает“, делает человека более активным» [13. С. 260]) выражают высокую степень эмоциональной вовлеченности субъекта в ситуацию и силу эмоциональной реакции, эмоциональный порыв, а часто и «активность» субъекта, поскольку сильные эмоции выражаются в мимике, жестах, действиях. *Горячий* и *горячо* становятся интенсификаторами, когда присоединяются к словам с градуируемым значением, которые обозначают определенный тип ситуаций, а именно ситуации, предполагающие эмоциональный

порыв, эмоциональную вовлеченность субъекта. Если это требование нарушается, возникают нестандартные словосочетания.

Так, интенсификаторы *горячий* и *горячо* свободно сочетаются с некоторыми предикатами ментальной сферы — в том случае, если внутреннее состояние включает ментальные и эмоциональные аспекты: *горячо верить*; *горячая вера*; *горячее убеждение, согласие*. Однако в том случае, если интенсификатор *горячо* присоединяется к словам со значением ментального процесса *думать, мысль* (в примере (19)) или к глаголам со значением изменения ментального состояния *решить, понять* (в примерах (20) и (21)), возникают нестандартные сочетания:

(19) *Старушонка вздор!* — *думал он горячо и порывисто*, — *старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело!* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»);

(20) *Алеша твердо и горячо решил, что, несмотря на обещание, данное им, видеться с отцом, Хохлаковыми, братом и Катериной Ивановной, — завтра он не выйдет из монастыря совсем и останется при старце своем до самой кончины его* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

(21) *Значит, этого-то всего более и недостает у нас в литературе, коли сразу и вдруг так горячо меня поняли* (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

Семантическое рассогласование приводит к тому, что в таких словосочетаниях *горячий* и *горячо* не могут восприниматься, строго говоря, как интенсификаторы ментальных процессов. Они имеют самостоятельное значение сопровождающей эмоции: ‘с горячим чувством’, ‘сильно переживая’. Например, *горячее впечатление* в (22) — не только ‘сильное’ (ср. *яркое впечатление*), но ‘сильно действующее на чувства’, *горячо вспоминать* в (23) — ‘вспоминать, испытывая сильные чувства’:

(22) *И потому впечатление юноши, может быть, было горячее, потрясающее нервы, охлаждающее эпидерму <...>* (Ф.М. Достоевский «Г-н — бов и вопрос об искусстве»);

(23) *Вы говорите, что вспоминали обо мне горячо и говорили: зачем, зачем?* (Ф.М. Достоевский. Письма).

Нехарактерную сочетаемость демонстрируют словосочетания с существительным *уважение*: интеллектуальная оценка, которая преобладает в *уважать/уважение*, вступает в противоречие с представлением об эмоциональном порыве, который предполагают интенсификаторы *горячий* и *горячо*:

(24) *Но вот для чего я это написал: мне хотелось непременно высказать Вам самую сердечную признательность, самое горячее уважение за правду и за прекрасную деятельность Вашу особенно в эту минуту* (Ф.М. Достоевский. Письма);

(25) *Передай мой поклон и горячее уважение мое твоей жене* (Ф.М. Достоевский. Письма).

Нестандартные словосочетания возникают при присоединении наречия *горячо* к глаголам активного восприятия *следить* и *прислушиваться*. В примере

(26) наречие *горячо* может быть воспринято как обозначение высокой степени активности, однако контекст говорит в пользу интерпретации ‘с горячим чувством’:

(26) *Он горячо, с страстным участием следил за движением современной общественной жизни и, сколько я помню, почти всегда составлял себе о нем точное мнение* (Ф.М. Достоевский «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»).

Словосочетание *горячо прислушиваться* в примере (27) можно интерпретировать как результат довольно характерного для языка Достоевского приема нестандартной семантической компрессии, когда один и тот же субъект характеризуется предикатами P-1 и P-2, и адverbиальная характеристика невыраженного P-2 присоединяется к выраженному P-1:

(27) *Надо жить по закону природы и правды, — проговорила из-за двери госпожа Дергачева. Дверь была капельку приотворена, и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, с прикрытой грудью, и горячо прислушивалась* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

В таких словосочетаниях совмещаются указание на одну пропозицию (выражена в опорном слове) и интенсификатор от второй пропозиции, который ассоциируется с ней и создает эффект ее «материализации» в тексте. Идиоматичный интенсификатор *горячо* вызывает ассоциации со «своими» опорными словами: *горячее одобрение, горячая поддержка, горячее сочувствие, горячее участие* и т. п. [9], следовательно, *горячо прислушивалась* можно интерпретировать как ‘прислушивалась и горячо [поддерживала, одобряла] то, что слышала’. Тот же механизм образования нестандартного сочетания можно выявить в контексте (44) (см. далее).

*Горячий* и *горячо* могут сочетаться с названиями действий и деятельности, если ситуация подразумевает эмоциональную вовлеченность: *в горячую защиту пускаться* «Г-н –бов и вопрос об искусстве», *горячо ищет примирения, горячего материнского служения* «Дневник писателя». Однако чем больше эмоциональная составляющая отходит на периферию значения опорного слова, тем более нестандартными будут словосочетания с интенсификаторами *горячий* и *горячо*, и одновременно в фокусе окажутся значение сопровождающей эмоции и указание на активность субъекта:

(28) *И вот, среди самых горячих хлопот, ей вдруг вздумалось послать карету за Степаном Трофимовичем* (Ф.М. Достоевский «Бесы»);

(29) *На учительское место у нас большей частью приезжает теперь молодой человек, хотя бы даже и желающий сделать добро, но не знающий народа, мнительный и недоверчивый; после первых, иногда самых горячих и благородных, усилий быстро утомляется <...>* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»).

Таким образом, нестандартная сочетаемость *горячий* и *горячо* демонстрируют общую тенденцию к гиперболизации эмоционального проявления тех или иных процессов и состояний. В этот процесс включаются также и другие

прилагательные и наречия, ср. *Он страстно уважает благородство, с неудержимым намерением все загладить я вдруг вскочил с дивана, с таким жаром ждали, самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытия «идеи» «Подросток»; Об этой другой, обновленной и уже «добродетельной» жизни («непреренно, непременно добродетельной») он мечтал поминутно и исступленно «Братья Карамазовы».* При соединении интенсификатора, маркирующего эмоциональные состояния, к обозначениям из сферы ментальных процессов и состояний, физических действий и деятельности происходит изменение концептуализации таких ситуаций, характерное для художественного мира Достоевского, героям которого свойственны сильные эмоции, страсти, страдания и «надрывы».

### **Изо всех сил: нестандартная агентивность ситуаций**

Интенсификатор *изо/из всех сил*, а также интенсификатор *изо/из всей силы* и близкие к ним по смыслу *из последних сил*, *сколько есть сил/сколько было силы*, *что есть сил/что было силы* характеризуют агентивного субъекта, поэтому их можно назвать *агентивными*.

Агенса — это «падеж обычно одушевленного инициатора действия» [14. С. 405], а агентивность — свойство целенаправленных действий. Ситуации с участием агенса характеризуются признаками ‘намеренность’ (‘целенаправленность’) и ‘контролируемость’, отличающими его действия от других динамических процессов, которые тоже приводят к изменениям (*Солнце высушило лужи; Ветер повалил дерево*). Интенсификатор *изо всех сил* соответствует такой характеристике агенса и агентивных ситуаций, как ‘приложение усилий’ [15. С. 111; 16. С. 64, 68].

Агентивность усматривается в самых разных намеренных и контролируемых ситуациях — активном восприятии (*смотреть, слушать*), ментальных процессах-действиях (*обдумывать, анализировать*), речевых актах. Однако прототипической для Агенса ситуацией является физическое действие. В рамках физического действия Агенса является инициатором усилий (*копать яму*) или каузатором результата (*сушить белье на солнце*), субъектом цели и контролером, который следит за соответствием происходящих изменений намеренной цели. Интенсификатор *изо всех сил* обычно характеризует субъекта-агенса физических ситуаций, исходной и основной для него функцией является характеристика физических усилий субъекта: «Х сознательно прилагает большие физические усилия для осуществления Р» [12. С. 173—175].

*Изо всех сил* и др. имеет достаточно широкую сочетаемость, употребление этих интенсификаторов семантически оправдано в тех случаях, когда ситуация так или иначе подразумевает усилия субъекта для осуществления намеренной цели. Однако признак ‘приложение усилий’ может оставаться на периферии семантического представления ситуации, а может и вовсе противоречить ей — в этом случае употребление этих интенсификаторов приводит к появлению нестандартных сочетаний.

Нестандартные сочетания в языке Ф.М. Достоевского образуются, если агентивные интенсификаторы присоединяются к предикатам внутренних состояний и процессов — ментальным, волитивным, эмоциональным, а также к глаголам принятия решения *решишь, решиться* и глаголу *спешить*. Сочетаясь с исходно неагентивными (экспериментальными) предикатами, *изо всех сил* и др. придают соответствующим ситуациям не свойственную им агентивность.

В некоторых словосочетаниях с глаголами желания *изо всех сил* выдвигает на первый план идею намерения и готовности субъекта прилагать усилия для исполнения желаемого. Такие словосочетания легко семантизируются:

(30) *Сам видел, в руках у них видел три тысячи как одну копеечку, глазами созерцал, уж нам ли счету не понимать-с! — восклицал Трифон Борисович, изо всех сил желая угодить «начальству».* [Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»]

(31) *И вот этот факт народного сознания наши либералы 60-х годов хотят изо всей силы похоронить и — соединяются в таком случае с гонителями народа, с презирающими его, с теми, которые до сих пор наклонны считать его за податную единицу и только.* (Ф.М. Достоевский. Письма).

В других контекстах выражение намерения исключено или сильно затруднено. Так, *хотеть* «выражает чистое желание в контексте стативных глаголов», «значение намерения в таких контекстах исключено, потому что содержанием намерения обычно является действие, а не состояние» [17. С. 1248]. В примере (32) присоединение *изо всех сил* к глаголу желания в сочетании со стативным глаголом *знать* порождает нестандартную сочетаемость:

(32) *Я изо всей силы хочу знать, что ты тогда подумал* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

В *решиться* значение намерения сочетается с ментальным процессом принятия решения, *решиться* включает представление о стативном значении мнения [18. С. 307—308]. В примере (33) агентивный интенсификатор актуализирует в *решиться* идею «процесса мобилизации воли» в ущерб идее «состояния, в котором находится человек после того, как он принял решение» [17. С. 1065] и акцентирует усилия субъекта в волевом состоянии и ментальном процессе:

(33) *Я вдруг изо всей силы решил ожидать его и велел подать себе обедать; по крайней мере являлась надежда* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

Однако смысл ‘приложение усилий’ остается на периферии. Стативные значения намерения и мнения вступают в противоречие с идеей о приложении усилий и делают сочетания агентивных интенсификаторов с *решишь* и *решиться* нестандартными. Ситуация в целом приобретает несвойственный ей акцент на усилиях субъекта.

Сочетаемость с *изо всех сил* не характерна для *спешить*, поскольку, вероятно, *спешить* выражает идею состояния, точнее — состояния напряжения [19]. В то же время *спешить* — это и ‘делать как можно быстрее’ [18. С. 110],

т. е. действие, имеющее цель. Поэтому *спешить* образует с агентивными интенсификаторами нестандартные словосочетания, в которых идея действия оказывается в фокусе, например:

(34) *В настоящее время он тоже принужден был выйти из университета, но ненадолго, и из всех сил спешил поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Глаголы активного восприятия *слушать*, *прислушиваться*, *глядеть*, будучи агентивными, имеют свои узуальные интенсификаторы: *внимательно слушать*, *пристально смотреть*. Их употребление с интенсификатором *изо всех сил* является нарушением узуальной сочетаемости. В [НКРЯ 1801—1900] находим 274 вхождений при поиске сочетания *внимательно слушать*, *изо (из) всех сил слушать* находим только у Достоевского — 2 вхождения; *пристально глядеть* — 163 вхождения, *изо всех сил глядеть* — ни одного. В процессах *слушать* и *глядеть* в примерах (35) и (36) *изо всех сил* выделяет признак ‘приложение усилий’, т. е. на параметр, который обычно остается на периферии (ср. глаголы *прислушиваться*, *вслушиваться* и др., в которых параметр ‘приложение усилий’ является основным):

(35) *Затем стремглав побежала на кухню; там она готовила закуску; но и до прихода князя, — только что на минуту могла оторваться от дела, — являлась на террасу и из всех сил слушала горячие споры о самых отвлеченных и странных для нее вещах, не умолкавшие между подпившими гостями* (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

(36) *Кровь ударила мне опять в лицо: я вдруг как бы что-то понял совсем уже новое; я глядел на нее вопросительно из всех сил* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

Сочетания агентивных интенсификаторов с экспериенциальными предикатами эмоциональных состояний и отношений (*бояться*, *ненавидеть*) порождают нестандартные контексты, в которых глаголам навязываются признаки ‘целенаправленное действие’ и ‘приложение физических усилий’, несовместимые с представлением о канонической экспериенциальной ситуации:

(37) *Это я вас из всей силы боюсь, а не вы меня!* (Ф.М. Достоевский «Бесы»).

(38) *О, тогда ненависть, глухая ненависть ко всему уже проникла в мое сердце, совсем напитала его; я хоть и обчищал щеткой Гушара по-прежнему, но уже ненавидел его из всех сил и каждый день все больше и больше* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

При названиях ментальных процессов *изо всех сил* акцентирует физические усилия субъект или его напряженное состояние:

(39) *Это уже в третье или четвертое его посещение, именно в ту эпоху, когда я поступал в мировые посредники и когда, разумеется, из всех сил принялся изучать Россию* (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(40) *Да, я мечтал из всех сил и до того, что мне некогда было разговаривать; из этого вывели, что я нелюдим, а из рассеянности моей делали еще*

сквернее выводы на мой счет, но розовые щеки мои доказывали противное (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

Сочетания *изо всех сил* и др. с ментальными стативами также нестандартны с точки зрения семантической сочетаемости. В контекстах (41) и (42) интенсификаторы используются как средство гиперболизации внутреннего напряжения:

(41) *Впрочем, оставим; чувствую из всех сил, что заговорил не на свою тему* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»);

(42) *А все-таки я влюблен в Вас (вовсе не шучу), и Вы моя госпожа и повелительница навеки, ведь сознаю же я это изо всех сил* (Ф.М. Достоевский Письма).

*Ждать* указывает на действительную волю субъекта, однако скорее противоположен представлению о намерении субъекта совершить какое-либо действие. Поэтому сочетание *изо всех сил ждать* в примере (43) можно воспринимать также как гиперболизацию внутреннего напряжения:

(43) *Они так недавно еще кричали на весь мир, что мы бедны и ничтожны, они насмешливо уверяли всех, что духа народного нет у нас вовсе <...> и что мы, в заключение, сами видим, что расхрабрились и зарвались не в меру, и изо всех сил ждем только предлога, как бы отступить без последней степени позорных пощечин, которых «даже и нам уже нельзя выноситься», и молим, чтоб предлог этот нам выдумала Европа.* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»).

В примере (44) нестандартное выражение порождает сочетание *изо всех сил* с модальным предикативом *надо*:

(44) *Но он и не хотел уходить: ему самому надо было изо всех сил, чтобы бал состоялся сегодня и чтоб Юлия Михайловна непременно была на нем...* (Ф.М. Достоевский «Бесы»).

Вряд ли можно найти в *надо*, хотя бы на периферии, семантический признак ‘приложение усилий’, поэтому контекст (44) можно рассматривать как случай нестандартной семантической компрессии: Петру Верховенскому было *надо* (P-1), чтобы бал состоялся, и он *изо всех сил* [старался/хлопотал (P-2)], чтобы Юлия Михайловна была на нем, ср. выше пример (27).

Нестандартную сочетаемость агентивных интенсификаторов можно рассматривать как случаи переинтерпретации, реконцептуализации ситуации. Поскольку *изо всех сил* (*изо всей силы* и др.) относится к агентивным ситуациям, он навязывает неагентивной ситуации другую концептуализацию. В результате употребления нетипичных интенсификаторов ситуация получает несвойственную ей степень агентивности: эмоции, ментальные и волевые состояния приобретают в художественном мире Достоевского динамику процессов и активность контролируемых целенаправленных действий. При этом не только *изо всех сил*, *изо всей силы* и др. включаются в текстах Достоевского в процесс создания аномально агентивных ситуаций, ср. *неустанно: помни, юный, неустанно; неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает,*

*умилительно плачет «Братья Карамазовы»; упорно: я упорно убежден, что она это из личного мщенья ко мне «Идиот», Катерина Ивановна сама до страсти и упорно любит брата его Дмитрия, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество «Братья Карамазовы».*

## Заключение

В языке Ф.М. Достоевского в нестандартных словосочетаниях с интенсификаторами происходит изменение концептуализации ситуации за счет смещения фокуса внимания с одного компонента толкования опорного слова на другой, либо интенсификаторы «навязывают» ситуациям, обозначенным опорными словами, не свойственную им концептуализацию.

Интенсификатор *очень* в норме сочетается с глаголами, которые семантически связаны с неопредельными признаками, процессами и состояниями, поддающимися градуированию. В языке Ф.М. Достоевского *очень* может присоединяться к предикатам самых разных семантических групп, однако наиболее значительные по количеству группы нестандартных сочетаний образуются с предикатами действий и деятельности, предикатами ментальных процессов и состояний, глаголами речи, которые в норме с *очень* не сочетаются. В нестандартных словосочетаниях с *очень* интенсифицируется ситуация в целом или несколько параметров одновременно, в то время как в стандартных сочетаниях интенсифицировался бы какой-либо конкретный параметр. Так называемая «замена» идиоматичного интенсификатора со значением конкретного параметра на *очень* со значением высокой степени как таковой — средство эмфатического выделения и акцентирования эмоционально-экспрессивной оценки.

Интенсификаторы *горячий* и *горячо* в соответствии со своей мотивировкой акцентируют эмоциональную составляющую ситуации и, в некоторый случаях, активность субъекта ситуации. Нестандартные сочетания образуются при присоединении *горячий/горячо* к обозначениям ментальной сферы, действий и деятельности, которые не подразумевают эмоциональную вовлеченность субъекта. В этом случае *горячий* и *горячо* выступают не только как интенсификаторы с нестандартной сочетаемостью, но, в большей или меньшей степени, указывают на сопровождающую эмоцию, подчеркивая эмоциональную составляющую ситуации даже в том случае, когда она противоречит основному «содержанию» ситуации.

Интенсификаторы *изо всех сил* и др. характеризуют субъекта агентивных ситуаций и указывают на большое количество усилий, которые субъект прилагает для совершения действия. В нестандартных сочетаниях с обозначениями эмоций, волевых и ментальных состояний агентивные интенсификаторы подчеркивают внутреннее напряжение и активность субъекта, сообщают ситуации несвойственную ей динамичность и агентивность, т.е. целенаправленность и контролируемость.



Семантическая разметка корпуса употреблений и анализ нестандартных словосочетаний с интенсификаторами позволяют выявить особенности синтагматики и парадигматики текстов Ф.М. Достоевского, семантические и стилистические эффекты нестандартной сочетаемости. Нестандартные сочетания с интенсификаторами составляют отличительную особенность идиостиля Достоевского и отражает авторскую художественную концептуализацию мира.

### Библиографический список

1. Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе. Проблемы кибернетики. Вып. 19. 1967. С. 177—238.
2. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, Синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
4. Mel'čuk, Igor, Vers une linguistique Sens-Texte. Leçon inaugurale (given on Friday January 10th 1997), Collège de France, Chaire internationale [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/melcukColldeFr.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).
5. Апресян Ю.Д. К новой версии теории лексических функций // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы : материалы и тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2011. С. 21—26.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 13.01.2021).
7. Чичерин А.В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. М.: Советский писатель, 1968. 374 с.
8. Ружицкий И.В. Что мы не понимаем у Достоевского // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М.: ЛЕКСПУС, 2014. С. 184—191.
9. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 01.11.2020).
10. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 8—101.
11. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. М.: Эллис, 2005.
12. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'ы прилагательные) // Слово и язык : сб. статей в честь 80-летия акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256—268.
14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495.
15. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86—157.
16. Zaliznjak A.A. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Slavistische Beitrage, Band 298. Muenchen: Verlag Otto Zagner, 1992.
17. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

18. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. Добровольский Д.О., Падучева Е.В. Показатели высокой степени: семантика и сочетаемость // *Znaczenie — Tekst — Kultura*. Том 5. Prace ofiorowane Profesor Elżbiecie Jaunus. Warszawa: WUKSW, 2014. С. 27—41.

## References

1. Zholkovskii, A.K. & Mel'čuk, I.A. (1967). On Semantic Synthesis. *Problems of cybernetics*, 19, 17—238. (In Russ.).
2. Mel'čuk, I.A. (1999). *The Theory of Linguistic Models «Meaning-Text»*. Semantics. Syntax. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
3. Mel'čuk, I.A. (2012). *Language: from Meaning to Text*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
4. Mel'čuk, I. *Vers une linguistique Sens-Texte*. Leçon inaugurale (given on Friday January 10th 1997), Collège de France, Chaire internationale [Electronic resource] URL: <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/melcukColldeFr.pdf> (accessed: 01.11.2020). (In French).
5. Apresyan, Yu.D. (2011). On the New Version of the Theory of Lexical Functions. In: *Intenational conference dedicated to the 50<sup>th</sup> anniversary of St. Petersburg Typological School. Abstracts*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 21—26. (In Russ.).
6. *Russian National Corpus* [Electronic resource] URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 13.01.2021). (In Russ.).
7. Chicherin, A.V. (1968). *Ideas and Style*. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russ.).
8. Ruzhitskii, I.V. (2014). What we do not understand in Dostoevsky? In *Dostoevsky's word. Individual style and worldview*. Moscow: LEKSRUS. pp. 184—191. (In Russ.).
9. Kustova G.I. *Dictionary of Russian Collocations. Combinations with words designating high degree (MAGN-adjectives)* [Electronic resource] URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed: 01.11.2020). (In Russ.).
10. Apresyan, Yu.D. (1995). Types of Information for Semantic Representation of Linguistic Model “Meaning-Text”. In: *Selected works. Vol. 2. Integral description of languages and system lexicography*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». pp. 8—101. (In Russ.).
11. Granovskaya, L.M. (2005). *Russian Literary Language in the late 19th and early 20th centuries: Essays*. Moscow: Elpis. (In Russ.).
12. Kustova, G.I. (2004). *Types of Derived Meanings and Mechanisms of Semantic Extension*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
13. Kustova, G.I. (2011). Words Designating High Degree: Semantic Models and Semantic Mechanisms. In *Word and language. Studies in honour of the 80<sup>th</sup> anniversary of academician Yu.D. Apresyan*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. pp. 256—268. (In Russ.).
14. Fillmore, Ch. (1981). The Case of Case. In: *New in Modern Linguistics. Vol. 10. Linguistic semantics*. Moscow: Progress. pp. 369—495. (In Russ.).
15. Seliverstova, O.N. (1982). The Second Version of the Classification Grid and the Description of Several Predicate Types in Russian. In *Semantic types of predicates*. Moscow: Nauka. pp. 86—157. (In Russ.).
16. Zaliznjak, A.A. (1992). *Studies on Semantics of Predicates Designating Inner State. Slavistische Beitrage, Band 298*. Muenchen, Verlag Otto Zagner. (In Russ.).
17. *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms* (2004) Yu.D Apresyan (ed.) Moscow—Vienna: Yazyki slavyanskoi kul'tury: Venskii slavisticheskii al'manakh. (In Russ.).
18. Paducheva, E.V. (2004). *Dynamic Models in Lexical Semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 608 p. (In Russ.).
19. Dobrovol'skii, D.O. & Paducheva, E.V. (2014). Intensifiers: Semantics and Combinability. In *Meaning — Text — Culture. Vol 5. Studies in honour of Professor Elżbieta Jaunus*. Warszawa: WUKSW. pp. 27—41. (In Russ.).

**Сведения об авторе:**

*Шарапова Екатерина Вячеславовна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; *сфера научных интересов*: семантика, лексикография, лексикология, язык художественной литературы, язык Ф.М. Достоевского; *e-mail*: [katyasharapik@gmail.com](mailto:katyasharapik@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7837-6943; eLibrary SPIN-код: 7424-9125.

**Information about the author:**

*Ekaterina V. Sharapova*, PhD, Research assistant at the Department of Experimental Lexicography of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS; *Research interests*: semantics, lexicography, lexicology, fiction writing, Fyodor Dostoevsky's individual style; *e-mail*: [katyasharapik@gmail.com](mailto:katyasharapik@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7837-6943; eLibrary SPIN-code: 7424-9125.



## ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА. MISCELLANEA FUNCTIONAL SEMANTICS AND GRAMMAR. MISCELLANEA

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-472-500  
УДК 811.111'37:316.77

Научная статья / Research article

### Изменение семантики и функционирования английских номинантов знати под влиянием эволюции социокультурного контекста

Г.Т. Безкорвайная<sup>1</sup>, Ю.Н. Эбзеева<sup>2\*</sup>, Л.Н. Гишкаева<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии  
107023, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Семеновская, 38,

<sup>2</sup> Российский университет дружбы народов  
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

\* Corresponding author: [ebzeeva-yun@rudn.university](mailto:ebzeeva-yun@rudn.university)

**Аннотация.** Актуальность работы определяется тем, что, хотя взаимодействие истории, культуры и языка постоянно находится в поле зрения лингвистов, историков, лингвокультурологов, а также всех, кто изучает эволюцию того или иного языка, до сих пор не получило в деталях полного анализа, в частности, при описании языковых картин разных стран. Целью работы является доказательство того, что семантика слов номинирующих титулов английской знати Викторианской эпохи не претерпела изменений. Материалами для работы послужили современные и классические, начиная с XIX века, словоупотребления из английского языка, содержащиеся в современных текстах СМИ из интернета источников, а также текстах романов английских писателей конца XIX века. Не менее 2000 таких словоупотреблений были проанализированы с помощью метода этимологического анализа, метода семантического анализа и метода функционального анализа, что позволило получить достоверную картину их функционирования. Тройственный союз истории, культуры и языка в подходе к изучению языковых картин разных стран находится в центре исследований последних лет. Взаимодействие этих явлений стало предметом пристального внимания во многих статьях и диссертациях лингвистов, историков, лингвокультурологов, а также всех, кто изучает эволюцию того или иного языка. Лексемы, обозначающие благородный статус человека, являются важными понятиями британской национальной языковой картины мира и культуры. Семантика лексем изучалась по данным лексикографических источников. Источниками примеров контекстуального использования послужили тексты романов английских писателей конца

© Безкорвайная Г.Т., Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

XIX века и современные англоязычные тексты сети Интернет: онлайн версии газет, тексты рекламного характера, блоги. Для достижения цели нашего исследования в статье используются такие методы, как метод сплошной выборки, метод лексикографического описания, сравнительный метод, статистический и ряд других.

**Ключевые слова:** лексема, семантика, дворянские титулы, лингвокультура, художественный текст, интернет-текст

**История статьи:**

Дата поступления: 20.11.2020

Дата приема в печать: 08.01.2021

**Для цитирования:**

*Безкорвайная Г.Т., Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н.* Изменение семантики и функционирования английских номинантов знати под влиянием эволюции социокультурного контекста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 472—500. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-472-500

**Вклад авторов** в написании настоящей статьи равнозначен.

UDK 811.111'37:316.77

## **English Lexemes Nominating Nobility Semantics and Evolution under Different Socio-cultural Context**

**Galina T. Bezkorovaynaya<sup>1</sup>, Yulia N. Ebzeeva<sup>2</sup>, Luisa N. Gishkaeva<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Moscow Polytechnical University (Higher school of print and media industry)  
38, *Bolshaya Semenovskaya str.*, Moscow, Russian Federation, 107023

<sup>2</sup> Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university)  
6, *Miklukho-Maklaya str.*, Moscow, Russian Federation, 117198  
ebzeeva\_yun@rudn.university

**Abstract.** The relevance of the work is determined by the fact that, although the interaction of history, culture and language is constantly in the field of view of linguists, historians, linguoculturologists, as well as all those who study the evolution of a particular language, it has not yet received a complete analysis in detail, in particular, when describing the language pictures of different countries. The aim of the work is to prove that the semantics of the words of nominating titles of the English nobility of the Victorian era has not changed. The materials for the work were modern and classical, starting from the XIX century, word usage from the English language, contained in modern media texts from Internet sources, as well as the texts of novels by English writers of the late XIX century. At least 2000 such word usages were analyzed using the method of etymological analysis, the method of semantic analysis and the method of functional analysis, which allowed us to obtain a reliable picture of their functioning. The triple union of history, culture and language in the approach to the study of linguistic pictures of different countries is at the center of research in recent years. The interaction of these phenomena has become the subject of close attention in many articles and dissertations of linguists, historians, linguoculturologists, as well as all those who study the evolution of a particular language. Lexemes denoting the noble status of a person are important concepts of the British national linguistic picture of the world and culture. The semantics of lexemes was studied according to lexicographic sources. The sources of examples of contextual use were the texts of novels

by English writers of the late XIX century and modern English-language texts of the Internet: online versions of newspapers, advertising texts, blogs. To achieve the goal of our research, the article uses such methods as the method of continuous sampling, the method of lexicographic description, the comparative method, the statistical method, and a number of others.

**Keywords:** lexeme, semantics, titles of nobility, linguoculture, literary text, Internet text

**Article history:**

Received: 20.11.2020

Accepted: 08.01.2021

**For citation:**

Bezkorovaynaya, G.T., Ebzeeva, Yu.N. & Gishkaeva, L.N. (2021). English Lexemes Nominating Nobility Semantics and Evolution under Different Socio-cultural Context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 472—500. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-472-500

**Authors' contribution:** Authors 1, 2 and 3 all contributed equally and should be considered co-first authors.

## Введение

Изучение лексем, номинирующих благородных особ, принадлежащих к концептуальному полю *nobility*, позволяет проанализировать этимологию, семантику, а также репрезентацию лексем, составляющих это поле в английском художественном тексте XIX века. В лингвистических исследованиях лексики толкование любого слова в первую очередь рассматривается в словарных источниках. По этой причине в статье приводятся лексикографические данные о значении и истории происхождения лексем, обозначающих представителей значительного и облагораживающего класса Британии, из различных словарей. Исследование показало, что прямое значение принадлежности к знати, столь характерное для викторианского периода и отраженное в персонажах писателей конца XIX века в современных текстах, с одной стороны, сохраняет основную номинативную функцию, связывая представителей знати с благородным происхождением, а с другой — приобретает иные нюансы, например, акцентирует внимание на качествах особ, а не на их происхождении (например, лексемы *gentleman, lady*). В XXI веке выбор интернет-текстов для примеров данного исследования представляется логичным. Художественные произведения не придерживаются принципа историзма, который являлся важным для литературы XIX века. Литература конца XX—XXI века отстает от референции к действительности и переносит акцент на игру, подсознание, минимизируя связь литературного текста с действительностью. Художественный текст XXI века, если это не исторический роман, редко содержит номинантов знати и титулы. Английская литература нашего времени представлена работами в русле постмодернизма. Написанные писателями-реалистами произведения, описывающие современную действительность, не содержат титулы, поскольку социальный фон изменился. В этом смысле кажется целесообразным показать современную семантику и функционирование данных номинантов в интернет дискурсе. Выбор интернет-

источников в качестве материала исследования вызван еще и тем, что в книгах современных авторов данные лексемы если и встречаются, то намного реже, чем в пространстве Интернета, который стал неотъемлемой частью не только современной жизни, но и мировой культуры. Более того новостные и прочие тексты в Интернете представляют собой неотъемлемую часть жизни, культуры и социума наших дней.

Всестороннее наблюдение за жизнью современной Британии и передача мировых новостей концентрируется в интернет-пространстве. Более того новостные и прочие тексты в интернете представляют собой неотъемлемую часть жизни, культуры и социума наших дней.

Целью исследования является выявление сходства и различия использования лексем-номинантов знати в художественном тексте и в интернет-текстах разного жанра.

Необходимо было сравнить семантику и использование титулов знати в диахронии в литературных текстах Викторианской эпохи и в английских текстах из медиа-источниках современного Интернета, выявить изменения в семантике и функциях лексем-номинантов знати, произошедшие в течение времени и под влиянием социального контекста; доказать важность таких лексем для британского языка и культуры. Будучи многозначными словами, лексемы, обозначающие дворянство, в художественном тексте XIX века употреблялись не только в прямом смысле, связанном со званием человека. Можно предположить, что номинанты знати также реализуют значения, связанные с качествами и положением данных особ, а не с благородством их происхождения, используются в непрямых значениях в текстах рекламы, как будет показано на анализе данных. Расширение значения исследуется через словарные интерпретации современного английского языка, а также их использование в медиатекстах в настоящее время.

В Великобритании и в настоящее время лексемы, номинирующие благородных людей, также используются, так как общество все еще имеет структуру, на вершине которой находятся такие титулы, как *king, queen, knight, baron, duke, duchess, lady, lord, etc.*

Сами титулы могут быть разделены на королевские, дворянские, титулы религиозных персон. Королевские титулы не столь многочисленны в художественном тексте, поскольку романисты были призваны изобразить современное общество, и если это не было произведение о королевской семье, то главными героями были в основном аристократы или чаще представители рядового дворянства.

Предполагается, что в современных текстах титулы представляют собой форму вежливого обращения, но, в силу ряда причин, заметна некая размытость. Стирание акцента на благородном рождении, на наследовании титулов ощущается в непрямом использовании основной семантики данных лексем в отдельных жанрах современных текстов. Номинанты знати и титулы употребляются в рекламных текстах, упоминающих названия престижных кафе,

ресторанов, магазинов, продуктов. В этом случае акцентируется высокое качество услуг и продуктов, продающихся в этих магазинах, кафе, ресторанах и т.п.

Культуру и национальный менталитет Британии можно лучше понять с помощью исследований, основанных на объединении культурно-лингвистических, семантических, исторических и социологических подходов.

### **Язык. Культура. Семантика. Текст (теоретическая часть)**

В настоящей работе сравниваются исторические, культурологические, лингвистические и иные ценностные аспекты лексем–номинантов знати. Теоретической основой для изучения семантики лексем в русле линвокультурологии послужили работы лингвистов, формулирующие фундаментальные представления о взаимосвязи языка, культуры и истории — И.В. Богданова [1], А. Вежбицкая [2], А.А. Зализняк [3], В.И. Карасик [4], В.В. Красных [5], В.А. Маслова [6], Т.В. Ларина [7], В.Н. Телия [8], Д.Н. Шмелев [9] и др.; особенности соотношения семантики в текстах различных жанров, взаимосвязи контекста и значения лексем — М. Бахтин [10], Г.В. Колшанский [11], Б.А. Ларин [12]. Необходимость комплексного рассмотрения лексики подчеркивает А. Вежбицкая: «Имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит» [2. С. 14]. Важность взаимосвязи языка и культуры отмечает Постовалова: «Язык — зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений» [13. С. 30]. В британской истории, культуре и общественной жизни чрезвычайно значимая роль отводилась и отводится номинации социального статуса человека. Великобритания — страна традиций, в число которых входит и наследование благородных титулов, почитание королевской семьи, пэрство, присвоение почетного титула «лорд» выдающимся гражданам Великобритании. Эта особенность отмечена в линвокультурных и исторических исследованиях. В Викторианскую эпоху социальная дифференциация актуализировалась в процессе образования буржуазного государства. Литературный текст отражает такого рода отношения, и действующими лицами в художественном тексте предстают знатные и простые люди.

Как писал М. Бахтин: «Текст — это та же реальность, реальность мысли и опыта, из которой могут исходить только эти дисциплины и это мышление. Там, где нет текста, нет объекта для исследования и мышления» [10]. Поэтому изучение лексем в тексте очень важно. Художественный текст обладает некоторыми особенностями, целостностью и сложной структурой. Место анализируемых номинантов знати в художественном тексте и их роли в нем рассматривалось не только с учетом реализации их словарных значений, но и авторских интенций. Употребление этих лексем в викторианском тексте оправдано экстралингвистическими причинами: социальным разделением общества того времени, важностью указания положения персонажа на тот или иной титул, на знатную семью, благородное происхождение и т.д. Вместе с



тем лексемы-номинанты знати находятся в контексте и обретают «обертонны смысла» [12. С. 34], что продиктовано в том числе интенцией автора. В текстах сети Интернет информативного характера номинанты знати констатируют знатное происхождение, указывают на место персоны в обществе. Никакого влияния на содержание и объем лексемы в силу беспристрастности газетных материалов в них не оказывается.

Текст — сложное, множественное понятие. Как пишет Барт: множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан [14. С. 417].

Исследования иерархии английского общества через лексемы — *номинанты* знати, история происхождения и развития титулов в Британии всегда привлекали внимание зарубежных ученых. В исторической перспективе важно рассмотреть ранние работы историков и герольдов, из которых становится понятно, насколько важны в истории Британии титулы знати. Так, в XVI веке появляется работа *The Book of the Governour (The Boke named the Governour (1531))* Томаса Элиота, посвященного Генриху VIII, в которой даются советы по воспитанию настоящего монарха-джентльмена. В книге подробно рассмотрены основные качества будущего монарха, знатного джентльмена: образованность, знание латыни и греческого, сдержанность, умеренность в еде и напитках, почтительное отношение к женщине и т.п.

Один из историков XIX века Адам Бадье писал: «население Англии делится на пэров и простолюдинов. Пятьсот восемьдесят девять представителей одного класса и тридцать пять миллионов представителей другого. Дворянство, однако, было одно время еще более ограниченным в численности. К концу войны Алой и Белой розы в Англии осталось двадцать девять пэров, а после смерти Елизаветы в 1603 году их осталось всего пятьдесят девять. В нынешнем году Господа нашего около шестисот человек с ближайшими семьями составляют аристократию Англии» [15].

Вопросы, связанные с социальным статусом, были очень популярны в XIX веке. Работа Джеймса Генри Лоуренса — одна из таких. В своей книге “*On Nobility and Gentry*” (1840) Джеймс Генри Лоуренс, известный герольд и публицист, рассматривает оба понятия, обозначающие дворянское происхождение в Британии. Работа герольда и историка Лоуренса подробно устанавливает отличие пэрства и джентльменства как двух основных типов благородных титулов и наименования благородных особ в английском обществе.

Дж. Лоуренс считает необоснованной точку зрения о том, что многие считают благородными только сверстников, и сетует на это:

“This assertion, however unfounded, has done injury to individuals, and is derogatory to the honor not only of the gentry, but of the peers themselves; for the gentry being the nursery-garden from which the peers are usually transplanted, if the peers were to date their nobility from the elevation of their ancestors to the upper

house, what upstarts would their lordships appear in the opinion of the pettiest baron on the Continent!” (Лоуренс, 2008).

«Это утверждение, как бы оно ни было необоснованно, наносит ущерб отдельным лицам и унижает честь не только дворянства, но и самих пэров, ибо дворянство — это ясли, из которых обычно высаживают пэров, и если бы пэры датировали свое дворянство возвышением своих предков до верхней палаты, то какими выскочками показались бы их светлости в глазах самого ничтожного барона на континенте!» (Здесь и далее перевод Г.Т. Безкоровайной).

Автор книги дает определение понятию «дворянство», называя его «питомник, где воспитываются сверстники». Он указывает, какие черты и характеристики помогают стать благородными: “Hence arms are the criterion of nobility. Every nobleman must have a shield of arms. Whoever has a shield of arms is a nobleman... The British gentry have not only been distinguished by coats of arms, but have given liveries to their retainers from time immemorial” [16].

... «следовательно, оружие является критерием благородства. Каждый дворянин должен иметь щит с оружием. Тот, у кого есть щит с оружием, является дворянином ... Британские дворяне не только отличались гербами, но и давали ливреи своим слугам с незапамятных времен» [16].

Автор книги различает благородных людей Англии следующим образом:

“Wherefore to speak of the Commonwealth of England, it is governed by three sorts of persons; the prince, which is called a king or queen — the gentlemen, which are divided into two parts, the barons or estate of lords, and those which be no lords, as knights, esquires, and simple gentlemen. — The third and last sort of persons are named the yeomen” [16].

«Итак, если говорить о государстве Англии, то им управляют три типа лиц: принц, который называется королем или королевой, — джентльмены, которые делятся на две части, бароны или сословие лордов, и те, которые не являются лордами, такие, как рыцари, эсквайры и простые джентльмены. — Третий и последний тип людей назван йоменами» [16]. Таким образом, представители среднего класса также включены в знатный слой общества, как утверждал Лоуренс.

К концу XVI века в английском обществе окончательно установилось различие дворянских титулов, лицо, принадлежавшее к дворянству (земельной знати), было ниже эсквайра, рыцаря, баронета, барона, виконта, графа, маркиза или герцога. Об этом, в частности, свидетельствует следующее высказывание В. Гаррисона в «Описании Англии» (1577): “We in England divide our people commonly into four sorts, as gentlemen, citizens or burgesses, yeomen, and artificers, or labourers. Of gentlemen the first and chief (next the king) be the prince, dukes, marquesses, earls, viscounts, and barons: and these are called gentlemen of the greater sort, or (as our common usage of speech is) lords and noblemen: and next into them be knights, esquires, and last of all that are simply called gentlemen...” [17].

В последние десятилетия западные ученые обращались к вопросам, связанным с социальной иерархией и характеристикой представителей

аристократической верхушки британского общества эпизодически, большей частью в рамках социокультурологии и литературоведения, обращая внимание на бытование, например, концепта *gentleman* исключительно в синхроническом плане в течение XIX и XX столетий [18—22]. Являясь номинантами и формой вежливого обращения к определенной персоне, лексемы знати отражают положение этих особо в обществе. Как пишет Т.В. Ларина: «Формы обращения к людям являются ярким отражением социальных отношений, характерных для рассматриваемого лингвокультурного сообщества и определяемых исторически сложившейся дистанцией между его членами, как вертикальной, так и горизонтальной» [7].

Внимание к благородному сословию, описание титулов и истории их происхождения и использования находим в трудах историков и на онлайн сайтах, которые специально посвящены прошлому и настоящему Великобритании и описанию ранжирования английского общества. Как никогда в Британской империи интерес к положению в обществе и стремление к высшему рангу не наблюдалось, как в период правления королевы Виктории, но и в последующие столетия этот принцип не потерял своей актуальности. Принадлежность к знати, обладание титулом важно и сегодня. Обладание титулом ставит человека выше простых людей, придает ему статус особенного, богатого, властного, уважаемого всеми человека. Эти качества не всегда присутствуют, но исследователи, занимающиеся геральдикой, историей Великобритании, отмечают избранность титулованных особ. В российской лингвокультурологии рассматриваются не только исторические особенности бытования титулов, но и лингвистический аспект, связанный с семантикой и функционированием языковых единиц — номинантов знати. Концепты *gentleman, lady, lord, nobility* не раз представляли темами серьезных штудий [23; 24].

Лексема *gentleman* занимает особое место среди номинантов благородных особ. «Анализ самых известных книг, учебников, трактатов по истории и эволюции концепта *gentleman* показывает, что концепт, изначально связанный с благородным рождением, в течение столетий обретает дополнительные оттенки значений, становится синонимом не только рожденного в знатной семье и обладающего неким имуществом богатого человека, но и, прежде всего, достойного, воспитанного, высоко морального человека, а в Викторианскую эпоху джентльмен актуализируется и становится идеалом, к которому стремится любой англичанин той поры» [23].

Британский социолог Ричард Хоггарт однажды написал: «Классовые различия не умирают; они просто учатся новым способам самовыражения», «Каждое десятилетие мы хитро заявляем, что похоронили класс; каждое десятилетие гроб остается пустым» [25].

Возникшие еще в средние века номинанты-титулы сохранили свое основное значение до сегодняшнего дня, поскольку в жизни английского общества знатное сословие по-прежнему существует. Кроме того, эти лексемы — неотъемлемая часть обращения, сопровождающая имена собственные. Так,

А. Вежбицкая замечает: «Имена ... входят в более широкую систему форм обращения и референтных форм, которая включает в себя также комбинации имен с фамилиями, фамилий с титулами, просто титулы и т.д. [26. С. 99].

Интерес к выделению различных социальных групп и их представителей возникает еще в период формирования древнеанглийского языка: «Древнеанглийский язык имеет изобилие лексики, выражающей степени социального ранга» [27].

В английском художественном тексте XIX века титулы и номинанты благородных персонажей наполняются их чертами и являются не просто формой обращения, но и маркировки, отражают материальный и социальный их статус в обществе, описываемом писателями викторианской поры. В этом смысле авторские интенции играют определенную роль. В современном Интернете тексте титулы констатируются в новостных лентах и являются некой метафорой высшего качества продукта в рекламном тексте.

Из анализа истории вопроса о важности социальной дифференциации и положения титулованных и благородных особ, установленной формы обращения к ним становится очевидным та исключительная роль, которую они играют в национальной картине мира англичан.

### **Анализ данных и методы исследования**

Материалом для исследования послужили тексты романов писателей XIX века (Джозеф Шеридан Ле Фану (1814—1873), Чарльз Джеймс ЛEVER (1806—1872), Чарльз Джон Хаффэм Диккенс (1812—1870), Уильям Мейкпис Теккерей (1811—1863), Дина Мария Мюлок (1826—1887) Энтони Троллоп (1815—1882) и современные тексты из интернет-источники: интернет-версии газет The Moscow News, The Times, The Guardian, BBC news sites, Esquire, рекламные материалы, блоги и т.п.

Настоящее исследование проводилось с использованием комплекса методов: лексикографического, лингвокультурологического, метода сплошной выборки, сопоставительных методов, статистических подсчетов. Данные для анализа были собраны методом сплошной выборки. Тексты произведений в оригинале найдены в интернет-библиотеках, напр.: <http://www.gutenberg.com>). При помощи команды «найти» на протяжении скопированных художественных текстов произведений писателей-викторианцев были найдены и подсчитаны компьютером искомые лексемы. Исследованы в общей сложности тексты романов в объеме около 25 000 страниц. Собрано более 2000 примеров использования лексем-номинантов знати и титулов в художественных текстах Викторианской эпохи и около 750 примеров современного использования титульных лексем в текстах интернет-ресурса. Эмпирический материал отбирался из интернет-сайтов печатных медиа на английском языке, новостных и рекламных материалов.

Необходимо остановиться на анализе примеров из художественных текстов английских писателей-реалистов XIX века, таких, как Чарльз Диккенс,

У. Теккерей, Ч. ЛEVER, Э. Треллоуп и многих других писателей и поэтов, в произведениях которых отражена современная им эпоха. В статье анализируются лексемы из текстов романов всемирно известных английских писателей: Джо-зеф Шеридан Ле Фану (1814—1873), Чарльз Джеймс ЛEVER (1806—1872), Чарльз Джон Хаффэм Диккенс (1812—1870), Уильям Мейкпис Теккерей (1811—1863), Дина Мария Мюлок (1826—1887). Многие из авторов не так широко известны российскому читателю, не переведены на русский язык, но являются типичными представителями викторианской реалистической литературы. Примеры отбирались из оригиналов произведений. Современное употребление лексем, маркирующих знатных особ, рассматривается на примерах, взятых из политических, газетных, рекламных интернет-текстов. Литературные тексты Викторианского периода показывают, что лексемы, номинирующие социальный статус дворянства, используются очень широко, поскольку такие «знаковые, ключевые понятия, номинируемые культурно-специфическими лексемами, находят отражение в произведениях искусства разных эпох» [17].

Когда слово попадает в полотно художественного произведения, оно насыщается созданным писателем образом действительности, поэтому в художественных текстах номинанты титулов являются не только маркерами статуса персонажа, но обретают черты, которые писатель добавляет к персонажу, поэтому часто лексема-титул превращается в номинанта лингвокультурного типажа. Представители знати соответствуют определенному набору качеств и признаков, которыми их наделяют их современники. Об этом мы писали в анализе произведения Лоуренса (см. выше).

Использование титулов и наименований знати в современную эпоху связано также с понятием вежливости, характерной для англичан.

По верному замечанию Т.В. Лариной, «для лучшего понимания представителей иной культуры важно знать особенности их ценностной системы» [28. С. 40]. В страноведческих словарях и книгах о культуре Великобритании и ее жителей подчеркивается, что это страна, в которой бытует «a highly class — society culture» (Kate Fox). В современном британском обществе говорят о социальной разнице в связи с описанием домов, садов, одежды, домашних питомцев, хобби и т.п.

Исследование титулов в художественном и интернет текстах подтверждает мысль о том, что «хотя вежливость по сути является универсальной категорией, ее конкретное выражение культурно специфично» [29]. Для англичан употребление титулов с именами собственными характерно и сегодня, хотя настоящее время формы обращения не могли не измениться. Обязательное упоминание титула или таких форм, как Mr, Mrs, Sir в XIX веке и, соответственно, отраженные в художественном тексте, в современном тексте не столько обязательны.

В современных интернет-текстах можно встретить и более фамильярное обращение к знатной особе. Например, в статьях о Кейт Мидлтон (герцогине Кембриджской) не всегда используется ее титул. По мнению Т.В. Лариной,

«в современном английском обществе, для которого характерна незначительная вертикальная дистанция... делает допустимым обращение по имени при ассиметричных отношениях» [28. С. 265].

Можно предположить, что и частотность, и отдельные функции лексем-номинантов знати также изменились.

### Титул, пэрство и положение в иерархии. Титулы в английском художественном тексте XIX века и в интернет-текстах XXI века

В данном разделе мы сравним, какие значения реализуются лексемами в художественном тексте и в текстах Интернета, какие функции они выполняют, в чем сходство и различие в реализуемой семантике и функциях.

Поскольку социальная дифференциация общества всегда имела большое значение в Великобритании, использование титулов и номинантов знатных особ в текстах Викторианской эпохи и их характеристик в повествовании становится одной из характерных черт всего викторианского литературного текста. Персонажи в викторианской Англии являются представителями благородного сословия, поскольку в то время их невозможно было описать без указания их социального положения.

Наиболее частыми и значимыми лексемами являются составляющие лексико-семантического поля *gentleness/nobleness: nobleman, gentleman, lord, lady, knight, peer, earl, duke, duchess, viscount, baron, baronet, king, queen, marquises etc.*

Рассмотрим словарные определения этих лексем, зафиксированные в Словаре Сэмюэля Джонсона (1755 г.) — самом популярном из старейших словарей. Удивительно, но для таких лексем, как *лорд, рыцарь* или *джентльмен*, в нем нет отдельных статей. В словаре Джонсона есть статьи, объясняющие значение слов *король, королева, леди, барон*. Существительные женского рода объясняются через их отношение к мужскому титулу. Например, *леди* 11. “A woman of high rank: the title of lady properly belongs to the wives of knights, of all degrees above them, and to the daughters of earls, and all of higher ranks; 2. an illustrious or eminent woman; 3. a word of complaisance used for women. The same principle one can see in explaining the meaning of a lexeme Queen: “Queen. n.s. [Saxon, a woman, a wife, the wife of a king.] The wife of a king. A woman who is sovereign of a kingdom” (Johnson 2019).

Иногда слова (например, *господин*) попадали в результате перевода латинских текстов монахами на староанглийский, как пишут исследователи: «Иногда монахи сопрягали свои латинские тексты с древнеанглийским, „сглаживая“ латинские термины, давая их древнеанглийские эквиваленты, как в копии Псалмов X века, известной как «Псалтырь Юния». В первой строке латинские слова, обозначающие Бога, смягчены старыми английскими *dryhten* и *hlaford*, оба означающих «Господь» [27].

Sometimes the monks interfaced their Latin texts with Old English, ‘glossing’ the Latin terms by giving their Old English equivalents, as in the tenth-century copy of the Psalms known as the ‘Junius Psalter’. In the first line, the Latin words for God are glossed by old English *dryhten* and *hlaford*, both meaning ‘Lord’ [27].

Пути попадания лексем-титолов и номинантов знати различны. Есть лексемы германского происхождения [30], однако большое количество проникло из романских языков. Среди германских титулов одной из старейших в английском языке является лексема —*earl*. Приведем его толкование в Оксфордском и этимологическом словарях:

(1) *earl*(n.) Old English *eorl* “brave man, warrior, leader, chief” (contrasted with *ceorl* “churl”), from Proto-Germanic \**erlaz*, which is of uncertain origin. In Anglo-Saxon poetry, “a warrior, a brave man”; in later Old English, “nobleman”, especially a Danish under-king (equivalent of cognate Old Norse *jarl*), then one of the viceroys under the Danish dynasty in England. After 1066 adopted as the equivalent of Latin comes (see *count* (n.)) (Etymology Dictionary of English 2019).

В художественных текстах, взятых в качестве эмпирического материала, титул *earl* использован лишь у некоторых авторов. Есть произведение Дины Марии Мьюлок Крейк, в котором образ графа наполнен целым набором благородных качеств и характеристик. Используется 404 раза. Главный герой Earl of Cairnforth. Его благородные поступки являются как бы отражением его принадлежности к благородному сословию, подчеркиваются автором.

(2) years ago, how many need not be recorded, there lived in his ancestral castle, in the far north of Scotland, the last Earl of Cairnforth. [Craik *A Noble Life*]

В сети Интернет в качестве обращения к знатым особам данная лексема встречается

(3) Earl of Strathmore admits sex attack at Glamis Castle home  
<https://www.bbc.com/news/uk-scotland-tayside-central-55641684>

В рекламном тексте в названии сэндвича, как показатель изысканного, высококачественного, употребляется

(4) PFIND AN EARL NEAR YOU <https://earlofsandwichusa.com/>

Рассмотрим королевские лексемы *king/queen*. В словарной статье есть несколько значений:

(5) *king*

1. a male sovereign prince who is the official ruler of an independent state; monarch

2. any of four playing cards in a pack, one for each suit, bearing the picture of a king

3. the most important chess piece, although theoretically the weakest, being able to move only one square at a time in any direction

(6) Draughts a piece that has moved entirely across the board and has been crowned, after which it may move backwards as well as forwards. <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/king>

(7) *queen*

1. a female sovereign who is the official ruler or head of state
2. the wife or widow of a king
3. a. the only fertile female in a colony of social insects, such as bees, ants, and termites, from the eggs of which the entire colony develops  
b. (as modifier): a queen bee
4. an adult female cat
5. one of four playing cards in a pack, one for each suit, bearing the picture of a queen
6. a chess piece, theoretically the most powerful piece, able to move in a straight line in any direction or diagonally, over any number of squares

В художественных текстах языковые единицы наиболее полно раскрывают свой языковой потенциал, поскольку образность и выразительность литературных произведений создает необходимые условия для раскрытия каждого значения. Следует отметить, что королевские титулы (например, *king*, *queen*, *prince*) не так часто встречаются в текстах. Однако примеры были найдены:

(8) May I go to the kirk every Sunday, and see everything and everybody, and read as many books as ever I choose? Oh, How happy I shall be! — as happy as a king! (Craik A Nolbe life)

(9) “Missis”, returned the gallant sergeant, “speaking for myself, I should reply, the honor and pleasure of his fine wife’s acquaintance; speaking for the king, I answer, a little job done”. (Dickens Great Expectations)

Вторым по рангу титулованным дворянином, как уже указывалось, является *duke/dutchess*. В словаре отмечается, что лексема употребляется в значении представителя знати с XIV века.

Обратимся к этимологии слова: (8) *duke* (n.) early XII c., “sovereign prince”, from Old French *duc* (XIIc.) and directly from Latin *dux* (genitive *ducis*) “leader, commander”, in Late Latin “governor of a province”, from *ducere* “to lead”, from PIE \**deuk-* “to lead” (cognates: Old English *togian* “to pull, drag”, Old High German *ziohan* “to pull”, Old English *togian* “to draw, drag”, Middle Welsh *dygaf* “I draw”). Applied in English to “nobleman of the highest rank” probably first mid-XIV c., ousting native *earl*... Old English (denoting the ruler of a duchy), from Old French *duc*, from Latin *dux*, *duc-* ‘leader’; related to *ducere* ‘to lead’.

Слово *duke* записано еще в Old English, но восходит к латинскому *dux* ‘leader’, которое связано с *ducere* ‘to lead’ (seeduct). The earliest meaning of *duke* was ‘the ruler of a duchy’ — it referred to sovereign princes in continental Europe, and did not describe a member of the British nobility until the end of the XIV century (The Oxford English Dictionary 1933).

В художественных текстах авторов, произведения которых мы взяли в качестве эмпирического материала, лексема *Duke* используется, например, в романе Чарльза Лэвера *The Confessions of Harry Lorrequer* — 18 раз. В его романе *Lord Kilgobbin* — 4 раза.

(10) On politics, too—if that be the name for such light convictions as they entertained—they differed: the soldier’s ideas being formed on what he fancied



would be the late *Duke of Wellington's* opinion, and consisted in what he called putting down. [Lord Kilgobbin].

В романах Ч. Диккенса эта лексема найдена в романе Дэвид Копперфильд 1 раз.

В интернет-текстах она очень часто в качестве титула с последующим именем собственным:

(11) “In a statement the fund said: The *Duke of York* has been the Royal Patron of York Minster Fund for 15 years and in this role has been very supportive of our work”. [https://www.bbc.com/news/uk-england-york-north-yorkshire-50758384?intlink\\_from\\_url=&link\\_location=live-reporting-story](https://www.bbc.com/news/uk-england-york-north-yorkshire-50758384?intlink_from_url=&link_location=live-reporting-story)

Или с полным отсылком к титулу:

(12) “The *Duke and Duchess of Sussex* will not be joining the Queen at the annual Buckingham Palace party to thank royal staff on Monday, according to reports”. [https://www.celebitchy.com/645561/the\\_duke\\_duchess\\_of\\_sussex\\_will\\_skip\\_the\\_buckingham\\_palace\\_xmas\\_parties/](https://www.celebitchy.com/645561/the_duke_duchess_of_sussex_will_skip_the_buckingham_palace_xmas_parties/)

(13) As the *Duchess* gave Berry a tour of her new play garden at RHS Wisely, she spoke about how much her children loved being outside and her desire to encourage families to spend time together and to “focus on the simple things”.

Лексема *baron* появляется в XIII веке, согласно одной из версий из латинского, *baro* “man”, по другой из древнеанглийской лексемы *beorn* “nobleman”.

(14) *baron* (n.) c. 1200, from Old French *baron* (nominative *ber*) “baron, nobleman, military leader, warrior, virtuous man, lord, husband”, probably from or related to Late Latin *baro* “man”, which is of uncertain origin, perhaps from Frankish \**baro* “freeman, man”; merged in England with cognate Old English *beorn* “nobleman” (Etymology Dictionary of English 2019).

Похоже, что происхождение от древнеанглийского *beorn* «дворянин» более убедительно, поскольку, по мнению историков, титул барона существовал с 1066 года, обозначая владельца земли, полученной непосредственно от короля. Оксфордский словарь также записывает версию происхождения из кельтского бара = герой для воина, человека, который носит оружие и служит королю или высокопоставленному лорду.

Как известно, норманнское завоевание, породившее феодальные отношения, принесло такие титулы, как *duke duchess, prince-princess, marquise-marchioness, count-countess, viscount-viscountess*. В рассмотренных нами источниках Викторианской эпохи не все из заимствованных лексем были найдены.

Как видно из определений, приведенных в словарях, титулы связаны с собственностью, принадлежащей королю или данной им, например, владением принципата или округа (принца, графа, барона).

The *count/ countess*

(15) *count* (n.) title of nobility, c. 1300, from Anglo-French *counte* (Old French *conte*), from Latin *comitem* (nominative *comes*) “companion, attendant”, the Roman term for a provincial governor, from *com-* “with” (see *com-*) + stem of *ire*

“to go” (see ion). Термин использовался в англо-французском языке для перевода древнеанглийского *eorl*, но это слово никогда не было по-настоящему естественно употребимо и в основном использовалось в отношении иностранных названий (The Oxford English Dictionary 1933).

Эта лексема появляется в английском *lexemes came to English during the period of Norman rule, when middle English was being formed. The dictionary explains that count never completely replaced the old English lexeme earl, while for the wife of an Earl, the lexeme countess came into use and remained the only one until today.*

Лексемы *count/countess* пришли в английский в период правления нормандцев, когда формировался средний английский язык. Словарь объясняет, что граф никогда полностью не заменял старую английскую лексему, в то время как для жены графа использовалась лексема «графиня» и оставалась единственной до сегодняшнего дня.

Стоит отметить, что лексемы — номинанты королевских титулов *king queen prince princess* не используются в отношении персонажей. Например, в первом примере — это фразеологизм, а во втором — также не характеристика персонажа. Все номинанты титулов и знати в художественном тексте реализуют прямые значения, а использование их применительно не к человеку, а к материальному объекту как, например, в названиях магазинов, кафе, парикмахерских были невозможны. Эти номинанты составляют определенный слой в городском дискурсе. В задачу данной работы не входило изучение этого пласта лексики, но косвенно можно встретить эти названия в статьях или новостных объявлениях, в текстах Интернета.

В интернет-текстах, прежде всего, номинируются реальные лица. На сайте BBC новостные тексты указывают на исторические фигуры британской истории:

(16) Edward I, King of England, is remembered as the man who caused the Scottish Wars of Independence. He was seen as a strong leader and fierce soldier — but why did he invade Scotland? <https://www.bbc.co.uk/bitesize/topics/z8g86sg/articles/z77dbdm>

Используются и в англоязычных новостях о монархах других стран:

(17) When the married 67-year-old king of Thailand bestowed upon his 34-year-old girlfriend the formal title of royal consort, his subjects were shocked. <https://www.thetimes.co.uk/edition/world/thailand-the-brutal-fall-of-king-mahavajiralongkorns-concubine-pwwqktpps>

Рассмотрим этимологию лексемы *prince*:

(18) Titles that appeared in the Middle Ages include the lexeme *prince*, meaning the ruler of the principal: c. 1200, “ruler of a principality” (mid—XII c. as a surname), from Old French *prince* “prince, noble lord” (XII c.), and derived from the Latin *first man, leader*.

В словаре объясняется германский корень *fürst* восходящий к латинскому “*first*”. Further, the value of the token: Colloquial meaning “*admirable or generous*”

person” is from 1911, American English. Prince Regent was the title of George, Prince of Wales (later George VI) during the mental incapacity of George III (1811—1820) (Etymology Dictionary of English 2019). Jonson

В качестве персонажей в рассмотренных произведениях королевские особы не использованы, а в интернет-текстах королевские титулы встречаем в хрониках текущих событий:

(19) *Prince Philip health fears: Duke of Edinburgh ‘not in best of health’ as Queen struggles* <https://www.express.co.uk/news/royal/1207465/prince-philip-health-news-duke-edinburgh-health-condition-queen-elizabeth-ii-royal-news>

(20) *Prince Andrew has resigned from his role as royal patron of the York Minster Fund* <https://www.bbc.com/news/uk-england-york-north-yorkshire-50758384>

(21) *Royal baby pictures: Watch Prince Louis grow.* <https://www.thetimesnews.com/picture-gallery/life/2018/05/09/royal-baby-pictures-watch-prince-louis-grow/34723153/>

При номинации королевских особ реализуется значение принадлежности к королевской знати, связанное с благородством происхождения. Социальная маркировка и вежливая форма обращения — главная функция лексем *king/queen/prince, princess* в интернет-текстах.

Рассмотри лексему *duke*. В текстах романов Ч. Диккенса лексема *duke* встречается:

(22) He had certainly a peculiar taste, as it was of a close and earthy kind, and besides being frequently impregnated with strong whiffs of the second-hand wearing apparel exposed for sale in *Duke’s Place* and Houndsditch, had a decided flavor of rats and mice, and attaint of moldiness (*Dickens, Old Curiosity Shop*).

В статьях и заголовках новостей встречаются аристократические титулы.

(23) «He had abdicated his throne in favor of his brother, *Grand Duke Michael Alexandrovich*, but his brother declined the crown and ended the 300-year Romanov» dynasty. <https://www.themoscowtimes.com/2019/07/17/otd-july-17-romanov-murder-a66433>

Королевские персоны упоминаются в тексте с описанием исторических событий и людей. Например,

(24) Edward I, *King* of England, is remembered as the man who caused the Scottish Wars of Independence. He was seen as a strong leader and fierce soldier — but why did he invade Scotland?

(25) The first *Duke* of Wellington, victor at the Battle of Waterloo, was a military hero who served twice as prime minister. Carolyn Quinn meets the current duke for a tour of the family’s London home, Apsley House.

(26) He had abdicated his throne in favor of his brother, *Grand Duke Michael Alexandrovich*, but his brother declined the crown and ended the 300-year Romanov dynasty.

(27) Karl Ulrich was the only son of Charles Frederick, Duke of Holstein-Gottorp, and Anna Petrovna, Grand Duchess and oldest daughter of Peter the Great.

Чаще всего заголовки находятся в новостных текстах в Интернете, повествующих о живущих ныне королевских особах. В новостях упоминаются

настоящие королевские особы, поэтому связь с благородным происхождением по-прежнему важна для британского общества и английского языка как языка.

### Дворянские титулы и номинанты благородных особ в английском художественном тексте XIX века и интернет-текстах XXI века

Дворянские титулы более частотны в текстах литературных произведений английских классиков XIX века. В художественных текстах чаще всего, как показала примерная статистика, в текстах викторианских романов встречаются такие лексемы, как *earl, duke, lord, lady, gentleman*. Поскольку внимание наиболее часто уделяется среднему и нижнему по рангу разряду знатных и благородных особ, то наиболее часто использованы такие лексемы, как *lord, lady, gentleman*. В романе «Great Expectations» Диккенса лексема *gentleman* использована — 229, *lady* — 62, *baron* — 3, *knight* — 3 раза. В романе Чарльза Левера “*The Confessions of Harry Lorrequer*” лексема *gentleman* используется 91 раз, *lady* — 248, *duke* — 18, *knight* — 16. Dina Maria Mulock Craik в романе John Hallifax: *gentleman* — 106, *lady* — 206, *knight* — 3. Хотя объем романов не одинаков, все же ясно, какие титульные лексемы более популярны в этих текстах.

Популярна лексема *duke* в современном тексте. Примеры некоторых заголовков в интернет-текстах этот тезис наглядно доказывают:

(28) *The Duke of Edinburgh returns to Sandringham for Christmas.*

(29) *The Duke and Duchess of Cambridge have spoken about their charity work, cooking at home, and competed against each other in a bake off, for a new BBC programme with TV chef Mary Berry.*

(30) *She arrived with her brother, Prince George, and the Duke and Duchess of Cambridge.*

(31) *Duke and Duchess of Cambridge sailing for charity.*

В статьях и заголовках новостей встречаются аристократические титулы, а известные высокопоставленные особы упоминаются в новостных материалах:

(32) *He had abdicated his throne in favor of his brother, Grand Duke Michael Alexandrovich, but his brother declined the crown and ended the 300-year Romanov» dynasty <https://www.themoscowtimes.com/2019/07/17/otd-july-17-romanov-murder-a66433>*

Примеры с лексемой *Prince*

(33) *Duke’s birthday wishes for Prince Charles. <https://www.bbc.com/news/uk-54942655>*

(34) *Five Takeaways From Prince Harry’s Speech.*

*Prince Harry has made his first speech since announcing that he and Meghan will be stepping back from being senior royals. <https://www.bbc.co.uk/programmes/p080w1p0>*

Если речь идет о событиях в дворянских семьях, то в новостях используются несколько титулов одновременно:

(35) “*Prince George and Princess Charlotte* have expressed an interest in homelessness after watching rough sleepers on their way to school and asking ‘why can’t they go home?’, the Duke of Cambridge has revealed”.

(36) *The Duke and Duchess of Cambridge* and their three children have appeared together at a red carpet engagement for the first time.

(37) William and Kate took *Prince George, Princess Charlotte and Prince Louis* to the London Palladium on Friday to watch a pantomime.

(38) *When they first arrived, seven-year-old George, Charlotte, five, and two-year-old Louis waved to crowds and stopped to watch actors dressed as elves entertaining guests at the event.* <https://www.independent.co.uk/life-style/royal-family/william-kate-children-pantomime-photos-b1770819.html>

Вежливые формы обращения по отношению к знати подчеркивают их статус и также употребляются в художественном тексте *Sir, Miss, Mr, Mrs* и др.

Следует отметить, что лексемы, номинирующие благородных и знатных особ, имеют как древнегерманское, так и старофранцузское происхождение. Такие национально-специфические лексемы, как *lord* и *lady*, согласно словарю зафиксированы в XIII веке, но восходят к лексеме старого английского *Lord*, к лексеме *hlaford* (господин, правитель) и к лексеме *lady* (буквально «месилка для хлеба»), буквально означает тестомес для хлеба. Приведем данные словаря:

(39) *lord* (n.) mid-13c., *laverd, loverd*, from Old English *hlaford* “master of a household, ruler, superior”, also “God” (translating Latin *Dominus*, though Old English *drihten* was used more often), earlier *hlafweard*, literally “one who guards the loaves”, from *hlaf* “bread, loaf” (see *loaf* (n.)) + *weard* “keeper, guardian” (see *ward* (n.)). Compare *lady* (literally “bread-kneader”), and Old English *hlafæta* “household servant”, literally “loaf-eater”. Modern monosyllabic form emerged XIV c. (Etymology Dictionary of English 2019).

The etymology of this word goes back to the old English *hlæfdige* — the first part — from *hlāf*, “loaf, bread” “loaf, bread”, similar to *hlāford*, “lord”. The second part is from the root *dig* -, “to knead” “knead”, i.e. the meaning developed from the nomination “Baker, bread moulder”.

Middle English (in the sense ‘man of noble birth’): from *gentle* + *man*, translating Old French *gentilz hom*. In later use the term denoted a man of a good family (especially one entitled to a coat of arms) but not of the nobility.

У Треллопа в его романе *MR. SCARBOROUGH’S FAMILY* (1883) использовано в значении „хозяин“:

(40) During that half-hour at Cheltenham she had so talked to him, and managed in her own pretty way so to express herself, as to make him understand that of all that there was of her he was the only lord and **master**.

Лексема *lord* отобрана из новостных текстов:

(41) The Lord Provost of Glasgow, Eva Bolander, has said it is in the city's "best interests" for her to resign after a controversy over her expenses. <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-glasgow-west-50243192>

(42) MsMcGarry started weeping as LordCarloway, Scotland's most senior judge, told her of the court's decision and informed her she would have to stand trial again. <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-50856660>

(43) A serial burglar has been ordered to pay Lord Sugar more than £173,000 in compensation after targeting his Essex home during a £1.2m crime spree. <https://www.bbc.com/news/uk-england-essex-50130680>

Многие лексемы — номинанты знати и благородных особ, использованные в художественном тексте особенно, представляют собой концепты и могут быть отнесены к лингвокультурным типажам. Напомним, что «лингвокультурный типаж может конкретизироваться как персонаж художественного произведения [31. С. 17].

У Троллопа в произведении «Mr.Scarborough's family» лексема *lady* найдена в 464 примерах. Не только принадлежность к знатному происхождению, но и простая номинация женщины использована Троллопом:

He had then gone abroad, and had there married an English *lady* (Mr. Scarborough's family).

Для актуализации значений той или иной лексемы намерение автора также имеет значение. Такие лексемы, как *лорд* и *леди*, реализующие основное значение принадлежности к аристократии, также используются в качестве вежливого обращения в процессе общения персонажей любого социального статуса. В том случае, когда эти лексемы означают титулы, она используется в письменной форме с большой буквы, за которой следует имя собственное. Лексемы — номинанты титулов (*леди*, *лорд* и др.) употребляются при любом упоминании персонажа, например:

(44) Go tell Mr. Daly that Lady Eleanor desires to see him at once.

Go, and lose no time, Tate, said Helen, as, almost fainting with terror, she half pushed the old man on his errand (*Lever. The Knight of Gwynne*). Такие лексемы, как *earl*, *lord*, *duke*, используются для обозначения благородных персонажей романов. Следующие цитаты доказывают это:

(45) Many years ago, how many need not be recorded, there lived in his ancestral castle, in the far north of Scotland, the last *Earl of Cairnforth*.

В современном тексте в сети Интернет использование данной лексемы в контексте обозначения титула «граф» почти не встречается. Используется синоним французского происхождения *count*.

В современных текстах и статьях, в материалах BBC были найдены и отобраны более 400 примеров предложений с титулами, которые употребляются в их основном значении как номинация знатного лица. Это можно объяснить еще существующей социальной структурой и политической системой Великобритании.

Таким образом, в художественном тексте реализуются основные значения лексем — номинантов знатных лиц, а в случае лексем — номинантов лиц

среднего класса имплицитно представлены характеристики представителей дворянства, особые значения реализуются лексемами *Ladies*.

Самые распространенные и широко использованные в художественных текстах титулы низшей ступени знати — *gentleman, lord, lady* — также часто используются в интернет-контенте:

(46) *Lord Carlile QC has been stood down by the government as independent reviewer of the Prevent programme following a legal challenge over his appointment.*

(47) In her final speech in the role, *Lady Hale* said: “We (Supreme Court justices) do not know one another’s political opinions — although occasionally we may have a good guess — and long may that remain so”.

(48) The *Lord Provost* of Glasgow, *Eva Bolander*, has said it is in the city’s “best interests” for her to resign after a controversy over her expenses.

(49) *MsMcGarry* started weeping as *Lord Carlway*, Scotland’s most senior judge, told her of the court’s decision and informed her she would have to stand trial again.

(50) A serial burglar has been ordered to pay *Lord Sugar* more than £173,000 in compensation after targeting his Essex home during a £1.2m crime spree.

Лексемы, номинирующие дворянство, сохраняют свою роль отличительных признаков дворянства, хотя некоторые другие значения опосредованно реализуются в названиях различных событий, именах людей и т.д.

Рассмотрим примеры с лексемой *lord*. В художественных произведениях *lord* сопровождает упоминание персонажа на всем протяжении произведения. Невозможно не понять, что данный герой — выходец из знатного рода. приведем примеры:

(51) “And you will give him the best education you can — your own, in short, which is more than sufficient for *Lord Cairnforth*; certainly more than the last earl had, or his father either” (Craik, *A noble life*).

(52) *Gladowes*, who became *Lord Newcomen*; and the verse was not only poetry but prophecy, for in his bankruptcy some years afterwards the sarcasm became fact, — “his money was but paper” (Lever. *The Knight of Gwynne*).

Примеры лексем *lord* обнаружены в английских газетах и на сайтах BBC:

(53) *Lord Frost* says “we will be working very hard to try to get a deal’as he arrives in Brussels for final throw of the dice trade talks”. <https://www.standard.co.uk/standard>

(54) *Lord Carlile QC has been stood down by the government as independent reviewer of the Prevent programme following a legal challenge over his appointment.* <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/dec/19/lord-carlile-prevent-review-legal-challenge>

Сравнивая семантику и в том, и в другом текстах, можно заметить, что главное здесь — указание на благородное рождение и принадлежность к знати.

(55) In her final speech in the role, *Lady Hale* said: “We (Supreme Court justices) do not know one another’s political opinions — although occasionally we may have a good guess — and long may that remain so” <https://www.bbc.com/news/uk-50836164>

(56) *Duke's birthday wishes for Prince Charles* <https://www.bbc.com/news/uk-54942655>

Совершенно особое положение среди номинантов благородных особ занимает лексема *gentleman* / джентльмен. Его этимология и амбивалентный характер особенно ярко проявляются в Викторианскую эпоху; джентльмен наделен не только благородным происхождением, но и набором морально-этических качеств, составляющих это понятие. Обратимся к словарному толкованию:

(57) *Gentleman*

1. A chivalrous, courteous, or honorable man:

1.1 A man of good social position, especially one of wealth and leisure.

1.2 A man of noble birth attached to a royal household:

2. A polite or formal way of referring to a man: opposite her an old gentleman sat reading... (Etymology Dictionary of English 2019).

Лексема *gentleman* имеет особый статус в художественном тексте и в современном интернет-тексте. Существует не только социальная, но и оценочная характеристика, которая отражена в тексте того или иного автора Викторианской эпохи. Имеется в виду то, что вкладывалось в кодекс джентльменства в тот период, о чем шла речь ранее (Элиот, Лоуренс и др.) Таким образом, значение лексемы «джентльмен» включает в себя понятие благородства не только происхождения, но и высоких моральных качеств, кодекса поведения и манер.

Функции этих лексем преломляются в текстах под влиянием авторской интенции. Для Теккерея сарказм и ирония заложены в именовании джентльмена и леди в тексте его романа «Ярмарка тщеславия». Например,

(58) I know, for instance, an old *gentleman* of sixty-eight, who said to me one morning at breakfast, with a very agitated countenance, "I dreamed last night that I was flogged by Dr. Raine" (*Thackeray, Vanity Fair*).

(59) "Have you completed all the necessary preparations incident to Miss Sedley's departure, Miss Jemima?" asked Miss Pinkerton herself, that majestic lady; the Semiramis of Hammersmith, the friend of Doctor Johnson, the correspondent of Mrs. Chapone herself (*Thackeray, Vanity Fair*).

Чарльз Диккенс придает значение высокому происхождению и соблюдению кодекса морали — главной характеристики тех, кого в романах называют джентльменами.

(60) Somehow, I was not best pleased with Joe's being so mightily secure of me. I should have liked him to have betrayed emotion, or to have said, "It does you credit, Pip", or something of that sort. Therefore, I made no remark on Joe's first head; merely saying as to his second, that the tidings had indeed come suddenly, but that I had always wanted to be a gentleman, and had often and often speculated on what I would do, if I were one (*Dickens, Great Expectations*).

(61) "This other *gentleman*", observed Joe, by way of introducing Mr. Wopsle, "is a gentleman that you would like to hear give it out. Our clerk at church" (*Dickens, Great Expectations*).



(62) He hesitated a minute, as if weighing his speech. “Once, I thought I should like to be what my father was”.

“What was he?”

“A scholar and a *gentleman*”.

“For since it is a law of nature, admitting only rare exceptions, that the qualities of the ancestors should be transmitted to the race—the fact seems patent enough, that even allowing equal advantages, a gentleman’s son has more chances of growing up a gentleman than the son of a working man” (*Craik, John Halifax, Gentleman*).

Лексема джентльмен *gentleman* использована в произведениях Шеридана де Фоню:

(63) “You are a *gentleman*, sir, and a Christian clergyman; what I have said and shall say is confided to your honor; to be held sacred as the confession of misery, and hidden from the coarse gaze of the world” (*Joseph Sheridan, Le Fanu The evil guest*).

Хотя некоторые лексемы употребляются в текстах и в дополнительных значениях — в значении „Бог“. Например,

(64) “And so do I”, I added, with a scarlet face.

“Do you?” said Drummle. “O, *Lord!*” (*Dickens, Great expectations*).

В некоторых произведениях реализуется значение лексемы «леди» как супруги, хозяйки. Например, в романе Теккерея «Ярмарка тщеславия»:

(65) “And I trust, Miss Jemima, you have made a copy of Miss Sedley’s account. This is it, is it? Very good--ninety-three pounds, four shillings. Be kind enough to address it to John Sedley, Esquire, and to seal this billet which I have written to his *lady*” (*Thackeray, Vanity Fair*).

В данном примере лексема *lady* используется в значении «супруга», что также реализуется в романах других писателей, поскольку многие из персонажей были семейными людьми или собирались создать семьи, поскольку семейные ценности были очень важны в Викторианскую эпоху. Вот почему использование лексемы «леди» в этом смысле было очень распространено в Викторианскую эпоху.

*Lady* как „жена“ или *lord* как „Бог“ встречаются в художественных текстах нашего исследования редко, в основном они означают и номинируют благородного человека.

Газеты, сайты информационных агентств используют титулы людей, о которых они пишут. Описывается жизнь королевских и аристократических особ, как они действуют, путешествуют, занимаются бизнесом и т.д., а лексемы обозначают социальный статус человека в таких новостях.

(66) “The Baroness Fighting to Protect Children Online”.

(67) “A Baroness, Her Skulls and a Macabre Exhibition”.

(68) “Princess Anne, the no-fuss royal who stayed out of trouble”

(<https://edition.cnn.com/2019/12/05/uk/princess-anne-royal-intl-scli-gbr/index.html>).

Отдельную группу составляют титулы высшего церковного дворянства, но они не так часто встречаются в текстах романов того периода, поскольку

церковные служители становятся героями лишь у некоторых авторов (например, Троллопа).

В Интернете нами рассмотрены не только газетные тексты, но и тексты других жанров, которые составляют большую часть интернет-пространства. В статьях упоминаются названия спортивных команд. Лексемы — номинанты титулов были отобраны из текстов и названий статей, в которых упоминаются псевдонимы певцов, актеров, названия ролей и пьес и т.п. Приведем несколько примеров:

(69) “We go back thousands of years to explore the *Knights* of the Old Republic”.

(70) “Pacioletty had two goals and two assists to help the Vegas Golden *Knights* beat the Vancouver Canucks 6-3 Sunday night”.

(71) “The Little King Kanye West’s Jesus Is King Is a Beautiful, If Twisted, Religious Testimony”

(72) “Olivia Colman on Her Oscars Speech, British Humor, and Playing the Queen”

(73) “No winter wonderland in slushy ‘Snow Queen’”.

(74) “Kendall Jenner Puts a Grungy Twist on the Lady Bag”.

(75) Speaking for Women’s Art in “Portrait of a Lady on Fire”.

В современных текстах лексемы *baron*, *king*, *queen*, *gentleman*, *lady*, *lord* используются в значении первоклассного качества, утонченности. Например,

(76) “Paul Allen, the *Quiet Space Baron*”.

(77) DUP council or Darryn Cosby said: “The *gentleman* himself was very quiet and never bothered anybody”.

Употребление лексемы с маркировкой моральных качеств человека можно увидеть в таком примере.

(78) “Our dad was a true Boro fan, he was full of character and was funny, outgoing and a *true gentleman with a heart of gold*”.

## Заключение

Рассмотрев примеры употребления лексем-номинантов титулов знати в английском художественном тексте викторианского периода и современном интернет-контенте, можно сделать следующие выводы. В викторианских художественных текстах номинанты знати использованы в именовании персонажей, главных действующих лиц, поскольку отражают социальную структуру XIX века. Королевские титулы встречаются в художественных текстах реже, чем в современных текстах. Аристократические (дворянские титулы) использованы в текстах произведений в разных произведениях в разной степени. Лексемы *duke*, *baron* оказались наиболее частотными.

Особое место среди номинантов знатных особ занимают лексемы *lord*, *lady*, *gentleman*. Моральный кодекс благородного человека и джентльмена зафиксирован в книгах о знати и дворянстве. Анализ семантики по данным словарей показал, что значения, связанные с благородным происхождением,

реализованы как в художественных текстах, так и в современном интернет-контенте. Использование таких лексем, как *knight, prince, princes, duke, dutchess, baron, lord, lady*, характерно для художественного текста, и персонажи отражают ту социально-культурную ситуацию, которая присуща периоду написания рассмотренных произведений. Вместе с тем в художественном контексте номинанты знати относятся к персонажам произведения, приобретая дополнительные оттенки, возникающие под влиянием авторской интенции. Лексемы *lord, lady* употребляются в других значениях: *Lord* — бог, *Lady* — жена, хозяйка. Значение, связанное с благородством происхождения, и функция в рассмотренных нами современных текстах в Интернете сохраняется в хрониках жизни королевской семьи, пэрства и аристократов. Вместе с тем значения размыты, реализуются значения, связанные с характеристиками и качествами представителей знати. Интернет-тексты показали, что в наши дни они используются для выделения высокого качества, изысканности чего-либо, а также для самоидентичности, поскольку ранжирование для статуса важно для британской языковой картины мира.

Первое из значений слов-титолов связано с богатством, благородным рождением и принадлежностью к соответствующему сословию знати: аристократической, церковной, королевской. Описывая современную им жизнь, писатели-реалисты вводят титулованных и знатных особ, номинируя их в тексте. Количество употреблений, например, лексем *gentleman, lady* в зависимости от объема произведения исчисляется сотнями. В современном британском обществе титулы сохраняются, хотя могут не наследоваться, а по решению королевы ими награждают не знатных особ, которые прославляют тем или иным образом Великобританию. Слова — номинанты знати используются в публицистических, газетных, рекламных текстах интернет-пространства.

Оставаясь, во-первых, номинантами реально действующих сегодня знатных персон, во-вторых, их семантика отдаляется от связи с врожденным присвоением данных титулов. Кроме того, в значение некоторых их слов-номинантов занятных особ не вкладывается характеристика представителя того или иного статусного титула, как это было в Викторианскую эпоху.

Сопоставление функционирования лексем — номинантов знати в двух различных эпохах на отобранных для анализа примерах показало, что, несмотря на преемственность социального ранжирования, в британском обществе произошли определенные изменения в сфере использования, частоте употреблений, актуализации значений. В XXI веке акцент делается на общепринятых формах обращения и номинации лиц высокого происхождения. Основное употребление данных лексем относится к новостным статьям о знатных особах. Лексемы сопровождаются именами собственными, это является общепринятой формой обращения к знатым особам. Такие лексемы, как *lady, gentleman, lord*, используются в английском языке в широком значении. В рекламных текстах и объявлениях с данными номинантами наблюдается акцентирование высокого качества продукта, услуги. Есть в современных

текстах интернета примеры ироничного использования данных лексем, что не могло быть в период создания викторианского текста. Социально-политический фон существенно изменился, но традиционное деление на классы, хотя и более размыто, чем в XIX веке, сохранилось. Изменения в сторону демократизации общества, стирание резких граней между классами британского общества, глобализация и др. факторы позволили свободнее обращаться с данными лексемами.

Социальные слои британского общества отражают культурную специфику британской нации. Опираясь на данные словарей, которые сообщают нам этимологию и значение лексем-титолов, было определено, что чаще всего данные лексем употребляются в их основном значении как номинация знатного лица в обоих типах текстов. В результате нашего исследования подтверждается тесная связь номинантов знати в английском языке с культурой данной страны, ее историей. Это можно объяснить еще существующей социальной структурой и политической системой Великобритании.

Изучение таких лексем представляется важным для понимания их лингвокультурной специфики. Результаты данных исследований могут быть использованы в обучении страноведению филологов, лингвистов-переводчиков, а также вносят вклад в лингвокультурологию в целом.

### Библиографический список

1. *Богданова Е.В.* Профессиональная охотничья лексика в произведениях Мигеля Делибеса «Дневник охотника» и «Дневник эмигранта» // Вестник Российского нового университета. 2013. № 3. С. 139—141.
2. *Вежбицкая А.* Семантика, культура и познание: Общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах // Thesis. 1993. № 3. С. 185—206.
3. *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 628—652. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. *Красных В.В.* Язык — сознание — культура — человек — народ: «замыкая круг...» (к вопросу о лингвоэкологии) // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 32—45.
6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2011.
7. *Ларина Т.В.* Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.
9. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
10. *Бахтин М.М.* О языке художественной литературы // Собрание сочинений [в 7 томах]. Т. 5. Ин-т мировой лит. им. М. Горького Российской акад. наук. М.: Русское слово, 2007.
11. *Колианский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.
12. *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. М., 1974.
13. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 25—33.

14. *Барт П.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
15. *Vadeau A.* Aristocracy in England. New York: Harper & Brothers, 1886.
16. *Лоуренс Д.Г.* Сыновья и любовники. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008.
17. *Harisson W.* Description of England. 1877. Режим доступа: <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html> (дата обращения: 10.12.2020).
18. *Berberich Chr.* The Image of English gentleman in Twentieth-Century Literature. Oxford: Oxford Univ. Press. 2007.
19. *Castronovo D.* The English Gentleman: Image and Ideas in Literature and Society. New York: Ungar. 1987.
20. *Contamine Ph.* Noblesse française, nobility et gentry anglaises à la fin du Moyen Age // Cahiers de recherches médiévales. 2006. № 13. P. 15—18.
21. *Easthope A.* Englishness and National Culture. London: Routledge, 1998.
22. *Reviron-Piégay F.* Englishness Revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
23. *Безкоровайная Г.Т.* Английская лексема *gentleman* и русская *дворянин (барин)* в художественном тексте XIX века // Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск: сборник научных статей. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет» (Ижевск), 2016. С. 6—11.
24. *Молчанова Д.В.* Этимология ключевых слов-репрезентантов концепта *lady/леди* // Актуальные проблемы антропоцентризма в языке и речи сб.научн. труд. М.: ИИУ МГОУ. 2015. № 5. С. 54—62.
25. *Robson D.* Режим доступа: <https://www.bbc.com/future/article/20160406-how-much-does-social-class-matter-in-britain-today> (дата обращения: 10.12.2020).
26. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 291—325.
27. *Hough C., Corbett J.* Beginning Old English. Palgrave MacMillan, 2007.
28. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003.
29. *Лохэр М., Ларина Т.В.* Введение в исследование вежливости невежливости в глобальном контексте // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 4. С. 873—903.
30. *Безкоровайная Г.Т.* К истории формирования концепта *gentleman* в английской лингвокультуре // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 97—103.
31. *Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.

## References

1. Bogdanova, E.V. (2013). Professional Hunting Vocabulary in the Works of Miguel Delibes “Diary of a hunter” and “Diary of an emigrant”. *Bulletin of the Russian New University*, 3, 139—141. (In Russ.).
2. Vezhbitskaya, A. (1993). Semantics, Culture and Cognition: Universal concepts in cultural-specific contexts. *Thesis*, 3, 185—206. (In Russ.).
3. Zaliznyak, A.A. & Paducheva, E.V. (2018). Experience of Semantic Analysis of Russian Discursive Words: perhaps, nothing, after all. *Russian Journal of Linguistics*, 22.(3), 628—652. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652. (In Russ.).
4. Karasik, V.I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
5. Krasnykh, V.V. (2019). Language-consciousness-culture-man-people: “Closing the circle...” (on the question of linguoecology). *Ecology of language and communicative practice*, 4 (1), 32—45. (In Russ.).
6. Maslova, V.A. (2011). *Linguoculturology: Textbook for students. higher. studies*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publishing Center. (In Russ.).

7. Larina, T.V. (2013). *Englishmen and Russians: Language, Culture, Communication*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.).
8. Teliа, V.N. (1996). *Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects*. Moscow. (In Russ.).
9. Shmelev, D.N. (2008). *Problems of Semantic Analysis of Vocabulary*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).
10. Bakhtin, M.M. (2007). About the language of fiction. In: *Collected Works [in 7 volumes]*. Volume 5. Moscow: Russian Word. (In Russ.).
11. Kolshansky, G.V. (1990). *Objective Picture of the World in Cognition and Language*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Larin, B.A. (1974). Aesthetics of the Word and the Language of the Writer. 34—35. (In Russ.).
13. Postovalova, V.I. (1999). Linguoculturology in the light of the Anthropological Paradigm (to the problem of the foundations and boundaries of modern phraseology). *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian culture. pp. 25—33. (In Russ.).
14. Bart, R. (1989). *Selected works: Semiotics: Poetics*, G.K. Kosikova (ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
15. Badeau, A. (1886). *Aristocracy in England*. New York: Harper & Brothers.
16. Lawrence, D.G. (2008). *Sons and Lovers*. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika.
17. Harisson, W. (1877). *Description of England*. URL: <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html> (accessed 10.12.2020).
18. Berberich, Chr. (2007). *The Image of English Gentleman in Twentieth-Century Literature*. Oxford: Oxford Univ. Press.
19. Castronovo, D. (1987). *The English Gentleman: Image and Ideas in Literature and Society*. New York: Ungar.
20. Contamine Ph. (2006). Noblesse française, nobility et gentry anglaises à la fin du Moyen Age. *Cahiers de recherches médiévales*, 13, 15—18.
21. Easthope, A. (1998). *Englishness and National Culture*. London: Routledge.
22. Reviron-Piégay, F. (2009). *Englishness Revisited*. Cambridge: Cambridge University. Press.
23. Bezkorovaynaya, G.T. (2016). English Lexeme *gentleman* and Russian Nobleman (master) in the Literary Text of the 20<sup>th</sup> century. *Language and literature in the scientific dialogue. Special issue: collection of scientific articles*. Izhevsk: Publishing House “Udmurt University” (Izhevsk). pp. 6—11. (In Russ.).
24. Molchanova, D.V. (2015). Etymology of Keywords-representatives of the Concept of Lady/леди. *Actual problems of anthropocentrism in language and speech*, 5, 54—62. (In Russ.).
25. Robson, D. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20160406-how-much-does-social-class-matter-in-britain-today> (accessed: 10.12.2020).
26. Vezhbítskaya, A. (1996). *Semantic Universals and “primitive thinking”*. In *Language. Culture. Cognition*. Moscow. 291—325. (In Russ.).
27. Hough, C. & Corbett, J. (2007). *Beginning Old English*. Palgrave MacMillan.
28. Larina, T.V. (2003). *The category of Politeness in English and Russian Communicative Cultures*. Moscow: RUDN Publishing House. (In Russ.).
29. Loher, M. & Larina, T.V. (2019). Introduction to the study of politeness of impoliteness in a global context. *Russian Journal of Linguistics*, 23(4), 873—903. (In Russ.).
30. Bezkorovaynaya, G.T. (2017). History of the Formation of the Concept of *gentleman* in English Linguoculture. *Journal “Vestnik of Northern (Arctic) Federal University”. Humanitarian and Social Sciences*, 6, 97—103. (In Russ.).
31. Karasik, V.I. & Dmitrieva, O.A. (2005). Linguocultural Type: to the definition of a concept. In *Axiological Linguistics: Linguocultural Type*. Volgograd: Paradigma. pp. 5—25. (In Russ.).

## Словари / Dictionaries

1. Johnson Samuel A. Dictionary of the English Language, Vol. I-II, 2019. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/> (accessed: 20 December 2020).

2. Etymology Dictionary of English: URL: [http://www.etymonline.com/index.php?allowed\\_in\\_frame=0&search=duchess](http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=duchess) (accessed: 20 December 2020).
3. “Knight”. Online Etymology Dictionary. (accessed: 20 December 2020).
4. The Oxford English Dictionary. (OED) Oxford: The Clarendon Press, 1933. URL: <https://www.oed.com/> (accessed: 20 December 2020).
5. The Free Dictionary URL: <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/queen> (accessed: 20 December 2020).

## Литературные источники / Literary sources

1. Craik D.M.M. John Halifax, Gentleman. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2351/2351-h/2351-h.htm> (accessed: 18 December 2020).
2. Craik D.M.M. A Noble Life. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/14373/pg14373.html> (accessed 18 December 2020).
3. Dickens C. Great Expectations. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.html> (accessed: 18 December 2020).
4. Dickens C. Old Curiosity Shop. URL: <http://www.gutenberg.org/files/821/821-h/821-h.html> (accessed: 18 December 2020).
5. Lever C. The Knight of Guen. URL: <https://archive.org/details/knightofgwynneta01leve> (accessed: 18 December 2020).
6. Lever C. Lord Kilgobbin. URL: <http://www.gutenberg.org/files/8941/8941-h/8941-h.htm> (accessed: 18 December 2020).
7. Le Fanu Joseph Sheridan. The Evil Guest. URL: [https://bookfrom.net/joseph-sheridan-le-fanu/7740-the\\_evil\\_guest.html](https://bookfrom.net/joseph-sheridan-le-fanu/7740-the_evil_guest.html) (accessed: 18 December 2020).
8. Thackeray W. Vanity Fair. URL: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm> (accessed: 18 December 2020).
9. Trollope Mr. Scarborough's. URL: <https://www.gutenberg.org/files/12234/12234-h/12234-h.htm>. URL: <https://books.google.ru/books?id=KUwXAAAAYAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Adam+Badeau%22&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwihqmq4u-PpAhW8AxAIHbtjBLYQ6AEIPTAC#v=onepage&q&f=false> (accessed: 18 December 2020).

### Сведения об авторах:

*Безкоровайна Галина Тиграновна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московской политехнической университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии. *Сфера научных интересов*: семантика, фразеология, ономастика, лингвокультурология, лексикография, анализ медиатекста, переводоведение, экология языка; *e-mail*: [begati1@yandex.ru](mailto:begati1@yandex.ru); ORCIDID: 0000-0003-0931-1772.

*Эбзеева Юлия Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН, заместитель декана филологического факультета по научной деятельности, Советник Ректора по партнерствам. *Сфера научных интересов*: исследователь широкого диапазона, специалист в области лексикологии и стилистики французского языка, теории перевода, межкультурной коммуникации, социолингвистики, миграциологии, образовательной политики; *e-mail*: [ebzeeva\\_yun@rudn.university](mailto:ebzeeva_yun@rudn.university); ORCIDID: 0000-0002-0043-7590.

*Гишкаева Луиза Нахидовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов*: сравнительно-сопоставительное исследование языков и культур, сопоставительный анализ речевых актов в разных коммуникативных культурах, национально-культурное своеобразие функционирование языков, лексико-семантический анализ устойчивых языковых единиц, анализ медиатекста, культурная семантика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: [gishkaeva\\_ln@rudn.university](mailto:gishkaeva_ln@rudn.university); ORCIDID: 0000-0001-7627-5375.

**Information about the authors:**

*Galina T. Bezkorovaynaya*, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign languages, Moscow Polytechnic University, High School of Print and Media Industry (Moscow, Russia). *Areas of research*: semantics, phraseology, onomastics, cultural linguistics, lexicography, the analysis of the media text, theory of translation, ecolinguistics; *e-mail*: begati1@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0931-1772.

*Yulia N. Ebzeeva*, PhD in Philology, Associate professor, Chair of Department of Foreign languages, Philological Faculty, RUDN University (Moscow, Russia). *Areas of research*: broad-based researcher, specialist in the field of lexicology and stylistics of the French language, translation theory, intercultural communication, sociolinguistics, migration, educational policy; *e-mail*: ebzeeva\_yun@rudn.university; ORCIDID: 0000-0002-0043-7590.

*Luiza N. Gishkaeva*, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign languages, Philological Faculty, Deputy Dean of Philological Faculty for Scientific affairs, Rector's Adviser for partnership affairs, RUDN University (Moscow, Russia). *Areas of research*: comparative researches of languages and cultures, the comparative analysis of speech acts in different communicative cultures, a national and cultural originality functioning of languages, lexical and semantic analysis of fixed language units, a discourse analysis, analysis of the mediatext, cultural semantics, intercultural communication; *e-mail*: gishkaeva\_ln@rudn.university; ORCID ID: 0000-0001-7627-5375.





DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513  
UDK 811.161.1:003

Review article / Обзорная статья

## The Formation of Polycode Text Theory

Natalia V. Novospasskaya\*, Zou Huajing

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university)  
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

\* Corresponding author: [novospasskaya-nv@rudn.ru](mailto:novospasskaya-nv@rudn.ru)

**Abstract.** This review article is devoted to the theory of polycode texts that are represented as a combination of verbal and non-verbal components. This unity is supported by the meaning, structure and function, under which we mean the focus on solving a single communicative task. A polycode text includes signs of various semiotic systems, for example, colour and kinesics. A number of synonymous terminological descriptions of this phenomenon — creolized text, polycode text, polysemiotic text, semiotically enriched text — indicates that we are currently witnessing the formation of the theory of polycode texts. Theoretical and terminological understanding of the object of our description occurs in such directions as the analysis of the components of polycode text and their correlation, description of methods and prospects for the study of polycode texts. The pragmatics of a polycode text, with a brief overview of the most notable works of Russian linguists, is considered in such main areas of its implementation as humorous polycode text and polycode text in cinematography. The most studied phenomenon in this direction is the description of the polycode text of advertising of various types. New directions of analysis are the description of the functioning of the polycode text in political linguistics and Internet communication. It is important to note the increase in the number of works that investigate the use of polycode text in school teaching and in teaching foreign languages. A new area of study of polycode text is its description as a reflection of the national linguistic picture of the world. This review is based on academic works, which are fundamental in this area of research, and also includes articles published in scientific journals in Russia over the past five years.

**Keywords:** polycode text, creolized text, verbal component, non-verbal component

### Article history:

Received: 01.05.2020

Accepted: 08.02.2021

### For citation:

Novospasskaya, N.V. & Zou, Huajing. (2021). The Formation of Polycode Text Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 501—513. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513

---

© Новоспасская Н.В., Цзоу Хуацзин, 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.161.1:003

## Становление теории поликодового текста

Н.В. Новоспасская\*, Цзоу Хуацзин

Российский университет дружбы народов  
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6  
novospasskaya-nv@rudn.ru

**Аннотация.** Обзор посвящен теории поликодовых текстов, которые представляют собой сочетание вербального и невербального компонентов. Данное единство поддержано смыслом, структурой и функцией, под которой мы понимаем направленность на решение единой коммуникативной задачи. Поликодовый текст включает знаки различных семиотических систем, например, цвет и кинессику. Наличие целого ряда синонимических терминологических описаний данного явления — креолизованный текст, поликодовый текст, полисемиотический текст, семиотически обогащенный текст — свидетельствует о том, что в настоящее время мы наблюдаем становление теории поликодовых текстов. Теоретическое, в том числе терминологическое осмысление объекта нашего описания, проходит в таких направлениях, как анализ компонентов поликодового текста и их связи, описание методов и перспектив исследования поликодовых текстов. Прагматика поликодового текста, с кратким обзором наиболее заметных работ российских лингвистов, рассмотрена в таких основных сферах его реализации, как юмористический поликодовый текст и поликодовый текст кинематографа. Наиболее изученным явлением в рассматриваемом направлении является описание поликодового текста рекламы различных типов. Новыми направлениями анализа является описание функционирования поликодового текста в политической лингвистике и интернет-коммуникации. Важно отметить увеличение количества работ, в которых исследуется использование поликодового текста в школьном обучении и в преподавании иностранных языков. Новой сферой изучения поликодового текста является его описание как отражение национальной языковой картины мира. Обзор выполнен на материале научных работ, которые являются основополагающими в данном направлении исследований, а также включает научные статьи, опубликованные в научных журналах России в течение последних пяти лет.

**Ключевые слова:** поликодовый текст, креолизованный текст, вербальный компонент, невербальный компонент

### История статьи:

Дата поступления: 01.05.2020

Дата приема в печать: 08.02.2021

### Для цитирования:

*Novospasskaya N.V., Zou Huajing.* The Formation of Polycode Text Theory // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 501—513. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513

## Introduction

Modern linguistics holds interest in the description of texts that include visual and audio information, on the one hand, and the expansion of the range of phenomena and aspects of analysis, on the other. These complex texts are becoming more and more common in communication of various types, they are unequivocally

assessed as the most successful and are often the only ones possible in the context of globalization rapprochement, which requires a universal and understandable language for communicants.

Sociologists and linguists point out the dominance of such means of communication as advertising, cinema, the Internet and television that are impossible without texts of a mixed nature. It is unambiguous to understand the tasks of this type of texts in maximizing the impact on recipients, providing information of a significant amount with small resource investments and implementing one or several secondary functions — emotive, aesthetic, orienting, educational, etc.

The purpose of this article is to describe the main approaches to the formation of a unified theory of polycode texts, features of its terminological support, and a description of the main directions of their study. V.V. Krasnykh explains the diversity of approaches, the plurality of descriptions and the multiplicity of definitions of the text by the fact that “the text itself, as a phenomenon of linguistic and extralinguistic reality, is a complex phenomenon: it is both a means of communication, and a way of storing and transmitting information, and a reflection of the mental life of an individual, and a product of a certain historical era, and the form of existence of culture, and the reflection of certain socio-cultural traditions, etc.” [1. P. 205—206]. In full, this definition also refers to texts that combine the actual verbal component, any image and sound that are integrated, turning into a code. The decoding process combines the semantics of signs at all levels, thus transforming this type of information into a text of a higher order.

### **Terminological shaping of the idea of a polycode text**

The history of the formation of the theory of polycode texts records the existence and, to varying degrees, active use of a number of terms describing the phenomenon under consideration. Some of these terminological units also include methodological approaches to describing the object of study itself. The nomination of a text: in which several codes interact, uses such terms as *nonlinear text*, *creolized text*, *polysemiotic text*, *semiotically enriched text*, *polycode text*.

The most common term is *creolized text*, first used by Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov: “Creolized texts are texts, the structure of which consists of two inhomogeneous parts: verbal (language/speech) and non-verbal (belonging to other sign systems than natural language)” [2. P. 180].

The term *polycode text* has been known since the 1970s, for example, G.V. Eiger and V.L. Yukht defined it as follows: “Cases of combining a natural language code with the code of a different semiotic system (image, music, etc.) should be classified as polycode texts in a broad semiotic sense” [3. P. 107].

A.G. Sonin describes a polycode text as a text built “on the connection in a single graphic space of semiotically heterogeneous components — a verbal text in oral or written forms of representation and signs of a different nature” [4. P. 117].

Researcher L.S. Bolshakova divides texts that combine elements of several types into *linear* — which can be perceived as “information in a row” and *nonlinear*, where she sees “a multidimensional network in which any point  $\diamond$  is linked to any other point anywhere” [5. P. 20].

D.P. Chigaev, exploring ways to creolize an advertising text, uses a terminological-descriptive construction of a *semiotically enriched text* for the generic concept of inhomogeneous texts [6].

A.A. Bernatskaya proposes to consider the terms *polycode text* and *polysemantic text* as synonymous and writes about their preference “as a designation of a generic concept for inhomogeneous, syncretic messages (texts) formed by a combination of elements of sign systems, subject to their interdependence; it is advisable to keep the metaphorical and dynamic term *creolization* to indicate the degree of the very fact of participation of different semiotics elements in the text creation” [7. P. 106].

### **Polycode text research direction**

The main areas of application of polycode text studies are:

- 1) polycode text in advertising, in political communication, humorous polycode text and polycode text in cinematography;
- 2) polycode text in Internet communication;
- 3) components of polycode text;
- 4) use of polycode text in teaching;
- 5) polycode text as a reflection of the national linguistic picture of the world.

#### **Polycode text in advertising**

A significant number of scientific works are devoted to the polycode advertising text, however, the extensive research material, the genre diversity of the research object and the constantly updated analysis material leaves this topic relevant. As an example, we consider such works as the studies of E.S. Kara-Murza [8], D.P. Chigaev [6; 9], E.N. Remchukova and V.A. Omelianenko [10], I.D. Romanova and I.V. Smirnova [11] and many others. Polycode text in political communication is represented primarily by the genres of political posters and political cartoons. These types of polycode text are described in the works by E.E. Anisimova [12], M.B. Voroshilova [13], N.M. Dugalich [14]; humorous polycode text was analyzed by Yu.S. Chaplygina [15]; polycode text of the film is described in the works by E.A. Krasina and E.S. Rybinok [16] and others.

#### **Polycode text in Internet communication**

Internet communication plays a significant role in social life, which is supported by the constantly growing number of users and the development of new technologies for network interaction. Internet communication has a number of characteristic

features, under which researchers O.I. Maksimenko [17], I.V. Bugaeva [18], L.V. Babina [19], Y.V. Schurina [20], D.S. Michurin [21] and many others understand hypertextuality, depersonification, interactivity, polycode character. The special character of the polycode text is described through increasing the role of the actual iconic signs both in the information field and in the speech produced.

The subject of linguistic research of polycode text in Internet communication is linguistic means, pragmatic potential of polycode text, their types and structural specificity and features of functioning. Internet communication is also distinguished by the creation of new genres, for example, Internet memes, the polycode nature of which is considered in the works by Y.V. Schurina [20] and many others; demotivators [18; 19]. These genres are characterized by the lack of clarity of the addressee, they perform communicative, aesthetic, axiological and expressive functions.

### Polycode text components and their correlation

An important characteristic describing a polycode text is its integrity. This characteristic is set, first of all, by the communicative and cognitive attitudes of the authors of the text, a single theme, a chosen stylistic and compositional solution, and a single visual, semantic and functional whole, which is formed by combining the resources of the verbal and iconic levels.

Traditionally, they distinguish verbal and iconic components of a polycode text, which is probably associated with the maximum information load that a person's organs of sight and hearing have: "The largest part of socially significant, rich and essential for society sign systems is focused on perception through vision" [22. P. 323]. In this regard, R. Bart considered polycode texts related to mass communication to be the most sophisticated: "In television, cinema, advertising, the emergence of meanings depends on the interaction of images, sound and the style of icons" [23. P. 124]. R. Bart divides the text of advertising by the nature of the content and representation in literal (visually uncoded), symbolic (visually coded) and linguistic forms. The connection of these components forms the complex meaning of a polycode text [23. P. 303].

There are several approaches to the classification of polycode text elements, which are most often called verbal (and thus retain a semantic connection with the text) and a verbal, which include images (photographs and drawings) and additional elements (conventional designations, for example, symbols or drawings within a word, and also paralinguistic means — font design, lines, frames, etc.).

During the formation of the polycode text theory, the variability of terms in the nomination of elements of a polycode text was expressed in pairs *verbal* — *iconic*; *paralinguistic* — *iconic*; *paralinguistic* — *paragrammatic*. Currently, the use of the terms *iconic* and *verbal* remains parallel. M.B. Voroshilova believes that "it is terminologically challengeable to use the term *iconic component* when analyzing creolized texts as an equivalent, identical replacement for the designation of a

graphic component” [13. P. 76]. This is due to the presence of a general orientation of the text towards iconicity, which has been repeatedly emphasized by researchers [see 24 P. 119]. Also, the use of the term *visual* in relation to the iconic component is not justified, since the text in writing is also visual, so M.B. Voroshilova considers it appropriate to use the dichotomy of the *verbal* — *non-verbal* components of the polycode text.

Paragraphemic means are understood as elements of a written text that accompany the verbal component and express various connotations (M.G. Shvetsova [25], Yu.A. Eykalis [26]). M.G. Shvetsova divides paragraphemic means into those that are tied to the verbal component of the polycode text, tied to the verbal means of the text; elements that organize content and have special functions in the text [25]. This division corresponds to the classification by N.N. Bolshakova, who stresses out topographemic means, under which the author sees the planar variation of the text, supragraphemic means, i.e. font variation and singraphemic means (artistic and stylistic variation of punctuation marks). These elements are considered important and make it possible to increase the implicitness of the text [5].

A.N. Baranov and L.B. Parshin, relying on the mechanism of creating paragraphemic means, divide them into topographemic means — variation of fonts in a plane; supragraphemic means — choice of the actual font size, its type, use of spaces and singraphemic means — non-standard use of punctuation marks to express the author’s intention [27. P. 38]. Supragraphemic means also include variation within type faces and the choice of background and colour, use of bulleted lists, and integration into the text of elements belonging to other language system [28. P. 149—150].

Yu.A. Eykalis, analyzing the polycode text of comics in German, notes the widespread use of topographemic (planar variation of fonts), supragraphemic (font variation) and singraphemic means (understands them as artistic and stylistic variation of punctuation marks) and their various combinations, explaining this by the information density of the comic text and its pragmatic potential. The set of these means of a polycode text, according to the author, serves to form speech portraits of comic book heroes, partially realize the aesthetic function [26].

E.E. Anisimova divides the degree of cohesion of the components of a polycode text into texts with partial creolization (relative autonomy of the verbal and averbal parts, for example, when the iconic component is a secondary element) and full creolization (cohesion of components), emphasizing the difference in the need for the iconic component to participate in the polycode text, for example, a poster or an advertising image with text.

The researcher of a polycode text O.V. Poimanova, who calls the object of research a *video-verbal text*, suggests classifying these texts by the nature of the iconic component. *Static video-verbal text*, such as political cartoons or magazine advertisements, is contrasted with *dynamic video-verbal text*, such as a film or a video advertisement). The classification of the verbal component is a division into an oral format (live speech or recorded live speech) and a written one [29].

## Use of polycode text in teaching

The use of polycode text in teaching is a promising area of research: “No one involved in language teaching can afford to ignore the huge range of opportunities and challenges opened up by technology” [30. P. 109]. The main attention of the authors is paid to the creation and selection of polycode texts, which should combine the unambiguous iconic component and elements of the verbal component adequate to the task in hand. The intention of the authors of the polycode text should coincide with the organizational, motivational, communicative, substantive aspects of the lesson, not distract the student from the set methodological tasks and complement the lesson materials informationally and axiologically. Currently, we can observe published works that provide general recommendations and describe the experience in teaching certain disciplines of Russian as a foreign language for certain levels and languages. T.S. Kyst [31] examines the questions of hypertextuality and creolization of texts of electronic textbooks.; O.A. Senatorova sees the prospects for work in the field of creating educational materials for teaching the Russian language to foreigners “in a deeper study of issues related to the linguodidactic analysis of Russian linguistic culture, followed by the selection of the most valuable realities for cultural activities”, which is impossible without the involvement of polycode texts [32. P. 323]. I.A. Koltsov [33] proposed a method of using a polycode text in the study of a foreign language in the aspect of intercultural communication. V.A. Sentsova considers polycode texts as a means of teaching Russian grammar to Italian native speakers at the beginner level [34]. N.V. Perfilieva and her co-authors propose forms of working with polycode text at different levels of learning Russian as a foreign language [35]. The team of authors S.A. Leppik, A.Y. Ustinov and T.A. Chabanets describe the implementation of polycode text in school textbooks as an irrevocable condition of the principle of visibility — an approach that “involves the translation of the task formulation by direct observation of the subject of speech using certain channels of sensory perception” [36. P. 451].

## Polycode text as a reflection of the national linguistic picture of the world

It is known that material and spiritual culture is reflected in the language, which has an internal form specific to each language. Language has a national character, which is reflected in it through special forms of representing the world. Language is “a mediating link between a person and the world around” [37. P. 237—238]. These ideas are expressed in a polycode text both intentionally and implicitly. Linguists such as E.S. Kara-Murza [8], N.V. Danilevskaya [38], E.N. Remchukova, V.A. Omelianenko [10], E.P. Garan [39], E.E. Anisimova [40], E.M. Aleksandrova [41] and many others reveal this topic in their works. Thus, the classification of elements of linguocultural information in a polycode text, for example, advertising [42; 43], includes physical and geographical characteristics of a country;

description of external features of a nation, which consists of such elements as national costume, household items, features of everyday clothing, etc. An important aspect of a polycode text is the appeal to cultural and historical material values of a nation. These are, first of all, architectural monuments, monuments dedicated to national heroes, unusual architectural solutions that create the appearance of modern cities, etc. The theme of opposing *national* and *foreign* comes close to the value priorities of a nation. Numerous advertising examples confirm that the polycode text contains various elements that form a single conceptual idea that consists in the presentation of one's own cultural values taking into account national components of other cultures [44. P. 132].

### **Polycode text: research methods and perspectives**

Research methods of a polycode text are inextricably linked with the aspects of its description. Following M.B. Voroshilova [13. P. 75—80] researchers highlight the description of the structure of a polycode text, correlation of its components, semiotic codes and their representation in a specific text, linguistic resources involved in the verbal component. Let us consider the algorithm for analyzing a polycode text presented in the works by N.M. Dugalich [14]:

1) discussion of the pragmatics of the polycode text with the identification of its occasion, personalities, and precedent basis;

2) description of the visual means of the polycode text, which is associated with the analysis of the compositional and stylistic solutions, and genre originality of the image;

3) semiotics of the polycode text, which is understood as the analysis of the use of colour codes and kinesics;

4) paragraphemic means used in a specific example of the polycode text;

5) verbal level — assessment of the text component (its translation, if the text is performed in a foreign language); compositional and structural organization; dialectal and expressive language means; language game; correlation of text and images;

6) allusive and precedent components; hidden resources of the polycode text;

7) interconnection of the iconic and verbal components of the polycode text is thought over.

Polycode text research perspective consists, in our opinion, in carrying out comparative and contrastive works on the description of texts of a certain genre orientation, performed in different languages; description of new genres of a polycode text and its intertextual component. The origination of new objects of this type of texts will allow receiving material for describing, comparing and supplementing existing typologies and directions in the future.

### **References**

1. Krasnykh, V.V. (2001). *Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory. Course of lectures*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
2. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). *Creolized Texts and Their Communicative Function. Speech Effect Optimization*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. pp. 180—186. (In Russ.).



3. Eiger, G.V. & Yukht, V.L. (1974). The Construction of a Typology of Texts In *Text linguistics: proceedings of the scientific conference at Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez: in 2 p. P. I. Moscow*. pp. 103—109. (In Russ.).
4. Sonin, A.G. (2005). Experimental Studies of Multimodal Text Comprehension: Main Directions. *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 115—123. (In Russ.).
5. Bolshakova, L.S. (2008). On the Content of the Concept of “polycode text” // *Bulletin of Samara State University*, 4, 19—24. (In Russ.).
6. Chigaev, D.P. (2010). *Methods of Creolization of a Modern Advertising Text* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
7. Bernatskaya, A.A. (2000). On the Problem of Text Creolization: History and the state-of-arts. *Speech communication: a specialized bulletin*, 3 (11), 104—110. (In Russ.).
8. Kara-Murza, E.S. (2001). “Brave new world” of Russian Advertising: Socio-cultural, stylistic and cultural-speech aspects In *Dictionary and culture of Russian speech. To the 100th anniversary of the birth of S.I. Ozhegov*. Moscow: Indrik. pp. 165—186. (In Russ.).
9. Chigaev, D.P. (2008). Creolized Lexeme. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2. 82—85. (In Russ.).
10. Remchukova, E.N. & Omelianenko, V.A. (2017). Linguistic Means of Russia’s Image Making in Modern Advertising. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 341—349. (In Russ.).
11. Romanova, I.D. & Smirnova, I.V. (2019). Persuasive Techniques in Advertising. *Training, Language and Culture*, 2019.3(2), 55—70. DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.4.
12. Anisimova, E.E. (1994). *Communicative-pragmatic Norms of German Appellate Texts* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
13. Voroshilova, M.B. (2007). A Creolized Text: Aspects of studying. *Political Linguistics*, 1(21), 70—80. (In Russ.).
14. Dugalich, N.M. (2020). Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 479—495. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495.
15. Chaplygina, Yu.S. *Text Categories of Linguo-visual Phenomenon Charicatures* [Electronic resource]. URL: <http://main.isuct.ru/files/konf/antropos/SECTION/3/chaplygina.htm> (accessed: 10.01.2021). (In Russ.).
16. Krasina, E.A., Rybinok, E.S. & Moctar, A. (2020). Film Naming: Book Titles and Film Titles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 330—340. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340.
17. Maksimenko, O.I. (2012). Polycode VS. Creolized Text: Terminology problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 93—102. (In Russ.).
18. Bugaeva, I.V. *Demotivators as a new genre in Internet communications: genre signs, functions, structure* [Electronic resource]. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva> (accessed: 01.05.2021). (In Russ.).
19. Babina, L.V. (2013). On Features of Demotivators as Polymodal Text. *Philology. Theory & Practice*, 2 (20), 28—33. (In Russ.).
20. Schurina Y.V. (2014). Internet Memes in the Structure of Comic Speech Genres. *Speech Genres*, 1—2(9—10), 147—153. DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-147-153. (In Russ.).
21. Michurin, D.S. (2013). Impact of Multimodal Texts on the ways of Self-presentation in Virtual Internet-based Communication. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija “Filologija”*, 5(2), 320—326. (In Russ.).
22. Jakobson, R.O. (1985). Language in relation to Other Communication Systems. In: *Selected works*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
23. Bart, R. (1994). *Selected works. Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
24. Sigal, K.Ya. (1997). The Problem of Iconicity in Language (a survey of literature). *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 100—120. (In Russ.).

25. Shvetsova, M.G. *Paralinguistic Means in Text Linguistics* [Electronic resource] *LingvoMaster*. URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/210.pdf> (accessed: 03.01.21).
26. Eykalis, Yu.A. (2015). Paralinguistic Means of Communication in the Texts of Modern German-language Comics. *Vestnik of the Orenburg State University*, 11, 135—141. (In Russ.).
27. Baranov, A.N. (1989). Influencing Potential of Variation in the field of Metagraphics. In: *Problems of the effectiveness of speech communication: collection of articles*, A.N. Baranov, L.B. Parshin (eds.). Moscow. (In Russ.).
28. Kochetova, L.A. (2008). Hypertextual Structure and Printed Advertising Text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2(8), 147—151. (In Russ.).
29. Poimanova, O.V. (1997). The Semantic Space of the Video Verbal Text: PhD thesis in Philological sciences [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
30. Rogers, P. (2017). Digital Language Learning and Teaching: Research, theory and practice (a review). *Training, Language and Culture*, 1(3), 104—109. doi: 10.29366/2017tlc.1.3.7.
31. Kyst, T.S. (2008). About Hypertextuality and Creolization of Texts of Electronic Textbooks. *Philology. Theory & Practice*, 2 (2), 62—65. (In Russ.).
32. Senatorova, O.A. (2020). A Coursebook on Linguocultural Studies for Foreigners studying the Russian language: Concept and Content. *Russian Language Studies*, 18(3), 315—327. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-3-315-327. (In Russ.).
33. Koltsov, I.A. (2009). *The Method of Using Creolized Hypertext in Teaching Intercultural Foreign Language Communication among Students of a Language University* [dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ.).
34. Sentsova, V.A. (2017). The Use of the Linguodidactical Potential of Multicode Texts in Teaching Italian students to a Russian Grammar. *Modern Science: actual problems of theory and practice*, 8, 170—172. (In Russ.).
35. Novospasskaya, N., Zou, Huajing, Perfilieva, N. & Lazareva, O. (2019). Innovative method of teaching based on polycode texts. In: *Edulearn19 Proceedings* (11th International Conference on Education and New Learning Technologies, 1—3 July, 2019, Spain). Palma. pp. 4524—4528. DOI: 10.21125/edulearn.2019.1132.
36. Leppik, S.A., Ustinov, A.Y. & Chabanets, T.A. (2019). Event-driven Approach to teaching Russian to schoolchildren of the Russian Ministry of Foreign Affairs. *Russian Language Studies*, 17(4), 445—459. doi: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-445-459.
37. Maslova, V.A. (2019). The Role of a Language in the World's Conceptualization: the Aspect of Cultural Linguistics. *Russian Language Studies*, 17(2), 184—197. doi: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197. (In Russ.).
38. Danilevskaya, N.V. (2012). On Specific Character of Texts of Social Advertisement in Contemporary Advertisement Discourse (based on the data of medical prophylactic literature). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 4(20), 132—137. (In Russ.).
39. Garan, E.P. (2018). The Advertising Slogan as a Special Marker of Advertisement Language. *Actual issues of modern philology and journalism*, 2(29), 133—136. (In Russ.).
40. Anisimova, E.E. (2003). *Linguistics of the Text and Intercultural Communication (based on creolized texts)*. Moscow: Academy. (In Russ.).
41. Aleksandrova, E.M. (2018). A Creolized Language Game as a Semiotic Phenomenon. *Philology. Theory & Practice*, 3(81), 276—282. DOI: 10.30853/filnauki.2018-3-2.15. (In Russ.).
42. Zou, Huajing & Novospasskaya, N.V. (2021). Classification of Elements of Linguocultural Information in the Polycode Text of Printed Advertising based on the material of the Russian and Chinese Languages. *Litera*, 2, 1—10. DOI: 10.25136 / 2409-8698.2021.2.35001. (In Russ.).
43. Terskikh, M.V. (2012). Polycode Mechanisms of Metaphorization in Advertising. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin (Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina)*, 2 (7), 162—172. (In Russ.).
44. Kuryanovich, A.V. & Dragunayte, A.V. (2015). Place and Role of Visual Language in Modern Communication (illustrated creolized advertising texts). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 4, 153—159. (In Russ.).

## Библиографический список

1. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
2. *Сорокин Ю.А. Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 178—187.
3. *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции в МГПИИЯ им. М. Горького. Ч. 1. М., 1974. С. 103—109.
4. *Сонин А.Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115—123.
5. *Большакова Л.С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник СамГУ. 2008. № 4. С. 19—24.
6. *Чигаев Д.П.* Способы креолизации современного рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
7. *Бернацкая А.А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11). С. 104—110.
8. *Кара-Мурза Е.С.* «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 165—186.
9. *Чигаев Д.П.* Креолизованная лексема // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. № 2. С. 82—85.
10. *Ремчукова Е.Н., Омельяненко В.А.* Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 341—349. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-341-349.
11. *Romanova I.D., Smirnova I.V.* Persuasive techniques in advertising // Training, Language and Culture. 2019. № 3(2). P. 55—70. DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.4.
12. *Анисимова Е.Е.* Коммуникативно-прагматические нормы немецких аппелятивных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.
13. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 1(21). С. 75—80.
14. *Dugalich N.M.* Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. 11(3). P. 479—495. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495.
15. *Чаплыгина Ю.С.* Юмористические креолизованные тексты: структура, семантика, прагматика: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002.
16. *Krasina E.A., Rybinok E.S., Mostar A.* Film Naming: Book Titles and Film Titles // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. № 11(20). P. 330—340. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340.
17. *Максименко О.И.* Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93—102.
18. *Бугаева И.В.* Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva> (дата обращения: 05.01.2021).
19. *Бабина Л.В.* Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 28—33.
20. *Щурина Ю.В.* Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1—2(9—10). С. 147—153. DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-147-153.
21. *Мичурин Д.С.* Роль поликодовых текстов в самопрезентации участников интернет-сообщества // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. № 5. Выпуск 2. С. 320—326.

22. *Якобсон Р.О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // *Избранные работы*. М.: Наука, 1985.
23. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
24. *Сигал К.Я.* Проблемы иконичности в языке (обзор литературы) // *Вопросы языкознания*. 1997. № 6. С. 100—120.
25. *Швецова М.Г.* Паралингвистические средства в лингвистике текста [Электронный ресурс] // *LingvoMaster*. Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/files/210.pdf> (дата обращения: 03.01.21).
26. *Ейкалис Ю.А.* Паралингвистические средства коммуникации в текстах современных немецкоязычных комиксов // *Вестник Оренбургского университета*. 2015. № 11. С. 135—141.
27. *Баранов А.Н.* Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // А.Н. Баранов, Л.Б. Паршин. Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. научно-аналитических обзоров. М., 1989.
28. *Кочетова Л.А.* Печатный рекламный текст как гипертекстовая структура // *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2008. № 2(8). С. 147—151.
29. *Пойманова О.В.* Семантическое пространство видеовербального текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
30. *Rogers P.* Digital language learning and teaching: Research, theory and practice (a review) // *Training, Language and Culture*. 2017. № 1(3). P. 104—109. DOI: 10.29366/2017tlc.1.3.7.
31. *Куст Т.С.* О гипертекстуальности и креолизованности текстов электронных учебных пособий // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2008. № 2 (2). С. 62—65.
32. *Сенаторова О.А.* Учебно-практическое пособие по лингвокультурологии для иностранцев, изучающих русский язык: концепция и содержание // *Русистика*. 2020. № 18(3). С. 315—327. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-3-315-327.
33. *Кольцов И.А.* Методика использования креолизованных гипертекстов в обучении межкультурному иноязычному общению студентов языкового вуза. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2009.
34. *Сенцова В.А.* Использование лингводидактического потенциала поликодовых текстов при обучении итальянских учащихся русской грамматике // *Современная наука. Актуальные вопросы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. 2017. № 8. С. 170—172.
35. *Novospasskaya N., Zou Huaqing, Perfilieva N., Lazareva O.* Innovative method of teaching based on polycode texts // *Edulearn19 Proceedings* (11th International Conference on Education and New Learning Technologies, 1—3 July, 2019, Spain). Palma, 2019. pp. 4524—4528. DOI: 10.21125/edulearn.2019.1132.
36. *Лепник С.А., Устинов А.Ю., Чабанец Т.А.* Событийный подход к усвоению русского языка учащимися заграничных школ Министерства иностранных дел России // *Русистика*. 2019. Т. 17. №4. С. 445—459. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-445-459.
37. *Маслова В.А.* Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 184—197. doi: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197.
38. *Данилевская Н.В.* О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале медицинской профилактической литературы) // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2012. № 4(20). С. 132—137.
39. *Гаран Е.П.* Рекламный слоган как особый маркер языка рекламы // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018. № 2 (29). С. 133—136.
40. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
41. *Александрова Е.М.* Креолизованная языковая игра как семиотический феномен // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 3(81). С. 276—282. DOI: 10.30853/filnauki.2018-3-2.15.
42. *Цзоу Хуацзин, Новоспасская Н.В.* Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков // *Litera*. 2021. № 2. С. 1—10. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.2.35001.

43. *Терских М.В.* Поликодовые механизмы метафоризации в рекламе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 2 (Т. 7). С. 162—172.
44. *Курьянович А.В., Драгунайте А.В.* Место и роль визуального языка в современной коммуникации (на примере креолизованных рекламных текстов) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 153—159.

**Information about the authors:**

*Natalia V. Novospasskaya*, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru; ORCID 0000-0001-7599-0246.

*Zou Huajing*, PhD student of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: 1042188017@rudn.ru.

**Сведения об авторах:**

*Новоспасская Наталья Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru; ORCID 0000-0001-7599-0246.

*Цзоу Хуадзин*, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: 1042188017@rudn.ru.



DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-514-525  
UDK 811.432.113'36

Research article / Научная статья

## A Study of Grammatical Case Forms and their Directionality in Fulfulde: The Transformational Generative Approach

Idris Muhammad Bello

University of Maiduguri  
P.M.B. 1069, Vama Road, Maiduguri, Borno State, Nigeria  
[idrisbello2014@gmail.com](mailto:idrisbello2014@gmail.com)

**Abstract.** Case Theory interacts with Government Theory in its operation and so, cases are assigned to the complements of governors. Case assigners are the governors of their dependent clauses while the case receivers are the governed NPs. So, the purpose of the study is to survey case assignment in Fulfulde generally by identifying and analysing the elements of Fulfulde structures and their relationship in terms of structural case. Unstructured observation was the method used for eliciting data for this study. Adequate and natural data were recorded and analysed sentence by sentence, the way they were uttered by the native speakers. The Theoretical Framework adopted for data analysis by this study is Principle and Parameters Theory. The study discovered that in Government, apart from (V)erbs, (P)repositions and tensed INFL, (N)ouns, (A)djectives and Focus Markers FMs can also govern and assign case to their complements in Fulfulde. The study has proved that in Fulfulde, cases can be assigned either to the left or to the right, depending on the relation.

**Keywords:** Case assignment, case form, Fulfulde, government, Principle & Parameters Theory

### Article history:

Received: 20.11.2020

Accepted: 08.01.2021

### For citation:

Idris Muhammad Bello (2021). A Study of Grammatical Case Forms and their Directionality in Fulfulde: The Transformational Generative Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 514–525. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-514-525

---

© Idris Muhammad Bello, 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.432.113'36

## Трансформативный генеративный подход в исследовании грамматических падежных форм и их направленности в языке фула

Идрис Мухаммад Белло

Университет Майдугури

Р. М. В. 1069, Бама-роуд, Майдугури, штат Борно, Нигерия

idrisbello2014@gmail.com

**Аннотация.** Цель исследования — представить общую картину падежных функций в языке фула (Fulfulde) путем идентификации и анализа элементов структур языка фула и их отношении к терминам структурного описания падежей. Описание уровня наблюдения стало основным методом сбора материала для исследования. Зафиксированный оригинальный и адекватный материал был проанализирован предложение за предложением с учетом их употребления носителями языка фула. В данном исследовании теоретическая основа анализа материала обусловлена принципами параметрического описания. В ходе исследования было установлено, что теория управления наряду с глаголами (V), предлогами (P) и комплексом INFL, включающим имена (N), прилагательные (A) и фокус-маркеры (FM), в полной мере характеризует функции падежа языка фула относительно опорного слова в предложении. Исследование показало, что в предложении падежи распределяются в зависимости от характера синтаксической связи и отношения, как и позиции левого или правого распространителя опорного слова.

**Ключевые слова:** распределение падежей, падежная форма, язык фула (Fulfulde), теория принципов и параметров

### История статьи:

Дата поступления: 20.11.2020

Дата приема в печать: 08.01.2021

### Для цитирования:

Idris Muhammad Bello. A Study of Grammatical Case Forms and their Directionality in Fulfulde: The Transformational Generative Approach // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 514—525. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-514-525

Fulfulde<sup>1</sup>

## Introduction

In the cotemporary descriptive approach of linguistics, many studies have been carried out to describe different aspects of languages. One of the most important and interesting discoveries is the Universal Grammar (UG) which was put forward by

---

<sup>1</sup> *Fulfulde* is the language of the *Fulbe* (Fulah) which is spoken by more than 32 million people (see David, Simons and Charles [1]), and it is one of the languages of wider communication in many parts of West Africa. It is also spoken in some countries of North Africa, East Africa and Central Africa. The language is one of the African languages and one of the most widely spoken in West Africa sub-region (see Arnott [2], McIntosh, 1984, Breedveld, 1995, Bello [3] etc.).

Chomsky (Cook, & Newson [4]). UG refers to the grammatical categories, structures and rules that are common to all languages irrespective of family [5]. For instance, word classes such as nouns, verbs prepositions and movement rules can be considered linguistic universals; they are common in all languages. However, we also have the concept of **Parameters** where there are options for languages to opt to. These parametric differences allow languages to have different but common systems like head parameter, wh-question, null-subject etc. where there are options in any.

Therefore, it has been observed that in government and grammatical case assignment, some structures in Fulfulde do opt for an extra-ordinary structural relation. Verbs, Prepositions and Agreement are known as governors and case assigners to their complements, but in this language, structures different from these are common, so this study attempts to study grammatical case forms and their assignment in Fulfulde generally. In Fulfulde, morphological case is realised with a few nouns in the case of pluralisation, but pronouns have a kind of morphological case inherent in them. The morphological case which generally applies to pronouns, more especially the personal pronouns is presented on **table 1** below.

The study aims at analysing case assignment in Fulfulde by investigating the composition of the linguistic elements in given structures of the language. Unstructured observation was used for data collection for this study. The data were analysed by studying the order of the words in any given utterance with the hope of finding out the relationship between individual words in a sentence. The sentences were first grouped according to their types, and then according to their constituents.

### Theoretical Framework

Principle and Parameters Theory (henceforth PPT) is the one adopted for data analysis in this study. It is a theory developed from Chomsky's works, particularly [4]. It has three levels; the **Logical Form**, **D-structure** and **S-structure** related to each other by a single movement rule referred to as (move  $\alpha$ ), (see Matthews [5]). PPT consists of sub-theories preferably called modules. Government is the relation that is obtained between the head and its complement. The verbs and prepositions are governors of their complement, while the subject is governed by the INFL when it contains AGR [6] while the notion of government is thematic based, its operation involves structural configuration (Ibid). Government is defined structurally as follows:

$\alpha$  governs  $\beta$  if and only if  $\alpha$  maximally c-commands  $\beta$  (i.e  $\alpha$  and  $\beta$  share the same maximal projection), and no  $\gamma$ ,  $\gamma$  a barrier for  $\beta$  such that  $\gamma$  excludes  $\alpha$ .  $\alpha$  is a governor if and only if  $\alpha$  is an  $X^0$ .

The above definition is formalised by Sells [7. P. 40] as cited in Yusuf [8. P. 142] as follows:

$\alpha$  governs  $\beta$  iff

(a) —  $\alpha$  c-commands  $\beta$  and

(b).  $\alpha$  is an  $X^0$ , i.e  $\alpha \in \{N, V, P, A.I\}$



Case Theory interacts with Government Theory in its operation, because cases are assigned to the constituents of governors. The Case Theory,  $\theta$ -Theory and the government theory all have a common operational ground for the structures of their relevant constituents. Case assigners are the governors of their dependent clauses while the case receivers are the governed NPs. Case assignment is controlled by a principle known as **Case Filter** which states that every phonetically realised [NP] must be assigned case [6]. Though every grammatically acceptable structure may have case assigners for all its NPs at the D-Structure level, at the S-Structure, there are constructions that have more NPs than the said governors, yet they are considered grammatical by the native speakers.

PPT is concerned with the relationship of elements in a given structure, such as verbs and prepositions to their complements. However, there are some verbs that do not need complements. The intransitive verbs like sleep, die, cry may not need an NP as a complement. However, what draws more attention in such structures includes double object construction and verbs such as believe. In Fulfulde, the non-verbal sentences pose a similar problem to proper government and structural case assignment.

### Discussion about Case Assignment in Fulfulde

When we talk about grammatical case assignment, we mean the abstract or structural Case, but, morphological case is discussed first because there are elements of morphological case in the language, especially, the personal pronouns. However, Fulfulde is not a morphological case language.

#### Elements of Morphological Case in Fulfulde

Fulfulde does not generally mark morphological cases on the nouns<sup>2</sup>, but it marks pronouns. Fulfulde distinguishes the different case forms of pronoun according to their case-positions, though some are still overlapping in form. The pronouns can be categorised into Nominative, Emphatic, Accusative and Genitive case forms. Let us study the table below:

Table 1

Categories of personal pronouns in Fulfulde

Persons	Subject	Focus	Object	Genitive
<b>1<sup>st</sup> Pers. Sing.</b>	mi	miin	yam	am
<b>1<sup>st</sup> Pers. Pl inclusive</b>	en	enen	en	meeɗen
<b>1<sup>st</sup> Pers. Pl exclusive</b>	min	minin	(a)min	amin
<b>2<sup>nd</sup> Pers. Sing.</b>	a	aan	maa	maaɗa
<b>2<sup>nd</sup> Pers. Pl</b>	on	onon	on	mooɗon
<b>3<sup>rd</sup> Pers. Sing</b>	o	kanko	mo	maako
<b>3<sup>rd</sup> pers. Pl</b>	ɓe	kamɓe	ɓe	maɓɓe

Adapted from [3]

<sup>2</sup> Languages that mark morphological case have different forms of a given noun depending on the Case position the noun occupies. Latin and Arabic are examples of languages with morphological case forms such as nominative, accusative, dative, locative, genitive, ablative, allative, etc. depending on the language in question (see Blake [10]).

If we study the above table of pronouns carefully, we shall find out that Fulfulde maintains relative forms of morphological case assignment. Though some of the lexical items are flexible, all the four case forms mentioned above are represented in the table above. At least, the first-person singular, the second person singular, and the third person singular pronouns distinguish all the four case forms. In English, the regular pluralisation of nouns by adding ‘s’ simply indicates morphological case [9]. So, there are similar instances of morphological case in Fulfulde as well. But generally speaking, plural formation in Fulfulde is very complex, because it involves two important grammatical processes known as **Noun Class System (NCS)** and **Initial Consonant Alternation (ICA)**. Notwithstanding, there are some simple nouns that illustrate clear instances of inflection which may be regarded as morphological case in their plural formation. Let us consider the table below.

Table II

Fulfulde morphological case

S/No.	Singular	Plural	Gloss
i	boor-o	boor-ooji	bag
ii	suk-a	suk-aaɓe	boy
iii	laam-ɗo	laam-ɓe	king
iv	ndiyam	ndiyam-ji? <sup>3</sup>	water
v	cuf-u	cuf-i	mosquito

If you observe the examples in the table above, (i, ii, and iv) are inflected by addition of a suffix to the morpheme in the process of pluralisation, while in (iii and v), the final segment(s) are substituted to realise the relevant inflections. Therefore, these nouns and the few others of their type are typical examples of morphological case realised inflectionally in the language.

### Structural Case Assignment in Fulfulde

The second type of case is the abstract Case which is realised structurally based on principles of government. In fact, this study is more interested in the abstract Case assignment which is syntactically realised than the morphological case which is restricted to certain forms. However, the morphological case has been discussed to clarify and solidify the background of case in Fulfulde generally. The structural Case is discussed below as abstract Case which is concerned with the relationship of heads and their complements based on the position they occupy. E.g.

- [<sub>IP</sub> Bakari [<sub>VP</sub> res-i deft-e mum [<sub>PP</sub> dow daag-o]]].

Bakari res-i deft-e mum dow daag-o

<sup>3</sup> The question marker (?) put against the plural form of *ndiyam* ‘water’ means it is controversial. The classical plural form is *di’eele*, while *ndiyamji* is semantically extended to mean ‘hard drink’. However, all of the younger speakers and most of the older speakers if not all today, use the word *ndiyamji* as the plural form.

Bakari put-PAST book-CM his on mat-CM

‘Bakari put his books on a mat.’

2. [<sub>FP</sub> Bakari<sub>i</sub> on [<sub>IP</sub> t<sub>i</sub>] [<sub>VP</sub> res-i defte-e mum [<sub>PP</sub> dow daag-o]]]

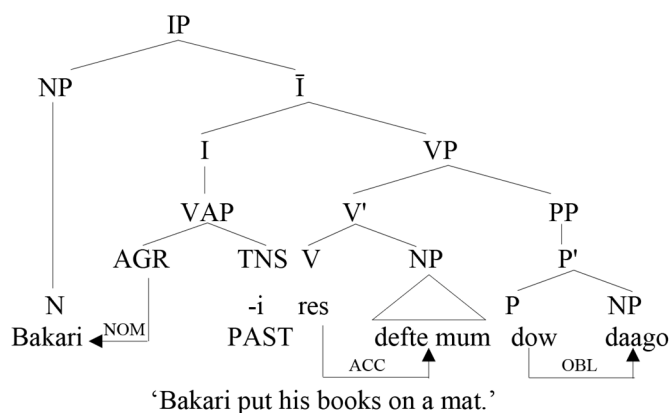
Bakari on res-i defte-e mum dow daag-o.

Bakari FM put-PAST book-CM his on mat-CM

‘Bakari put his books on a mat’

If we analyse sentence (1) above, we shall find out that it has three governors. The V, the P and the AGR. The verb *res* ‘put’ governs its complement NP *defte mum* ‘his books’ and assigns ACC Case to it, while the preposition *dow* ‘on’ as the governor of the NP *daago* ‘mat’ assigns an OBL Case to it on one hand. On the other hand, the morpheme *-i* that follows the verb *res* is a past tense marker<sup>4</sup>. Therefore, the subject of the sentence *Bakari* which is an NP receives its Case from the tensed INFL. Sentence (2) is different from (1) in only one element, i.e., the focus marker (FM) *on*. In this case, the FM is the case assigner to its specifier which is the subject of the sentence. The sentence in example (2) is derived from that of (1) by movement. The subject moved away from the specifier position of IP to the specifier position of the focus phrase FP. Therefore, the INFL assigns NOM. Case to the trace [t] of the moved NP, while the NP that lands at the SPEC-FP is assigned EMPH Case by the FM. The assignment is illustrated further on the tree diagram analysis of the sentence in example (1) as we can see below.

3.



According to Chomsky [6] the AGR governs and assigns NOM Case to the subject NP, the V governs and assigns objective Case to its dependent NP, and preposition assign Oblique Case to its governed NP, while NP is assigned a genitive case in the configuration [NP — X-bar]. Though dative construction is possible,

<sup>4</sup> Fulfulde is a language that derives most of its words through suffixation. The Fulfulde verbs are described by three parameters, viz; Voice Aspect and Polarity (VAP). Voice of a verb can be active, middle or passive. The aspect takes care of the tense which is divided into two; complete and incomplete, while the polarity determines whether the verb is positive or negative. There is a set of suffixes for each voice and each suffix is a morpho-semantic entity. Each voice has future, conditional future, present, past, negative past and negative future tense markers respectively (see Arnott [2], Mukoshy [11], McIntosh, 1984 & Bello [3]).

a double object construction is resorted to instead. Therefore, in the configuration [VP V NP<sup>1</sup> NP<sup>2</sup>], the second NP is assigned case inherently as determined by properties of its [-N] governor [6]. Let us consider the examples below.

4. Nenne sorr-i mbaala.

Nenne sell-PAST sheep

‘Nenne sold a sheep.’

5. Julde res-i deft-e dow daago.

Julde put — PAST book-CM on mat

‘Julde put books on a mat.’

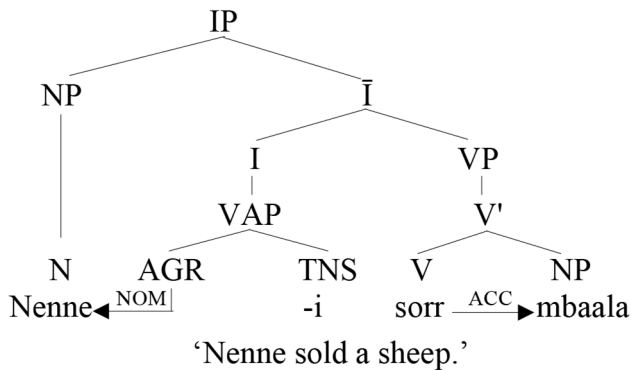
6. Julde hokk-i Saali ceede.

Julde give-PAST Saali money

‘Julde gave Saali some money.’

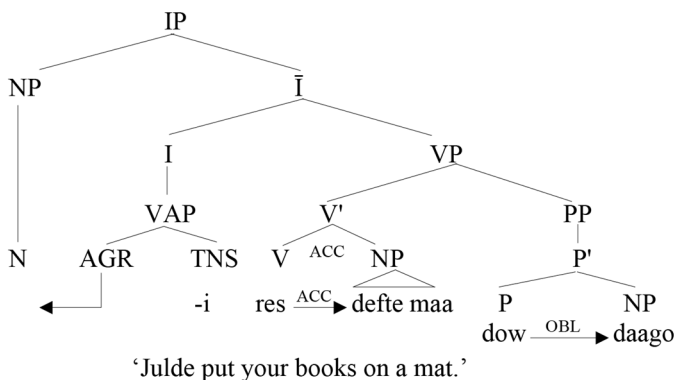
Number 7—9 below is a tree diagram analysis of the above sentences. The arrows indicate the cases as well as the relation of the Case assigners and the Case receivers. In the tree diagram in (7) below, the AGR assigns NOM Case to the external argument, i.e.; the subject, while V as the governor of its complement NP and assigns ACC Case to it.

7.



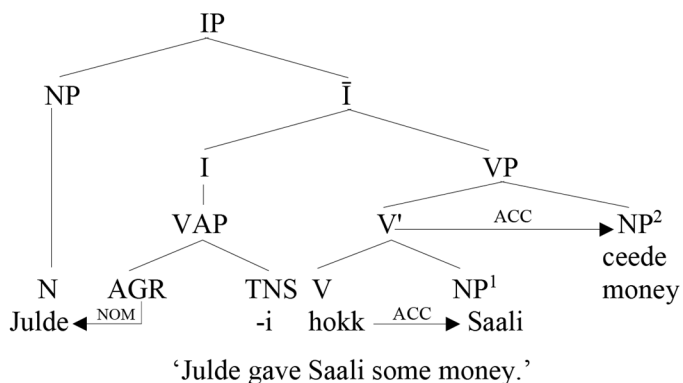
It is illustrated in the tree diagram below also, that V assigns ACC Case to its complement but in addition, there is also a P which also assigns OBL Case to its complement.

8.



In the example (9) below, there are obviously two NPs as complements of the V *hokki* ‘gave’ which poses a little problem. However, one form of case is common to all of the three diagrams, that is the Nominative NOM case which is assigned by the AGR to the subjects of the sentences as external arguments.

9.



In example (9) above, the second NP cannot receive case from the V because there is a barrier between the NP<sup>2</sup> and V as a governor. Though they are sharing the same maximal projection VP, the first NP as a barrier rules it out from being governed by the V, therefore, cannot assign case to it. However, according to [6], it is case-marked inherently, by the V at the D-Structure before dative alternation in the case of English (see Sanusi [12]). A better alternative that fits Fulfulde data where dative construction is not common is the suggestion by Chomsky [6], in which he deals with double object construction and argues that the second NP of this type of constructions receives structural Case from the V' while the first NP receives structural case from the V.

### Exceptional Case Marking and the Non-verbal Constructions of Fulfulde

In every rule there is an exception. That is why we have exceptional case marking in English. According to Riemsdijk & Williams [13. P. 234], “English infinitives can have lexical subjects in certain exceptional circumstances... in the approach that excludes case theory.” For instance, the verb **believe** poses problem in English.

The grammaticality of a construction can also be determined by the application of case assignment, hence the need for **Case Filter**. Case Filter is a principle of Case Theory which controls the grammaticality of a sentence by ensuring that all overt NPs are assigned case by case assigners [4]. V, P and tensed INFL are identified as the case–assigners in English. It is well argued that nouns do not assign case in English. However, construction such as (10) below poses problem in the analysis.

- 10. (a) I believe him to be rich.
- (b) \*My belief him to be rich.

(c) \*My belief of him to be rich.

In Fulfulde, the non-verbal structures or sentences pose a similar problem to the proper government. The study proposes that such structures to be perceived as clauses one subordinate to the other. The left NP to be the main clause and governs the NP on the right as its complement, so that in the configuration [NP-NP, AP-NP or NP-AP] the left [-X head of the] XP which inherently incorporates the auxiliary and eliminates the verb of the sentence, governs the NP or AP on the right and assigns case to it.

This is in conformity to Chomsky’s suggestion that Nouns and Adjectives do assign case (see Chomsky [4]). This is empirically confirmed or ascertained by the non-verbal sentence constructions in Fulfulde where we can have a series of NPs, AP and NP, and so on as a sentence or main clause without any form of verb in the structure. For instance:

11. Hannde mi Laamdo.

Today I king

‘Today I am a king.’

12. Halima nyawdo.

Halima sick

‘Halima is sick.’

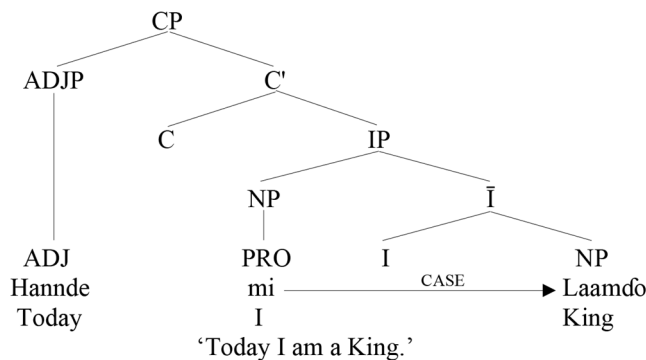
13. Ballo jamo.

Ballo well

‘Ballo is well.’

The constructions in the above examples have no overt verbs, yet the sentences are grammatical as far as the native speakers of the language are concerned. The first constituent of (11) has no definite position, because it is an Adjunct, and can be adjoined either at the initial or final position of a sentence because it is mobile. The remaining constituents are both NPs. The first NP can be a noun, a pronoun or an adjective in which case it can be called AP. Let us consider the following diagram.

14.



If we look at the relation between the NPs, it is clear that the conditions required by case assignment are met in the above structure: Structural Relationship; the need for a governor to be a lexical item; the m-command and adjacency

principles are met by the construction, and above all it is a native speaker grammatically approved structure.

One can substitute the pronoun *mi* in the above sentence with a noun such as *Buuba* ‘personal name’ and/or an Adjective such as *Bodeejo* ‘the red’ (in complexion) without affecting the grammaticality of the sentence. Therefore, we can conclude that in Fulfulde, Adamawa Fulfulde in particular, in addition to verbs, prepositions and Agreement that assign case in English, Nouns, pronouns, and Adjectives too can assign Case to their dependent NPs. Moreover, the Sanusi’s [12. P. 67], argument that “Structural Case is assigned at S-Structure and does not necessarily involve any thematic relation between the assigner and the assignee” can be in favour of our argument here.

The case assignment of such Fulfulde structures can be treated under the same condition with the double object construction in English where the second NP is said to receive inherent Case from the main verb at the D-Structure before the dative alternation [12]. Since the alternative of the same structure with a verb can possibly be accepted by the native speaker, we can propose D-Structures from which this type of sentences are derivable. For instance:

15. Hannde mi wart-i laamdo.

Today I become-PAST king

‘Today I have become a king.’

It can be assumed that the case is assigned inherently by the verb at D-Structure before the elimination of the verb. Since the verb disappears completely from the structure, it seems logical for the adjacent element *mi* ‘I’ which is a pronoun here to inherit the Case assigned by the verb at the D-Structure to its complement *laamdo* ‘a king’ to the right which is a noun, because such a structure, i.e., a non-verbal sentence does not have tensed INFL, therefore, has no Case to receive but assigns the ACC Case inherited from the verb to its complement to fulfil the structural obligations. All being well for the argument, the study assumes that the Case assigned by these elements in such non-verbal sentences is conditioned by the adjacency.

### Directionality of Fulfulde Case Assignment

In Fulfulde Case assignment, ACC case is assigned to the right while the nominative case which is assigned to the external argument by the AGR is assigned to the left [6], and the FM assigns Case to the focused NP to the left, which is called emphatic Case [14].

In the case of focus constructions, Bayere [14] argues that in Yorùbá: “When the object NP is moved to the SPEC of the FP, it is assigned a different case while the trace retains its accusative Case assigned to it originally.” So, the NP that is focused and moved receives an emphatic Case which is assigned by the FM to the NP on the left. So, also in Fulfulde, Verbs and Prepositions assign ACC Case to their complements to the right while AGR assign nominative Case to the subject or its trace to the left, and the focus marker too assigns emphatic Case to the SPEC-FP to the left as well. Let us consider the examples below.

16. [FP  $\epsilon$  [IP Adamu [VP janngin-i be]]]

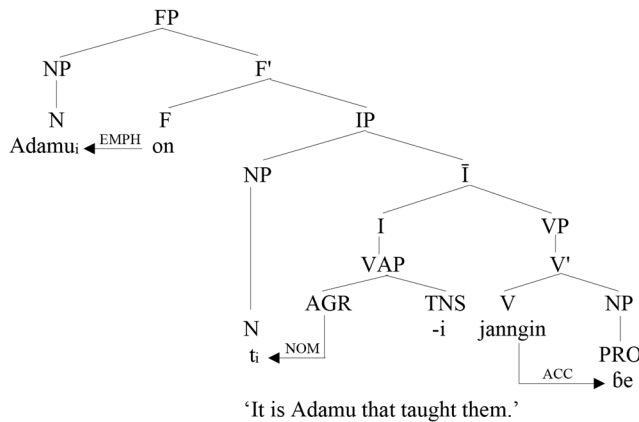
Adamu janngin-i be.  
Adamu teach-PAST them  
'Adamu taught them.'

17. [FP Adamu<sub>i</sub> on [IP t<sub>i</sub> [VP janngin-i be]]].

Adamu<sub>i</sub> on t<sub>i</sub> janngin-i be.  
Adamu FM teach-PAST them  
'It is Adamu that taught them.'

For more clarification, let us illustrate (17) above on a tree diagram. The subject of the sentence *Adamu* which was the SPEC-IP, as the external argument was assigned NOM Case by the AGR. When it was focus and moved to the SPEC-FP, it receives EMPH Case from the focus, while its trace at the SPEC-IP still receives the NOM Case as illustrated in the tree diagram below:

18.



All the arrows in the tree diagrams indicate the directions of the Case assignment. Both accusative and oblique case forms are assigned to the complements of verbs and prepositions respectively to the right, while emphatic and nominative Case forms are assigned to the SPEC-FP and its trace at the SPEC-IP respectively.

### Conclusion

This paper studies aspect of Case assignment in Fulfulde generally by investigating the elements of Fulfulde sentences and their relationship in terms of case assignment and its directionality. Though verbs and prepositions have been known as governors and case assigners, in Fulfulde, there are non-verbal sentences that pose problems to the analysis of such structures. The observation and the analysis carried out proved that apart from the common case assigners: Verbs, Prepositions and Agreement, in Fulfulde, Nouns and Adjectives can also govern and assign structural Case to their complements. The study shows further that Verbs, Prepositions and Nouns assign Case to their complements to the right, while AGR and FM assign Case to the specifiers of IP and FP respectively to the left.



## References

1. David, E.M., Simons, G.F. & Charles. D.F. (eds.) (2020). *Ethnologue: Languages of the world*. Dallas, Texas: SIL International. URL: <https://www.ethnologue.com/language/ful> on 15/01/2021 (accessed: 10.12.2021).
2. Arnott, D.W. (1970). *The Nominal and Verbal Systems of Fula* Oxford: Clarendon.
3. Bello, I.M. (2016). 'A Study of Focus Construction in Fulfulde: The Case of Adamawa Dialect' M.A. Thesis submitted to the Department of Linguistics and Nigerian Languages, University of Ilorin.
4. Cook, V.J. & Newson, M. (2007). *The Chomsky's Universal Grammar*. Malden: Blackwell.
5. Matthews, P.H. (2007). *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
6. Chomsky, N. (1993). *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. (7th ed). Berlin: Mouton de Gruyter.'
7. Sells, P. (1985). *Lectures on Contemporary Syntactic Theories*. Menlo Park: CSLI.
8. Yusuf, O. (1998). *Fundamentals of Syntax and the Study of Nigerian Languages*. Ijebu-Ode: Shebiotimo Publications.
9. Fakuade, G. (2012). *English Grammar for Schools & Colleges*. (7th ed.) Ilorin: Haytee Press and Publishing Company.
10. Blake, B.J. (2001). *Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Mukoshy, I. (1977). Fulfulde Suffix Morphophonemic Changes. Harsunan Najeriya. *A Journal of Centre for the Study of Nigerian Languages, Bayero University, Kano*. VII, 1—22.
12. Sanusi, I.O. (2001). The Syntax of Double Object Constructions in Batonu. PhD Thesis submitted to the Department of Linguistics and Nigerian Languages, University of Ilorin.
13. Riemsdijk, H.V. & William, E. (1986). *Introduction to the Theory of Grammar*. Cambridge: The MIT Press.
14. Bayere, B.E. (2004). Aspects of Focus Construction in Owe: Government-Binding Approach. M.A. Thesis submitted to the Department of Linguistics and Nigerian Languages. Ilorin: University of Ilorin.

### Information about the author:

*Idris Muhammad Bello*, a lecturer and Level Coordinator in the department of Languages and Linguistics, and Assistant Faculty Representative in Senate Committee on course system, University of Maiduguri; has Master degree in Linguistics and is a PhD. candidate in General Linguistics, and he specialises in Fulfulde syntax. *Research interest*: syntax, phonology and morphology; *e-mail*: [idrisbello2014@gmail.com](mailto:idrisbello2014@gmail.com)

### Сведения об авторе:

*Идрис Мухаммад Белло*, PhD (лингвистика), преподаватель кафедры языкознания и лингвистики Университета Майдугури, представитель факультета в Сенатском комитете Университета Майдугури; специализируется на синтаксисе языка фула. *Сфера научных интересов*: синтаксис, фонология и морфология; *e-mail*: [idrisbello2014@gmail.com](mailto:idrisbello2014@gmail.com)

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

---

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

---

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

---